

М. М. ГУХМАН

РАЗВИТИЕ ЗАЛГОВЫХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

ОПЫТ
ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ
РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
84	4 св.	'воскресающего	'воскрешающего
88	11 св.	pareo	pateo
109	1 св.	'идуций'	'пошедший'
148	23 св.	сочетаний uuesan	сочетаний с uuesan
152	17 св.	—	2
157	16 св.	fri	frá
157	16—17 св.	snámmendes	snimmendes
157	6 св.	gójfum	gjofum
203	10 св.	bliva (verða)	(bliva) verða
214	5 св.	*sa	*so
219	6 св.	láta biðja	láta, biðja

М. М. Гухман. Развитие залговых противопоставлений в германских языках.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

ВВЕДЕНИЕ

Понятия «типология», «типологические исследования» становятся все более емкими в последние годы. Поэтому подзаголовок «историко-типологические исследования» требует разъяснений и уточнений. Представляется, что типологические исследования призваны решать две основные, друг с другом связанные, но все же различные задачи: 1) создание общей («универсальной») теории языковых структур, включающей общую фонологию, общую грамматику и общую семасиологию, и 2) создание теории преобразования языковых систем и частных подсистем. Этими задачами определяется и необходимость двух типов исследований — синхронно-типологических и историко-типологических. При современном состоянии разработки данной проблематики историко-типологические исследования сосредоточиваются по преимуществу вокруг преобразования частных подсистем разных уровней, при этом в первую очередь на материале группы родственных языков.

В области грамматики частными системами, или подсистемами, являются парадигмы и парадигматические ряды, представленные двучленными или многочленными оппозициями. Изучение сдвигов в этих оппозициях в родственных языках раскрывает определенные закономерности преобразования, свойственные данной языковой группе. Только сопоставление с результатом подобных исследований в ряде языковых семей позволит перейти к обобщениям более высокого порядка, к установлению вероятностных закономерностей преобразования грамматических подсистем.

* * *

В настоящей работе исследуется преобразование залоговых оппозиций, обусловленное оформлением современной залоговой системы германских языков. Общие закономерности процесса, его типологические особенности раскрываются на основе сопо-

ставления развития данной грамматической категории в отдельных германских языках. Тем самым монография могла бы быть охарактеризована и как историко-сопоставительное исследование.

Границы историко-сопоставительного и историко-типологического исследования крайне неопределенны и расплывчаты, когда это касается рассмотрения развития грамматических категорий или частных грамматических подсистем в группе родственных языков. То или иное направление исследования зависит лишь отчасти от характера привлекаемого материала, но в гораздо большей степени от методики анализа и от поставленных задач. Условно и схематично можно сказать, что применительно к изучению закономерностей развития родственных языков типологическое исследование является как бы дальнейшим обобщением материала, полученного в результате сопоставления истории языков данной группы. Типология в этих условиях выступает как надстройка над сопоставительным анализом.

Нет необходимости доказывать, что всякое типологическое исследование предполагает сопоставление или сравнение, независимо от того, рассматриваются ли родственные или неродственные языки, делается ли упор на статику (синхронию) или динамику процесса (диахронию). В этом отношении сопоставительный анализ является основой как типологического, так и сравнительно-исторического исследования родственных языков. Различие определяется выбором объекта и задач исследования, а следовательно, и отбором материала. Объектом сравнительно-исторического исследования, как известно, являются генетически тождественные единицы; объектом историко-типологического исследования родственных языков являются модели, отбираемые на основе определенных критериев, причем наличие или отсутствие генетического тождества единиц, в которых реализуются эти модели, не играет существенной роли.

Историко-типологическое исследование родственных языков, устанавливая закономерность и типологию процессов в данной языковой группе, выделяет обязательные для рассматриваемых моделей инварианты или постоянные признаки, но может отвлекаться от классификационных задач, которые часто связываются с типологическими исследованиями. Вместе с тем типологическое осмысление изучаемых процессов возможно лишь в результате сопоставления установленных закономерностей с фактами, характеризующими другие языки; этим «иноязычным» материалом могут быть данные более далеких родственных языков или языков других семей. Только «иноязычный» материал позволяет уточнить, имеем ли мы дело с индивидуальной особенностью данной группы языков или с закономерностями более общего характера, с константными признаками определенной языковой семьи или нескольких языковых семей и т. д. Весь этот комплекс проблем

характерен только для типологических исследований, в частности и для историко-типологических исследований родственных языков.

* * *

Характер моделей типологического исследования определяется как спецификой языкового уровня, к которому относится отбираемая модель, так и задачей исследования. Очевидно, что модели тех языковых подсистем, единицы которых могут быть рассмотрены в плане выражения и в плане содержания, предполагают выделение двух типов константных признаков, условно называемых нами структурно-формальными и структурно-смысловыми. По-видимому, типология семасиологических, в широком значении этого слова, процессов в той же степени способна выявить общие языковые закономерности, общие константные признаки в развитии человеческого языка, что и преимущественно формально-структурные характеристики классификационных схем, предложенные в работах Э. Сепира¹ и Дж. Гринберга².

Попытки типологического рассмотрения родственных языков сосредоточивались в основном на фонологическом уровне³, к тому же эти работы не ставили своей задачей исследование типологии процессов преобразования грамматических подсистем, представленных разными грамматическими категориями. Что касается грамматических подсистем, представленных разными грамматическими категориями, то фактически историко-типологических исследований этих лингвистических объектов в последние десятилетия не появлялось, хотя синхронно-типологические исследования, не ограниченные материалом родственных языков, были в свое время представлены рядом работ⁴.

Выбранный в данной работе объект, подсистема залоговых оппозиций, представляет специфический интерес. В системе глагольных категорий не только в германских и, шире, индоевропейских языках, но и за пределами индоевропейских языков — в тюркских и монгольских, в кавказских и тунгусо-маньчжурских языках — категория залога представляет собой наиболее неясную, наиболее дискуссионную проблему. Определение смысловой структуры залоговых оппозиций, выделение залога как грамматической категории, его отграничение на основе фор-

¹ Э. Сепир. Язык. М., 1938.

² Дж. Гринберг. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. «Новое в лингвистике». М., 1963, № 3.

³ Ср., например: A. I s a c e n k o. Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen. «Linguistica Slovaca», I, 1939—1940; E. S t a n k i e w i c z. Towards a phonemic typology of the slavic languages. 'S.-Gravenhage, 1958.

⁴ См., например: L. H j e l m s l e v. La catégorie du cas. København, 1932; И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М., 1945; его же. Глагол. М., 1948.

мальных грамматических показателей от разнотипных лексических группировок, обладающих сходным содержанием, и от именного сказуемого — все эти вопросы являются спорными даже в применении к грамматической системе отдельного языка. Тот факт, что эти вопросы возникают в отношении языков с несходным грамматическим строем (достаточно указать, с одной стороны, на индоевропейские, с другой, на тюркские языки), казалось бы, подчеркивает особую «природу» данной категории.

Материал истории германских языков позволяет проследить пути оформления современной системы залоговых оппозиций страдательный залог || действительный залог на основе преобразования более древних и менее формализованных противопоставлений. Процесс этот в основном протекает в эпоху обособленного развития отдельных германских языков, причем в разных языках в нем принимают участие материально нетождественные единицы; между тем содержание и направление процессов оказывается общим, хотя результаты преобразования, представленные системами современных германских языков, не тождественны. Сопоставление с аналогичными процессами других индоевропейских языков раскрывает более общий характер устанавливаемых преобразований и помогает выделить константные характеристики.

Залог рассматривается в данной работе как категория глагольного словоизменения. Следовательно, во-первых, как категория грамматического, а не лексического уровня и, во-вторых, как категория морфологическая, хотя смысловая структура залоговых оппозиций и реализуется только в пределах определенных синтаксических отрезков.

Поскольку объектом настоящего исследования является грамматическая категория глагола, залоговая модель должна включать различительные признаки двух планов — плана содержания и плана выражения, т. е.: 1) смысловые или функциональные различительные признаки и 2) «внешние» категориальные показатели, специфичные для словоизменительной парадигмы; иными словами, грамматическое значение и грамматическую форму; вне этих двух составляющих элементов нет грамматической категории залога.

Исследованный материал показал, однако, тесную функциональную связь данной словоизменительной оппозиции с разными лексическими группировками и синтаксическими сочетаниями, причем в одних языках некоторые из этих лексических и синтаксических структур постепенно формализуются, приобретают новое качество и включаются в строящуюся систему залоговых противопоставлений, в других языках практически одна и та же единица выступает и в функции именного сказуемого, и как член залоговой оппозиции (ср. английский и французский языки), в третьей группе языков залоговая форма сохраняет живую

связь с соответствующими лексическими группировками (ср. тюркские языки), так что возникает вопрос, можно ли в отношении этих языков признавать существование словоизменительной категории залога. Поэтому с точки зрения плана содержания и норм функционирования в определенных условиях и определенных контекстах эти разные по своей природе единицы попадают как бы в один класс. В этой связи описание и обработка сопоставительного материала предполагают два уровня анализа. На первом уровне единицей измерения является смысловой различительный признак построенной модели залоговой оппозиции; на второй ступени — словоизменительный категориальный показатель. Только в том случае, когда смысловой различительный признак манифестируется в таком способе языкового выражения, который характеризует в том или ином языке узусальное оформление любого парадигматического ряда, можно принять существование в этой языковой системе грамматической категории залога. В противном случае оппозиции, сохраняя свою лексическую (точнее, словообразовательную) или синтаксическую специфику, не достигают той степени обобщенности и формализации, которые характеризуют словоизменительные формы.

В германских языках становление современной системы залоговых оппозиций тесно связано как с лексическими группировками (готские глаголы на *-nan*, возвратные глаголы), так и с разными сочетаниями причастия II + служебные глаголы. Тем самым эти структурные модели были включены в настоящее исследование наряду с такими древними специально залоговыми формами, как медиопассив.

Глава I

СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ И ТИПОЛОГИЯ ЗАЛОГОВЫХ ОППОЗИЦИЙ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1

В современных германских языках залоговая система представлена оппозицией действительный || страдательный залог. Аналогичные отношения наблюдаются в большинстве современных индоевропейских языков. Еще Я. Вакернагель признал господствующее положение этого типа оппозиций в современных индоевропейских языках, отмечая, однако, что для выражения страдательного залога используются разные языковые средства¹.

В плане содержания это противопоставление имеет тот обобщенный, независимый от лексического значения глагольной основы характер, который присущ смысловым различительным признакам грамматических оппозиций. Смысловая структура этой оппозиции в языковой системе² характеризуется противопоставлением направления процесса: центробежность || центростремительность³; эти различительные признаки являются оп-

¹ J. Wackernagel. Vorlesungen über die Syntax, Bd I. Basel, 1920, стр. 119—120.

² Коммуникативное задание, которое может быть реализовано при помощи определенной залоговой формы в процессе речи, является производным от смысловой структуры самих оппозиций.

³ Рассмотрение направления процесса в качестве различительного признака залога не является новым, ср.: S. Karcevskij. Système du verbe russe. Prague, 1927; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, ч. 2. Братислава, 1960, стр. 355; еще раньше: L. Sütterlin. Die deutsche Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1910, стр. 233, а также: Н. Глинз. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik. 2. Aufl. Bern, 1961, стр. 359—360. У немецких авторов направленность действия связывается с обратимостью «оборотов с действительным и страдательным залогами» (критику «теории обратимости» см. дальше). Построение залоговой оппозиции, предлагаемое в данной работе, иное, чем в работе А. В. Исаченко (см. указ. соч., ч. 2, стр. 355).

ределяющими для смысловой структуры оппозиции действительный залог || страдательный залог. Более древний тип залоговой оппозиции в индоевропейских языках (актив || медиум) характеризовался противопоставлением центробежности || нецентробежности, причем в этих условиях центростремительность выступала лишь в качестве позиционного варианта нецентробежности (об этом подробнее дальше). В современных языках (как, впрочем, и в древних индоевропейских) смысловая структура залоговых оппозиций характеризуется также противопоставлением по типу связи между подлежащим и процессом, обозначенным глагольной формой, точнее, между признаком, обозначенным сказуемым, и носителем признака — подлежащим (грамматическим субъектом): при центробежном процессе носитель признака является источником процесса, его производителем (о принятой здесь терминологии см. стр. 10), при центростремительном процессе носитель признака инактивен в широком смысле этого слова, включая не только инактивность, но и аффицированность. Ср. нем. Ich habe diesen Brief noch gestern geschrieben || Der Brief wurde (von mir) noch gestern geschrieben. Отсутствие косвенного или предложного дополнения в функции производителя процесса не снимает оппозиции: ср. нем. Man hat dieses Gebäude noch im vorigen Jahr errichtet || Dieses Gebäude ist noch im vorigen Jahr errichtet worden, русск. это здание построили в прошлом году || это здание построено еще в прошлом году.

В приведенных выше формулировках термин «процесс» употреблен в широком значении этого слова. Под это понятие подводится не только обозначение действия (нем. schlagen, arbeiten), но и обозначение состояния (нем. lieben, hassen, англ. to hear, to see и т. д.); однако обращает на себя внимание тот факт, что во всех языках имеются переходные глаголы состояния типа русского *иметь* (ср. в немецком, например, кроме haben, еще wissen, bekommen, erhalten, erfahren и т. д.), от которых формы страдательного залога не образуются и которые, следовательно, не участвуют в указанных оппозициях. По-видимому, это объясняется лексическим характером глагола, обусловившим нейтрализацию противопоставления как по линии направленности процесса, так и по типу связей между подлежащим и сказуемым. Приведенные выше примеры ясно показывают совпадение обоих рядов различительных признаков: формы, выражающие центростремительность процесса, одновременно характеризуют соотношение грамматического субъекта и этого процесса, в данном случае аффицированность субъекта-подлежащего.

Термин «субъект» в данной работе употребляется только в грамматическом значении: в речевых отрезках типа *это здание построено в прошлом году* грамматический субъект совпадает с подлежащим, являющимся в то же время носителем признака, обозначенного сказуемым; в речевом отрезке *работчие построили*

это здание в прошлом году, рабочие — грамматический субъект, подлежащее и производитель признака, обозначенного сказуемым; наконец, в речевом отрезке *мы осмотрели здание, построенное в прошлом году*, грамматический субъект причастия совпадает только с носителем признака — *здание*, но не с подлежащим и т. д. Иными словами, термины «грамматический субъект», «носитель признака», «производитель признака» могут совпадать по объему (они шире подлежащего), но они передают разную форму осмысления связей: первый термин характеризует общий тип связи, в отвлечении от какого-либо реального содержания этих связей, оба других термина служат для выделения двух подвидов этого основного типа связи в зависимости от соотношения грамматического субъекта и предикцируемого ему признака.

В лингвистической литературе в связи с анализом смысловой структуры залоговых оппозиций стойко держится так называемая «теория обратимости», касающаяся конструкций с действительным залогом. Теория эта неоднократно подвергалась критике, в частности и в работах автора данного исследования⁴. Не останавливаясь детально на рассмотрении этой теории, хотя она поразительно устойчива и сохраняется во многих современных работах, отметим лишь два момента, свидетельствующие о ее несостоятельности. Как показывает материал самых разнообразных языков, в частности и материал языков индоевропейских, страдательный залог в преобладающем большинстве случаев употребляется в предложениях типа *этот дом был построен в прошлом году*. В ряде работ были даны подсчеты, иллюстрирующие данное положение. Следовательно, тот тип предложений, на котором обычно строилась теория обратимости (*der Lehrer fragt den Schühler || der Schühler wird von dem Lehrer gefragt*), является менее продуктивным случаем использования страдательного залога, хотя именно возможность образования подобных структур свидетельствует о полной оформленности данного залога. Более существенно, однако, то ошибочное применение терминов и понятий, которое характерно для сторонников этой теории: ср., например, известное положение о том, что в предложении со страдательным залогом логический субъект становится логическим объектом (?) и, наоборот, логический объект (?) становится логическим субъектом и т. д. Между тем само понятие «логический объект» противоречит принятой в формальной логике теории суждений: то, что в лингвистической литературе понимается под логическим объектом, является фактически предметом, на кото-

⁴ См.: М. М. Г у х м а н. Страдательный залог индоевропейских языков и проблема залоговой дифференциации. «Труды Военного института иностранных языков», № 1. М., 1945, стр. 20—24 (в некотором отношении работа устарела, однако критика «теории обратимости» дана в ней правильно); см. также: А. В. И с а ч е н к о. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, ч. 2, стр. 369 и след.

рый направлен процесс, или, точнее, реальным объектом. В свою очередь и интерпретация термина «логический субъект» в исследованиях о залогах не адекватна содержанию этого термина в теории суждения: обычно сторонники теории обратимости под термином «логический субъект» понимают реального производителя признака⁵.

Возвращаясь к смысловым различительным признакам залоговых оппозиций, необходимо отметить известную близость страдательного залога к именному сказуемому. Эта близость определяется не только тем, что в английском, французском, русском и многих других языках состав именного сказуемого и залоговой формы тождествен (подробнее см. дальше), но и известной близостью смысловых различительных признаков. Как именное сказуемое, так и страдательный залог не обозначают центробежный процесс и признак активного субъекта, следовательно, по характеру процесса, по типу связи признака и его носителя обе структуры противоплагаются формам действительного залога, характеризующим центробежный процесс и активного производителя признака. Быть может, не случайно определенная группа глаголов состояния во всех индоевропейских языках исключается из данной оппозиции (см. стр. 9), поскольку при них и не мыслится активный производитель признака. Однако именное сказуемое обозначает признак как нечто данное, тогда как страдательный залог характеризует этот признак как нечто привнесенное извне, возникшее или возникающее. В именном сказуемом всегда преобладает статичность, страдательный залог всегда в большей или меньшей степени процессуален. Процессуальность, привнесенность извне не предполагают обязательного указания на внешний фактор в форме наименования деятеля в том же речевом отрезке, процессуальность подчеркивается разными типами уточнителей (орудия действия, обстоятельственные слова и т. д.). При именном сказуемом носитель признака инактивен, при страдательном залого инактивность переходит в аффицированность. В плане выражения эти различия характеризуются категориальными показателями. Вопрос о том, какие языковые средства могут выступать в качестве категориальных показателей залога и каковы критерии, отграничивающие показатели синтаксические, словоизменительные и словообразовательные, рассматривается в следующих разделах данной главы.

Следует, однако, сразу оговорить, что указанные выше характеристики смысловой и формальной структуры залоговых оппозиций присущи разным германским языкам не в одинаковой

⁵ Помимо указанных выше работ, ср. также: Э. В. С е в о р т я н. Аффиксы глагольного образования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 450—453, где дается развернутая критика употребления этих терминов в тюркологической литературе.

степени. Еще более значительны расхождения между языками, связанными более далеким родством, например между немецким и русским языками. Поэтому можно построить своего рода шкалу в отношении степени обобщенности и формализации залоговых оппозиций в разных индоевропейских языках, что частично обусловлено более или менее полной изоляцией парадигмы страдательного залога в том или ином языке от форм именного сказуемого или от лексических группировок типа русских глаголов на *-ся* (подробнее см. дальше).

Весьма существенно при этом, что, поскольку залог является грамматической категорией глагола, а грамматическая категория, как это справедливо отмечалось рядом авторов, представляет собой противопоставление двух «взаимоисключающих друг друга по значению рядов (или групп) форм»⁶, не может быть однозначных глаголов. Будучи формой глагольного словоизменения, залог в современных индоевропейских языках является компонентом парадигмы переходного глагола. Возможность использования одной и той же формы как выражения страдательного залога у переходных глаголов и как средства выражения безличности у глаголов непереходных (ср., например, в нем.: *der Brief wird geschrieben* и *es wird getanzt, gelacht, gesungen*) отнюдь не означает, что непереходные глаголы имеют тоже страдательный залог. Конструкция с *werden* используется здесь для противопоставления личного и безличного осмысления процесса, т. е. выступает как член другой грамматической оппозиции, и, следовательно, является омонимом страдательного залога. Вопрос о генетическом соотношении форм страдательного залога с безличными и неопределенно-личными конструкциями, весьма существенный для исследования генезиса пассивных форм (см. гл. VI), не определяет места конструкций типа *es wird gelacht* в синхронно взятой системе того или иного языка.

Однако существует точка зрения, что категория залога характеризует все глаголы, независимо от их переходности и непереходности. При этом к данной точке зрения присоединяются многие авторы, по-разному понимавшие природу залога.

Наиболее распространена эта концепция в грамматических работах по русскому языку, в которых весьма часто в качестве ядра залоговых оппозиций рассматривается лексико-грамматическое противопоставление переходности и непереходности⁷.

⁶ Д. А. Штеллинг. О неоднородности грамматических категорий. — ВЯ, 1959, № 1, стр. 56. К этому же определению присоединяется и А. В. Исаченко («О грамматическом значении». — ВЯ, 1961, № 1, стр. 30).

⁷ Ср., например: В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Казань, 1935, стр. 162 и след.; еще более последовательно: А. Б. Шапиро. О залогах в современном русском языке. «Ученые записки Московского городского педагогического института», т. V, вып. I. М., 1941, стр. 22—61.

Тем самым носителями залоговых оппозиций могли оказаться не противопоставленные формы одной глагольной лексемы, а две глагольные лексемы, не объединенные даже общей основой⁸. Небезынтересно отметить, что и Ф. Ф. Фортунатов, рассматривавший залоговые формы, производные от одной основы⁹, сводил залоговые оппозиции к противопоставлению форм на *-ся* и без *-ся*, а тем самым к оппозиции переходности || непереходности¹⁰. Оставляя пока в стороне вопрос о том, в какой степени однокорневые глаголы на *-ся* и без *-ся* могут рассматриваться как формы одного глагола, а не как две лексические единицы (об этом см. дальше), отметим лишь, что вне соотносительности и противопоставленности однокорневых глаголов для Фортунатова не существовало и категории залога. Этот принцип, к сожалению, не сохраняется в той концепции русского залога, которую разработал А. В. Исаченко¹¹. Спешим оговориться: основные положения, предложенные А. В. Исаченко, полностью разделяются автором данной работы; это относится не только к трактовке русских причастий в качестве основного ядра залоговых оппозиций, но и к определению по преимуществу лексической природы группировки глаголов на *-ся*¹². Возражения вызывает та часть концепции А. В. Исаченко, которая связана с утверждением, что категория залога, подобно категории вида, присуща всем глаголам¹³. Поскольку в русском языке структура оппозиции действительный || страдательный залог рассматривается А. В. Исаченко как противопоставление немаркированного члена (актив) маркированному члену (пассив), причем признак сильного члена — направленность на субъект, признак слабого члена — отсутствие этой направленности, постольку все непереходные глаголы определяются как немаркированные. Однако фактически ни один непереходный глагол не является участником залоговых оппозиций, за исключением тех глаголов на *-ся*, которые используются

⁸ См.: В. А. Богородицкий. Указ. соч., стр. 162, 163; отчасти также: А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 47, 53.

⁹ Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола. «Известия Отделения русского языка и словесности АН», т. IV, 1903.

¹⁰ Ср. следующие формулировки Ф. Ф. Фортунатова: «Общее значение формы на *-ся*, образуемой от переходных глаголов, состоит в том, что она изменяет значение переходного признака ... в значение признака непереходного» (указ. соч., стр. 102); «... форма на *-ся* от переходных глаголов ... может быть определяема как форма непереходного залога» (там же, стр. 105).

¹¹ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, ч. 2, стр. 345—580, 382—402.

¹² Ср.: М. М. Гухман. Процесс грамматизации некоторых лексических группировок в индоевропейских языках. «Вопросы грамматики». Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960, стр. 287—289; е е же. Грамматическая категория и грамматическое понятие. «Ученые труды Военного института иностранных языков», т. III, 1947.

¹³ См.: А. В. Исаченко. Указ. соч., ч. 2, стр. 13, 14, 356.

в функции страдательного залога в противопоставлении однокорневым переходным глаголам, но тогда они оказываются «сильным маркированным членом»: ср. *дом еще не готов, его строят* || *дом еще строится*. Совершенно очевидно, что вне соотносительности двух единиц нет вообще оппозиции, но оппозиции, образующие грамматические парадигмы, специально строятся на соотносительности двух словоформ одной лексической единицы, а не на соотносительности двух категорий, существующих в разных лексических рядах. Практически включение непреходящих глаголов в бинарную залоговую оппозицию противоречит основным положениям А. В. Исаченко, поскольку он рассматривает залог как форму словоизменения глагола, а не как различительный признак глагольной лексемы, противопоставление же переходности непреходящих глаголов справедливо исключает из залоговых оппозиций. Вряд ли снимает эти противоречия и рассмотрение всех непреходящих глаголов с невыраженной непреходящностью как категории *Activa tantum*.

2

Для задач типологического исследования морфологических категорий особое значение имеют критерии выделения категориальных показателей. Моделирование залоговой системы в значительной степени зависит от этих критериев. Выше отмечалось, что залоговая система рассматривается в данной работе как одна из глагольных парадигм, а залоговая единица — как форма глагольного словоизменения. Тем самым залоговая оппозиция отнесена к морфологическому уровню. Следовательно, залоговые глаголы должны обладать такими категориальными показателями, которые свойственны данному уровню, а смысловая оппозиция — относительной независимостью от индивидуального лексического значения отдельного глагола и от конкретного контекстуального окружения. Наличие инварианта плана содержания обусловлено категориальным характером внешних показателей.

Какие же внешние показатели могут выступать в качестве категориальных показателей залога? Наиболее ясный и простой случай представляют, казалось бы, собственно словоизменительные форматы типа шведского, норвежского, датского *-s*. Тот факт, что генетически этот форматив восходит к самостоятельному местоимению, не имеет значения для закономерностей его функционирования. Противопоставление форма на *-s* || форма без *-s* характеризуется определенной обобщенностью различительных признаков, позволяющей говорить о существовании инварианта в плане содержания: ср. шведск. *öppna* 'открывать', 'отпирать', например *öppna ett brev* 'открыть письмо' || *biblioteket öppnas kl. 10* 'библиотека открывается в десять часов', *bygga ett hus* 'строить дом' || *huset bygges* 'дом строится', *läsa*

ett brev 'читать письмо' || *boken läses* 'книга читается' и т. д. Во всех скандинавских языках противопоставление форма на *-s* || форма без *-s* служит для выражения противопоставления процесса центростремительного процессу центробежному. Однако не во всех скандинавских языках, как известно, формы на *-s* одинаково широко используются как средство выражения центростремительности процесса. В норвежском разговорном языке сфера употребления этих форм относительно ограничена¹⁴. Значительно более существенным моментом в характеристике этих форм является их большее или меньшее участие в противопоставлениях иной смысловой структуры. В том же шведском языке противопоставление глагольной основы + *-s* однокорневой основе без *-s* выступает также как средство выражения лексико-грамматических различительных признаков: ср. *bitas* 'кусаться' || *bita* 'кусать', *finnas* 'находиться' || *finna* 'находить', *hållas* 'бывать, удерживаться' || *hålla* 'держаться', *snållas* (efter ngt) 'быть жадным' || *snålla* (på ngt) 'скаредничать', *förgås* 'гибнуть' || *förgå* 'проходить' и т. д. В ряде случаев противопоставление основы + *-s* || основа без *-s* не несет никакой информации: ср. *frågas* || *fråga* 'жениться', *kivas* || *kiva* 'браниться', *möglas* || *mögla* 'плесневеть', *röstas* || *rösta* 'ржаветь'¹⁵. Наконец, имеется группа глагольных основ, всегда сочетающихся с формативом *-s*: *dvaljas* 'пребывать', *minnas* 'помнить', *åldras* 'стареть', *blygas* 'стыдиться', *hoppas* 'надеяться', *nalkas* 'приближаться' и т. д. Наиболее постоянным признаком основ + форматив *-s*, не участвующих в залоговых оппозициях, является нецентробежность процесса (включая взаимность и возвратность); частично их конкурентами, даже при одной и той же глагольной основе, являются конструкции с возвратным местоимением: ср. шведск. *yvas* ~ *yva sig* 'чваниться', *samlas* ~ *samlas sig* 'собираться', *latas* ~ *lata sig* 'лениться'. Однако соотношение глагольных основ на *-s* и глагольных основ без *-s* вне залоговой оппозиции включает нередко чисто лексические расхождения, ср., например, приведенные выше *förgå* 'проходить' || *förgås* 'гибнуть' и т. д. Сходные закономерности наблюдаются и в других скандинавских языках. Общим для этих языков в характере форм на *-s* является их участие в двух типах противопоставлений: в залоговой оппозиции и в противопоставлениях лексико-грамматических. Отличается, однако, соотношение этих двух функций рассматриваемых форм, причем соотношение даже чисто количественное определяет возможность или невозможность выделения смыслового инварианта, сохраняющего в преобладающем большинстве случаев свою значимость.

¹⁴ См.: М. И. Стеблин-Каменский. Грамматика норвежского языка. М.—Л., 1957, стр. 122—123.

¹⁵ См.: С. С. Маслова-Лашанская. Шведский язык., Л., 1953.

В шведском языке инвариантом оказывается залоговая функция, несмотря на существование отмеченной выше лексической группировки глаголов на *-s* и на наличие глагольных лексем, которые встречаются только с *-s*. Иное положение наблюдается в современном исландском. Здесь противопоставление глагольная основа на *-st* || глагольная основа без *-st* сохраняет в значительной степени те черты, которые характеризовали это противопоставление в древнеисландском языке (см. гл. V). Типологически же положение рассматриваемых форм в системе языка очень близко закономерностям функционирования глаголов на *-ся* в русском языке. Участие форм на *-st* в оппозиции действительный залог || страдательный залог — лишь одна из функций этих форм в исландском, причем не они, а сочетания глагола «быть» + причастие II составляют ядро залоговой оппозиции. Не случайно некоторые языковеды выделяют, кроме страдательного залога (сочетания «быть» + причастие), еще специальный средний залог (форма на *-st*) и рассматривают пассивное употребление этой формы как одно из частных значений среднего залога¹⁶. Однако пестрота соотношения форм на *-st* и форм без *-st*, зависимость содержания этого противопоставления от лексического значения глагольной основы и от контекста не позволяют рассматривать данную систему как залоговую, хотя, несомненно, смысловой доминантой в данном противопоставлении является оппозиция центробежный || нецентробежный процесс, включая возвратность и взаимность: ср. *kvelja en* 'кого-либо мучить' || *kveljast* 'страдать', *mata* 'кормить' || *matast* 'есть', *týna* 'терять' || *týnast* 'гибнуть' (но и 'быть потерянным'), *leggja* 'класть' || *leggjast* 'ложиться', *klæða* 'одевать' || *klæðast* 'одеваться', *finna* 'находить' || *finnast* 'находить друг друга' (но и 'иметься' и 'быть найденным'), *hitta* 'встречать' || *hittast* 'встречать друг друга' и т. д. Однако имеются и совершенно иные соотношения: *fara* 'идти' || *farast á mis* 'пройти мимо друг друга', а также 'гибнуть', *segja* 'говорить' || *segjast* 'сказать о себе', *kveða* 'говорить' || *kveðast* 'сказать о себе...', *skjóta* 'стрелять' || *skjótast* 'бежать', *komast* 'приходить' || *komast* 'получить', *lata* 'ставить' || *lástast* 'умирать', 'притворяться', *taka* 'брать' || *takast af* 'прекращаться', *vonast* 'надеяться' || *vonast eftir* 'надеяться на что-либо'. Последняя группа примеров отнюдь не укладывается в какую-либо однозначную схему; ср. также: *heyrast* 'слышать' || *mér heyrir e-ð* 'мне кажется, что я что-то слышу', *lita* 'смотреть', 'видеть' || *mér líst vel á e-ð* 'мне нравится' и т. д. В ряде случаев одна и та же форма на *-st* в разных контекстах выступает с разным значением: ср. *sjást* 'быть видимым', 'видеть друг друга' || *sjá* 'смотреть', 'видеть', *spyrjast* 'быть слышимым', но *spyrjast til vegar* 'спрашивать...' ||

spyrja 'спрашивать', 'узнавать', *finnast* 'быть найденным', 'казаться', 'находить друг друга' || *finna* 'находить', *týnast* 'гибнуть', 'быть потерянным' и т. д.

Поведение форм на *-st* в сочетании с разными глагольными основами, в разном контекстуальном окружении характеризуется признаками, не свойственными закономерностям функционирования словоизменительных форм, так как лишено необходимой обобщенности. Следовательно, их положение в системе современного исландского языка иное, чем, например, в шведском. В шведском эти формы — полноправные члены залоговой оппозиции, в исландском они представляют собой особую лексическую группировку, лишь вовлекаемую в определенных случаях в залоговые оппозиции (см. стр. 24).

Однако закономерности функционирования в скандинавских языках форм на *-s* как членов залоговой оппозиции получают уточнение лишь в соотношении с аналитическими формами страдательного залога. И здесь положение в разных скандинавских языках отнюдь не тождественно.

3

Аналитические формы являются тем средством выражения центростремительности процесса, которое имеет наибольшее распространение во всех индоевропейских языках, являясь в одних языках единственным средством выражения залоговых оппозиций (немецкий, английский, голландский, французский), в других сочетаясь с флективными формами (шведский) или со словообразовательными группировками (русский, исландский). Однако вопрос о том, могут ли так называемые аналитические формы выступать как члены морфологических оппозиций, является сам по себе дискуссионным.

При определении специфики так называемых аналитических форм страдательного залога и выяснении их статуса в языковой системе (относятся ли они к морфологии или к синтаксису) следует различать: а) аналитические формы, по своему составу совпадающие с синтаксическим отрезком связка + причастие, и б) аналитические формы, по своему составу обособившиеся от такого отрезка. Нетождественность состава аналитической формы и сопоставляемого синтаксического отрезка именного сказуемого может реализовываться в несовпадении вспомогательного глагола и глагола-связки: так, например, в немецком и голландском языках центростремительность процесса выражается специальным сочетанием глагола «становиться» + причастие II, тогда как в именном сказуемом причастие II сочетается только со связкой «быть». Нетождественность состава может проявляться и в особом оформлении второго компонента сочетания: так, например, в шведском языке в сочетании с глаголом *hava* в пас-

¹⁶ St. Einarsson. Icelandic grammar. Texts. Glossary. Baltimore, 1945.

сивной форме употребляется супин в отличие от именного сказуемого, для которого характерно употребление причастия II.

Немаловажную роль играет также наличие или отсутствие в языке простых флексивных форм выражения того же категориального значения, с которыми аналитические конструкции образуют единый парадигматический ряд.

Некоторые языковеды не делают этих различий, рассматривая любые сочетания служебного глагола с причастием или инфинитивом как единицу синтаксического, но не морфологического уровня, при этом сочетание служебного или частичного слова отождествляется с сочетанием двух полнозначных слов. Такова, например, была точка зрения Л. Блумфилда и некоторых представителей дескриптивной лингвистики. Поэтому Трейгер и Блок не включили залог в систему форм английского глагола. Наоборот, А. В. де Грот, хотя и не вполне последовательно, выделял эти сочетания и фактически рассматривал их как морфологизованные единства¹⁷. Автор данной монографии попытался в ряде работ¹⁸ наметить те признаки, которые позволяют выделить аналитическую форму глагола, выступающую как элемент парадигматического ряда. Аналитические формы глагола отграничивались в этой связи не только от сочетаний двух полнозначных глаголов, например, немецкого *ich beginne zu arbeiten*, но и от такого сочетания со служебным словом, как именное сказуемое. В качестве основных критериев были выдвинуты следующие моменты: 1) особая взаимосцепленность компонентов, создающая их реальную неразложимость, при наличии потенциальной выделимости каждого элемента как особой словарной единицы; 2) идиоматичность (обусловленная тем, что значение сочетания не равно сумме значений его компонентов) как основа этой неразложимости; 3) охват преобладающего большинства переходных глаголов; 4) наличие смыслового инварианта, т. е. обобщенность значения; 5) включенность в систему соотносительных форм глагола (подробнее см. указанные в прим. 18 работы). Именно эти признаки выводят данные сочетания из сферы синтаксиса и обуславливают их включение в морфологию на правах особого типа словоизменительных форм. Синхронно эти признаки очень четко отличают внутреннюю структуру немецкого сочетания *der Brief wird geschrieben* от внутренней структуры сочетания *das Wasser wird warm*, т. е. аналитическую форму от именного сказуемого, а тем

более от сочетания двух полнозначных глаголов. Дистрибуция этих форм не вызывает никакого сомнения, она определяется тем, что в любой позиции *werden*+причастие II переходного глагола означают центростремительный процесс, но не качество, свойство носителя признака; отсутствие наименования деятеля (*das Haus wird gebaut, der Brief wird geschrieben*) и т. д. не влияет на смысловую структуру данной формы, так же как и временная соотношенность, ср. *das Haus ist (war) gebaut worden*. Данный тип сочетания и реализуемая с его участием залоговая оппозиция обладают почти идеальной для словоизменительной формы обобщенностью, однозначностью и регулярностью, хотя от некоторых переходных глаголов и нельзя образовать этой формы (ср. *haben, wissen, besitzen, bekommen, erfahren* и т. д.)

Однако сама система признаков, которая была принята для определения отличительных черт аналитических форм в немецком языке, полностью и в неизменном виде сохраняет свою значимость только для голландского языка. В других германских языках степень морфологизации разных словосочетаний, в большей или меньшей степени связанных с залоговыми оппозициями, зависит от целого комплекса дополнительных фактов. Как известно, аналитические формы страдательного залога исторически во всех индоевропейских языках развивались из синтаксических сочетаний (в применении к германским языкам см. гл. IV). Возникновение в именном сказуемом тех новых черт, которые ведут к его качественному преобразованию в аналитическую форму, происходит в разных языках не тождественно, в зависимости от всей системы данного языка.

Крайнюю противоположность положению аналитической формы страдательного залога в немецком и голландском языках представляет статус этого залога в английском языке, где отсутствуют формальные показатели, позволяющие отграничить собственно-страдательный залог, т. е. морфологизованное словосочетание, от именного сказуемого. Эта трудность обусловлена прежде всего тождеством состава обеих форм. Вместе с тем и лексическая природа глагола «быть», выступающего в именном сказуемом в функции связки, а в аналитической форме в функции вспомогательного глагола, такова, что образованные при участии этого глагола сочетания не подвергаются столь интенсивным процессам переосмысления, как сочетания с глаголом «иметь» или «становиться»; иными словами, признак идиоматичности не может здесь выдвигаться на первый план. Характер связи обоих компонентов остается практически во всех случаях одинаковым; ср. известный пример из синтаксиса Керма: *The door was shut at six when I went by, but I don't know when it was shut*¹⁹ 'в шесть,

¹⁷ Ср.: A. W. de Groot. *Structurele syntaxis*. den Haag, 1949, стр. 140, особенно: его же. *Structural linguistics and word classes*. «Lingua», vol. I, 1948, стр. 48.

¹⁸ М. М. Гухман. Аналитические глагольные конструкции как особый тип частичного и полного слова. — Сб. «Вопросы грамматического строя». М., 1954; М. М. Гухманн. *Über die verbalen analytischen Formen im modernen Deutsch*. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd 82, Sonderband. Halle, 1961, стр. 415—427.

¹⁹ G. Curme. *Syntax*. Boston, 1931, стр. 445.

когда я прошел мимо, дверь была закрыта, но я не знаю, когда она закрылась'; в немецком в этом случае имелось бы следующее различие: *die Tür war geschlossen, als ich um sechs Uhr vorbeiging, aber ich weiß nicht, wann sie geschlossen worden war.*

Наличие в немецком специальной аналитической формы пассива с *werden* позволяет достаточно легко дифференцировать употребление причастия II в именном сказуемом и в специальной пассивной форме, а различия в поведении *werden* в сочетании с причастием в аналитической форме и в сочетании с прилагательным (*wird kalt, warm*) или существительным в именном сказуемом позволяют четко отграничить структурные различия именного сказуемого от аналитической формы: в именном сказуемом формы глагола *werden* сохраняют полностью свое лексическое и грамматическое значение и содержание словосочетания равняется сумме значений обоих компонентов, в аналитической форме оба компонента фактически подвергаются преобразованию, в связи с чем смысловые различительные признаки аналитической формы не равны сумме различительных признаков ее компонентов²⁰.

Эти внутренние структурные признаки не прослеживаются при сопоставлении приведенных выше английских сочетаний, и вопрос о разграничении именного сказуемого и аналитической формы пассива, а в приведенном выше примере между первым и вторым случаями употребления *was shut* должен решаться иначе. Обычно обращают внимание на следующие особенности: 1) в именном сказуемом некоторый признак, обозначаемый причастием, приписывается грамматическому субъекту-подлежащему, причем признак этот статичен и чисто квалификативен: *was shut* без сопроводителей по своему строению равно *is open*, хотя *shut* — причастие, а *open* — прилагательное; 2) внесение процессуальности путем разного типа уточнителей (обстоятельство времени, наименование деятеля) означает возможность вывода данного сочетания из сферы именного сказуемого²¹; 3) соотносительность с активными синтетическими формами закрепляет это особое качество. Таким образом, в английском, а также русском, французском, балтийских языках следует принять омонимии именного сказуемого и аналитических форм на основе их дистрибуции в разных контекстах. Возможность такого двойного использования заложена в смысловой структуре так называемого пассивного причастия, играющего определяющую роль в образовании аналитических форм страдательного залога во всех индоевропейских языках (специально о смысловой структуре причастия II см.

гл. IV, 2)²². Иными словами, внесение процессуальности при помощи внешних уточнителей ведет к изменению внутренней структуры сочетания, к подавлению основного лексического значения форм глагола «быть», которые во всех языках призваны обозначать «чистое состояние» и «чистую данность»; в отношении же причастия это ведет к усилению того элемента процессуальности, который в большей или меньшей степени присущ причастию II во всех германских языках (о соотношении данности и процессуальности в смысловой структуре причастия II см. гл. IV). Следовательно, и здесь обособление аналитической конструкции от именного сказуемого связано с преобразованием внутренней структуры сочетания, хотя формы и условия этого преобразования иные, чем в немецком языке. Но различие в условиях и формах этого преобразования отражает и различие в природе самих единиц.

В немецком сочетание *werden* + причастие II переходного глагола во всех контекстах (кроме безличных предложений), независимо от лексического и грамматического окружения, всегда: а) характеризуется одним и тем же обобщенным значением, выступая как член залоговой оппозиции; б) сохраняет признаки, типичные для морфологизированного сочетания, т. е. для аналитической формы. В английском все определяет контекст, следовательно, в этом языке дифференциация значений именного сказуемого и страдательного залога (вернее, оборота) реализуется только на синтаксическом уровне. На уровне морфологического анализа залоговая оппозиция формально реализуется лишь в противопоставлении причастных форм. Сходное положение наблюдается в русском и французском языках, где, так же как в английском, отграничение страдательного оборота от именного сказуемого достигается только в речевой цепи. Включение в этих языках сочетания форм глагола «быть» + причастие в залоговую парадигму является результатом обобщения закономерностей их функционирования и соответствует в определенных условиях их положению в системе. Отсутствие в самой модели этих сочетаний структурных признаков, позволяющих их отграничить от омонимичных форм именного сказуемого, является их качественным отличием от морфологизованных единств, представленных в залоговых формах немецкого и голландского языков.

В этой связи следует уточнить вопрос о наличии якобы третьего залога (статива) в немецком языке. Речь идет о сочетаниях типа *die Wand ist (war) weiß gestrichen, das Geld ist versteckt, das Opfer war gebracht* и т. д. Трактовка этого сочетания у разных

²⁰ Подробнее см.: М. М. Г у с м а н н. Über die verbalen analytischen Formen im modernen Deutsch, стр. 418—425.

²¹ См.: А. И. С м и р н и ц к и й. Морфология английского языка. М., 1958, стр. 87—88.

²² А. В. И с а ч е н к о («Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким», ч. 2, стр. 368) указывает, что возможность выражения процессуальности события свидетельствует о том, что сочетания *был, будет построен* являются не «присвязочными формами причастий, а настоящими парадигматическими формами пассива».

языковедов не тождественна. В пользу выделения третьего залога высказывался ряд германистов, в том числе Ф. Блатц²³, Г. Керм²⁴, К. Боост²⁵. Между тем в немецком языке данное сочетание никогда не употребляется в той позиции, в какой аналогичные конструкции выступают в английском, французском и других языках, где нет специального типа сочетаний для выражения оппозиции центростремительность || центробежность процесса. В немецком сочетание форм глагола «быть» и причастия II по преимуществу стативно и не обозначает процесс, чем и обусловлено само название «статив», «статальный пассив». Данное сочетание практически не терпит при себе уточнителей в виде обстоятельства времени и предложного объекта с функцией наименования деятеля. При сопоставлении сочетаний с *werden* и *sein*+причастие II от одного и того же глагола соотношение залоговой формы и именного сказуемого выступает особенно ясно: так, например, в предложении *Er war auf einige Wochen eingesperrt worden* (A. Seghers, *Das siebte Kreuz*) нельзя при наличии указания на процесс, соотносить с определенным временным отрезком, заменить *eingesperrt worden* сочетанием *war eingesperrt*²⁶. Как показало специальное исследование Е. А. Коленко²⁷, сочетание с формами глагола *sein* продуктивно только для причастия II от предельных и нейтральных глаголов, причем собранный автором материал обнаружил огромное преобладание (75%) конструкций со значением состояния и данности признака грамматического субъекта. Иными словами, вся эта группа сохраняет те признаки, которые характерны для именного сказуемого. Выделяются вместе с тем случаи (25%), когда эта конструкция имеет значение совершенного действия при пассивном подлежащем: ср. *die Subskriptions-einladung war veröffentlicht, die Stunde des Essens ist versäumt* и т. д. В этих случаях данное сочетание синонимично формам перфекта и плюсквамперфекта пассива с *werden*; более того, с указанным значением встречается только *ist*+причастие, *war*+причастие, т. е. как раз формы, соотношенные с перфектом и плюсквамперфектом пассива с *werden*. Не случайно многие языковеды предполагали даже, что здесь произошло выпадение *worden* — *ist veröffentlicht (worden)*. Возвращаясь к вопросу о том, следует ли в немецком выделять третий залог, необходимо со всей определенностью признать: ни дистрибуция этих форм, ни их внутренняя структура не дают основания для их отграничения от именного сказуемого, кроме тех случаев, когда они оказываются синонимич-

ными формам пассива с *werden*. Так называемое особое значение статива=значению именного сказуемого с предикативом-причастием.

Уточнение понятия «аналитическая форма» требует особого рассмотрения тех многообразных сочетаний, которые обычно связываются со страдательным залогом в скандинавских языках.

Наиболее ясный случай представляют сочетания форм глагола «иметь»+супин, которые в шведском сочетаются в одну словоизменяющую парадигму с простыми формами флективного пассива на -s. Парадигматическая связь реализуется через супин, который принял показатель -s. Специализированная для аналитических конструкций форма супина способствует обособлению этого сочетания от именного сказуемого и от аналитических форм глаголов на -s (так называемые депонентные глаголы). Взаимосцепленность обоих компонентов и реальная неразложимость словосочетания обусловлены поведением вспомогательного глагола. Однако в шведском, помимо так называемой флективной парадигмы, включающей аналитические конструкции с *hava*+супин, существуют еще три типа словосочетаний причастия II со служебными глаголами *bliva*, *vara* и *varda*. Сочетание с *varda* является для современного языка архаизмом. Поэтому остановимся на структурном анализе сочетаний *bliva*+причастие, *vara*+причастие.

Сочетания *vara*+причастие II занимают в системе шведского языка положение, весьма близкое позиции так называемого немецкого статива. Кроме тех случаев, когда эти сочетания совпадают по своему значению с флективным пассивом (у непредельных глаголов), они являются именным сказуемым с предикативом-причастием. Что касается шведского сочетания с глаголом *bliva*, то оно в преобладающем большинстве случаев синонимично формам на -s (исключение представляют формы презенса), к тому же сочетания с *bliva* заменяют эти формы во всех тех случаях, когда глагольная основа +s не несет четкой информации, т. е. в тех случаях, когда она может быть истолкована и как форма обозначения центростремительности процесса (страдательный залог переходного глагола), и как обозначение разных лексико-грамматических характеристик процесса (непереходность, состояние, взаимность). Практически дистрибуция страдательного залога на -s и сочетаний с *bliva* тождественна. С этим связано постепенное вытеснение форм на -s в этой функции в разговорном языке сочетанием причастия с глаголом *bliva*. В отличие от форм на -s, которые употребляются и вне залоговой оппозиции (см. стр. 15), данные сочетания характеризуются максимальной регулярностью и обобщенностью смысловых признаков. Идиоматичность и взаимосцепленность компонентов, характерная для аналитической формы, достигается преобразованием внутренней структуры сочетания, как и в немецком языке.

²³ Fr. B l a t z. *Neuhochdeutsche grammatik*. 3. Aufl. Karlsruhe, 1900.

²⁴ G. O. C u r m e. *A grammar of the German language*. New York, 1922, стр. 297.

²⁵ К. B o o s t. *Arteigene Sprachlehre*. Breslau, 1932, стр. 78—79.

²⁶ Е. А. К о л е н к о. Конструкция «sein» с причастием II в современном немецком языке. «Ученые записки 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков», т. VII. М., 1955.

²⁷ Там же, стр. 142—144.

Нельзя вместе с тем не обратить внимания на структурные отличия данного сочетания в немецком и шведском языках: в немецком предикативно употребленное прилагательное, а следовательно, и причастие имеют краткую неизменяемую форму, поэтому причастие, выступающее как компонент сказуемого, и причастие, являющееся компонентом аналитической конструкции, формально неразличимы; между тем в шведском, в условиях существования супина, специализированной формы аналитической конструкции, была создана возможность дифференцировать компонент именного сказуемого от компонента аналитической конструкции. Однако *bliva* сочетается не с супином, но с причастием II, к тому же причастие согласуется, как и любое предикативное прилагательное, в числе и роде с подлежащим. Таким образом, внешние строевые признаки ограничивают это сочетание от такой аналитической формы, как *har lästs* (ед. и мн. ч.), ср. *blir läst* (ед. ч.), *blir lästa* (мн. ч.). По дистрибуции (а следовательно, и по контекстуальной сочетаемости) конструкция с *bliva* может быть определена как компонент залоговой оппозиции, синонимичный так называемому пассиву на *-s*, т. е. положение этого сочетания в системе и в речевой цепи позволяет его рассматривать как аналитическую форму, но внешние строевые признаки в условиях закономерностей шведского языка связывают эту форму с именным сказуемым.

Характеристика этого же сочетания в системе залоговых оппозиций других скандинавских языков в свою очередь определяется: а) его соотношением с флексивными формами, а следовательно, его позицией в системе: так, например, в датском языке флексивная парадигма имеет только простые времена (презентс и претерит), тогда как остальные времена образуются с участием глагола *blive*; тем самым некоторые формы этого сочетания объединяются с флексивными формами в один парадигматический ряд (на основе временной соотнесенности); б) его внутренней структурой (т. е. наличием идиоматичности, реальной неразложимости); в) внешними строевыми признаками.

Те же критерии определяют и статус сочетаний с глаголом «быть». Так, например, положение этого сочетания в системе исландского столь же отлично от положения в шведском, как различна его позиция в немецком и английском языках.

Сложность определения позиции этого сочетания в исландском обусловлена его соотношением: а) с формами на *-st* и б) с сочетанием формы глагола *vega*+причастие II непереходных глаголов движения и перехода из одного состояния в другое. Дело в том, что сочетание типа *eg er kominn* может формально образовать всю сетку времен, присущую парадигме любого исландского глагола, но и само *eg er kominn* не имеет значения презенса, так как обозначает результат процесса. К тому же от тех же непереходных глаголов образуются бесспорно аналитические формы

(перфект, плюсквамперфект) с другим вспомогательным глаголом — *hava*. Эти конструкции характеризуются также оформлением причастия, которое, подобно шведскому супину, выступает в неизменяемой форме, тогда как в сочетании с *vega* причастие согласуется с подлежащим. В системе непереходного глагола *vega*+причастие II и по значению своих временных форм, и по оформлению причастия выпадает из глагольного парадигматического ряда, поэтому оно должно быть отнесено к предикативным сочетаниям типа именного сказуемого. Сочетания с *vega*+причастия II переходного глагола по своей внешней структуре совершенно тождественны сочетанию *vega*+причастие II непереходного глагола, дистрибуция же этих форм обнаруживает те же черты, что и в английском языке. Различие заключается лишь в том, что в исландском у ряда глаголов они оказываются соотнесенными с формами на *-st*, используемыми с пассивным значением. Следовательно, возможность или невозможность включения того или иного сочетания частичного (служебного) и полного слова в залоговую парадигму определяется не только внешне-строевыми признаками, но также позицией в грамматической системе и внутренними структурными характеристиками. Поэтому этот тип конструкций может в определенных условиях оказаться выразителем грамматического значения словоизменительной формы, т. е. выступать в качестве показателя грамматической категории залога.

4

Анализ так называемых флексивных форм страдательного залога в скандинавских языках подводит к вопросу о соотношении категориальных словоизменительных форм с определенным типом лексических группировок. За пределами германских языков тот же вопрос поднимается в связи с уточнением места глаголов на *-ся* в системе залоговых оппозиций русского языка.

Однако лексические группировки глаголов, объединенных общим формативом-суффиксом и в большей или меньшей степени связанные с сосуществующими в языке залоговыми оппозициями, отнюдь не ограничиваются материально тождественными показателями так называемой возвратности. Проблема должна ставиться значительно шире. Фактически такими группировками являлись в скандинавских и других германских языках и глаголы со старым основообразующим суффиксом *-ja-*, который служил основанием для выделения некоторыми языковедами специального побудительного залога в германских, а особенно в скандинавских языках²⁸. При исследовании процессов пре-

²⁸ Ср.: М. И. Стеблин-Каменский. История скандинавских языков. М.—Л., 1953, стр. 235—236.

образования залоговых оппозиций в индоевропейских языках весьма существенно определение специфики глаголов IV класса в древнеиндийском и так называемых глаголов на *-nan* в готском. За пределами же индоевропейских языков этот вопрос приобретает особую значимость, так как с тем или иным его решением связано признание или отрицание существования категории залога в таких, например, языках, как тюркские. Следовательно, и в отношении лексических группировок глаголов с определенными показателями-формативами ставится вопрос, в какой мере они могут быть включены в модели залоговых оппозиций.

В принципе залоговая парадигма должна содержать только формы одного и того же слова. В предыдущем разделе было показано, что сочетания частичного и полного глагольного слова в известных условиях занимали такую же определенную позицию в парадигме, как и простые словоизменительные формы. Но это происходило лишь в результате их качественного преобразования и характеризовалось определенными признаками. То же самое следует сказать и о лексических группировках. Их грамматизация совершается лишь в результате определенных процессов, связанных с изменением норм их функционирования²⁹.

Характерным для большинства лексических группировок является недостаточная регулярность и обобщенность образуемых с их участием противопоставлений. Так, например, сочетание возвратного местоимения с разными глагольными основами в современном немецком языке отнюдь не однозначно, ср. употребление этого местоимения при глаголах типа: а) *waschen*, б) *begrüßen*, в) *ärgern*. То же самое наблюдается и в отношении так называемых возвратных глаголов скандинавских языков. Зависимость смыслового различительного признака от лексического значения основы лишает эти группировки той обобщенности и регулярности различительных признаков, которые присущи словоизменительным формам. Что касается I класса слабых глаголов в германских языках, выступавших в противопоставлении сильным глаголам часто (но далеко не всегда) со значением каузативности или фактитивности (но не побудительности) — глагол на *-ja-* центробежный процесс || глаголу без *-ja-* нецентробежный процесс, — то и это противопоставление, при всей его продуктивности, не было регулярным. Готский материал (см. гл. III) показывает существование в этом классе значительного числа непереходных глаголов. Регулярность противопоставления нарушается и тем, что многие германские глагольные основы, особенно в скандинавских языках, могли иметь, в зависимости от контекста, как переходное, так и непереходное значение. К тому же, как и во всякой другой лексической группировке, противопоставление по направ-

лению процесса переплеталось с изменением самого лексического значения: ср. др.-исл. *drekkja* 'топить' || *drekkja* 'пить', *keuga* 'погонять' || *kjósa* 'выбирать', *beita* 'пасти' || *bíta* 'кусать', 'укрощать', что, естественно, в свою очередь лишало противопоставление однозначности и обобщенности.

В той или иной степени эти отрицательные признаки характеризуют большинство лексических группировок, связанных с залоговыми оппозициями. Для определения места подобных группировок в грамматической системе языка весьма существенно их соотношение с другими функционально близкими, но бесспорно грамматическими формами: так, например, для определения места глаголов на *-nan* в грамматической системе готского языка существенную роль играет их соотношение с формами медиопассива (см. гл. III). Для характеристики древнеиндийских форм на *-ya-* необходимо учитывать их соотношение с пассивным аористом на *-i-* и с причастиями на *-to-*, *-no-*. Имеются ли в обоих случаях признаки развития тех соотносительных связей, которые характеризуют всякий парадигматический ряд, вот что решает вопрос. Небезынтересно в этой связи остановиться на русских глаголах с *-ся*.

Не подлежит сомнению, что взятая во всем своем объеме эта группа глаголов представляет собой именно лексическую группировку, весьма продуктивную в русском языке. Наиболее подробные и тщательные семантические классификации, предложенные А. А. Шахматовым³⁰ и В. В. Виноградовым³¹, полностью подтверждают лексическую доминанту в смысловой структуре данной группировки. Как известно, А. А. Шахматов выделял в значении форм на *-ся* следующие «залог»: собственно-возвратный, обще-возвратный, косвенно-возвратный, косвенно-результативно-возвратный, взаимно-возвратный, страдательно-возвратный, кратко-пассивно-возвратный, интенсивно-безобъектный, лично-безобъектный. Такая дробность номенклатуры, естественная для разноплановости значений данной группировки, отнюдь не отвечает обобщенности понятия грамматической категории залога. В. Виноградов, уточняя эту классификацию, дает 15 значений форм на *-ся*, в том числе «взаимно-моторное», «качественно-пассивно-безобъектное», «интенсивно-побочно-возвратное», подчеркивая при этом сложное взаимодействие лексических и грамматических значений. С нашей точки зрения, лексический характер этой группировки раскрывается не только в дробности ее смысловой структуры, но и в отсутствии обобщенных различительных признаков в содержании оппозиции глагольная основа на *-ся* || однокорневая основа без *-ся*: ср., например, пары *мыть* ||

²⁹ См.: М. М. Гухман. Процесс грамматизации некоторых лексических группировок в индоевропейских языках, стр. 280—290.

³⁰ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1941, стр. 476—481.

³¹ В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, стр. 629—639.

мыться, находить || находиться, рвать || рваться, кусать || кусаться, зеленеть || зеленеться, я работаю || мне не работается и т. д. Эта дробность сохраняется и в том случае, если проводится дифференциация на две большие подгруппы: а) глаголы на -ся, противопоставленные глаголам без -ся переходным (*мыть || мыться, находить || находиться, строить || строиться, спускать || спускаться*), и б) глаголы с -ся, противопоставленные глаголам без -ся непереходным (*зеленеть || зеленеться, я работаю || мне не работается*).

То обстоятельство, что все глаголы на -ся безобъектны, не снимает положения об отсутствии регулярности в характере оппозиции, так как глагол на -ся противопоставлен и безобъектным глаголам без -ся. Значение, приобретаемое глагольной основой в сочетании с -ся, в немалой степени зависит от чисто лексических особенностей производной основы: ср. *бегать || набегаться, гулять || нагуляться, бежать || разбежаться* и т. д. Образования этого типа отнюдь не менее продуктивны, чем *мыться* или *рваться*. Лексическое содержание производной основы и частично связанная с этим сочетаемость определяют нередко характер соотносительных связей парных глаголов. Так, производные глаголы от *мыть, одевать, причесывать* — *мыться, причесываться, одеваться* употребляются с собственно-возвратным значением. Именно то обстоятельство, что группировка глаголов на -ся отнюдь не обладает однородной смысловой структурой, закономерности же их функционирования и характер их противопоставленности однокорневым глаголам без -ся непосредственно зависят от лексического значения глагольной основы, подтверждает лексическую природу всей группировки в современном языке. Утверждение грамматической природы (залоговой) этого противопоставления основывается либо на исключении значительного пласта глаголов (типа *кусаться, белеться, набегаться*), либо на исключении критериев плана содержания при выделении залоговых оппозиций.

Вместе с тем некоторые формы этих глаголов вовлекаются в противопоставления, характерные для залоговых оппозиций, и подключаются к парадигматическим рядам. Центр залоговых противопоставлений в русском языке образуют соотношения, выработанные в системе причастий и получившие дальнейшее оформление в противопоставлении так называемых действительных и страдательных оборотов. Именно здесь достигнута максимальная обобщенность и регулярность в содержании оппозиций. Однако в силу не раз отмечавшихся в литературе ³² особенностей образования и употребления причастий в русском

³² В. В. Виноградов отмечал сложность соотношения пассивных и активных оборотов в связи с характером употребления причастий на -мый, -тый (В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 640).

языке (поскольку пассивные причастия, особенно настоящего времени, образуются далеко не от всех глаголов, и вследствие той роли, которую во всей системе русского глагола играет противопоставление по виду) определенные формы глаголов на -ся вовлекаются в один парадигматический ряд с причастиями и образованными на их основе аналитическими формами. При этом употребление форм глаголов на -ся ограничено по преимуществу категорией несовершенного вида, тогда как наиболее продуктивные причастные конструкции связаны с совершенным видом. Таким образом, создаются соотносительные видовые связи между формами глаголов на -ся и аналитическими формами переходного однокорневого глагола. Включаясь в этот ряд, глаголы на -ся как бы изолируются от специфических лексических отношений, существующих в пределах самой группировки, и становятся звеном иных взаимоотношений и связей ³³.

Аналогичные процессы в историческом плане прослеживаются и в других индоевропейских языках. Наиболее типологически близки преобразования скандинавских форм на -*sk*. Первые звенья этого процесса прослеживаются еще в языке древнеисландских памятников (см. гл. V). Сопоставление же современных закономерностей скандинавских языков и русского языка обнаруживает значительно большую грамматизацию старой лексической группировки так называемых возвратных глаголов в скандинавских языках, хотя и не во всех в одинаковой степени (ср. норвежские диалекты, где эти формы сохраняют старые закономерности, особенно исландский материал). В скандинавских языках образование пассива на -*s* возможно от всех переходных глаголов независимо от того, предельные они или непредельные; в шведском, кроме того, выделяется ограниченность употребления форм на -*s* в незалоговой оппозиции. Интенсивности процесса грамматизации старых группировок, по-видимому, значительно способствовало существование с древнейшего периода их истории синонимичных конструкций с полным возвратным местоимением: ср. др.-исл. *klæðask ~ klæða sik* 'одеться', *flytjask ~ flytja sik* 'отправиться', *eignask ~ eigna sik* 'захватить для себя (себе)'. Когда в процессе становления парадигматического ряда включаемые формы на -*s* претерпели значительное преобразование своей смысловой структуры и обособились тем самым от старой лексической группировки, прежние типы противопоставления глагол на -*sk* || однокорневой глагол без -*sk* не исчезали, а закрепились за противопоставлением глагол + возвратное местоимение || простой глагол.

³³ См.: М. М. Гухман. Процесс грамматизации некоторых лексических группировок в индоевропейских языках, стр. 288; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. 2, стр. 360—363.

Однако, как было показано выше, во всех скандинавских языках существовали за пределами залогового парадигматического ряда омонимичные формы на *-s*, нарушавшие одноплановый и регулярный характер противопоставления форма на *-s* || форма без *-s*.

Наименее интенсивен был процесс преобразования в исландском языке. Решающим для определения места подобных лексических группировок в системе языка является их функционирование как в ряду противопоставленных форм, так и в соотношении с формами, близкими по содержанию, и в первую очередь с близкими по содержанию словоизменительными формами. Показателями же их парадигматизации служат: 1) выработка устойчивых соотносительных связей между а) элементами одного и того же словоизменительного ряда и б) между элементами противопоставленных рядов; 2) обобщенный характер оппозиции, независимость ее содержания от лексического значения данных единиц; 3) регулярный характер оппозиций, обуславливающий массовый охват всех аналогичных единиц.

5

Приведенный материал показывает существование многоплановых связей, генетических и синхронных, между единицами, выступающими в качестве членов залоговых оппозиций, и языковыми структурами, сосуществующими за пределами этих оппозиций. Эти связи касаются: а) «внешних» показателей залоговых единиц, б) содержания залоговых оппозиций. Первый тип связей позволяет выделить омонимы залоговых единиц: такими омонимами являются в шведском и других скандинавских языках пассивные формы на *-s* и так называемые депонентные глаголы, в немецком — страдательный залог и безличные конструкции и т. д. Омонимия в большинстве случаев является результатом исторического развития, результатом расщепления некоей единой подсистемы на два разряда: так было с глаголами на *-sk* в скандинавских языках, так было и с развитием аналитических форм из именного сказуемого. По-видимому, связь формы страдательного залога и безличных оборотов в немецком тоже отражает какие-то древние особенности, так как она характерна для разных, материально не тождественных единиц: ср. также датск. *der siges* 'говорится', *der arbejdes* 'работается'; ср. также аналогичное употребление пассивных форм на *-r* в латыни (гл. VI).

В синхронных срезах современных языков генетическая общность всех этих омонимичных категорий преломляется лишь как общность плана выражения. Что касается связей залоговых единиц с единицами иного порядка на основе общности содержания, то они касаются, например, именного сказуемого с причастием неопределенных глаголов в немецком и шведском языках.

Как уже отмечалось выше, те «идеальные» характеристики оппозиции страдательный залог || действительный залог, которые были определены во введении и в первом разделе данной главы, присущи отнюдь не всем германским и, шире, индоевропейским языкам в равной мере. Во всех этих языках данный тип оппозиции — явление относительно позднее; будущие формы страдательного залога складывались путем преобразования разных языковых единиц, но при этом далеко не во всех языках преобразование было одинаково последовательным, затронувшим весь пласт соотносительных форм (см. гл. VI).

По степени обобщенности смысловой структуры, однозначности и регулярности употребления противопоставленных форм можно выделить:

1. Языки с наиболее однозначным, обобщенным и регулярным характером оппозиции, в которых используются специальные формы, минимально сохраняющие связи с омонимичными единицами. К этой группе относятся: шведский, голландский и немецкий, причем в немецком и голландском омонимами страдательного залога являются безличные конструкции, в шведском — депонентные глаголы.

2. Языки, где однозначность, регулярность и обобщенность нарушаются в силу наличия омонимичных связей с сочетаниями типа именного сказуемого. К этой группе могут быть отнесены английский, французский, русский, исландский, балтийские языки.

3. Языки, где обобщенность, однозначность и регулярность нарушаются вследствие сохранения сложных связей с лексическими группировками. Сюда относятся русский и исландский языки, отчасти норвежский.

4. Русский и исландский выделяются и объединяются, кроме того, сочетанием признаков второй и третьей группы.

6

Приведенный выше материал подтверждает широко распространенную точку зрения на особое положение залоговых оппозиций в грамматической системе большинства современных индоевропейских языков: это проявляется в тех отмеченных выше омонимичных связях, которые не свойственны стандартным парадигмам времени и наклонения. Однако, как известно, сам тип оппозиции действительный || страдательный залог оформляется в ряде индоевропейских языков, в том числе и в германских языках, путем преобразования более древних типов оппозиций. Наиболее распространенными здесь были следующие формы залоговых оппозиций: 1) оппозиция так называемых медиальных форм формам активным, частично сохранившаяся в древних германских языках; 2) оппозиция форм на *-r* формам без *-r*; 3) залоговые

противопоставления в системе предикативных имен, включая причастия. Последняя форма залоговой оппозиции становится во многих индоевропейских языках ядром наиболее формализованных и регулярных противопоставлений действительный залог || страдательный залог (подробнее см. гл. IV и гл. VI, раздел 2), несмотря на то, что четкая залоговая спецификация в предикативных именах — явление вторичное и, по-видимому, не может быть отнесено к эпохе, предшествующей обособлению отдельных языковых групп (подробнее см. гл. IV). В плане относительной хронологии залоговая оппозиция медиум || актив, в равной степени как и противопоставление глагольных форм на *-r* глагольным формам без *-r*, — категории более древние. Однако определение и характеристика смысловой структуры этих древних бинарных оппозиций до настоящего времени остаются дискуссионными. В данной главе мы останавливаемся только на особенностях оппозиции медиум || актив, поскольку пережитки этого типа оппозиций сохранялись в германских языках и оппозиция действительный залог || страдательный залог оформлялась здесь в условиях частичного преобразования старых противопоставлений (о формах на *-r* см. гл. VI).

Сложность и противоречивость смысловой структуры противопоставления медиум || актив отмечается буквально во всех работах как общего, так и специального характера. Сложность заключается не только в том, что в сочетании с разными глагольными основами различие медиальной и активной формы не однозначно, но и в том, что это различие, как отмечал еще А. Мейе, «иногда становится неуловимым»³⁴. Этим объясняется позиция тех авторов, которые предполагали, что генетически медиальные и активные показатели не были связаны с залоговой дифференциацией³⁵. Вопрос о первичном значении формальной дифференциации медиальных и активных окончаний, несомненно, является одной из наиболее неясных проблем сравнительной грамматики индоевропейских языков. Освещение его далеко выходит за пределы настоящего исследования. Представляется, однако, что использование этого различия для оформления определенного типа залоговых оппозиций характеризовало весьма значительный ареал индоевропейских языков, охватывая греческий, индоиранские, германские, итальянские языки, хеттский и тохарский.

Как ни неуловимы бывают в ряде случаев различия в значении, в целом медиум выражал особую соотнесенность процесса

с носителем признака, принимавшую, однако, весьма разнообразные оттенки. Так, еще со времен Панини указывалось, что медиум выражает особую заинтересованность деятеля: ср. *yájati* 'он приносит жертву для другого', *yájate* 'он приносит жертву для самого себя'³⁶; в греческом *θύω* 'я приношу жертву' || *θύομαι* 'я приношу жертву, чтобы что-нибудь получить'; широко известны и примеры, где противопоставление медиальной и активной формы соотнесено с разным направлением процесса: ср. *μισθόσθαι* 'брать в аренду' || *μισθόω* 'сдавать в аренду', *δανείζοσθαι* 'брать взаймы' || *δανείζω* 'давать взаймы', *ὠνεῖσθαι* 'покупать' || *ὠνῆν* 'продавать' и т. д.; во всех приведенных случаях медиальная форма обозначает особую заинтересованность, «субъектную» соотнесенность, но вместе с тем процесс направлен на объект, так как является переходным: ср. еще *λοόομαι τὰς χεῖρας* 'я мою себе руки'. Довольно употребительны те же формы для выражения непереходности: ср. *ἔχω* 'держу' || *ἔχομαι* 'держусь', *τρέπω* 'поворачиваю' || *τρέπομαι* 'поворачиваюсь', *κοιμάω* 'усыпляю' || *κοιμάομαι* 'сплю', *ἀπόλλυμι* 'гублю' || *ἀπόλλομαι* 'гибну' и т. д. В литературе неоднократно отмечалось также широкое использование медиальных форм для выражения процессов, касающихся физического и морального состояния человека, особенно в связи с анализом значения группы глаголов, имеющих только медиальное оформление (*Media tantum*)³⁷. Состав этой группы особенно интересен: ср. *χόομαι* 'гневаться', *μαῖνομαι* 'беситься', *ἄραμαι* 'восхищаться', 'почитать', *ἄλγυμαι* 'печалиться', *ὀλοφόρομαι* 'жаловаться', *ὀδύρομαι* 'жаловаться', *ἐλδομαι* 'желать', *ἐλπομαι* 'надеясь', *ἐραμαι* 'любить', *γάλλομαι* 'радоваться' и т. д. Ср. также *ἐρυθαῖνομαι* 'краснеть', *θερόμαι* 'становиться теплым', *ὀρχέομαι* 'танцевать', *ἵμαι* 'сидеть', *κεῖμαι* 'лежать' и т. д. Несомненно, в этой группе, как, впрочем, и в этимологических нетождественных ей древнеиндийских глаголах на *-ya-*, преобладают глаголы состояния, аффекта, чувственного восприятия, а также непереходные глаголы, обозначающие передвижение в пространстве. Но вместе с тем к *Media tantum* относились некоторые глаголы, обозначавшие центробежный процесс.

По-видимому, если судить по материалам языка Гомера, наиболее продуктивной была группа медиальных форм, обозначавших непереходность в широком смысле этого слова, наименее

³⁶ В. Delbrück. *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, Tl 2. Strassburg, 1897, стр. 413.

³⁷ См. в этой связи анализ, проделанный Б. Дельбрюком в упомянутой работе (стр. 417—425); ср. также: А. Meillet, J. Vendryes. *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. Paris, 1948, стр. 291; Е. Schwyzer. *Griechische Grammatik*, Bd II. München, 1950, стр. 228—229; егo же. *Zum persönlichen Agens beim Passiv, besonders im Griechischen*. «Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften». Philologisch-historische Klasse, 1942, № 10, стр. 8.

³⁴ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1937, стр. 257.

³⁵ А. Meillet. *Remarques sur les désinences verbales de l'indoeuropéen*. — BSL, vol. 23, 1922; ср. также: Н. Hirt. *Indogermanische Grammatik*, Bd 6. Heidelberg, 1934, стр. 198; К. Brugmann, В. Delbrück. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Bd II, Tl. 3. Strassburg, 1916, стр. 590.

продуктивной — группа медиальных форм, связанных со значением узкой возвратности и взаимности. Совершенно единичны случаи обозначения центrostремительности процесса и аффицированности носителя признака³⁸. В языке Ригведы семантической доминантой медиума, судя по исследованиям Б. Дельбрюка³⁹, являлось выражение особой заинтересованности процесса, хотя и здесь непереходность и взаимность входили в смысловую структуру данной формы. Выделяется и крайняя ограниченность употребления медиума в качестве члена оппозиции центробежный || центrostремительный процесс. Вместе с тем уже в языке Гомера, а также в древнеиндийской прозе и поэзии отмечаются случаи, где нельзя установить смысловых различий в употреблении медиальных и активных форм от одного и того же глагола. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди *Media tantum* и *Activa tantum* имелись группы глаголов, которые указывали на своеобразную нейтрализацию смысловой оппозиции медиум || актив. В этой связи вряд ли можно согласиться с И. Гонда, который пытался в своей работе доказать наличие во всех случаях употребления медиальной формы определенных смыслоразличительных признаков⁴⁰.

Описывая смысловую структуру оппозиции медиум || актив в синхронном срезе древних индоевропейских языков, необходимо иметь в виду особый характер построения глагольных парадигм в этих языках, слабую степень формализации, большую зависимость от лексического характера основы, близость словообразования и словоизменения⁴¹. Многоплановость смысловой структуры характеризует не только залоговые, но и видо-временные оппозиции в этих языках. Частично это зависит и от наложения разновременных закономерностей, что особенно ясно прослеживается, например, в смысловой структуре индоевропейского перфекта. По-видимому, это имело место и в системе оппозиции медиум || актив. Так, состав групп *Media* и *Activa tantum* явно включает новообразования; вместе с тем тенденция к выравниванию парадигмы обусловила вторичное образование активных форм у медиальных глаголов, причем эти активные формы не обладали смысловыми различительными признаками. Между тем приходится признать, что оппозиция медиум || актив связана с противопоставлением разных типов субъектно-предикативной связи. Попытки уточнить эти разные типы субъектно-предикатив-

ных связей, представленные в ряде работ, несмотря на известные расхождения, позволяют выделить нечто общее.

Так, А. Прево отмечал особое понимание интранзитивности, объединяющее греческий медиум и аористы на $-\eta\nu-$, $-\theta\eta\nu-$; интранзитивность, по его мнению, сосредоточивает внимание на процессе и его субъекте (носителе), поэтому в греческом нет четких смысловых границ между непереходностью и пассивностью⁴². В этой связи известный интерес представляет определение индоевропейского медиума, предложенное Гамильшем и приведенное Г. Рейхенкроном⁴³: «изменения в отношении субъекта совершаются под влиянием сверхъестественной силы (?), которая поэтому (?) и не получает языкового выражения»; отмечается, что субъект-подлежащее при таких глагольных формах инактивен, а сами глаголы обычно непереходны. Хотя указание на сверхъестественную силу при осмыслении значения медиума и представляется весьма сомнительным, определение инактивности субъекта при таких формах и выделение непереходности самого глагола заслуживает внимания. Широко используя высказывание Гамильша, И. Гонда в работах об индоевропейском медиуме⁴⁴ и древнеиндийском пассиве⁴⁵ выдвигает в качестве основной характеристики этих форм обозначение события, процесса, который совершается в субъекте или в отношении субъекта.

Анализ смысловой структуры оппозиции медиум || актив позволяет выделить противопоставление двух типов: нецентробежный процесс || центробежный процесс, инактивный носитель признака || активный производитель признака, при этом понятие о «нецентробежности процесса» не тождественно непереходности; нецентробежность включает замкнутость процесса сферой носителя признака («субъектная соотнесенность», «возвратность», «взаимность»), она противопоставляется воздействию на мир внешних объектов. В отличие от оппозиции страдательный залог || действительный залог оба типа смыслоразличительных признаков не обязательно сосуществуют при всяком употреблении медиальной формы: «субъектная соотнесенность», «заинтересованность» не обязательно предполагают инактивность носителя признака. Возможно, что внутренняя реконструкция позволила бы выделить в смысловой структуре медиума два пласта: более древний, где нецентробежность процесса и инактивность носителя признака обязательно совпадали, и более поздний, где они иногда расходились; с этим связано и само происхождение медиума (см. гл. VI). Что касается «внешних» показателей рассматриваемого противо-

³⁸ Ср. из последних работ: А. Н. Савченко. Происхождение среднего залога. Ростов, 1960.

³⁹ В. Delbrück. Syntaktische Forschungen, Bd. V. Halle, 1888.

⁴⁰ J. Gonda. Reflections on the indo-european medium. «Lingua», vol. IX, 1, 2, стр. 30—67.

⁴¹ М. М. Гухман. Структура древнегерманских глагольных основ и оформление парадигматических рядов. — Сб. «Проблемы морфологического строя германских языков». М., 1963, стр. 77.

⁴² А. Prévot. L'aoriste gréque en $-\eta\nu$. Paris, 1939, стр. 100.

⁴³ G. Reichenkron. Passivum, Medium und Reflexivum. Jena—Leipzig, 1932.

⁴⁴ J. Gonda. Reflections on the indo-european medium. «Lingua», vol. IX, 1, 2, 1960.

⁴⁵ J. Gonda. Remarks on the sanskrit passive. Leiden, 1951.

поставления, то они, как известно, представлены двумя рядами личных показателей, т. е. парадигматичны. Однако существование продуктивного класса медиальных глаголов (*Media tantum*) не только в греческом, но и в древнеиндийском (ср. также депонентные глаголы в латыни и хеттском) позволяет поставить вопрос о том, не были ли первоначально медиальные показатели связаны с глагольными основами определенного лексического значения, т. е. не был ли это особый «тип спряжения», связанный с известной лексической группировкой. Показательно, что и у основ, обладающих обоими рядами показателей, они нередко служили для дифференциации реально-лексических оттенков процесса (см. приведенные выше примеры). Вместе с тем данное предположение, вероятно, могло бы объяснить своеобразный характер этой оппозиции: внешние показатели оппозиции парадигматичны, а ее смысловая структура столь многопланова и многозначна, что почти невозможно выделить единый инвариант. Во всяком случае очевидно, что та система оппозиций медиум || актив, которая засвидетельствована древними памятниками на индоевропейских языках, отражает закономерности, сложившиеся в свою очередь в результате разных процессов перестройки более старых отношений.

При сопоставлении модели залоговой оппозиции, представленной противопоставлением медиум || актив, и модели залоговой оппозиции, представленной противопоставлением страдательный залог || действительный залог, выступает принципиальное отличие в плане содержания самого типа оппозиции.

Смысловая структура оппозиции страдательный залог || действительный залог имеет столь обобщенно-отвлеченный характер, что смыслоразличительные признаки обеих форм не связаны с реальным содержанием высказывания. Это позволяет столь широко использовать указанные формы в потоке речи для дифференциации нового и данного. Смыслоразличительные признаки медиума и актива, напротив, сохраняют явные связи с различием в самом содержании (а не только направлении) процесса, они связаны с реальным содержанием высказывания; они до известной степени сохраняют ту близость грамматических и лексических классов, которая характеризует парадигматику древних индоевропейских языков. Включение в смысловую структуру медиума обозначения центростремительности процесса, первоначально как позиционного варианта нецентробежности, было началом становления новых отношений, характерных для более позднего типа залоговых оппозиций в индоевропейских языках, но вместе с тем это вело к изменению смысловой структуры медиума и в конечном счете к уничтожению старой залоговой оппозиции (подробнее см. гл. VI).

Обозначение разных типов субъектно-предикативной связи и разного направления процесса в формах глагольной единицы

характерно не только для индоевропейских языков. Здесь может быть приведен материал тюркских языков⁴⁶ и монгольского⁴⁷, где прослеживаются однотипные оппозиции. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что и в этих языках формы, используемые в залоговых оппозициях, лишены однозначности и обобщенности смысловой структуры, которые столь характерны для словоизменительных категорий. Так, например, в тюркских языках аффиксы-показатели залога не только генетически являются словообразовательными показателями, но и в синхронном срезе этих языков сохраняют черты своего происхождения. Возможность употребления одного и того же показателя с собственнo-возвратным, медиальным и страдательным значением (ср., например, аффикс *-н-* в якутском языке, аффиксы *-н-*, *-л-*, *-ныл-* в азербайджанском языке) обнаруживает черты, очень близкие индоевропейскому медиуму. Относительно слабая степень формализации залоговых оппозиций в тюркских языках, несомненно, связана с особенностями соотношения глагольного словоизменения и глагольного словообразования.

Типологически совершенно иной структурой является оформление оппозиции центробежный || нецентробежный процесс, активный || инактивный субъект в разных вариантах синтаксического построения, связанных с эргативной конструкцией⁴⁸.

Обращает на себя внимание, однако, существование в индоевропейских языках специальных оборотов, где центростремительность процесса и инактивность лица, с которым соотносен этот процесс, реализуются в особом оформлении носителя признака. Вопрос о соотношении индоевропейских залоговых оппозиций и этих оборотов с дательным-винительным лица требует специальных исследований генезиса синтаксических норм индоевропейских языков и выходит за пределы данного исследования.

⁴⁶ Ср.: Э. В. Севортян. Аффиксы глагольного словообразования в азербайджанском языке, стр. 456—540; Л. Н. Харитонов. Залоговые формы в якутском языке. М., 1963.

⁴⁷ Г. Д. Санжеев. Залоги в монгольских языках. «Труды Военного института иностранных языков», т. III. М., 1947, стр. 93—116.

⁴⁸ См.: И. И. Мещанинов. Структура предложения. М., 1963; Н. Ф. Яковлев и Д. Ашхамафа. Грамматика адыгейского литературного языка. М., 1947; М. М. Гухман. Конструкции с дательным-винительным лица в индоевропейских языках. «Изв. АН», 1945, № 2—3.

Глава II

ГОТСКИЙ МЕДИОПАССИВ, ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМА ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

1

Готский язык является единственным древним германским языком, в котором специальная флективная форма выступает как постоянный член продуктивной оппозиции центробежный процесс || нецентробежный процесс. Единичные формы в языке рунических надписей и древнеанглийском, сопоставляемые с готским медиопассивом¹, подтверждают эту общую функциональную характеристику медиопассивных форм, но не дают материала для более полного суждения о смысловой структуре залоговых противопоставлений, членом которых являлись названные формы. Иное дело готский язык. Здесь медиопассив достаточно продуктивен и встречается в разных вариантах основной залоговой оппозиции центробежный || нецентробежный процесс. Смысловая структура этих оппозиций в готском может послужить основанием для реконструкции залоговых противопоставлений в эпоху существования германской языковой общности. При этом, однако, необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что готские тексты отражают состояние данного языка в период его обособленного развития.

Для характеристики смысловой структуры оппозиции актив || медиопассив в готском и определения места медиопассива в глагольной системе весьма существенным является асимметричный характер этой оппозиции, обусловленный разным составом форм каждого члена: в системе актива имелись две временные формы — презенс || претерит, два причастия и инфинитив, в системе медиопассива — лишь одна временная личная форма. Тенденция к сим-

¹ Подробнее см.: М. М. Г у х м а н. Судьба индоевропейского медиума в германских языках. «Труды Института языкознания», т. IX, 1959, стр. 53, 54.

метрии, связанная с системным характером языка², вызвала своеобразное подключение иных структурных единиц к медиопассиву (глаголы IV класса, сочетания причастия II со служебными глаголами *wisan*, *wairfan*). Вопрос о синонимических отношениях этих структурных единиц, естественно, немаловажен для понимания норм функционирования медиопассива и уточнения структуры залоговых оппозиций.

Поскольку готские памятники являются переводными в основном с греческого языка, хотя возможно и более позднее влияние латинских образцов, сопоставление греческих и готских приемов моделирования залоговых оппозиций использовалось для выяснения особенностей смысловой структуры готских противопоставлений.

2

Согласно традиционной точке зрения, готский медиопассив по значению является всегда страдательным залогом, т. е. в наших терминах — формой обозначения центростремительности процесса. Однако подобное определение его функций является, как нам кажется, неправильным. При исследовании норм употребления этого образования не следует забывать, что залоговые оппозиции в готском реализовались также при помощи сочетания глаголов *wisan* и *wairfan* + причастие II и формами глаголов IV класса. Все эти категории выступают до известной степени как эквиваленты греческих медиальных и пассивных форм, иногда же употребляются переводчиком независимо от подлинника, в котором стоит активная форма непереходного глагола или глагола состояния или именное сказуемое. Эти случаи, конечно, особенно интересны, так как они, не будучи кальками, позволяют ближе подойти к готским грамматическим нормам и к отличительным признакам медиопассива.

Сопоставляя каждую из перечисленных только что форм с той или иной формой системы греческого медиума и пассива, далеко не всегда можно четко провести границу употребления каждой готской конструкции. По-видимому, здесь влияло собственное осмысление контекста, преломлявшегося сквозь призму закономерностей языка перевода. Отнюдь не во всех случаях выбор той или иной категории из всего разнообразия лексико-грамматических средств может получить последовательное объяснение. Иногда полное дублирование медиопассива той или иной формой объясняется существовавшими синонимическими связями (см. дальше), причем не следует упускать из виду и того обстоятельства, что хотя готский медиопассив имел лишь форму

² Ср.: М. М. Г у х м а н. Понятие системности в синхронии и диахронии. — ВЯ, 1962, № 4.

настоящего времени, но возможность сочетания его с перфективирующими приставками делала допустимым употребление этой формы не только в качестве эквивалента греческого настоящего времени, но и разнообразных медиальных и пассивных форм³. Тем важнее определить сферу его употребления, ограничив ее по возможности от других близких по значению единиц.

В. Штрайтберг⁴ попытался это частично сделать, указав, что медиопассив выражал всегда не медиальность, а пассивность, страдательность, тогда как возвратные конструкции, по его мнению, передавали всегда рефлексивные оттенки форм подлинника. Хотя это положение намечало только разграничение медиопассивных и возвратных форм, однако оно даже в этой ограниченной формулировке было не совсем верным. Анализ материала в дальнейшем покажет, что готский медиопассив далеко не всегда передавал собственно страдательность процесса, т. е. центростремительность процесса и аффицированность субъекта — носителя признака, а глагольные конструкции с возвратным местоимением *sik/sis* типа *ogan sis* 'бояться', *idreigon sis* 'расскаиваться', *galveilan sik* 'пребывать' и т. д. в свою очередь являются достаточным доказательством невозможности свести значение этих единиц к «чистой» возвратности⁵. Таким образом, попытка В. Штрайтберга уточнить и разграничить употребление разных конструкций, соответствующих греческой системе медиально-пассивных форм, не может считаться удавшейся. В других исследованиях отмечалась лишь чрезвычайная непоследовательность в передаче залоговых форм подлинника, что частично объяснялось недостаточным знанием греческого языка переводчиком, неумением вникнуть в тонкости оттенков греческих глагольных форм. Подобное наблюдение представляется нам маловероятным.

Если при анализе всех этих форм, и в первую очередь готского медиопассива, исходить из материала подлинника, то необходимо достаточно ясно оговорить многозначность и нечеткость самих греческих форм, входивших в состав медиально-пассивной системы. Наряду с наиболее ясным и простым выражением собственно страдательности, греческие медиально-пассивные формы и в языке Нового Завета, так же как и в значительно более древних текстах, выражали разнообразные оттенки медиальности начиная от возвратности в собственном смысле этого слова и кончая категориями состояния, непереходности (безобъектность). В ряде случаев специфика медиальной формы, по сравнению с активной, не может быть определена номенклатурой грамматических

категорий, поскольку дифференциация значения медиальных и активных форм отражала часто неуловимые оттенки значения. Этой сложной по своему происхождению, но уже отработанной системе греческого глагола готский мог противопоставить только весьма своеобразную, пеструю и отнюдь не объединенную в стройную систему совокупность разных языковых единиц, из которых каждая лишь частично, в одной только плоскости, соответствовала тому или иному значению форм греческой медиально-пассивной системы.

При этом вся сложность системы греческо-готских соответствий заключалась именно в том, что каждая из соответствующих готских категорий использовалась для передачи разных оттенков греческих медиально-пассивных форм. Можно только указать, что возвратные глагольные конструкции в готском никогда не передавали значения собственно пассивности, а глаголы IV класса никогда не употреблялись в высказывании, имеющем указание на источник действия. В остальном каждая из указанных готских категорий передавала различные оттенки греческих конструкций. К этому следует еще добавить, что количество так называемых временных форм греческого и готского не совпадало, и здесь опять выступала на сцену сложная система разнообразных соответствий. Конечно, по преимуществу за каждой из соответствующих единиц как бы было закреплено известное основное значение, но поскольку с тем же значением появлялись и другие конкурирующие формы, все отношения оставляют впечатление известной неустойчивости.

3

Определяя постоянный различительный признак медиопассива, можно утверждать, что медиопассив никогда не обозначал центробежный процесс и не характеризовал субъект-подлежащее как производителя признака, обозначенного медиопассивной формой. Эта отрицательная характеристика раскрывается при сопоставительном анализе синтаксических отрезков с активными и медиопассивными формами: ср., например, *iþ þai auhumistans gudjans... sokidedun... Jesu du afdauþjan ina* (Mrk. XIV, 55) 'а первосвященники... искали... Иисуса...', чтобы убить его' || *saei ubil qifai attin seinamma aiþþau aiþein seinai, dauþau afdauþjaidau* (Mrk. VII, 10) 'тот, кто дурно говорит отцу своему или матери своей, смертью умрет'; *unte jabai afletiþ mannam missadedins ize* (M. VI, 14) 'если отпустите людям их грехи' || *afletanda fra-waurhteis izos managons* (L. VII, 47) 'отпускаются грехи ее многие'; *jah bigetun Marian jah Josef* (L. II, 16) 'и нашли Марию и Иосифа' || *jabai sweþauh gawasidai, ni naqadai bigitaindau* (k. V, 3) 'только бы, хотя и одетые, нагими бы мы не оказались' (*εὐρεθησόμεθα*); ср. также другие контексты с этой формой: *biþ-*

³ Подробнее об этом см.: W. Schröder. Die Gliederung des gotischen Passivs. — PBB, Bd 79, 1957, стр. 24—33.

⁴ W. Streitberg. Elementarbuch des Gotischen. Heidelberg, 1920, § 196.

⁵ См.: М. М. Гухман. О происхождении возвратных конструкций (на материале готского). «Язык и мышление», т. XI, 1948, стр. 104—132.

þan-gitanda galuigawitwods gudis (K. XV, 15) 'тогда мы окажемся ложными свидетелями бога' (εὐρισχόμεθα); jah ik bigitaidau izwis (k. XII, 20) 'а я буду найден вами'; ei gaþrafstidedeinaijos (J. XI, 19) 'чтобы утешить их' || jaþþe gaþrafstjanda in izwaraizos gaþlahtais jah naseinais (k. I, 6) 'чтобы утешились ради вашего успокоения и спасения'; jah ushauhida gahnaiwidans (L. I, 52) 'и возвысил униженных' || swaswe þai liutans taujand in gaqumþim jah in garunsim, ei hauhjaindau fram mannam (M. VI, 2) 'чтобы быть возвеличенными людьми'; ...saei jah galewida ina (Mrk. III, 19) 'который предал его' || sai, galewjada sunus mans in handuns frawaurhtaize (Mrk. XIV, 41) 'вот предается сын человеческий в руки грешников'. Особенно показателен для смысловой структуры оппозиции актив || медиопассив следующий текст: jah ni stojid, ei ni stojaindau; ni afdomjaid, jah ni afdomjanda; fraletaid, jah fraletanda (L. VI, 37) 'не судите, чтобы не быть судимыми; не проклинайте и не будете проклятыми; прощайте и будете прощенными (вас не проклянут, вас простят)'. Ср. также контексты с медиопассивом: k. X, 29; J. XI, 4; Philem. 22; K. IV, 3; M. VII, 19; L. XVII, 34; M. V, 25; Kol. IV, 16; R. XIV, 10 и т. д. Более детальный анализ позволяет, однако, полнее охарактеризовать различительные признаки медиопассива. Нецентробежность (отрицательный признак) уточняется: 1) в одних контекстах как центростремительность, 2) в других — как инклюзивность, ограниченность сферой субъекта; невозможность характеризовать субъект-подлежащее как производителя признака уточняется: 1) в одних случаях как аффицированность субъекта подлежащего, 2) в других — как его инактивность.

Вариант I. Центростремительность процесса и аффицированность субъекта, ср.: ei hauhjaindau fram mannam, где медиопассивная форма передает центростремительность процесса и аффицированность субъекта-подлежащего, ср. аналогичную функцию в ei hauhjaidau sunus gudis þairh þata (J. XI, 4) 'чтобы возвысился сын человеческий через это'. Наиболее четко центростремительность и связанная с ней аффицированность выражаются в контекстах с наименованием деятеля, ср. еще: K. XIV, 24; J. XIV, 21; L. XVIII, 31. Однако обращает на себя внимание тот факт, что из 150 случаев употребления медиопассива в готских текстах лишь 10 дают подобную сочетаемость. Впрочем, та же смысловая структура выступает и в контекстах без наименования деятеля: ср. gibaid, jah gibada izwis (L. VI, 38) 'давайте и воздастся вам'; ni uslukaindau daurons (Neh. VII, 3) 'пусть не откроются врата'; iþ atgaggand dagos, þan afnimada af im sa bruþfaþs (M. IX, 15) 'но придет время, когда будет взят от них жених'; all bagme ni taujandane akran god usmaitada jah in fon atlagjada (M. VII, 19) 'всякое дерево, не приносящее плодов, будет срублено и брошено в огонь'; ср. также:

L. XVII, 34; L. VI, 37; M. VIII, 12; M. V, 25; Mrk. III, 38; Mrk. X, 33; R. XIV, 10; G. V, 12; G. VI, 7; k. III, 16; k. VI, 3 и т. д. Этот вариант смысловой структуры оппозиции является наиболее продуктивным. Однако имеется определенная небольшая группа примеров, где медиопассив противостоит активу как форма, обозначающая медиальное состояние субъекта, форме, обозначающей его активное действие; иногда же противопоставление сводится к известной оппозиции непереходности, ограниченности действия сферой субъекта || переходности, направленности на объект. В этих контекстах выступает второй вариант смысловой структуры оппозиции медиопассив || актив.

Вариант II. Различительный признак медиопассива, нецентробежность процесса и инактивность субъекта, реализуется как обозначение состояния, аффекта, субъектной соотнесенности: ср., например, функционирование медиопассивных форм глагола þreihan 'теснить', 'давить'; выступая в медиопассивных формах, этот глагол приобретает медиально-возвратный оттенок либо меняет свое лексическое значение, превращаясь в глагол аффекта. В обоих случаях он функционирует как эквивалент разных греческих глаголов: ni þreihanda jus in uns, iþ þreihanda in hairþram izwaraim (k. VI, 12) 'не теснитесь в нас, но теснитесь в ваших сердцах', в греч. στενωχρεῖσθε от στενωχρέω 'теснить', причем медиальная форма превращает этот глагол в непереходный с некоторым оттенком возвратности; ср. другой пример, в котором та же готская форма получает иное значение: aþþan jaþþe þreihanda in izwaraizos gaþlaihtais (k. I, 6) 'но если скорбим (терпим), то ради вашего утешения', в греч. θλιβόμεθα от θλίβω 'жать', 'давить', 'теснить', 'обижать'; медиальные формы превращают греческий глагол действия в глагол, выражающий известное моральное состояние, аффект. Тот же процесс совершился и с готским þreihan.

Подобное изменение значения характерно вообще для ряда глаголов в связи с необходимостью найти в готском способы обозначения различных оттенков морального состояния, как этого требовало содержание христианской литературы, особенно же морализующий характер Посланий. Этой цели служили не только медиопассивные формы; конкурирующие с ними глаголы на -nan в свою очередь представляли собой удобную форму для образования подобных глаголов. Весьма возможно, что среди всех этих конструкций имелось значительное количество неологизмов, создававшихся специально для какого-либо конкретного случая.

С выражением именно этого типа различительных признаков связан и медиопассив глаголов ufblesan 'превозноситься' и ingramjan 'раздражаться', встречающихся в готских текстах только в этой форме: jah jabai atgibau leuk mein ei gabrannjaidau, iþ friaþwa (ni) habau, ni waiht botos mis taujau. friaþwa usbeisneiga

ist, sels ist: friapwa ni aljanof; friapwa ni flauteif, ni ufblesada... ni ingramjada (K. XIII, 3, 4, 5) '...любовь не хвастает, не превозносится, не раздражается', в греч. ufblesada = φοσιόται от φοσιώ 'делать кого-либо гордым', 'быть гордым'; греческие медиопассивные формы имеют непреходно-медиальное значение 'гордиться'; в свою очередь ingramjada = παροξύνεται от греческого глагола παροξύνω 'поощрять', 'раздражать', причем и здесь медиально-пассивные греческие формы передают медиальное осмысление процесса. Аналогичное значение имели и соответствующие готские формы. По-видимому, к этому же варианту смысловой структуры противопоставления медиопассива активу должно быть отнесено функционирование форм глаголов afairzjan 'вводить в заблуждение', 'прельстить', греч. πλανῶ; (ga)marzjan 'раздражать', греч. σκανδαλίζω; ср. актив — unte urreisand galiugaxristjus jah galiugapraufeteis jah giband taiknins jah fauratanja du afairzjan þans gawalidans (Mrk. XIII, 22) 'ибо восстанут лжехристи и лжепророки и покажут знамения и чудеса, чтобы прельстить (ввести в заблуждение)... избранных' || медиопассив — ni afairzjaindau (K. XV, 33.) 'не заблуждайтесь', 'не прельщайтесь', в греч. πλανᾶσθε; медиальные и пассивные формы этого греческого глагола обычно передают широкую субъектную соотношенность, так же следует интерпретировать здесь готский медиопассив⁶; ... qaf du im: þata izwis gamarzeif? (J. VI, 61) '...сказать им: это вас соблазняет (раздражает)?' или if jabai augo þein þata taihswa marzjai þuk (M. V, 29) 'и, если правый глаз твой соблазняет тебя' || þata rodida izwis ei ni afmarzjaindau (J. XII, 1) 'это сказал я вам, чтобы вы не соблазнились'. Случаи довольно ясного медиального осмысления данной формы могут быть прослежены и на материале других глаголов. В качестве интересного примера употребления медиопассива может быть отмечено образование его от глагола afwandjan 'отворачивать', 'отвратить', 'повернуть', 'поворачивать', 'перемениť'; медиопассивные формы имеют значение 'изменить мнение'.

В своих активных формах, а также в конструкциях с возвратным местоимением глагол этот соответствует активным и медиально-пассивным формам греческого глагола ἀποστρέφω 'отворачивать', 'поворачивать', 'отворачиваться', 'поворачиваться', причем непреходность осмысления глагольной лексемы, передаваемая в греческом частично системой медиальных и пассивных форм, в готском либо не получала никакого формального показателя, либо находила свое выражение для данного глагола в использовании конструкции с возвратным местоимением. Ср., например: waist þatei afwandidedun sik af mis allai þaiei sind

⁶ В. Штрайтберг переводит в своем словаре эту форму как sich verführen lassen. В нашей интерпретации более четко передается ее медиально-интранзитивное содержание.

in Asiai... (t. I, 15) 'отвернулись от меня все те, кто находятся в Азии...' Образование же медиопассива от afwandjan создавало особый оттенок значения, соответствующий глаголу μετατίθημι, средний залог которого выражал известный интеллектуальный процесс 'перемениť мнение, взгляды, отношение', 'отвернуться' в моральном, а не физическом значении (ср. G. I, 6).

В отличие от форм с возвратным местоимением этого же глагола, сообщающих данной глагольной лексеме непреходное значение, медиопассивные формы вносили дополнительный оттенок, характерный для сказуемого состояния, подчеркивая вместе с тем перенос значения глагола из сферы физических, внешних процессов в сферу процессов духовных, происходящих в самом человеке. Необходимо, однако, отметить, что форма с возвратным местоимением могла так же выражать не только непреходное осмысление глагола действия, но и обозначать изменения, происходящие в душевном состоянии человека; ср., например: jah jabai sibun sinþam ana dag frawaurkjai du þus, jah sibun sinþam ana dag gawandjai sik qifands: idreigo mik, fraletais imma (L. XVII, 4) 'и если семь раз на день согрешит по отношению к тебе и семь раз на день обратится (раскается), говоря: «я раскаиваюсь», отпусти (грехи) ему (прости его)', в греч. ἐπιστρέφω. Сходные отношения наблюдаются и в функционировании глагола inmaidjan 'изменять': allai auk ni gaswiltam, if allai inmaidjanda (K. XV, 51) 'все мы не умрем, но все мы изменимся (претерпим изменения)', в греч. ἀλλαγῆσόμεθα от ἀλλάσσω 'делать другим', пассивная форма употреблялась с интранзитивным значением. Характерно, что употребление того же глагола с возвратным местоимением при сохранении медиального значения подчеркивает большую степень участия субъекта в данном процессе, ср., например: ... jah inmaidida sik in andwairþja ize '...и превратился (перевосплотился) в их присутствии (принял другой образ)' (Mrk. IX, 2); в греческом стоит глагол μεταμορφώθη; тем самым и здесь намечается известное различие в значении медиопассивной и так называемой возвратной формы, но оно имеет иное содержание, чем дифференциация тех же форм глагола afwandjan. По-видимому, с интранзитивным значением употреблена и форма глагола andhuljan 'объявлять': ei sunus mans andhuljada (L. XVII, 30) 'когда сын человеческий объявится', (в греч. ἀποκαλύπτεται 'обнаруживаться' || ἀποκαλύπτω 'открываю', 'обнаруживаю').

В приведенных примерах реализация второго варианта оппозиции была обусловлена особым лексическим содержанием, вносимым медиопассивом в глагольную основу. В этой связи в некоторых случаях медиопассивная форма одного и того же глагола выступала в разных контекстах для выражения как первого, так и второго варианта залоговой оппозиции; в качестве примера может быть приведено функционирование соответствующих

форм от глаголов *bigitan* 'находить', *haitan* 'называть', *gadauþjan* 'убивать'.

В отношении глагола *bigitan* могут быть сопоставлены, с одной стороны, такие примеры, как *unte og... swe wiljau bigitau izwis, jah ik bigitaidau izwis* (к. XII, 20) 'а я буду найден вами', в греч. *εὑρεθῶ*, где аффицированность субъекта подчеркивается наличием указания на деятеля; отчасти, может быть, и *jah bigitaidau in imma* (Ph. III, 9) 'чтобы быть найденным в нем' (в греческом та же форма) и, с другой стороны, примеры *jabai sweþauh gawasidai, ni naqadai bigitaindau* (к. V, 3) 'только бы, хотя и одетые, нагими бы мы не оказались' — *εὐρεθῆσόμεθα*, или *biþ-þan-gitanda galiugaweitwods gudis* (K. XV, 15) 'тогда мы окажемся ложными свидетелями бога', в греч. *εὐρισχόμεθα*. Показательно, что и медиально-пассивные формы греческого глагола *εὐρίσχω* могли иметь то же двойное использование: с пассивным значением 'быть найденным' и с медиальным значением 'находиться', 'оказаться'. Таким образом, здесь контекст, определяя смысловозначительные признаки многозначной глагольной основы, уточнял и реализацию залоговой оппозиции. Несколько иные закономерности проявляются в отношении глагольных основ с более простой смысловой структурой; ср. употребление форм глагола *haitan* в разных контекстах: центробежность и известную аффицированность в первых двух примерах и обозначение признака инактивного субъекта как известного качества, свойства во второй группе примеров.

I. — *þai haitanda sunjus gudis libandins* (R. IX, 26) 'которые назовутся (будут названы) сыны бога живого', в греч. *κληθήσονται*, или *qemun bimaitan þata barn jah haihaitun ina afar namin attins is Zakarian. jah andhafjandei so aiþei is qaþ: ne, ak haitaidau Iohannes. jah qeþun du izai þatei ni ainshun ist in kunja þeinamma saei haitaidau þamma namin* (L. I, 60) 'пришли совершить обрезание этого ребенка и назвали его по имени его отца Захария. Но мать его, возражая, сказала: «нет, пусть будет назван Иоанн», и сказали ей, что нет ни одного в роде твоём, кто был бы назван (кто назывался бы) этим именем'.

II. — *urrann þan jah Iosef us Galeilaia, us baurg Nazaraif, in Iudaian, in baurg Daweidis sei haitada Beþlaihaim* (L. II, 4) 'отправился тогда и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давида, который зовется Вифлеем', в греч. *καλεῖται*; интересно, что в некоторых случаях та же форма переводила греческое медиальное причастие: ср., например, ... *þanuh qaþ Romas saei haitada Didimus* (J. XI, 16) '... который называется Д.' = греч. *ὁ λεγόμενος*.

В отношении глагола *haitan* тот или иной вариант залогового значения медиопассива определялся временной характеристикой признака: проекция в будущее, становление признака были связаны с первым вариантом смысловой структуры оппо-

зиции; данность признака, качества, свойства — со вторым вариантом.

Не менее интересны закономерности функционирования медиопассивных форм глагола (*af*)*dauþjan* 'убивать', 'умерщвлять', которые употребляются со значением медиального глагола 'умирать' и соответствуют греческим активным формам глагола *τελευτάω* 'оканчивать', 'оканчиваться': *saei ubil qifai attin seinamma aiþþau aiþein seinai dauþau afdauþjaidau* (Mrk. VII, 10) 'тот, кто дурно говорит об отце своем и матери своей, пусть смертью умрет', в греч. *θανάτῳ τελευτάτω*. В другом контексте та же готская форма от глагола с другой приставкой — *gadauþjan* — выступает как эквивалент медиальной формы греческого глагола *θανατούμεθα* со значением 'умерщвляемся', 'нас умерщвляют': *swaswe gameliþ ist þatei in þuk gadauþjanda all dagis, rahnidai wesum swe lamba slauhtais* (R. VIII, 36) 'как сказано, за тебя умерщвляемся (нас умерщвляют) каждый день, считаемся овцами заклания'; в последнем случае *gadauþjanda* передает явно центробежность процесса и аффицированность субъекта-подлежащего: 'мы насильственно умерщвляемся подобно овцам заклания', в отличие от первого примера, где как форма греческого глагола, так и контекст указывают на использование той же конструкции для передачи содержания глагола состояния. Для соотношения составных элементов готской глагольной системы характерно употребление с тем же значением глагола IV класса, образованного от той же основы и передающего формы того же греческого *τελευτάω*: *þarei maþa ize ni gadauþniþ jah son ni aflharþniþ* (Mrk. IX, 48) 'где червь их не умрет и огонь не угаснет' — в греч. *τελευτᾷ*. Сопоставление контекстов обоих примеров с греческим глаголом *τελευτάω* говорит как будто бы о полном параллелизме. Так, по-видимому, это ощущалось автором греческого евангелия. Употребление разных готских форм свидетельствует об отсутствии четкого разграничения функций медиопассивных форм и глаголов на *-nan* (см. по этому поводу подробнее несколько ниже), если только не предполагать, что сочетание 'смертью умрет' в примере Mrk. VII, 10 вносило дополнительный оттенок аффицированности и центростремительности.

Число примеров, в которых преобладало значение медиопассива, обусловленное вторым вариантом оппозиции актив || медиопассив, может быть значительно увеличено, но анализ этих примеров не дает ничего принципиально нового. Между тем и приведенного материала достаточно для того, чтобы отметить известную схематичность и неполноту обычной характеристики медиопассива. Хотя последний и не был столь многозначен, как греческий медиум, и, например, рефлексивность, взаимность и целый ряд других значений, свойственных греческому медиуму, не входили в функции готского медиопассива, однако свести все значения последнего к чистому страдательному залогу,

т. е. только к центростремительности процесса, в свою очередь не представляется возможным. Близость собственно пассивного восприятия субъекта признака к субъекту медиальному в широком смысле слова, нечеткость границ, характерная для медиума и пассива на разных этапах развития индоевропейских языков, обусловленная ведущим значением основной оппозиции центростремительный процесс || нецентростремительный процесс, прослеживаемая фактически и сейчас в самых разнообразных языках, выступала и в употреблении готского медиопассива. Многозначность медиопассивных форм сказалась не только в возможности разной интерпретации одного и того же контекста, но и в совершенно четко выявившейся тенденции использовать его помимо функции страдательного залога, для образования своеобразного сказуемого состояния или непереходного действия, противопоставляемого сказуемому переходного действия, оформленному активными глагольными показателями. В этой связи еще в большей степени осложняется дифференциация между медиопассивом и другими элементами глагольной системы в готском, используемыми для выражения тех же противопоставлений.

4

Как уже отмечалось выше, необходимо уточнить соотношение медиопассива с готскими глаголами IV класса, с конструкцией глагол + возвратное местоимение и с описательными формами, развивавшимися из именного сказуемого и находящимися в процессе морфологизации (см. гл. IV, раздел 2).

Остановимся сначала на первой группе явлений: подробный анализ семантики IV класса глаголов на *-nan* и сочетаний причастия II со служебными глаголами дается в III и IV главах; вместе с тем некоторые принципиальные отличия, как, например, невозможность сочетания глаголов IV класса с агенсом или исключение семантики пассива из функций возвратных конструкций, были уже упомянуты.

Для целей этого раздела наиболее показательным является частичное или полное дублирование медиопассива названными единицами, которое выступает при сопоставлении форм, производных от одного глагольного корня. Частично это было сделано выше при сопоставлении, например, медиопассива от *gadaufjan* и глагола IV класса *gadaufnan* или медиопассивной формы от *afwandjan* и сочетания того же глагола с возвратным местоимением. Для задач данной главы интерес представляют следующие глаголы, имеющие параллельные своеобразные дублиеты в медиопассивных формах переходных глаголов, образованных от того же корня, что и соответствующий глагол IV класса: *gadaufnan* 'умирать', *ushauhnan* 'прославиться', *usfullnan* 'исполниться', 'наполниться', *andletnan* 'отпускаться', *mikilnan* 'славиться',

'возвеличиваться', *usluknan* 'открыться', *usmernan* 'распространиться', *gataurnan* 'прекратиться', 'исчезнуть' и *weihnan* 'святиться'; следовательно, девять глаголов IV класса, выступая в качестве совершенно конкретных конкурентов медиопассива, могут дать материал для известных выводов о характере разграничения функций этих форм.

В двух случаях, а именно при сопоставлении оборотов с глаголами *andletnan* и *usmernan* и соответствующих медиопассивных форм, выступают различия скорее лексического, нежели синтаксического характера. Форма глагола IV класса *andletnan* встречается один раз — в Послании к Филиппинцам (I, 23) со значением 'освободиться', 'развязаться' как эквивалент греческому активному инфинитиву *ἀναλῶσαι*. Медиопассивные же формы образованы от глаголов с приставками *fra-*, *af-* (это само уже говорило об известном лексическом различии) и соответствуют формам другого греческого глагола, ср. *afletanda frawaurhteis* (греч. ἀφείωνται) 'отпускаются грехи' и *leitil fraletada* (греч. ἀφίστα) 'мало отпускается' (L. VII, 47). В грамматическом плане сопоставлять эти формы не представляется целесообразным, поскольку они выступают с разным лексическим значением, как формы двух разных лексических единиц.

Еще в большей степени это положение относится к сравнению глагола *usmernan* и медиопассивных форм глагола *merjan*. Первый употреблен один раз — в евангелии от Луки (V, 15) со значением 'проходить', 'распространяться' как перевод греч. διέρχεται: *usmernoda þan þata waurd* 'распространилось это слово', греч. διήρχετο; вторые встречаются несколько раз со значением 'проповедовать', 'проповедоваться' как эквивалент медиальных форм греческого καταγγέλλω 'возвещаю', 'объявляю', 'проповедую' или же κηρύσσω 'быть глашатаем', 'возвещать', в Новом Завете 'проповедовать', ср., например, Ph. I, 18 или Mrk. XIV, 9.

Совершенно иной материал дает сопоставление других глаголов. Так, например, формы глагола *ushauhnan*, употребляемые со значением 'прославляться', 'возвеличиваться' (= медиопассивным формам греческого ἐνδοξάζω 'прославлять'), в лексическом значении не отличаются от медиопассивных форм глагола *ushauhjan* = греч. ὀφρω 'возвеличивать' или *hauhjan* = греч. δοξάζω, в Н. З. 'прославлять', 'хвалить', несмотря на то, что в одних случаях глагол был с приставкой, в других без приставки; ср. *ei ushauhnaï namo frauþins unsaris* (thes. I, 12) 'чтобы возвеличилось (прославилось) имя господа нашего' (в греч. ἐνδοξασθῆ) и медиопассивные формы от *hauhjan*: *ei hauhjaidau sunus gudis þairh þata* (J. XI, 4) 'чтобы прославился сын бога через это' (δοξασθῆ), *ei hauhjaidau atta in sunau* (J. XIV, 13) 'чтобы прославился отец в сыне' (δοξασθῆ).

Почти полное совпадение функций обеих единиц дает и сопоставление глагола IV класса *usluknan* 'открываться', являюще-

гося эквивалентом медиально-пассивных форм греческого ἀνοίγειν 'открывать', и медиопассивных форм готского глагола *uslukan*, соответствующих тем же формам того же греческого глагола: ср. *jah usluknodedun im augona* (M. IX, 30) 'и открывались им глаза' (ἀνεψυθησαν) или *jah hlaiwasnos usluknodedun* (M. XXVII, 52) 'и гробы открылись' (в подлиннике та же греческая форма) с медиопассивной формой глагола *uslukan*: *ni uslukaindau dau-gons Jairusalems* (Neh. VII, 3) 'пусть не откроются ворота Иерусалима' — ἀνοίγῃσονται. Единственным различием семантики приведенных форм является соотносительность во времени. Одну и ту же позицию занимают в залоговых оппозициях глагол *mikilpan* 'возвеличиваться', соответствующий греческим медиальным формам глагола μεγαλύνω 'возвеличивать', 'хвалить', и медиопассив готского глагола *mikiljan*, передающий тот же греческий глагол. В обоих случаях на первый план выступает центристость процесса.

Аналогичную близость обнаруживает и употребление глагола IV класса *gataurnan*, эквивалента форм греческого καταρῆναι в Н. З. 'делать недействительным', 'уничтожать', и медиопассивных форм глагола *gatairan*, соответствующих тем же формам того же греческого глагола: ср., например, *biþe qimiþ þata ustauhan ist, gataurniþ þatei us dailai ist* (K. XIII, 10) 'когда же придет совершенное, прекратится (уничтожится) то, что половинчато (из частей)' ~ *trīaþwa aiw ni gadriusiþ, iþ jaþþe praufetja gatairanda jaþþe razdos galveiland jaþþe kunþi gataurniþ* (K. XIII, 8) 'любовь никогда не пропадает, если даже пророчества прекратятся, языки умолкнут и знание прекратится', где одинаковые в залоговом и временном отношении формы подлинника καταρῆναι-совета, *καταρῆναι* передаются в первый раз медиопассивом, а во второй раз формой глагола на *-nan*. Наряду с этим медиопассивные формы глагола *gatairan* служили соответствием формам другого греческого глагола — καταλύνω 'прекращать', 'разрушать', 'уничтожать'; *gatairada* = *καταλύνῃ*.

Переkreщиваются в своем функционировании и медиопассивные формы глагола *fulljan* 'наполнять' с разными приставками и формы глаголов IV класса *fullnan* 'наполняться', *usfullnan*, *gafullnan* 'исполняться': ср., например, *ei garaihteī wito-dis usfulljaidau in uns* (R. VIII, 4) 'чтобы справедливость закона исполнилась (осуществилась) в нас' ~ *ei usfullnodedi þata game-lido þairh Esaian praufetu* (M. VIII, 17) 'чтобы исполнилось (свершилось) сказанное пророком Исaией'; в обоих случаях в подлиннике стоит πληροῦθῃ.

Расхождение залоговых признаков, большую близость к I варианту залоговой оппозиции медиопассивной формы и, напротив, осуществление II варианта в форме глагола IV класса можно отметить, сопоставляя медиопассив глагола *weihan* и формы глагола IV класса *weihnan*: ср. *gaweihada auk þairh*

waurd jah bida (T. IV, 5) 'освящается также через слово и молитву' ~ *weihnai namo þein* (M. VI, 9) 'да святится имя твое'. Наличие в первом случае предлога *þairh* + имя в дат. п. подчеркивает центристость процесса и аффицированность субъекта признака.

Таким образом, на долю глагола IV класса в данном случае приходится большая медиальность по сравнению с собственно центристостью медиопассивных форм. Подобная тенденция совпадает с нормой построения предложения при глаголе IV класса, не терпящего наименования полноценного производителя признака, тогда как при медиопассиве, как уже отмечалось, последний мог быть употреблен. Однако эта общая тенденция, как было видно выше, отнюдь не является для готского языка строго последовательной нормой. Независимо от первоначального значения каждой формы, в употреблении они переkreщивались: формы глаголов IV класса и в предложении без производителя признака могли выражать не только медиальность, но и аффицированность субъекта признака, медиопассив в свою очередь в ряде случаев выступал с чисто медиальным значением.

5

Для отграничения функций медиопассива от функций возвратных сочетаний наиболее показательны те случаи, когда от одного и того же глагола образуются параллельно медиопассивные формы и конструкции с возвратным местоимением; причем с самого начала из сравнения должны быть исключены конструкции с усиленным возвратным местоимением *sik/sis* + *silba*, имеющие подчеркнуто возвратное значение и соответствующие всегда греческим конструкциям с ἐαυτοῦ.

Число глаголов, имеющих засвидетельствованную форму медиопассива и возвратные конструкции без *silba* и употреблявшихся как эквиваленты одних и тех же греческих форм, невелико: сюда могут быть отнесены *gawasjan* 'одевать', 'одеваться', *afwandjan* 'поворачивать', 'поворачиваться', *inmaidjan* 'изменяться', *usskarjan**, не встречающийся в активной форме без *sik*, и в известном смысле *þrafstjan*, *gaþrafstjan* 'утешать'; в других глаголах, как, например, *gahuljan*, возвратные конструкции появляются наряду с сочетаниями глаголов *wisan* и *waigran* + причастие II.

Этот ограниченный материал, конечно, не допускает каких-либо окончательных выводов; однако само ограниченное число случаев своеобразного дублирования медиопассива возвратными конструкциями говорит о более четких границах в употреблении этих двух форм; это тем более показательно, что конструкции с возвратным местоимением представляли собой весьма свобод-

ное сочетание, легко образуемое при любом глаголе, чем они отличались от других способов глагольного словообразования, в частности, например, от тех же глаголов IV класса⁷.

Сопоставляя формы медиопассива и возвратные конструкции указанных глаголов, можно все же раскрыть, несмотря на ограниченность материала, известную тенденцию спецификации каждой формы. Она заключалась в том, что медиопассив в основном выражал центростремительность процесса, тогда как возвратная конструкция передавала своеобразное сочетание центробежности с центростремительностью, связанное с инклюзивностью процесса; ср., например: *ṛanuh ṛan ṛata diwano gawas-jada undiwanēin* (K. XV, 54) 'когда же это тленное оденется нетленным (будет одето)' (ἐνδύεται); *qīṛuh ṛan izwis ṛatei nih Saulaumon in allamma wulṛau seinamma gawasida sik swe ains ṛize* (M. VI, 29) 'говорю вам, что даже Соломон во всем своем великолепии не одевался, как один из этих (цветов)' (περιβάλλετο). Независимо от двух разных глаголов, употребленных здесь синонимично, поскольку и ἐνδύεται обозначало вне контекста 'одеваться', 'одеть что-либо на себя', сам контекст говорит о разных оттенках в характере связей субъекта и приписываемого ему признака: это различие находит свое выражение не только в наличии инструментального объекта в первом предложении, но и в характере самих субъектов, определяемых разными формами сказуемого. Несколько иное соотношение имеется в разграничении медиопассива глагола *inmaidjan* и сочетания этого глагола с возвратным местоимением; ср., например: *allai auk ni gaswiltam iṛ allai inmaidjanda* (K. XV, 51) 'все мы не умрем, но все изменимся' (ἀλλάγησόμεθα); *jah inmaidida sik in andwairṛja izē* (Mrk. IX, 2) 'и превратился (принял другой образ) в присутствии их', в греч. μεταμορφώθη. В первом случае речь идет о процессе изменения, охватывающем пассивный субъект признака независимо от него и помимо его воли, во втором случае чудесное превращение рассматривается как результат внутренней сверхъестественной силы.

Значительно большее сближение обеих форм наблюдается между *afwandjan sik* и медиопассивом от той же глагольной основы (примеры см. на стр. 44); можно сказать, что здесь снято противопоставление центростремительности и медиальной ограниченности процесса. В отдельных случаях, быть может, лишь широкий контекст позволяет объяснить выбор той или иной из конкурирующих форм: ср. *usskarjiṛ izwis garaihtaba jan-ni frawaurkjaid* (K. XV, 34) 'протрезвитесь, как должно, и не грешите' ~ *niu ḥvan gibai im guṛ idreiga du ufkunṛja sunjos*

⁷ Подробнее о сочетаниях глагол+возвратное местоимение в готском см.: М. М. Гухман. О происхождении возвратных конструкций (на материале готского), стр. 104—132.

jah usskarjaindau us unhulṛins wruggon (t. II, 26) 'не даст ли им бог покаяние к познанию истины, чтобы они протрезвились (опомнились, стали трезвыми) от сетей нечистого?' В греческом в обоих случаях стоят активные формы непереходного глагола состояния *ῥῥῥῥ* 'быть трезвым', но только во втором случае становление состояния контекстуально связано с внешним фактором. Если это объяснение соответствует оттенкам значения готского текста, то различие центростремительности, авторизованности ~ медиальной ограниченности процесса, реализуется в формах возвратной конструкции и медиопассива.

Практически неразличимы смысловые дифференциальные признаки *ṛafstjan sik* и медиопассива от глагола *gaṛafstjan*: ср. *saei gaṛafstida uns* (k. I, 4) 'тот, кто утешал нас' || *ṛafstei ṛuk barnilo* (M. IX, 2) 'утешься (успокойся), дитячко' ~ *jaṛṛe gaṛafstjanda in izwaraizos gaṛlaihtais jah naseinais* (k. I, 6) 'утешаемся ли ради вашего утешения и спасения'. Таким образом, синонимические связи между возвратной конструкцией и медиопассивом проявляются отнюдь не одинаково у разных глаголов и в разных контекстах. Очевидно, однако, что возвратная конструкция исключалась из оппозиции центростремительность || центробежность процесса, так как эта форма никогда не выступала в функции одного из членов этой оппозиции. Пример использования инфинитива *hailjan sik* (L. VI, 17) 'излечиться', 'быть излеченным' объясняется общей залоговой нейтральностью готского инфинитива, ср. в этой связи аналогичное употребление синонимического глагола *leikinon* 'лечить', 'лечиться': *jah garunnun hiuhmans managai hausjon jah leikinon fram imma* (L. V, 15) 'и стекалось великое множество народу, чтобы слушать и лечиться у него'. Возвратные конструкции только в тех случаях обнаруживали синонимические связи с медиопассивом, когда последний выступал как член второго варианта залоговой оппозиции. В работе, посвященной специально возвратным конструкциям в готском⁸, было показано, что это сочетание широко использовалось для оформления медиального сказуемого, т. е. широкой субъектной соотнесенности, включая собственно возвратность (относительно редко), непереходность, состояние, аффект. Противопоставление переходного действия непереходному состоянию реализовалось путем оппозиции глагола переходного тому же глаголу с *sik/sis*. Иными словами, оппозиция центробежного процесса процессу инклюзивному, субъектно ограниченному была той сферой, где реализовались синонимические связи возвратных конструкций и медиопассивных форм.

⁸ М. М. Гухман. О происхождении возвратных конструкций (на материале готского).

Характеристика медиопассива и определение его места в системе готских форм было бы неполным, если бы не было вскрыто его соотношение с так называемыми «описательными формами» страдательного залога.

И здесь при ближайшем рассмотрении картина оказывается значительно сложнее, чем это обычно излагается в исследованиях по готскому языку. Сложность ее заключалась в том, что имелся ряд случаев, где соприкасались по своему употреблению обе категории. С точки зрения реальной категории времени употребление медиопассива было ограничено настоящим и будущим временем. В отношении же соответствий с греческими формами приходится отмечать чрезвычайную пестроту. Медиопассив мог передавать греческие формы настоящего времени, будущее пассивное и медиальное, аорист пассивный и медиальный, особенно конъюнктив, нередко было употребление медиопассивных форм вместо греческих причастий. Именно поэтому медиопассив переключивался с описательными формами и точкой соприкосновения был греческий аорист, который передавался всеми описательными конструкциями (с *ist*, *was* и *warþ*)⁹ и еще медиопассивом: ср., например, *ak ei usfulliþ waurþi þata gamelido* (J. XIII, 18) 'чтобы исполнилось сказанное', в греч. *πληρωθῆ*; *usfulljada izwara ufhouseins* (k. X, 6) 'исполнится ваше послушание' (в греческом та же форма); а если добавить еще к этому, что и глагол *usfullnan* мог передавать те же формы, то картина получается весьма пестрая и система не вполне ясная. Для соотношения медиопассива и греческих форм, с одной стороны, так же как для соотношения медиопассива и готских «описательных конструкций» — с другой, характерно, во-первых, то, что готский медиопассив никогда не выражал прошедшего времени и, во-вторых, что он точно так же никогда не выражал результативности; поэтому передача имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта подлинника оставалась за пределами сферы употребления медиопассивных форм; этим же объясняется, что далеко не всякая аористная форма могла быть передана медиопассивом, а лишь так называемый конституирующий аорист.

При сопоставлении медиопассива с причастными конструкциями в свою очередь выступает специфика залогово-видового значения этой формы. Готский медиопассив обычно не служит формой сказуемого качества, свойства или состояния как чего-либо данного¹⁰. Даже в тех случаях, когда медиопассив обозначал известное моральное состояние человека (см. приведенные

выше примеры), он выражал это не как некое качество субъекта, а как процесс, охватывающий субъект, происходящий в отношении этого субъекта или просто осуществляющийся в нем. Именно данный оттенок значения отличает медиопассив от некоторых типов сложного сказуемого (и частично от форм глаголов IV класса; см. гл. III). Это значение медиопассива подтверждается не только анализом соответствующих случаев его употребления, но всей системой его отношений с другими формами как готского, так и греческого глагола.

Наиболее четко эта сторона в употреблении медиопассивных форм выступает при их сопоставлении с сочетанием *ist*+*part.*, поскольку последние выражали состояние, наличное в настоящем. Довольно показательно здесь соотношение форм глагола *giban* 'давать': ср., например, с одной стороны, *saei habaiþ, gibada imma* (L. VIII, 18) (*δοθήσεται*) 'кто имеет — тому дастся...' или *gibaid, jah gibada izwis* (L. VI, 38) 'давайте и дастся вам' (в греч. та же форма) и, с другой стороны, *sei gibana ist mis in izwis* (E. III, 2) 'которая мне дана в вас' (речь идет о благодати божией) (в греч. *δοθείσης*), а также R. XII, 3. В первых двух примерах медиопассивная форма выражает проекцию в будущее, тогда как причастная конструкция фиксирует наличное состояние как некий результат. Сходные отношения дают и формы от глагола *hauhjan* 'возвеличивать'. Медиопассивные формы в тексте *unte hvazuh saei hauheiþ sik silba, gahnaiwjada, jah saei hnaiweiþ sik silban ushauhjada* (L. XIV, 14) 'ибо каждый, кто возвышает самого себя, унижится, а кто унижает себя самого, возвысится' (*ὀψωθήσεται*) не тождественны сочетанию с *ist*: *in þamma hauhþs ist atta meins* (J. XV, 8) 'в том прославлен отец мой' (*ἐδοξάσθη*). Не менее показательны в этом отношении и формы глагола *usfulljan* 'исполнять': ср. *unte all witoþ in izwis in ainamma waurda usfulljada* (G. V, 14) 'ибо весь закон в вас в одном слове исполняется' (в греч. *πληροῦται*); ср. также однотипное употребление медиопассива R. VIII, 4 или L. III, 5 и использование сочетания с *ist*: *usfuliþa im gaþlaihtais* (k. VII, 4) 'я исполнен утешения' или J. VII, 8, соответствующего греческим перфектным формам и выражающего значение состояния, рассматриваемого как некая данность. Проекцию в будущее обозначают медиопассивные формы от глагола *gawasjan*: *þanuh þan þata diwano gawasjada undiowanein* (K. XV, 54) 'когда же это тленное оденется в нетленное' (*ἐνδύσεται*), тогда как сочетание с *ist* сохраняет обычное для этой конструкции значение: *þaiei hnasqjaim wasidai sind* (M. XI, 8) 'те, что одеты в мягкие одежды...' Весьма типично и чередование обеих форм: *ni waiht auk ist gahuliþ, þatei ni andhuljaidau* (M. X, 26) 'нет ничего скрытого, что не открылось бы' — *οὐδὲν γὰρ ἔστιν κρυπτόμενον...* *ἀποκαλυφθήσεται*. Можно еще привести пример различного употребления тех же конструкций от глагола *daupjan* 'крестить': ср.

⁹ Подробнее см. гл. IV.

¹⁰ Известное исключение составляют случаи употребления медиопассивных форм от глагола *haitan* (см. стр. 46).

Mrk. X, 38, где греческие формы переведены медиопассивом, и К. XII, 13, где эти формы переведены сочетанием с глаголом «быть». В первом случае соотнесенная с настоящим временем форма подчеркивает сам процесс, совершаемый по отношению к субъекту, во втором случае сочетание с причастием не только переносит действие в прошлое, но и фиксирует внимание на состоянии, которое это действие вызвало и которое существует в настоящем.

Таким образом, основным в различии медиопассивных форм и сочетаний с *ist* была дифференциация между процессом и данностью, динамикой и статикой, процессуальным и статальным пассивом. Характерно, что готский медиопассив обычно не передавал формы греческого перфекта.

Однако разграничение значений не было чем-то абсолютным: в ряде случаев возможно было и здесь сближение значений, нейтрализация противопоставления, как, например, в употреблении параллельных форм от глагола *qīpan*: ср. *jah wairþiþ in þamma stada þarei qīþada im* (R. IX, 26) 'и на том месте, где сказано им' (в греч. ἐρρέθη); *hausideduþ þatei qīþan ist þaim airizam* (M. V, 21) 'слушайте, что сказано' (в греческом та же форма). Здесь противопоставление процессуального и статального пассива фактически нейтрализуется. Подобное употребление медиопассивных форм, однако, единично.

Вместе с тем и контексты с сочетанием причастия II + *ist* давали разную степень соотнесенности с предыдущим процессом; иногда данность, наличие результата сводились на нет, и на первый план выступала констатация известного факта в прошлом. Особенно это очевидно в тех случаях, где при этом сочетании имеется указание на орудие действия или на производителя действия в форме дательного падежа или предложной конструкции, а также указание на время, когда осуществилось данное действие (см. гл. IV). Если при сопоставлении медиопассива и сочетаний *ist* + причастие II обнаруживается видо-временное противопоставление, причем видо-временные различия здесь соприкасались с известными модификациями и залоговых противопоставлений, то сочетания причастия с глаголом *wairþan* в залоговом отношении тождественны медиопассиву. Обращает на себя внимание тот факт, что в этом типе сочетаний глагол *wairþan* очень редко стоял в настоящем времени. Иными словами, *wairþ* + причастие II по типу залоговой спецификации выступали как абсолютные синонимы медиопассива, различительными были лишь временные характеристики (ср. подробнее гл. VI).

Суммируя все наблюдения, можно сказать, что употребление медиопассива было связано с выражением двух вариантов оппозиции: 1) медиопассив обозначал центростремительный процесс, аффицирующий субъект в настоящем, включая и повторное действие типа *in þuk gadauþjanda all dagis* (R. VIII, 36) 'ради тебя

умерщвляемся каждый день', а также обозначал действие, аффицирующее субъект в будущем, т. е. употреблялся по преимуществу для обозначения так называемого пассива действия. Однако в отличие, например, от современных немецких форм *wird gebaut, geschrieben* медиопассив обозначал и 2) состояние субъекта. В целом функции медиопассива приближались скорее к функциям русских форм на *-ся*, с одной стороны, типа 'огорчается', 'удивляется' и т. д. и, с другой стороны, типа 'строится' (дом), 'читается' (книга) и т. д., тогда как сочетание с *ist* может быть сопоставлено с аналогичными причастными образованиями в русском.

Медиопассив в готском образует основное звено залогового противопоставления. При этом соотношение готских форм действительный залог || медиопассив хотя и менее многозначно, чем противопоставление греческих форм действительный залог || медиум, все же лишено той однозначности, которой обладает, например, противопоставление действительный || страдательный залогов в немецком (см. гл. I).

Вследствие асимметричности оппозиции действительный залог || медиопассив второй компонент как бы притягивает к себе разные по структуре, но однотипные по залоговым различительным признакам образования. Эти функционально близкие к медиопассиву образования — глаголы на *-nan* и сочетания с причастием II — не занимают, однако, своего определенного места в парадигматическом ряду залоговых противопоставлений, так как в большинстве случаев отсутствует устойчивая выработанная временная или видовая соотнесенность между этими разными образованиями и самим медиопассивом. Анализ функционирования группировки готских глаголов на *-nan* (гл. III), а также сочетаний с причастием II (гл. IV) позволяет скорее говорить о нескольких параллельно развивавшихся приемах залогового моделирования.

«Неполнота» парадигматического ряда действительный залог || медиопассив, с одной стороны, параллельное сосуществование рассмотренных выше образований — с другой, создавали чрезвычайную пестроту соотношения форм подлинника и готских глагольных образований.

7

Не касаясь пока вопроса о причинах своеобразного «лоскутного» характера залоговых противопоставлений в готском, обратимся к рассмотрению отношения готского медиопассива и аналогичных реликтовых форм в древнеисландском и древнеанглийском к этимологически близким образованиям других индоевропейских языков.

Традиционное положение о генетическом тождестве готского медиопассива и индоевропейского медиума разделялось далеко

не всеми исследователями. Тогда как большинство германистов и компаративистов — Э. Прокош¹¹, В. Штрайтберг¹², А. Мейе¹³, Я. Сафаревич¹⁴, А. Вайан¹⁵, В. Петерсен¹⁶ — считали положение об этимологической эквивалентности обеих категорий не нуждающимся в доказательствах, К. Бругман в специальной статье¹⁷, посвященной данной проблеме, сопоставляет готские формы с третьим лицом медиального императива типа др.-инд. bhāratām, которые, по его мнению, в свою очередь связаны с глагольными именами на -tam. Эта форма, не знавшая дифференциации по лицам, якобы смешалась в готском с остатками старого медиума, подобно тому, как это произошло в системе итало-кельтского пассива с формами на -r¹⁸. Свою концепцию К. Бругман обосновал на двух моментах: семантическом и фонетическом. Утверждая, что готские медиопассивные формы всегда обозначали пассив, Бругман полагал, что уже один этот факт мешает сопоставлению готской и греческой системы.

Приведенный выше материал позволяет уточнить закономерности функционирования готского медиопассива; форма эта и в готском не была столь однозначной. Кроме этого, положение Бругмана недостаточно убедительно и потому, что весьма часто генетически тождественные формы оказываются совершенно поразному использованными в системе даже близкородственных языков: достаточно в этой связи сослаться на судьбу так называемых основ аориста и перфекта в разных индоевропейских языках. К тому же, как показывает и материал из истории других индоевропейских языков, тенденция к преобразованию сложной смысловой структуры медиума прослеживается и за пределами германских языков (см. следующие главы, особенно гл. VI). Сопоставляя готский медиопассив с третьим лицом медиального императива в древнеиндийском, Бругман объединял в одну систему формы готского императива типа atsteigadau 'пусть сойдет' с медиопассивом, утверждая, вопреки контексту и содержанию подлинника, что эти императивные формы употреблялись в значении безличного пассива. Между тем эти единичные формы (atsteigadau, lausjadau и liugandau), имевшие в готском всегда значение императива действительного залога, должны быть со-

поставлены с аналогичными индоевропейскими образованиями на *-tōd. *-tōd в германских языках > -da, к которому, по-видимому, присоединилась энклитическая частица u, столь распространенная в готском в оптативных формах¹⁹. Р. Бирвэ сопоставляет это оформление готского императива с древнеиндийскими императивами типа bhārat-u²⁰. Эта часть построения К. Бругмана не получила особой поддержки²¹. Значительно большее распространение получили фонетические аргументы Бругмана. Они сводились к следующему: в готском в абсолютном конце слова и.-е. -ai должно было сохраниться, так как ai сохранялось, например, в формах множественного числа прилагательных, ср. гот. blindai 'слепые'. Эта точка зрения была впоследствии поддержана Р. Бирвэ²².

Указанные соображения Бругмана, как нам представляется, весьма спорны, так как они основываются на судьбе одного лишь форманта. Между тем, не касаясь вопроса о произношении дифтонгических сочетаний в абсолютном конце слова в готском языке к эпохе создания письменных памятников, следует указать, что диграф в этой позиции сохранялся в готском лишь в следующих случаях: 1) если конечная морфема некогда имела после дифтонгического сочетания согласный, отпавший, по-видимому, еще в общегерманскую эпоху: ср., например, форму оптатива третьего лица nimai < *nemaiþ < *nemoit; 2) если сочетание исторически возникло на стыке двух морфем, из которых в исходе одной был долгий гласный или двуфонемное сочетание, а вторая морфема была простым гласным: ср. готскую форму дательного падежа германских основ на -ō- gibai, где -ai восходит к -ō- основы + окончание -i (дательного или местного падежа), т. е. к *-ōi < и.-е. *āi. Напротив, индоевропейские двуфонемные сочетания не сохранялись в готском языке в абсолютном конце двусложных словоформ, например готская форма дательного падежа германских основ на -a- была daga, где -a-, по-видимому, восходило к *ai < -a- основы + i (то же падежное окончание, что и в форме gibai), иными словами, готское окончание дательного падежа слова dags восходит в конце концов к индоевропейскому формативу *-oi²³.

¹¹ E. Prokosch. A comparative germanic grammar. Philadelphia, 1937.

¹² W. Streitberg. Urgermanisch. Heidelberg, 1896.

¹³ A. Meillet. Les caractères généraux des langues germaniques. Paris, 1917.

¹⁴ J. Safarewicz. Les désinences primaires moyennes de l'indoeuropéen. «Bulletin de l'Académie Polonaise». Kraków, 1938.

¹⁵ A. Vaillant. Les origines du medio-passif. — BSL, vol. 42, 1946.

¹⁶ W. Petersen. The personal endings of the voice. «Language», 1936, vol. XII, № 3.

¹⁷ K. Brugmann. Das -ada Passivum im Gothischen. — IF, 1932.

¹⁸ Там же, стр. 26—62.

¹⁹ См. подробнее: М. М. Г у х м а н. Судьба индоевропейского медиума в германских языках, стр. 83.

²⁰ R. Birwé. Griechisch-arische Sprachbeziehungen im Verbalsystem. Walldorf, 1956, стр. 44—46.

²¹ Что касается специально готского императива, то еще Г. Хирт сопоставлял эту форму с греческим третьим лицом множественного числа императива φερόντων и др.-инд. bhārantam (H. Hirt. Indogermanische Grammatik, Bd IV. Heidelberg, 1928, стр. 129).

²² См.: R. Birwé. Указ. соч., стр. 44—46, где дается и литература вопроса.

²³ О падежном показателе i в этом типе основ см.: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, стр. 303;

Если приведенная реконструкция дательного падежа слова *dags* справедлива, то, очевидно, индоевропейские **ai*, **oi*, совпав в германском языке-основе в **ai*, впоследствии в абсолютном конце слов переходили в готском в *a*, т. е. теряли второй компонент двуфонемного сочетания. В таком случае нет никаких оснований отвергать традиционную точку зрения на готские окончания медиопассива *-da*, *-za*, *-nda* как на показатели, генетически тождественные греческим *-tai*, *-sai*, *-utai*.

Что касается формы именительного падежа множественного числа мужского рода местоименного склонения прилагательных типа *godai*, *blindai*, *mikilai*, то форма эта легко объясняется как образование, развивавшееся по аналогии с односложными формами местоимений: ср. *ƿai* 'эти', где *ai* сохранялось, поскольку оно было под ударением. Как известно, проникновение местоименных форм в именное склонение прилагательных — процесс относительно поздний в германских языках. Характерно, что распределение именных и местоименных форм в системе сильного склонения не совпадает по отдельным германским языкам: дательный падеж единственного числа женского рода в готском имеет именное окончание — *mikilai*, *blindai* по типу *gibai*, в древнеисландском и западногерманском языках окончание местоименное; дательный падеж множественного числа всех трех родов в древнеисландском имеет окончание *-um*, *-om*, весьма распространенное в именном склонении, в отличие от готского и древне-немецкого языков, где окончание было прономинальным (готскому *-aim* в древнеисландском должно было соответствовать *-em*), и т. д. Формы множественного числа мужского рода в скандинавских языках и в готском генетически не тождественны: готскому *-ai* соответствует уже в рунических надписях *-ǣR*, в древнеисландском *-er*, где *-R*, *-r* явно именного происхождения, подобно *-r* в форме множественного числа мужского рода указательного местоимения в том же древнеисландском (ср. *ƿeir* 'эти', 'они'). В этих условиях взаимодействия парадигматических рядов сохранение *ai* в формах *mikilai*, *blindai* и т. д., как нам представляется, легко объясняется влиянием местоименной формы и отнюдь не может служить опровержением традиционного объяснения о соотношении гот. *-da* и греч. *-tai*; ср. еще соотношение гот. *ƿauga* 'впереди' и греч. *ƿараи* 'около', 'при'. Возможно, что известное влияние на сохранение *-ai* в *blindai*

оказало и стремление к дифференциации форм среднего и мужского рода²⁴.

Вместе с тем ряд языковедов, в том числе А. Мейе²⁵, А. Вайан²⁶, В. Петерсен²⁷ и др., опираясь на предположение о первичном характере в медиальной парадигме так называемых секундарных окончаний **-to*, **-so*, пытались с ними сопоставить и готские медиопассивные окончания. Поскольку и-е. о в абсолютном конце слова, т. е. в неприкрытой позиции, должно было отпасть еще в общегерманскую эпоху, данное предположение не может быть принято. Предполагать, что в готских форматах *-da*, *-za* представлена ступень удлинения, т. е. **-tō*, **-zō*, также нет оснований, так как существование подобных форм в медиальной парадигме не подтверждается конкретными фактами²⁸. Наконец, обращалось внимание на расхождения в ступени чередования тематического гласного²⁹; в греческом во втором и в третьем лице единственного числа *-ε-*, в готском *-a* < и-е. **o*. В готском, очевидно, произошло выравнивание по множественному числу, что, несомненно, стимулировалось стремлением избежать совпадения третьего лица единственного числа медиопассива и третьего лица единственного числа претерита слабых глаголов I класса (ср. *nasjada* 'спасается'; *nasida* 'спас'). Поэтому и утверждение Р. Бирвэ, что готская медиопассивная парадигма не связана с греческим и древнеиндийским медиумом и поэтому вопрос о происхождении этих форм следует считать неясным, представляется малооправданным.

Не столько фонетические и семантические, сколько морфологические особенности данной категории должны обратить на себя внимание при постановке вопроса о происхождении этой категории в готском и, шире, в германских языках. Эти морфологические особенности отличают систему готского медиопассива от системы действительного залога в том же языке, с одной стороны, и от оформления медиума в греческом и древнеиндийском, с другой стороны. Они выражаются в следующем: отсутствие временной дифференциации, отсутствие именных форм и, самое главное, отсутствие обычной для готского спряжения дифференциации по лицам, благодаря чему в единственном числе общее окончание проходит в первом и третьем лице, а во множественном — во всех трех лицах. Характер этих особенностей, их воз-

²⁴ «Сравнительная грамматика германских языков», т. II. М., 1962, стр. 334—335.

²⁵ A. Meillet. Remarques sur les désinences verbales de l'indo-européen. — BSL, vol. 23, 1922, стр. 68.

²⁶ A. Vaillant. Указ. соч.

²⁷ W. Petersen. Указ. соч.

²⁸ См. также: М. М. Гухман. Судьба индоевропейского медиума в германских языках, стр. 84; «Сравнительная грамматика германских языков», т. II, стр. 334.

²⁹ R. Birwé. Указ. соч., стр. 45, 46.

A. Meillet. Les cas employés à l'infinitif en indo-européen. — BSL, vol. XXXII, fasc. 2. Paris, стр. 188; сб. «Вопросы методики сравнительно-исторических исследований». М., 1956, стр. 240—241; М. М. Гухман. Готский язык. М., 1958, стр. 77; е е же. Судьба индоевропейского медиума в германских языках, стр. 80, примечание; «Сравнительная грамматика германских языков», т. III. М., 1963, стр. 159—160.

можные причины, их удельный вес для определения специфики готского медиопассива отнюдь не одинаковы, хотя все они могут рассматриваться как проявление своеобразной неполноты форм в системе готского медиопассива.

Младограмматическая точка зрения на эти морфологические особенности сводилась к признанию, что все эти формы, восстанавливаемые на основе одностороннего привлечения греческих и древнеиндийских материалов, были потеряны германскими языками. Поэтому предполагалось, что готский, а быть может, и германский язык-основа потеряли не только многие временные формы индоевропейского медиума (аорист, перфект, будущее время), но и отсутствующие именные формы; а в парадигме спряжения формы третьего лица постепенно вытесняли формы других лиц. Однако вся эта схема развития глагольной системы подверглась пересмотру начиная с 20-х годов. Еще А. Мейе отмечал, что многие элементы медиальной парадигмы — новообразования, возникшие по аналогии с системой личных окончаний актива. Он же первый высказал предположение о вторичности перфекта в медиальной парадигме; тем самым утверждалось, что отсутствие этой категории в системе готского медиопассива отражало более древнее состояние. Изучение хеттских и тохарских материалов способствовало дальнейшему пересмотру старой схемы реконструированного медиума. В этой связи Ю. Курилович³⁰ и Х. Станг³¹, сопоставляя медиальные окончания греческого и древнеиндийского языков с системой индоевропейского перфекта и хеттского спряжения на *-hi*, пришли к выводу о связи медиума и перфекта. Медиальная парадигма рассматривается как результат преобразования архаичного перфекта под влиянием приспособления к парадигме актива. Несколько иначе рассматривал эти процессы Я. Сафаревич³². Последний предполагал, что первоначально в языке существовало лишь одно собственно медиальное окончание третьего лица **-to*, **-nto*, парадигма же медиума сложилась с использованием системы личных окончаний перфекта. Позднее А. Вайан³³, вновь исследуя материал хеттского в сопоставлении с данными других индоевропейских языков, подчеркнул индивидуальный характер оформления медиальной парадигмы в отдельных индоевропейских языках. Общей же основой, по его мнению, были безличные формы на **-t* и **-o* именного происхождения, а также некоторые образования с суффиксом **-a* и нечеткими флективными показателями.

³⁰ J. Kuryłowicz. Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite. — BSL, vol. 33, fasc. 1, 1932.

³¹ Chr. Stang. Perfektum und Medium. «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Bd. VI. Oslo, 1932.

³² J. Safarewicz. Указ. соч.

³³ A. Vaillant. Указ. соч.

В ряде исследований (кроме работы Сафаревича, см. также статью В. Петерсена³⁴) подчеркивается исторический примат форм с секундарными личными окончаниями, в частности в третьем лице единственного и множественного числа. В качестве материала для сравнения при этом широко использовались факты готского языка, получавшие в этой связи и новую, во многом, несомненно, спорную интерпретацию.

Определенное толкование готских медиальных показателей связано, таким образом, с проблемой реконструкции индоевропейского медиума. Вместе с тем новые тенденции, наметившиеся в рассмотрении генезиса индоевропейского медиума, вели к пересмотру традиционных точек зрения на специфические особенности в формальной структуре готского медиума. Старое объяснение готских форм на основе гипотезы о потере некогда существовавшей полной парадигмы индоевропейского медиума оказывалось малоубедительным, поскольку существование этой полной парадигмы было опровергнуто.

Вопрос о древности залоговых противопоставлений в системе именных форм глагола (например, по образцу греческих норм) в свою очередь далеко не ясен. В системе причастий хеттские материалы знают только одну форму, которая меняла свое залоговое значение в зависимости от значения глагола: при переходных глаголах эта форма имела пассивное значение, при непереходных — активное. Ср. *kunanza* 'убитый', *arpanza* 'схваченный', но *hūjanza* 'бежавший', *rānza* 'пошедший'. Примечательно, что и в тохарском причастии претерита не знает залоговых различий и может иметь активное или пассивное значение, а причастия тох. А на *-tām*, тох. В *-tāpe* не обнаруживают, по мнению Э. Бенвениста³⁵, ничего характерного только для медиума. Все эти факты указывают, как предполагает Бенвенист, на первоначальное неразличение залогов в причастии³⁶ (см. гл. IV, стр. 112). Поэтому и решение вопроса о том, какова была система именных форм глагола в эпоху индоевропейской общности, отнюдь нельзя основывать только на данных греческого и древнеиндийского материалов. Еще более неясен вопрос о различных формах инфинитива, оформлявшихся в истории разных групп индоевропейских языков из разных отглагольных имен. Имеются все основания предполагать, что многое здесь было новообразованием. Однако проблема эта выходит за рамки данной работы; к тому же объяснение самого факта отсутствия именных форм в системе готского медиопассива хотя и весьма существенно для понимания истории медиопассива в германских языках,

³⁴ W. Petersen. Указ. соч.

³⁵ Э. Бенвенист. Тохарский и индоевропейский. — Сб. «Тохарские языки». М., 1939, стр. 97.

³⁶ Там же.

все же не является наиболее важной стороной изучаемой нами проблемы.

Значительно более существенным является анализ самих засвидетельствованных медиопассивных форм. Здесь поражает отмеченная выше слабая дифференцированность личных окончаний, отличающая систему готского медиопассива от системы спряжения греческого медиума. Еще более важно, однако, что эта особенность медиопассива резко противостоит оформлению категории лица в готских же формах действительного залога.

При анализе этих форм в медиопассиве обнаруживаются два противоречивых момента: если совпадение окончания первого и третьего лица в единственном числе и общее для всех трех лиц окончание множественного числа рассматриваются традиционной германистикой как результат «обобщения» форм третьего лица (как в индикативе, так и в опативе), ср. *nimada*, *nimanda*, *nimaidau*, *nimaindau*, то, с другой стороны, специфический показатель опатива *-au*, выступающий во всех опативных формах медиопассива — *nimaidau*, *nimaizau*, *nimaidau*, *nimaindau*, связывается в свою очередь в готском в действительном залоге не с третьим, а с первым лицом (ср. активные формы *nīmau*, *nēmjaui*). Последнее обстоятельство является дополнительным доказательством не только своеобразной недифференцированности личных окончаний готского медиопассива, но и известной искусственности этого личного оформления, представляющего своеобразный конгломерат «обобщенных», «аналогизированных» форм.

Еще Мейе в указанной выше статье, а затем частично во «Введении. . .»³⁷ подчеркивал, что система медиальных личных окончаний, имевшаяся в греческом и представлявшая параллель к личным окончаниям актива, явление узкогреческое, результат индивидуального развития данного языка. Об этом писал и Ю. Куррилович в уже упоминавшейся статье. Так, например, в отношении формы первого лица единственного числа высказывается предположение, что греч. *-nai* представляет собой аналогизацию активному окончанию *-ni*, поскольку древнеиндийский не знал элемента *-m* в этой форме, ср. греч. *φέρωναι* и др.-инд. *bhagē*.

С другой стороны, обращалось внимание и на то обстоятельство, что во множественном числе не только готский, но и латынь, и кельтские языки не знают специальных медиальных окончаний первого и второго лица. В германских языках, а именно в готском, как уже отмечалось, была «обобщена» форма третьего лица (?); в латыни же, где в формах пассива и отложительных глаголов произошло, по-видимому, смещение медиальных окончаний с формантом *-r*, наблюдается весьма показательное отсутствие

каких бы то ни было следов медиальных окончаний в первых двух лицах множественного числа.

Очевидно, в западных индоевропейских языках во множественном числе медиально-пассивные формы не знали дифференциации по лицам³⁸, и особенности готского медиопассива характеризуют общегерманское состояние этой формы. Возможно, что материалы германской и итало-кельтской группы здесь ближе к общеиндоевропейским закономерностям, чем греческие формы.

Обратимся к формам единственного числа.

Оформление первого лица, как уже указывалось, и в древних индоевропейских языках не может быть возведено к генетически тождественному показателю. В германских языках готский и древнеанглийский не знают специальной формы в медиопассиве для этого лица. Признать эту закономерность как явление, восходящее к эпохе германской языковой общности, мешают, однако, формы рунических надписей и древнеисландского языка: рун. *haite*, так же как и др.-исл. *heite*, генетически тождественны по своей структуре с формой первого лица в древнеиндийском типа *bhagē* и, следовательно, хронологически должны рассматриваться как более древние, чем готские и древнеанглийские аналогизированные формы. Вытеснение этой формы в готском облегчалось, несомненно, отсутствием специального показателя во множественном числе. Что касается форм второго и третьего лица индикатива единственного числа и третьего лица индикатива множественного числа, то они, очевидно, генетически тождественны соответствующим греческим формам.

Иначе обстоит, по-видимому, дело с показателем опатива *-(a)u*, оформляющим все спряжение в этом наклонении. Германские языки в системе медиопассива не сохраняют следов индоевропейских вторичных показателей. Структурно опативные формы медиопассива в готском, вероятно, представляют германское или даже готское новообразование. Оформление их обусловлено использованием частицы *-u*, которая появлялась и в опативе действительного залога, ср. гот. *bindau*, др.-исл. *binda*. Как и в действительном залоге, окончание *-(a)u* не связано генетически с опативными формами других индоевропейских языков. Предположение, что в действительном залоге *bindau* представляет собой форму индикатива настоящего времени, к которому присоединена энклитика *-u*, встречающаяся часто в вопросительных предложениях со значением «ли», представляется наиболее правдоподобным объяснением этой формы. Быть может, эта энклитика связана с функционально близким показателем в древнеиндийском, ср., например, *bhārat-u* 'пусть

³⁷ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 245, 246.

³⁸ Ср.: А. Мейе. Введение. . ., стр. 246: «Западные диалекты, германский, кельтский, итальянский, не дают, следовательно, ни одной специальной формы для 1-го или 2-го лица мн. ч. среднего залога».

несет', bhāgant-u 'пусть несут'; ср. также факты хеттского языка, где *u* оформляет императив как в активе, так и в медиуме³⁹: še-eš-du 'пусть он спит', šu-u-wa-an-du 'пусть они выдавливают', aku, ak-du, 'пусть он умрет', pejagu 'пусть он поворачивается', pejan-daru 'пусть они поворачиваются'⁴⁰.

Подобное оформление первого лица опатива действительного залога характерно лишь для готско-скандинавской группы, тогда как западногерманские формы, по-видимому, восходят к общим для индоевропейских языков показателям опатива.

В системе окончаний опатива в медиопассиве была использована та же энклитическая частица *-u*, которая выступила здесь как обобщенный показатель наклонения без дифференциации по лицам. Последнее оказалось возможным, так как никакой связи с определенным лицом эта частица и не знала.

Что касается личных показателей, то использована была система индикатива, отличалось лишь оформление глагольной основы, сохранявшей характерное для опатива *-i*. Оформление системы опатива при помощи частицы *-u* произошло поздно. Тот факт, что эта частица присоединялась к окончаниям в форме *-da*, *-za*, *-nda*, указывает на относительную хронологию интересующего нас явления: оно не могло возникнуть до того, как дифтонг **-ai* в конечном безударном слоге перешел в *-a*, в противном случае судьба второго компонента дифтонга должна была бы быть другой. Это в свою очередь указывает на поздний характер окончательного построения парадигмы медиопассивного опатива в том виде, как она дошла до нас. Не исключена возможность и влияния форм императива (см. выше).

Что касается отсутствия следов вторичных окончаний в системе готского медиопассива, то обращает на себя внимание следующий факт: вторичные медиальные окончания во всех индоевропейских языках в единственном числе фактически не могут быть возведены к одному показателю, т. е. не обнаруживают генетического тождества: в первом лице греч. *-μεν* (*-μεν*), др.-инд. *-i* атематического спряжения и *-ē* < **-a* + *-i* тематического спряжения (ср. ábharē 'я нес'), так же как и *-a* в опативе (bhārey-a), возводимое обычно к и.-е. **-a*⁴¹, не могут быть генетически тождественными.

Во втором лице показатель **-so*, представленный греческими, персидскими и латинскими формами, сосуществует с др.-инд.

³⁹ E. N. Sturtevant, E. A. Hahn: A comparative grammar of the hittite language. New Haven, 1951, стр. 149, 160.

⁴⁰ И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952, стр. 119.

⁴¹ Вслед за Мейе (см. «Введение...», стр. 247) так же рассматривает этот показатель и Курилович (указ. соч.), сопоставивший его с хеттскими формами.

-thah⁴². Следует особо подчеркнуть отсутствие генетического тождества этих показателей даже в пределах группы близкородственных языков (индоиранские языки).

В третьем лице формы без *-t* и с *-t* чередуются: ср. др.-инд. áduh-a 'он верил' и др.-инд. ábharata 'он носил' и т. д.

Вместе с тем взаимодействие системы первичных и вторичных окончаний широко представлено материалами всех индоевропейских языков. Вторичные окончания встречаются в системе первичных окончаний. Возможно, что др.-исл. *-e* в heite 'я называюсь', как и *-ē* в др.-инд. bhagē являются по своему происхождению вторичными окончаниями. Обратное влияние не менее редко. Очевидно (на это обращали внимание многие исследователи), и само распределение личных показателей в двух противопоставленных рядах, называемых первичными и вторичными показателями, так, как это зафиксировано, например, греческими материалами, было результатом относительно позднего развития индоевропейской семьи языков. Сомнительно, чтобы эта система в целом оформилась еще в эпоху индоевропейской общности. Слишком пестро распределение элементов различных рядов в отдельных индоевропейских языках.

В этой связи реконструируемое совпадение личных окончаний медиопассива в индикативе и опативе в готском было одним из проявлений (правда, весьма интенсивным) общих для всех индоевропейских языков тенденций, тенденций к тому же весьма древних. Поэтому можно предполагать, что данное явление было не специфически готским, а отражало закономерности, характеризующие и другие германские языки, тем более что проникновение вторичного окончания в индикатив обнаружил материал скандинавских языков. Однако то обстоятельство, что остальные германские языки не дают нам никакого сравнительного материала, лишает нас возможности формулировать это более определенно. Система парадигмы общегерманского медиопассива остается во многом неясной.

Сопоставление готского медиопассива с генетически тождественными формами других индоевропейских языков обнаружило существование в парадигме этой категории: 1) явлений, восходящих к эпохе индоевропейской общности (отсутствие перфекта, возможно, отсутствие специальных именных форм); 2) особенностей, характерных для германских языков, а также и для других языков западного ареала (отсутствие дифференциации по лицам во множественном числе), и 3) новообразований, характерных, по всей вероятности, лишь для определенного германского ареала, как, например, замена формы первого лица инди-

⁴² А. Мейе («Введение...») указывает еще формы отложительных глаголов в древнеирландском: по labrithet 'говорить'.

катива формой третьего лица или оформление оптатива энклитической частицей *-u*.

В отличие от греческого и других индоевропейских языков германские языки, так же как и итало-кельтская группа, не знали развития и обогащения парадигмы индоевропейского медиума по аналогии с формами действительного залога. Это сказалось не только в отсутствии в германских языках следов форм, генетически тождественных формам греческого медиального перфекта, но и в сохранении общей для западных индоевропейских языков недифференцированности по лицам во множественном числе.

Быть может, эта «неразвитость» медиальной парадигмы в германских и итало-кельтских языках до известной степени обусловила ее «неустойчивость» в дальнейшем развитии этих языков. Вместе с тем в эпоху обособления отдельных германских языков категория медиопассива оставалась живой, о чем свидетельствуют, в частности, и факты специального оформления оптатива медиопассива в истории готского языка.

Генетическая общность готского медиопассива и индоевропейского медиума не вызывает, таким образом, сомнения.

Другой вопрос, что сам индоевропейский медиум генетически, возможно, связан с различными именными образованиями индоевропейских языков. Однако проблема генезиса индоевропейского медиума выходит за пределы сравнительной грамматики германских языков, изучению одного из разделов которой посвящена данная работа.

Являясь древнейшим компонентом залоговых противопоставлений в германских языках, медиопассив сосуществовал здесь с различными близкими по значению образованиями. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках и становление новых форм страдательного залога происходит на фоне сложных процессов взаимодействия, разграничения и даже «борьбы» старых и новых категорий.

Последующие главы посвящены изучению этих процессов.

Глава III

ГОТСКИЕ ГЛАГОЛЫ IV КЛАССА И РОЛЬ ДАННОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ГРУППИРОВКИ В СИСТЕМЕ ЗАЛОГОВЫХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

(Индоевропейские глагольные основы
и развитие залоговых противопоставлений
в германских языках)

1

При рассмотрении системы залоговых форм в готском обычно упоминается IV класс слабых глаголов, так называемые глаголы на *-nan*, как одно из средств передачи греческих медиально-пассивных форм. Впервые указал на последовательное использование этой категории глаголов для выражения залоговых отношений еще Я. Гримм. В главе о залогах (т. IV «Немецкой грамматики») он включает анализ функций глаголов на *-na-*¹ в раздел, посвященный рассмотрению категории медиума. Кроме названных глаголов, в качестве эквивалентов собственно медиума Я. Гримм называет также возвратные конструкции и некоторые «активные» глаголы. Противопоставляя медиум страдательному залогу, Гримм писал: «Определенный страдательный залог был перестройкой переходного действительного залога: он требовал всегда наличия двух предметов — действующего и страдающего»². Отличительным признаком медиума Гримм считал наличие одного, по его терминологии, субъекта, так как медиум может быть переведен только в неопределенный страдательный залог³. Под «неопределенным страдательным залогом» Гримм понимал страдательный залог в предложении без наименования производителя признака, под «определенным» — ту же категорию в предложении с наименованием деятеля. По-видимому,

¹ J. Grimm. Deutsche Grammatik, Bd IV. Göttingen, 1937, стр. 21, 22.

² Там же.

³ Там же.

именно такое понимание медиума и легло в основу гриммовского определения функций глаголов на *-nan*. «Этим образованием (Wortbildung) Ульфила часто передает греческие формы страдательного залога там, где они могут быть истолкованы с медиальным значением»⁴. Все дальнейшее изложение Гримм и строит на противопоставлении этих глаголов, с одной стороны, активным формам переходного глагола, с другой — формам собственно страдательного залога, причем в качестве отличительного признака этой глагольной группировки отмечалась ее связь с предложением без агенса. После Я. Гримма ту же характеристику глаголов на *-nan* повторяли Т. Якоби⁵, Л. Майер⁶, Г. Геринг⁷ и ряд других языковедов⁸. В 1886 г. А. Е. Эгге в специальной работе, посвященной готским глаголам IV класса, выдвинул на первый план их видовое значение, а именно их инхоативность. После Эгге общепринятой стала характеристика глаголов на *-nan* как глаголов с инхоативно-пассивным значением⁹. Наконец, Х. Аннерхольм в специальном исследовании, посвященном инхоативным глаголам в готском и древнеисландском, пытался показать, что ведущим в смысловой структуре этих глаголов является абсолютно-инхоативное значение, реже встречаются глаголы на *-nan* с медиопассивным значением и, наконец, однозначно пассивное значение характеризует эти глаголы лишь в виде исключения¹⁰. Между тем, как показывает анализ материала, несомненно, данная группа глаголов в эпоху создания готских памятников была одним из средств выражения залоговых оппозиций, и именно эта функция являлась ведущей.

Известно, что некоторые германисты практически не выделяют особенности употребления глаголов на *-nan* среди прочих форм, передающих греческий медиопассив¹¹. Между тем интересен сам факт использования этой лексической группировки в языке, обладавшем иными, казалось бы, более специализированными формами для передачи понятийного содержания оппозиции актив || инактив. Их сосуществование наряду с медиопассивом и

сочетаниями служебных глаголов с причастием II требует уточнения не только смысловой структуры данной группировки, но и определения ее исторического места в процессе оформления залоговых оппозиций в германских языках.

2

К IV классу слабых глаголов в готском относится около 60 глаголов. Большинство из них — глаголы с разнообразными приставками. Все эти глаголы обозначают действие или состояние, ограниченное сферой субъекта. Многим из них противостоят образованные от того же корня переходные глаголы сильные или слабые I класса:

1. bi-auknan	‘умножиться’	ana-aukan	‘прибавить’
2. auknan	‘увеличиваться’	bi-aukan	‘прибавить’
3. ga-batnan	‘получить пользу’		
4. gabignan	‘быть богатым’	ga-bigjan	‘обогащать’
5. af-blindnan	‘ослепнуть’	ga-blindjan	‘ослепить’
6. and-bundnan	‘развязаться’	and-bindan	‘развязывать’, ‘отвязывать’
7. us-bruknan	‘сломаться’		
8. af-daubnan	‘оглохнуть’	ga-daubjan	‘делать глухим’
9. ga-dauþnan	‘умереть’	af-dauþjan	‘умерщвлять’
10. af-dobnan	‘умолкнуть’		
11. drobnan	‘беспокоиться’, ‘смущаться’		
12. ga-drobnan	‘прийти в замешательство’, ‘смутиться’	drobjan	‘вводить в заблуждение’, ‘потрясать’, ‘приводить в смущение’
13. in-drobnan	‘взволноваться’, ‘смутиться’		
14. af-dumbnan	‘замолчать’, ‘умолкнуть’		
15. infeinan	‘сжалиться’		
16. ga-frisahtnan	‘воплотиться’	gafrisajtjan	‘изображать’
17. fullnan	‘наполняться’	fulljan	‘наполнять’
18. ga-fullnan	‘наполниться’		
19. us-fullnan	‘исполниться’, ‘наполниться’	us-fulljan	‘исполнить’, ‘выполнить’
20. us-geisnan	‘поразиться’, ‘ужаснуться’		
21. us-gutnan	‘пролиться’	giutan	‘лить’
22. ufar-hafnan	‘возвеличиться’	us-hafjan	‘подымать’
		us-hafjan sik	‘подыматься’
		ufar-hafjan sik	‘возвеличиться’

⁴ J. Grimm. Deutsche Grammatik. Bd IV, стр. 22.

⁵ T. Jakobi. Beiträge zur deutschen Grammatik. Berlin, 1843.

⁶ L. Meyer. Die gotische Sprache. Berlin, 1869.

⁷ H. Gering. Über den syntaktischen Gebrauch der Participia im Gotischen. «Zeitschrift für deutsche Philologie», Bd V, стр. 294—324, 393—433.

⁸ Из общих работ см.: W. Braune. Gotische Grammatik. Halle, 1920, стр. 104; B. Delbrück. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, Tl. 2. Strassburg, 1897, стр. 123.

⁹ См.: E. Kieckers. Handbuch der vergleichenden gotischen Grammatik. München, 1928, стр. 247; H. Hirt. Handbuch des Urgermanischen, Tl. II. Heidelberg, 1932, стр. 165; W. Krause. Handbuch des Gotischen. München, 1953, стр. 231 и след.

¹⁰ H. Annerholm. Studier över de inkoativa verben på na(n) i gotiskan och de nordiska fornspråken. Lund, 1956, стр. 192—194, 238.

¹¹ Ср., например: W. Streitberg. Gotisches Elementarbuch. III und IV Aufl. Heidelberg, 1910, стр. 188—195.

23. ga-haftnan	'привешиваться', 'при- стать'	ga-haftjan sik	'присоединиться'
24. ga-hailnan	'излечиться'	ga-hailjan	'излечить'
25. us-hauhn	'прославиться'	hauhjan	'славить'
26. ga-hnipnan	'смутиться'		
27. dis-hnupnan	'разорваться'	dis-hniupan	'разорвать'
28. af-hvapnan	'погибнуть', 'по- тухнуть', 'за- дохнуться'	af-hvapjan	'душить'
29. un-hvap- nands	'неугасимый'		
30. and-letnan	'отпускаться', 'быть отпу- щенным', 'умирать'	af-letan	'отпускать'
31. af-lifnan	'остаться'		
32. ga-luknan	'закраться'	ga-lukan	'закрывать'
33. us-luknan	'открыться'	us-lukan	'открывать'
34. fra-lusnan	'гибнуть'	fra-liusan	'терять'
35. managnan	'быть обильным'		
36. us-manag- nan	'множиться'	managjan	'умножить'
37. us-mernan	'распростра- ниться'	us-merjan	'сообщать'
38. mikilnan	'славиться'	mikiljan	'славить'
39. minznan	'уменьшаться'		
40. ga-nohn	'быть обеспечен- ным'	ganohjan	'обеспечить'
41. fra-qistnan	'гибнуть'	fra-qistjan	'губить'
42. ga-qiunan	'быть оживлен- ным, живым', 'воскреснуть'	ga-qiujan	'оживлять', 'воскресить', 'животворить'
43. ur-rumnan	'расшириться'		
44. bi-saulnan	'оскверниться'		
45. sildaleik- nan	'удивляться'	sildaleikjan	'удивлять'
46. ga-skaidnan	'расстаться'	skaidan, af- skaidan	'разлучать'
47. dis-skritnan	'разорваться'	dis-skreitan	'разорвать'
48. af-slaupnan	'ужаснуться'	af-slaupjan	'ужасать'
49. ga-staurk- nan	'засыхать', 'ко- стенеть', 'гиб- нуть'		
50. swinþnan	'укрепляться', 'становиться сильным'		

51. ga-swinþnan	'крепнуть'	in-swinþjan	'укреплять'
52. af-taurnan	'оторваться'		
53. dis-taurnan	'разорваться'		
54. ga-taurnan	'прекращаться', 'исчезать'	gatairan	'прекращать'
55. tundnan	'гореть'		
56. in-tundnan	'гореть', 'сгорать' от желания'		
57. ga-þaursnan	'засохнуть'		
58. ga-þlahsnan	'пугаться'		
59. gaga-wairþ- nan	'помириться'	gaga-wairþjan	'помирить'
60. ga-waknan	'проснуться'	wakan	'бодрствовать'
61. weihnan	'святиться'	weihan	'святить'

Как видно, значительное число глаголов IV класса имеют соответствующую транзитивную параллель, образованную от того же корня, но часто отличающуюся префиксом или отсутствием такового. Кроме того, надо учесть, что отсутствие параллели в текстах отнюдь не должно быть расценено как отсутствие ее в готском языке. В ряде случаев от одного и того же корня, вернее, от одной и той же основы образуются при помощи разных префиксов несколько глаголов IV класса с разными оттенками значения: ср. fullnan 'наполняться', gafullnan 'наполниться', us-fullnan 'исполниться', drobnan 'смущаться', 'беспокоиться', gadrobnan, indrobnan 'взволноваться', 'смутиться', galuknan 'закраться', usluknan 'открыться' и т. д.

Буквально считанные глаголы IV класса употребляются без префикса: managnan, mikilnan, swinþnan, tundnan, weihnan, auknan, fullnan, drobnan (8 из 61). Что касается инхоативности, то это понятие несколько трудно вяжется с такими глаголами, как usgutnan 'пролиться', tundnan 'гореть', swinþnan 'крепиться', weihnan 'святиться', gabignan 'быть богатым', gaþlahsnan 'пугаться' и др. Обычные комментарии, что gadaupnan, gaþaursnan, gafullnan обозначают переход из одного состояния в другое, от жизни к смерти, от цветения к увяданию, от пустоты к полноте, кажутся весьма натянутыми, а в ряде случаев просто неверными; и этот оттенок инхоативности, присущий некоторым глаголам на -nan, был связан с особенностями их залоговой семантики.

Насколько можно судить, IV класс, так же как и I или II, являлся в готском живой, продуктивной категорией; по-видимому, неологизмами были глаголы weihnan 'святиться', bisaulnan 'оскверниться', ga-ga-wairþnan 'примириться' и др. Продуктивность этого образования подтверждается не только значительным числом глаголов, входящих в данный класс, не только легкой сочетаемостью этих глаголов с префиксами, но и частот-

ностью парных оппозиций глагол на *-nan* || переходный глагол, сильный или слабый, I класса.

По содержанию глаголы на *-nan* могут быть разбиты на несколько групп:

I. Глаголы, означающие моральное состояние человека: *drob-nan* 'беспокоиться', 'смущаться', *ga-drobnan*, *indrobnan* 'взволноваться', 'прийти в замешательство', 'смутиться', *infeinan* 'сжалиться', *usgeisnan* 'поразиться', 'ужаснуться', *gahnipnan* 'огорчиться', *afslauþnan* 'ужаснуться', *intundnan* 'сгорать от желания', *gaþlahsnan* 'пугаться', 'смущаться', *sildaleiknan* 'удивиться' — всего 10 глаголов.

II. Глаголы, обозначающие процессы, касающиеся физического, иногда, с переносным значением, морального состояния человека — ослепление, излечение, смерть, гибель и т. д.: *afdaubnan* 'оглохнуть', 'стать бесчувственным', *gadauþnan* 'умереть', *afdobnan* 'умолкнуть', *afdumbnan* 'умолкнуть', *afblindnan* 'ослепнуть', *fralusnan*, *fraqistnan* 'гибнуть', *gaqiuþnan* 'воскреснуть', *bisaulnan* 'оскверниться', *waknan* 'проснуться', *ga-hailnan* 'излечиться' — всего 11 глаголов.

Содержание противопоставления глаголов этих двух групп однокорневым переходным глаголам раскрывается на следующих примерах:

1. *iþ si gasaihvandei gaþlahsnoda bi innatgahtai is* (L. I, 29) 'она же, увидя, смутилась (испугалась) из-за его прихода' || *ei ni þugkjaima swe þlahsjandans izwis þairh bokos* (k. X, 9) 'чтобы не показалось, что устрашаю (устрашающий) книгами (писаниями)'; *jah gadrobnoda Zakarias gasaihvands* (L. I, 12) 'и смутился духом Захарий, увидев', ср. также: *du ni sprauto wagjan izwis fram ahin nih drobnan* (th. II, 2) 'чтобы не колебаться поспешно духом и не волноваться (смущаться)' || *þai drobþandans izwis* (G. I, 7) 'смущающие вас';

2. *jah afblindnodedun fraþja ize* (k. III, 14) 'и ослепли умы их' (гlossa к *afdaubnodedun*) || *gabblindida ize augona* (J. XII, 40) 'ослепил их очи'; *frauþja, nasei unsiþ, fraqistnam* (M. VIII, 25) 'господи, спаси нас, погибаем (гибнем)' || *batizo ist ainana mannan fraqistjan* (L. XVIII, 14) 'лучше одного человека погубить'; *sa sunus meins dauþs was jah gaqiuþnoda* (L. XV, 24) 'ибо сын мой мертвым был и воскрес' || *ahma gaqiuþiþ* (k. III, 6) 'дух воскрешает' ('животворит').

Во всех случаях, когда к глаголу IV класса этих двух групп имеется однокорневой переходный глагол, противопоставляется нецентробежный процесс процессу центробежному или признаку, характеризующий неактивный субъект, признаку, создаваемому (созданному) активным субъектом. Если однокорневой переходный глагол отсутствует, характерные обобщенные черты IV класса все равно сохраняются: ср. *iþ is gahnipnands in þis waurdís galaiþ gaurs* (Mrk. X, 22) 'он же, смутившись от этих слов,

пошел прочь'; *jah sunsaiw alla managei gasaihvandans ina usgeisnodedun* (Mrk. IX, 15) 'и тотчас увидев его, вся толпа удивилась (удивились)'; *iþ eis ni iddjedun in praitoria <un>*, *ei ni bisaulnodedeina* (J. XVIII, 28) 'а они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться (не быть оскверненными)'.
Инвариантом в смысловой структуре глаголов этих двух групп является нецентробежность процесса и неактивность субъекта; неактивность субъекта восстанавливается даже в отношении такого использования глагола IV класса, как в контексте: *jah qaþ du marein: gaslawai, afdumbn!* (Mrk. IV, 39) 'и сказал морю: успокойся, умолкни!'. В зависимости от лексического характера глагола и от условий контекста возможен переход к центристемительности процесса и аффицированности субъекта: ср. *jah gahailnoda sa þiumagus is in jainai hveilai* (M. VIII, 13) 'и излечился слуга его в тот же час' (ср. противопоставление с глаголом *gahailjan*, стр. 80). Сопоставляя глаголы первой и второй групп и содержание всего контекста, в котором они встречаются, можно установить известную общность: а) субъектом, носителем признака является лицо, б) это лицо не мыслится как производитель признака, в) процесс нецентробежен. Пункты б и в характеризуют преобладающее большинство глаголов IV класса, пункт а как обязательное условие характеризует только эти две группы. Если при глаголах, обозначающих гибель, смерть, воскресение, излечение, независимость процесса от соотношенного с ним субъекта, неактивность последнего, кажутся более или менее понятными, то подобное же моделирование процессов, выраженных другими глаголами этих двух групп, требует некоторых пояснений.

Ответ на вопрос, почему глаголы, обозначающие некоторые психические процессы, точно так же оказались включенными в данный класс, следует искать, как нам кажется, в сравнительном материале не только германских и индоевропейских, но и кавказских языков. Как известно, широко распространенным во всех индоевропейских языках, а в частности и в германских, является объектное оформление лица при глаголах аффекта и чувственного восприятия: ср. др.-исл. *mik iðgar* 'я раскаиваюсь', *mik lystir* 'мне хочется', *ugger mik* 'мне страшно', *grunar mik* 'я подозреваю'; др.-англ. *meþ/me gelikiað* 'мне нравится', *meþ/me scamað* 'мне стыдно', *meþ/me langað* 'я тоскую'; ср. также лат. *puet me* 'мне стыдно', *poenitet me* 'я раскаиваюсь', *libet mihi* 'мне нравится', *miseret me* 'мне жаль' и т. д.; ср. также русск. *мне думается*, *мне кажется*, *мне хочется* и т. д. В древнегрузинском языке типологически близким является построение предложения при тех же глаголах аффекта (так называемая дативная конструкция). Не касаясь здесь генезиса данной конструкции, можно с уверенностью утверждать, что объектное оформление лица указывает не только на своеобразно пассивное восприятие носителя при-

знака, но и на центростремительное осмысление процесса. Подобная характеристика субъекта при глаголах аффекта и чувственного восприятия, а также самих процессов, выражаемых этими глаголами, достигалась разными средствами, одним из подобных средств являлась структура глаголов IV класса¹².

Приведенная выше характеристика общности семантики глаголов первой и второй групп подтверждается и анализом гораздо более многочисленной третьей группы глаголов IV класса. К ней относятся довольно разнообразные по семантике глаголы, объединенные, однако, одним оттенком значения: они все обозначают признак при инактивном субъекте (или, иначе говоря, они обозначают состояние такого субъекта), который сам отнюдь не является производителем этого признака, процесс же, обозначаемый подобными глаголами, мыслится по преимуществу как центростремительный.

1) BIAUKNAN — ei hvoftuli izwara biauknai in Xristau Jesu (Ph. I, 26) 'чтобы слава ваша умножилась (была увеличена) в Иисусе Христе'. Конечно, не слава сама себя умножает, а она оканчивается умноженной праведным поступком; 2) USHAUHNAN — ei ushauhnaï namo frauïns unsaris (t. I, 12) 'чтобы прославилось (было прославлено) имя господа нашего'; совершенно те же отношения, что и в первом примере; 3) USMERNAN — usmernoda ðan ðata waurd (L. V, 15) 'распространилась тогда эта весть'; 4) WEIHANAN — atta unsar ðu in himinam weihnaï namo ðein (M. VI, 9) 'отец наш, ты на небеси, да святится имя твое (да будет свято, освящено)'; 5) ANDBUNDNAN — jah andbundnoda bandi tuggons is (Mrk. VII, 35) 'и развязались узы языка его'; 6) FULLNAN; 7) SWINPNAN — ið ðata barn wohs jah swinpnoda ahmins fullnands (L. II, 40) 'и дитя росло и укреплялось, исполняясь духа'; 8) GAFULLNAN — jah wegog waltidedun in skip, swaswe ita juðan gafullnoda (Mrk. IV, 37) 'и волны били в лодку так, что она наполнилась'; ср. также L. VIII, 23; L. I, 41; 9) USFULLNAN — ei ðata waurd Esaeiins praufetaus usfullnodedi (J. XII, 38) 'чтобы исполнилось слово пророка Исаии'; ср. также Mrk. XIV, 49; L. I, 23; J. VII, 9 и др. С иным значением — usgagg and wigans jah faðos jah nauðei inatgaggan, ei usfullnai gards meins (L. XIV, 23) '...чтобы наполнился дом мой'; 10) USGUTNAN; 11) DISTAURNAN — Nið ðan giutand wein niujata in balgins fairnjans, aiððau distaurnand balgeis; biðeh ðan jah wein usgutnið jah balgeis fraqistnand (M. IX, 17) 'не льют также вино новое в меха старые, иначе порвутся меха, а потом и вино разольется, и меха пропадут (погибнут)'. Последний пример дает употребление трех разных глаголов IV класса,

¹² См.: М. М. Г у х м а н. К типологии германского глагола. — Сб. «Вопросы сравнительного языкознания и литературоведения». М.—Л., 1964; ее же. Конструкции с дательным-винительным падежом лица в индоевропейских языках. «Изв. АН», 1945, № 3—4.

и поэтому анализ данного высказывания особенно интересен. Во всех трех случаях глагол IV класса выступает как признак инактивного субъекта, а обозначенный глаголом процесс имеет центростремительный характер; 12) DISHNUPNAN — jah ðata taujandans galukun manageins fiske filu, swe natja dishnupnode-dun ize (L. V, 6) '...так что разорвались их сети' (вследствие большого количества рыбы); 13) USLUKNAN — jah sunsaiw usluknode-dun imma hliumans, jah andbundnoda bandi tuggons (Mrk. VII, 34, 35) 'и тотчас же открылись ему уши и развязались узы языка'; 14) DISSKRITNAN — jah ðan faurhah alhs disskritnoda in twa (M. XXVII, 51) 'и тогда занавес в храме разорвался пополам'; из контекста ясно, что занавес разорвался от бури, сопровождавшей землетрясение; 15) USHAUHNAN — ðan qimið ushauhnan in ðaim weiham (th. I, 10) 'и пришел, дабы быть возвеличенным (ushauhnan) в своих священнослужителях'; 16) GANOHNAN — aððan izwis frauja managjai jah ganohnan gatauðai friaðwai (Th. III, 12) '...и сделал бы обеспеченным любовью' (перевод не точен, собственно: 'совершил, чтобы вы были обеспечены...'); 17) ANDLETNAN — ðanuh lustu habands andletnan... (Ph. I, 23) 'и тогда хочу быть отпущенным (умереть)...'; 18) MIKILNAN — aððan wen habam at wahsjandein galaubeinaï izwarai in izwis mikilnan bi garaideinaï unsarai... (K. X, 15) 'но имею надежду при растущей вере вашей в вас возвеличиться через наш закон...'. Mikilnan обозначает не 'я возвеличу себя', а 'я буду возвеличен благодаря вашей любви', т. е. и здесь при признаке мыслится инактивный субъект, а признак соотнесен с центростремительным процессом; 19) USBRUKNAN — ið jabai sumai ðize aste usbruknodedun (R. XI, 17) 'а если некоторые ветви сломаются'; 20) AFHAPNAN — с несколькими оттенками значения, ср.: а) wesunuh ðan twos ðusundjos, jah afhapnodedun in marein (Mrk. V, 13) 'и погибли их тогда две тысячи (духов, воплотившихся в свиней) и погибли в море'. Это употребление данного глагола собственно аналогично семантике других глаголов второй группы, обозначающих смерть, гибель и т. п.; б) ðarei maða ize ni gaswiltið jah fon ni afhapnið (Mrk. IX, 44) 'и огонь не потухнет'; в) ið ðata in ðaurnuns gadriusando... ðai gahausjandans jah af saurgom jah gabein jah gabajoðum ðizos libainais gaggandans afhapnand jah ni gawrisqand (L. VIII, 14) 'а попавшее (зерно) в тернии — это те, кто слушают, но, занятые заботами и богатством и радостями этой жизни, думаются (гибнут) и не приносят плодов'. Гибель (моральная) наступает как результат внешних влияний, которым пассивно отдается человек. Из трех приведенных примеров содержание высказывания а и в достаточно четко объясняет оформление данного глагола как глагола IV класса, что касается случая б, то хотя и здесь можно говорить об инактивности субъекта, однако в этом контексте менее явно выступает зависимость данного признака от внешнего фактора и поэтому отсутствует

центростремительность процесса, инвариантом же остается нецентробежность.

Близки к случаю б глагола *aflvarnan* несколько глаголов, обозначающих 'сохнуть', 'засохнуть', где пассивность носителя признака и характер процесса имеют точно так же по преимуществу медиальный характер. 21) *GAPAURSNAN* — *rabbe, sai, smakkabagms þanei fraqast gaþaursnoda* (Mrk. XI, 21) 'рабби, смотри, смоковница, которую ты проклял, засохла'; 22) *GASTAURKNAN* (с переносным значением) — *laisari, brahta sunu meinana du þus habandan ahman unrodjandan. jah þishvaruh þei ina gafahiþ, gawairpiþ ina, jah hvarþiþ jah kriustiþ tunþuns seinans jah gastaurniþ* (Mrk. IX, 18) 'учитель, я привел к тебе сына моего, одержимого духом неговорящим, и каждый раз, когда нападает на него, повергает его (на землю) и делает так, что он (сын) покрывается пеной и скрежещет зубами и костенеет' (буквально 'сохнет'). В этом использовании глагол примыкает ко второй группе, объединяющей глаголы с семантикой смерть, гибель, потеря зрения, онемение и т. п., означая в данном случае потерю речи в результате действия нечистой силы.

В отличие от глаголов первой и второй групп, обозначающих физическое и моральное состояние лица (или персонализированной стихии), глаголы третьей группы могут иметь в качестве субъекта в равной степени как предмет, так и лицо; если подходить с чисто количественной точки зрения, то в приведенных здесь примерах даже преобладали высказывания с субъектом-предметом. Однако это не имеет в данном случае принципиального значения. Другой момент обращает внимание: в большинстве примеров последней группы, за исключением, может быть, 19 и 22, частично примыкающих ко второй группе, встречающиеся здесь глаголы обозначают процесс, столь пассивно характеризующий субъект, что всегда за пределами высказывания чувствуется деятельность внешнего агенса, часто и даваемого в контексте. Они выражают не просто состояние или непреходность, а охват субъекта процессом, который вызван внешней силой, так что состояние, в котором очутился субъект, наступает не только независимо от его участия, но и является результатом деятельности внешнего фактора, чем и объясняется осмысление процесса как центростремительного. Отсутствие внешнего фактора в самом высказывании до известной степени смягчает это впечатление, если брать само предложение в изолированной форме; наоборот, контекст, ситуация, почти во всех случаях подтверждает подобную характеристику значения глаголов на *-nan* в третьей группе примеров.

Конечно, есть известные оттенки в этой характеристике, и существует много промежуточных случаев. Кроме того, в основе восприятия процессов, обозначаемых глаголами первой и второй групп, точно так же лежит представление о некоем внешнем фак-

торе, источнике описываемого состояния, однако последний в большинстве случаев при этих глаголах не выступает так четко в контексте. Впрочем, по сути дела и сама разбивка на три группы несколько условна, что видно хотя бы из того, что ряд глаголов третьей группы мог быть отнесен к первой или второй; с другой стороны, скажем, такие глаголы, как *gahailnan* или *gaqianan*, могли попасть и в третью группу, так как в отношении их особенно четко осознавалось данное состояние субъекта как результат деятельности постороннего фактора, что в общем более характерно как раз для последней группы. Само подразделение сделано лишь для лучшей обзримости всех оттенков значения глаголов на *-nan* и в чисто рабочем порядке.

Если подойти ко всем этим группам с точки зрения необходимости разграничения медиального и собственно пассивного субъектов, медиального и центростремительного процессов, то, несомненно, в глаголах первой группы превалировала медиальность, в третьей — пассивность. Характерна для третьей группы и другая особенность: обозначение признака, определяющего субъект как носителя известного состояния, в котором последний очутился в результате действия (но не собственного, а внешнего агенса), сообщало результативный оттенок большинству глаголов; этим частично, по-видимому, и должно быть объяснено преобладание в этом классе префиксальных образований и перфективный оттенок значения весьма многих глаголов на *-nan*. Вместе с тем соотношенность состояния с известным действием внешнего фактора способствовала тому, что состояние воспринималось не как данное качество или свойство инактивного субъекта, а как состояние, в о з н и к а ю щ е е в результате предыдущего действия; именно последнее обстоятельство и определило своеобразную инхотативную окраску анализируемых глаголов. Таким образом, оба видовых значения, на первый взгляд противоположных, переплелись в глаголах IV класса, обусловленные их основной «залоговой» семантикой.

В известной мере особняком стоят несколько глаголов IV класса, в значении которых основным является их непреходность, иногда с известным оттенком возвратности или взаимности: *aflifnan* 'остаться', *skaidnan* 'расстаться', *gagawairþnan* 'примириться', *gahaftnan* 'присоединяться', 'прилипнуть', *ufarhafnan* 'возвеличивать себя', 'превозносить себя' [ср. *ei ni ufarhafnau* (к. XII, 7) 'чтобы не возвеличивал себя']. Эта небольшая группа глаголов, несомненно, отличается по значению от первых трех групп; не случайно глаголы 2, 3, 4 имеют в качестве структурной параллели конструкцию в виде переходного глагола с возвратным местоимением. Основным значением глаголов этой небольшой группы является ограниченность действия сферой субъекта, т. е. отсутствие центробежности без явного подчеркивания инактивности этого субъекта, с одной стороны, и центро-

стремительности процесса — с другой. Общей для этой группы и для глаголов первых трех групп является только отрицательная характеристика: нецентробежность процесса, которая и определяется нами как инвариант в смысловой структуре глаголов IV класса. Однако наиболее продуктивным в функционировании глаголов на *-nan* (на уровне синхронного среза языка готской письменности) является не минимальный залоговый дифференциальный признак, а его сочетание с другими характеристиками: с инактивностью и даже аффицированностью субъекта высказывания, потенциальной центростремительностью процесса.

3

Основные различительные признаки глаголов IV класса, естественно, особенно ясно выступают при анализе оппозиций, где первым членом является глагол на *-nan*, а вторым членом — однокорневой переходный глагол; 42 глагола IV класса (из 61) могли быть членами подобной оппозиции (включая и разные префиксальные образования); отсутствие в текстах у 20 глаголов засвидетельствованных противочленов отнюдь, конечно, не указывает на их отсутствие в готском языке. Ниже мы ограничиваемся лишь небольшим числом примеров (ср. также выше, стр. 74).

1. *andbundnan* — неперех. глагол IV класса: *jah andbundnoda bandi tuggons is* (Mrk. VII, 35) 'и развязались (оказались развязанными) узы языка его'

2. *gahailnan* — неперех. глагол IV класса: *jah gahailnoda sa þiunagus is in jainai hveilai* (M. VIII, 13) 'и излечился (оказался излеченным) слуга его в тот же час'

3. *dishnupnan* — неперех. глагол IV класса: *jah þata taujandans galukun manageins fiske filu swe natja dishnupnodedun ize* (L. V, 6) 'и сделав это, поймали великое множество рыб, так что их сети повалились'

andbindan — перех. глагол, сильный: *gaggiþ swinþoza mis, þizei ik ni im wairþs andbindan skaudaraip skohis is* (L. III, 16) 'придет тот, кто сильнее меня, у которого я недостойн развязать ремни сандалий его'

gahailjan — перех. глагол I класса: *ik qimands gahailjai ina* (M. VIII, 7) 'я, придя, излечу его'

dishniupan — перех. глагол, сильный: *jah dishniupands þos bandjos draibiþs was fram þamma unhulþin ana auþidos* (L. VIII, 29) 'и разорвав те цепи, был он гоним тем нечистым духом в пустыню'

4. *usluknan* — неперех. глагол IV класса: *jah usluknode-dun im augona* (M. IX, 30) 'и открылись им глаза'

5. *usmernnan* — неперех. глагол IV класса: *usmernoda þan þata waurd* (L. V, 15) 'распространилось (стало известным) это слово'

6. *fraquistnan* — неперех. глагол IV класса: *frauþa, nasei unsis, fraquistnam* (M. VIII, 25) 'господи, спаси нас: погибаем (мы)'

7. *distaurnan* — неперех. глагол IV класса: *niþ þan giutand wein niujata in balgins fairnjans, aiþþau distaurand balgeis* (M. IX, 17) 'не льют вино новое в меха старые, иначе разорвутся меха'

8. *gadauþnan* — неперех. глагол IV класса: *qiþa nu izwis þatei gadauþniþ in fra-waurhtim izwaraim* (J. VIII, 24) 'говорю вам, что умрете (вы) в грехах ваших'

9. *andletnan* — неперех. глагол IV класса: *þanuh lustu habands andletnan* (Ph. I, 23) 'и тогда хочу разрешиться (быть отпущенным, умереть)'

10. *ganohnnan* — неперех. глагол IV класса: *aþþan izwis frauþa managjai jah ganohnnan*

uslukan — перех. глагол, сильный: *ibai mag unhulþo blindaim augona uslukan* (J. X, 21) 'разве может бес открывать глаза слепым'

usmerjan — перех. глагол I класса: *iþ eis usgaggandans usmeridedun ina in allai airþai jainai* (M. IX, 31) 'а они, выйдя, распространили весть о нем во всей той земле'

fraquistjan — перех. глагол I класса: *saei bigitiþ saiwala seina, fraqisteiþ izai* (M. X, 39) 'тот, кто бережет душу свою, — погубит ее'

gatairan — перех. глагол, сильный: *qiþandan ina, þatei ik gataira alh þo handuwaurhton* (Mrk. XIV, 58) 'он говорил, что я разрушу (разорву) храм, построенный руками'

gadauþjan — перех. глагол I класса: *at maurgin, þan waurþanana runa nemun allai gudjans jah þai sinistans manageins bi Iesu, ei afdauþidedeina ina* (M. XXVII, 1) 'когда же наступило утро, все священники и множество старейшин совещались об Иисусе, чтобы убить его'

afletan — перех., сильный глагол: *saei afletiþ qen seina* (M. V, 32) 'кто отпустит жену свою' или: *jah aflet uns þatei skulans sijaima* (M. VI, 12) 'отпусти нам долги наши'

ganohjan — перех. глагол I класса: *swa managai ganohjands ins wailawiznai* (Sk. VII, 12)

gataujai friaßwai (Th. III, 12)
'и сделал бы обеспеченными лю-
бовью'

11. afhrapnan — неперех.
глагол IV класса: þai sind þai[e]i
gahaussjandans jah af saurgom
jah gabein jah gabaurjoþum þi-
zos libainais gaggandans afhrap-
nand (L. VII, 14) 'они те, ко-
торые слушают, но, отходя, за-
глушаются заботами...'

12. swinþnan — неперех. гла-
гол IV класса: jah þata barn
wohs jah swinþnoda ahmins (L.
I, 80) 'и дитя это росло и
укреплялось духом'

При сопоставлении примеров с глаголами на *-nan* и примеров
с переходными глаголами того же корня на первый план выдви-
гаются следующие различительные признаки:

1. Глаголы на *-nan* всегда обозначают нецентробежность (не-
переходность) в отличие от глаголов правой колонки.

2. Глаголы IV класса противостоят сильным глаголам и гла-
голам I класса, образованным от того же корня, не только как
непереходные переходным, но и в известной мере как глаголы
состояния глаголам действия.

3. Инеактивному субъекту глаголов IV класса противостоит
активный субъект переходного глагола.

4. Характер соотношения признака, выраженного глаголом
IV класса, к субъекту этого признака в известном смысле функ-
ционально близок отношению переходного глагола к объекту;
поэтому в первом случае признак мыслится как центростреми-
тельный, во втором — как центробежный.

4

Основные функции глаголов IV класса становятся еще более
очевидными при сопоставлении их с формами подлинника.

Глаголы на *-nan* в огромном большинстве случаев соответст-
вуют медиально-пассивным формам греческого.

Многозначность системы греческих медиально-пассивных форм
не позволяет на основе самого факта соответствия этих форм гот-
ским глаголам на *-nan* сделать вывод о семантике последних.
Однако весьма показательно для строя готского глагола, что
греческий действительный залог тех глаголов, медиум и пассив

'обеспечивая их столь богатой
пищей'

afhrapjan — перех. глагол I
класса: jah ufarstigun þai þaur-
njus jah afhrapidedun þata (Mrk.
IV, 7) 'и выросли тернии и за-
глушили его'

inswinþjan — перех. глагол
I класса: jah waurstw þizos
baurgswaddjaus inswinþida
(Nch. V, 16) 'и дело этих го-
родских стен укрепил'

которых переводился готскими глаголами IV класса, отражался
в готском в форме переходного глагола, образованного от той же
основы, что и соответствующая форма готского глагола на *-nan*,
т. е. оппозиция греческих активных || медиально-пассивных форм
одного и того же глагола передавалась в готском противопоста-
влением переходных сильных или слабых глаголов I класса
формам глаголов на *-nan*.

1. andbundnoda bandi tug-
gons is (Mrk. VII, 35) καὶ ἐλύθη
ὁ δεσμός τῆς γλώσσης αὐτοῦ 'и раз-
вязались узы языка его'; греч.
пассивная форма ἐλύθη = Prät.
глагола IV класса.

2. jah wegus waltidedun in
skip, swaswe... gafullnoda (Mrk.
IV, 37) 'и волны били в лодку
так, что она наполнилась';
в греч. пассивная форма γερύε-
σθαι.

3. ei ushauhnaï namo frau-
jins unsaris (th. I, 12) ὅπως ἐν-
δοξάσθῃ τὸ ὄνομα... 'чтобы слави-
лось имя господа нашего'

4. þan galuknoda himins
(L. IV, 25) ὅτε ἐκλείσθη ὁ οὐρανός
'тогда замкнулись небеса'

5. jah usluknodedun im au-
gona (M. IX, 30) καὶ ἀνεφύθησαν
'и открылись у него глаза';
греч. пассивная форма = форме
глагола usluknan.

6. jah ik libain aiweinon giba
im, jah ni fraqistnand aiw (J. X,
28) καὶ ὃ μὴ ἀπόλωνται 'и не по-
гибнут вовеки'

iþ gaggiþ swinþza mis, þi-
zei ik ni im wairþs andbindan
skaudaraip skohis is (L. III, 16)
'придет более могущественный,
чем я, у которого я недостойн
развязать ремень сандалий его';
λῶσαι, в гот. andbindan с пря-
мым объектом.

jah gafulljands swam akei-
tis (Mrk. XV, 36) 'и наполнив
губку уксусом'; в греч. актив-
ное причастие γεμίτας, в гот.
глагол I класса, переходный.

ei gasailhraina izwara goda
waurstwa jah hauhjaina attan
izwarana þana in himinam (M.
V, 16) 'и славил отца вашего',
где греческая активная форма
δοξάζωτιν переведена оптативом
переходного глагола I класса.

jah galauk Iohannen in kar-
karai (L. III, 20) καὶ κατέκλεισεν
'и запер Иоанна в темницу'

ibai mag unhulþo blindaim
augona uslukan? (J. X, 21)
'разве может нечистый открыть
глаза слепым'; греч. активная
форма того же глагола = гот.
переходному глаголу uslukan.

ni fraqistida ize ainumme-
hun (J. XVIII, 9) οὐκ ἀπόλεσα
'не погубил ни одного из них'

7. unte swaswe in Adama al- anabiuda in andwairþja gu-
lai gadauþnand, swah in Kris- dis þis gaqiujandins alla (T. VI,
tau allai gaqiunand (K. XV, 22) 13) τοῦ θεοῦ τοῦ ζωοποιούτος τὰ
πάντες ζωοποιήθησονται 'все вос- πάντα 'воскресающего все'
креснут'

Таким образом, совершенно последовательно греческой оппозиции медиум или пассив || активные формы соответствует готская оппозиция глагол IV класса || соответствующий переходный глагол. Греческие медиальные и пассивные формы были формой моделирования известных отношений субъекта к характеризующему его признаку; по-видимому, и в семантике глаголов IV класса имелось сходное содержание. Различие заключалось, однако, в том, что грамматическим залоговым формам греческого соответствовали в готском лексические группировки глаголов. Это различие приводило к большому своеобразию оформления интересующих нас категорий в обоих языках. Несомненно, однако, что общность грамматических значений, лежащих в основе греческих залоговых и готских лексических категорий, осознавалась готским переводчиком, чем и объясняется их систематическое соответствие.

5

Разные способы моделирования залоговых противопоставлений в греческом и готском языках, естественно, обусловили отсутствие полного тождества в функционировании греческих и готских единиц.

Довольно часто форма одного и того же греческого глагола переводилась то формой глагола IV класса, то описательной конструкцией, то так называемым медиопассивом: так, например, греч. πληρωθῆ переводится формой глагола IV класса usfullnodedi (M. VIII, 17), медиопассивом usfulljaidau (J. XV, 11), сочетанием служебного глагола с причастием usfulliþ waurþi (J. XIII, 18). Точно так же греч. μεγαλυνησεται переводится медиопассивом mikiljada (Ph. I, 20), а инфинитив того же глагола — формой глагола IV класса mikilnan (k. X, 15), что объяснялось, в частности, отсутствием инфинитива медиопассива в готском языке.

Это дублирование форм медиопассива и причастных конструкций формами глаголов на -nan было возможно только в том случае, когда в подлиннике имелось предложение без указания деятеля. Норма эта выдерживается с абсолютной последовательностью; в редких случаях при глаголе на -nan называется орудие действия.

Еще более полную характеристику интересующей нас глагольной категории дает анализ тех случаев, где, казалось бы,

вразрез с только что изложенным, готские глаголы на -nan соответствуют греческим активным формам. Несмотря на то, что готские глаголы IV класса являются обычным эквивалентом медиально-пассивных форм подлинника и лишь единичны случаи перевода активных греческих форм формами готских глаголов на -nan, однако в самом этом нарушении обычных отношений нашли выражение закономерности, характерные для строя готского глагола, обусловленные присущим этому строю моделированием категории интранзитивности и состояния.

Отклонения эти коснулись следующих готских глаголов на -nan: gabignan 'быть богатым', managnan 'возвеличиваться', biauþnan 'умножаться', usmanagnan 'иметься в изобилии', gadauþnan 'умереть', ganohnan 'быть обеспеченным', gahnipnan 'огорчиться'.

Так, например, GABIGNAN в предложении gredagans gasoþida þiufe jah gabignandans insandida lausans (L. I, 53) 'голодных насытил хорошо и богатых (богатеющих) послал ни с чем' соответствует греческому активному причастию πλουτούντας от πλουτέω 'быть богатым'. В другом случае та же готская форма переводит греческое медиальное причастие от переходного глагола πλουτίζω: in allamma gabignandans, in allai ainfaþein, sei waurkeiþ þairh uns aiwþaristian guda (k. IX, 11) 'во всем богатые (богатеющие) на всякую щедрость, которая через нас ведет к евхаристии бога', в греческом ἐν παντί πλουτίζόμενοι. Оба примера дают, по сути дела, совершенно аналогичную ситуацию: и в том и в другом случае речь идет о тех, кто имеет богатство, кто находится в состоянии, в положении богатого; готский последовательно дает здесь два раза форму глагола на -nan, тогда как греческий в одном случае имеет активную, а в другом — медиальную форму причастия. Эта кажущаяся непоследовательность объясняется, однако, лишь тем, что в греческом для выражения категории состояния богатого, пребывания в богатстве существовали две параллельные формы: переходный глагол состояния πλουτέω 'быть богатым' и медиально-пассивные формы переходного глагола действия πλουτίζω. И та и другая форма выражают, по сути дела, одно и то же грамматическое значение, но разными языковыми средствами: в одном случае этим средством является само лексическое содержание глагола, в другом — определенная грамматическая категория. В отличие от греческого готский для выражения этого единого грамматического значения использует одну и ту же категорию — IV класс слабых глаголов. Весьма показательно с этой точки зрения употребление активной формы того же греческого глагола πλουτίζω, которому в готском закономерно соответствует форма переходного глагола I класса: swe unledai, iþ managans gabigjandans (k. VI, 10) 'как неимущие, но многих обогащающие' = πολλοὺς δὲ πλουτίζοντες.

GADAUPNAN 'умереть' систематически соответствует греческим активным формам: jah sai, run gawaurhtedun sis alla so hairda and driuson in marein jah gadaupnodedun in watnam (M. VIII, 32) 'и вот обратилось в бегство то стадо вдоль обрыва в море и погибли (умерли) в волнах (в водах)' = ἀπέθανον ἐν τοῖς ὕδασι; ср. также: fāta barn ni gadaupnoda ak slepiþ (Mrk. V, 39) 'это дитя не умерло, но спит', где gadaupnoda = ἀπέθανεν. В этих примерах готский непереходный глагол состояния gadaupnan соответствует активным формам греческого глагола состояния. В свою очередь готский переходный глагол afdauþjan 'убить' соответствует греческому переходному глаголу действия другого корня: см. at maurgin fāna waurþanana runa nemun allai gudjans jah sinistans manageins bi Jesu, ei afdauþidedeina ina (M. XXVII, 1) 'когда же наступило утро, все первосвященники и старейшины совещались об Иисусе, чтобы убить его (убили)', ὅτε θανάτωσαι αὐτόν, где греческий активный инфинитив передается оптативной формой переходного глагола afdauþjan. Таким образом, в греческом непереходный глагол состояния 'умирать', 'гибнуть' и переходный глагол действия 'убивать' образованы от разных лексических единиц и формально никак не соотносены; непереходность и переходность, состояние и действие выражаются лишь лексемой глагола. В готском, напротив, оба глагола образованы от одного корня, а переходность и непереходность, действие и состояние, центробежность и отсутствие ее последовательно выражаются соответствующими словообразовательными формантами, образующими определенные глагольные классы.

MANAGNAN 'умножаться', 'быть богатым и изобильным' и usmanagnan 'изобилывать', 'размножаться' точно так же переводят греческие активные формы: akei swe raihtis in allamma managniþ, galaubeinai jah waurda... ei jah in þizei anstai managniþ (k. VIII, 7) 'но как вы всем обильны (богаты), верой и словом... так будьте обильны (богаты) и добродетелью', где обе формы готского глагола managnan передают активные формы греческого περισσεύω; ср. также unte ufarwahseiþ galaubeins izwara jah managniþ friafwa (th. I, 3) 'чтобы увеличилась вера ваша и умножилась любовь', где managniþ = πλεονάζει. В приведенных примерах с managnan подлинник дает два разных глагола, близких по значению; оба глагола употреблены в активных формах, однако характерно, что и в том и в другом случае глагол обозначает состояние, причем субъект этого состояния явно инактивен. Греческий оставляет это значение обоих глаголов формально невыраженным, оно уточняется собственно из контекста, поскольку, например, περισσεύω может иметь переходное и непереходное значение; готский, наоборот, и здесь подчеркивает различие значения при помощи формы глагола IV класса. Совершенно однотипен и пример с глаголом

usmanagnan. Характерно, что в тех случаях, где греческий глагол имеет переходное значение, готский употребляет формы глагола managjan, формально подчеркивающие эту переходность: aþþan izwis frauja managjai (Th. III, 12) 'но вас господь умножит', где πλεονάζει = managjai.

GAHNIPNAN 'огорчиться', 'смущаться' точно так же соответствует греческой активной форме: iþ is gahnipnands in þis waurdis galaiþ gauris (Mrk. X, 22) 'а он, смутившись этими словами, пошел прочь' — στυγνάζει; в готском употребление формы глагола IV класса объясняется тем, что gahnipnan является глаголом, обозначающим моральное состояние, переживание (см. выше), тогда как греческий в данном случае формально это никак не выражает.

Анализ приведенных примеров показывает, что использование глаголов на -nan в контексте, где греческий имел активные формы, менее всего может быть объяснено как случайность или языковая ошибка в результате недопонимания подлинника. Напротив, нам кажется, что и за этими отклонениями от указанных закономерностей (готские глаголы IV класса = греческим медиально-пассивным формам) скрываются своеобразные нормы, отражающие специфику готского языкового строя, где отмеченные выше различные признаки плана содержания последовательно были формально маркированы.

6

Анализ употребления слабых глаголов IV класса в готском показал, что в этом языке данная группа глаголов не только являлась довольно многочисленной по составу, но и имела весьма определенное обобщенное значение. Именно это определенное обобщенное значение и сделало возможным их закономерное использование в противопоставлении переходным глаголам, как сильным, так и слабым, с функцией, близкой залоговым формам.

По фомоморфологической структуре, по типу образования словоизменительных форм готские глаголы на -nan относятся к системе слабых глаголов. Характерным признаком этой системы являлось не только наличие так называемого дентального суффикса в претерите и дентального же показателя в причастии II, но и структура самой глагольной основы.

Базой слабого глагола, не считая словообразовательных префиксов, а также исключая суффикс прошедшего времени, всегда является двуморфемная основа, состоящая из морфемы корня + морфема-показатель, или детерминатив, того или иного класса слабых глаголов. Наиболее ясно эта структура выступает в готских и древненемецких формах; в древнеисландском и древнеанглийском языках к эпохе создания письменности эта первоначальная структура сильно видоизменилась в результате действия закона редукции безударного вокализма.

Показатель-дeterminатив слабых глаголов германских языков был генетически связан с основообразующими глагольными суффиксами древних индоевропейских языков. Число этих форматов довольно велико, а распределение их по отдельным языкам весьма неравномерно. Большое разнообразие форматов не всегда находит достаточное семантическое обоснование; лишь некоторые из них получили в литературе определенное толкование. Так, например, **-ē-* рассматривается как показатель непереходности или состояния в системе глагола греческого (греческие аористы на *-ην* и, может быть, *-θη*¹³), в латыни (тип *радео, шапо и т. п.*), в германских языках, в балтийских и славянских; **-sk-* — показатель терминативности, зачинательности, особенно четко в латыни; **-dh-* — состояния, безобъектности (Бенвенист), совершенного вида, результативности (Прево); **-eio-* — каузативности, переходности, итеративности, особенно четко в древнеиндийском, и т. п.

Приведенные примеры показывают, что эти форматы определяли как видовую специфику глагольной основы, так и отношение признака, выраженного глагольной лексемой, к возможному субъекту или возможному объекту этого признака: **-ē-* — безобъектность, с одной стороны, и пассивность субъекта, носителя признака, — с другой; **-eio-* — определенный оттенок транзитивности, наличие объекта и вместе с тем активность субъекта. Многие в этой древней системе глагольных основ остаются пока неясными.

Для системы германского глагола характерным оказывается различное положение старых основообразующих форматов в фоморфологической структуре сильного и слабого глагола. Если в системе слабого глагола тот или иной форматив четко выступает в своей словообразовательной функции и форма такого глагола легко допускает членение на составные морфемы с соответствующим выделением основообразующего формата даже в таком непродуктивном классе, как III, то в отношении сильного глагола очень часто лишь сравнительный материал позволяет в структуре единой глагольной формы выделить детерминатив: так, например, в глаголе *skeinan*, др.-исл. *skína*, др.-англ. *scínan*, др.-сакс., д.-в.-н. *skinan* 'светить', 'сиять' только сравнение с гот. *skeirs*, др.-иссл. *skírr* 'светлый' позволяет выделить *-n* как глагольный детерминатив¹⁴.

С другой стороны, характерным для германских языков является тенденция, касающаяся как сильных, так и слабых глаголов, но особенно сказавшаяся в строе последних, — распространить формант, связанный в других индоевропейских язы-

ках с основой настоящего времени, на всю систему глагольных форм¹⁵. В слабом же глаголе форматив, образующий основу данного глагола, всегда не связан с определенной группой времен, а характеризует глагольную основу в целом, уточняя тот или иной оттенок ее значения.

Таким образом, здесь ясно выступает словопроизводство при помощи суффиксов, известных как презентные детерминативы индоевропейского глагола и в единичных случаях встречающиеся с этим значением и в германских языках (ср. *-n-* как презентный детерминатив в *fraihna—frah* и *na-/nō-* в глаголах IV класса или *-ja-* — презентный детерминатив в *hafja—hof* и суффикс глаголов I класса). Следует, однако, подчеркнуть, что реликты старых презентных основ на носовой типа гот. *fraihnan*, *keinan*, в равной степени и основы глаголов типа *skeinan* или *kunnan* никак не связаны функционально с готским IV классом.

7

Очевидно, что система слабых глаголов в том виде, как она дошла до нас в древнейших памятниках германских языков, — образование, характеризующее живую тенденцию развития языка. Это подтверждается не только формой образования прошедшего времени и относительной прозрачностью составных элементов основы, но и продуктивностью всей системы, в частности в готском языке.

Говоря, однако, о продуктивности системы слабых глаголов в германских языках, необходимо оговориться, что далеко не во всех из них наблюдается одинаковая продуктивность четырех классов слабого глагола: так, например, в готском III класс сравнительно малочислен и, по-видимому, малопродуктивен, то же относится и к скандинавским языкам, в немецком же, наоборот, III класс более многочислен (свыше 800 глаголов), так как к нему относится значительное число глаголов, в готском идущих по IV классу; последний в свою очередь ни в одном из германских языков, кроме готского, не был столь продуктивным и не принял участия в моделировании залоговых противопоставлений.

Анализ состава четырех классов слабого глагола в готском показывает, что не все четыре класса строятся на одном принципе, и вместе с тем позволяет выделить имеющиеся внутри системы взаимно обуславливающие связи.

Наиболее простой и мало связанной с другими элементами системы является вторая группа с формативом *-ō-*. В готском, как и в других германских языках, к этой группе относятся

¹⁵ Примеры см.: «Сравнительная грамматика германских языков», т. III, стр. 27.

¹³ Если рассматривать, подобно Прево и Бенвенисту, *-θη* < **θ+τη*.
¹⁴ Подробнее см.: «Сравнительная грамматика германских языков», т. III. М., 1963, стр. 26, 27; ср. также: М. М. Г у х м а н. Структура древнегерманских глагольных основ, стр. 77—78.

главным образом глаголы, обозначающие какое-либо действие, связанное так или иначе с именем, от которого этот глагол образован: ср., например, *salbōn* 'мазать' от *salba* 'мазь', *fiskōn* 'удить рыбу' от *fisks* 'рыба', *dwals* 'глупый', *dwala* 'дурак' — *dwalmōn* 'быть дураком, сумасшедшим', *bifaiho* 'преимущество' — *bifaihōn* 'перехитрить', *awiliuþ* 'благодарность' — *awiliudōn* 'благодарить' и т. д. Продуктивность этого класса очевидна на примере таких явно поздних образований, как *iudawiskōn*, *idreigōn*; о том же говорит и оформление заимствованного из латинского *kaupōn* и др. Отсутствие узкоспециализированного значения делало этот класс продуктивным не только в готском, но и в других германских языках: ср. др.-исл. *lita* 'красить' от *littr* 'краска', *jafna* 'уравнивать' от *jafn* 'ровный' и т. д.; в д.-в.-н. *klagōn* 'жаловаться' от *klaga* 'жалоба', *salbōn* от *salba* и т. д. Особо следует обратить внимание на единичные случаи соотношенности глаголов этого класса с глаголами, образованными от того же корня, но другой структуры: гот. *harbōn* 'бродить', д.-в.-н. *huarbōn* и гот. *hairban* с тем же значением; гот. *wlaitōn* 'высматривать', 'озираться' и др.-англ. *wlitan* 'смотреть'; д.-в.-н. *scaffōn* 'создавать', 'устраивать' и д.-в.-н. *scepfen*, гот. *skapjan* и т. д. Наличие аблаута в соотношениях основы слабого глагола II класса и сильных глаголов того же корня свидетельствует о древности этих образований. Особенно хорошо они сохранились в древненемецких материалах. Трудно поэтому сказать, преобладал ли деноминативный характер глаголов этого класса и в эпоху, предшествовавшую обособлению отдельных языков, или здесь имелись многочисленные девербальные глаголы. Однако новые глаголы в этом продуктивном классе в эпоху создания письменности были обычно деноминативными образованиями.

III класс наиболее беден в готском и наименее продуктивен; к нему относится всего немногим более 30 глаголов, ср.: *bauan* 'жить', *aistan* 'бояться', *fijan* 'ненавидеть', *gahreilan* 'пребывать', *galeikan* 'нравиться', *liban* 'жить', *maurnan* 'заботиться', *haban* 'иметь', *fastan* 'поститься', *gakunnan* 'узнать' и т. д.

В большинстве своем эти глаголы непереходные (кроме *haban*, *fijan* и *weiþan* 'святить'), при этом опять-таки значительное большинство выражают состояние субъекта (исключение составляют деноминативные *jiukan* 'бороться', *weiþan*, *gaainan* 'разъединять'), многие являются глаголами аффекта или чувственного восприятия. Таким образом, этот класс глаголов частично приближается к смысловой структуре глаголов на *-nan* (ср. выше); не случайно некоторые из этих глаголов обнаруживают следы суффикса *-n-*: ср. *munan*, *maurnan*.

Характерно, что в ингвеонском ареале этот класс оказался чрезвычайно неустойчивым. Напротив, в древненемецком эта группа становится продуктивной, так как сюда попадают много-

численные глаголы, образованные от прилагательных: *altēn* 'стареть' от *alt* 'старый', *irblintēn* 'ослепнуть' от *blint* 'слепой', *nazzēn* 'стать мокрым', *arstummēn* 'онеметь' и т. д. По значению многие из них совпадают с готскими глаголами IV класса.

Несмотря на ограниченность состава самой группы в готском, в ней оказались глаголы, ничего не имеющие общего с основной семантикой данного класса, как, например, *jiukan* 'бороться', *weiþan* 'освящать', *gaainan* 'разъединить', *hahan* 'повеситься'. Это говорит, несомненно, о том, что основное значение данного класса стерлось, поблекло в языковом сознании; с этим же должна быть сопоставлена как раз противоположная монолитность IV класса, частично близкого по значению к III, его продуктивность в готском и его роль в системе форм, передающих греческий медиопассив.

При близости семантики некоторых групп глаголов III и IV классов в готском, только с участием глаголов IV класса вырабатывается в языке особая система оппозиций между переходным действием с активным субъектом центробежного процесса и результатом этого действия, выступающим как непереходный глагол состояния с инактивным субъектом признака. В готском эта соотношенность вырабатывается за пределами III класса глаголов¹⁶. Возможно, что «преимущество» IV класса заключалось еще в том, что его первоначальное значение было связано не с узкой категорией *Verba sentiendi*, а с другим, более широким категориальным значением.

Как бы то ни было, в системе слабых глаголов в готском II и III классы оказываются чисто словообразовательной лексической категорией, замкнутой в себе и не выражающей различных модификаций процесса, тогда как IV класс и в той же мере I не только закономерно соотносены друг с другом внутри системы слабого глагола (см. примеры на стр. 81), но и каждый из них может быть соотношен с соответствующим сильным глаголом: I класс с сильным непереходным, ср. *ligan* || *lagjan*, *sitan* || *satjan*; IV же класс, наоборот, с сильным переходным, ср. *bindan* || *andbundnan*, *uslukan* || *usluknan*, *gatairan* || *gataurnan* и т. д.

Эта система соотносительных связей выделяет в готском языке данные два класса из всей системы слабых глаголов, сообщая им особый характер. Не следует при этом, однако, упускать из виду, что даже в столь монолитном по своему значению IV классе

¹⁶ Несколько иначе было в древненемецком, где они отсутствуют; здесь функцию готских глаголов на *-nan* осуществляет в известной мере именно III класс. Однако, хотя и здесь намечается известное противопоставление переходный глагол I класса — непереходный глагол состояния III класса, на что указывал еще В. Вильманс, III класс не был использован как лексико-грамматическое средство моделирования залоговых противопоставлений. В древненемецком эта функция связана исключительно с именным сказуемым; из которого и развивается впоследствии страдательный залог.

имеются, несомненно, разные по времени и даже по типу образования. Очевидно, что *fullnan* от *fulls*, *managnan* от *manags* относятся к другому слою, чем *distaurnan*, соотнесенное с *distairan*, или *andbundnan*, соотнесенное с *andbindan*. Если даже предполагать, что глаголы типа *distaurnan* или *andbundnan* образованы от каких-то именных основ типа **(dis)taurn-*, **(and)bundn-*, а не от глагольной основы, то и в этом случае мы имеем здесь дело с качественно особой категорией предикативных имен; поэтому эти «производные» глаголы должны быть отнесены к другому слою, чем, скажем, образованные от прилагательных *fulls*, *manags*, *mikils*—*fullnan*, *managnan*, *mikilnan*. Наличие аблаута в образовании глаголов первой группы подчеркивает древность самого образования. В численном отношении только 11 глаголов IV класса этимологически связаны с основами сильных глаголов. Преобладает же и здесь производство от имен качества.

Что касается I класса слабых глаголов, то и в него вошли разнообразные по морфологическому составу образования (см. ниже). Этим объясняется, что I класс глаголов, значительно более многочисленный, чем все остальные (свыше 300 глаголов по готским текстам), не обладает такой абсолютной однозначностью, как противостоящий ему IV класс. Многие глаголы, относящиеся к I классу, — непереходные (вернее, безобъектные), например: *arbaidjan* 'работать', *þrafjan* 'бегать', *riqizjan* 'темнеть', *plinsjan* 'плясать', *maþljan* 'говорить', *tagrjan* 'плакать', *hugrjan* 'голодать', *hrukjan* 'кукурекать', *ufþgorjan* 'вскрикнуть'. Ряд глаголов могут употребляться с объектом и без объекта: *wasjan* 'одевать' и 'одеваться', *worjan* 'кричать', 'звать', *gawandjan* 'поворачивать' и 'поворачиваться', *daupjan* 'крестить' и 'креститься'. В некоторых случаях интранзитивность глагола подчеркивается прибавлением местоимения *sik* (см. гл. V). Несмотря на то, что среди 365 глаголов имеется около 50 безобъектных, все же можно полагать, что глаголы на *-jan* в основной своей массе являлись глаголами действия, соотнесенного с объектом. Именно это осознание их семантики и заставляло, по-видимому, переводчика добавлять возвратное местоимение в тех случаях, когда имелась необходимость подчеркнуть безобъектное осмысление глагола.

Наиболее ясно различительные признаки глаголов I класса выступают, однако, в оппозиции глаголам IV класса, причем: а) глагол IV-класса всегда является глаголом «субъективным», а глагол I класса глаголом «объективным»¹⁷; б) признак, выраженный глаголом IV класса, соотнесен с центростремительным процессом, глагол же I класса обозначает обычно центробежный процесс. Насколько продуктивно было это противопоставление,

видно из глагольных пар, образованных от прилагательных: ср. от прилагательного *fulls* переходный глагол I класса *fulljan* 'наполнять' || непереходный глагол IV класса *fullnan* 'наполняться', от прилагательного *mikils* переходный глагол I класса *mikiljan* 'возвеличивать' || непереходный глагол IV класса *mikilnan* 'возвеличиваться', от прилагательного *gabigs* 'богатый' переходный глагол I класса *gabigjan* 'обогащать' || непереходный глагол IV класса *gabignan* 'быть богатым', от прилагательного *swinþs* 'сильный' переходный глагол I класса *inswinþjan* 'укреплять' || непереходный глагол IV класса *swinþnan* 'крепнуть', от прилагательного *blinds* 'слепой' переходный глагол I класса *gablindjan* 'ослеплять' || непереходный глагол IV класса *aþblindnan* 'слепнуть'; от прилагательного *daufþs* 'мертвый' переходный глагол I класса *afdaupþjan* 'убивать' || непереходный глагол IV класса *gadaupþnan* 'умирать' и т. д.

В некоторых случаях противопоставление переходного глагола действия на *-jan* и непереходного глагола состояния IV класса осуществляется в непроизводных от прилагательного глаголах: ср. *fraqistjan* 'губить' || *fraqistnan* 'гибнуть', *gafrisahtjan* 'изображать' || *gafrisahtnan* 'принять образ' и др., где фактически нет возможности установить, от какой части речи образованы данные глаголы.

В древнегерманских языках, а также и в других индоевропейских, в частности в греческом, существует группа глаголов, требующих при себе объект не в винительном, а в дательном падеже в тех случаях, где, согласно нормам современной грамматики, должен был бы стоять винительный падеж: ср., например, гот. *fraqistjan* 'губить', *wairpan* 'бросать', *kukjan* 'целовать', *gaumjan* 'замечать' и т. д. Подобное управление характеризует по преимуществу древний слой германской глагольной системы. В самом готском прослеживается тенденция вытеснения дательного прямого объекта винительным падежом. Для истории глаголов IV класса характерно, что готский глагол IV класса мог противостоять также таким глаголам I класса, при которых употреблялся объект в дательном падеже: ср., например, *fraqistjan* 'губить' (кому?) и *fraqistnan* 'гибнуть'; ср. также при сопоставлении слабого глагола IV класса и однокорневого сильного глагола такие пары, как *fraliusan* 'губить' || *fralusnan* 'гибнуть', *galukan* 'открыть' || *galuknan* 'открыться' и т. д. Быть может, это является подтверждением значительной древности самого типа оппозиции.

Своеобразное выделение глаголов I и IV классов из всей системы слабого глагола, их соотнесенность и связь подчеркиваются еще и следующими формальными показателями: при образовании глаголов этих групп от основ, связанных с основой сильного глагола, широко используется, наряду с формантами **-ie-/-io-* и **-nē-/-nā-*, также и внутренняя флексия, ср., например, *brin-*

¹⁷ Мы избегали здесь употреблять термин «переходный», так как к I классу относятся и некоторые глаголы с дательным объектом.

nan 'гореть' || brannjan 'сжигать', drigkan 'пить' || dragkjan 'поить' и т. д. или сильный переходный || слабый IV класс непереходный andbindan 'развязывать' || andbundnan 'развязываться', distairan 'рвать' || distairnan 'рваться', dishniuran 'разрывать' || dishniupnan 'разрываться', fraliusan 'губить' || fralusnan 'гибнуть', giutan 'лить' || usgutnan 'пролиться' и т. д.

Использование в готском внутренней флексии при образовании глаголов I и IV классов обнаруживает строго выдержанную закономерность: глагол I класса чаще всего имеет огласовку II ступени аблаута, которая в системе сильного глагола является огласовкой единственного числа претерита, а IV класс имеет огласовку нулевой ступени аблаута, в системе глагола — огласовка причастия II. Обращает на себя внимание тот факт, что в других классах слабых глаголов аблаут производной основы представлен единичными случаями.

8

Вторичность образования категории слабых глаголов по сравнению с сильными глаголами, продуктивность большинства групп, указывающая на относительную молодость всей системы в целом, отнюдь не должны истолковываться в смысле рассмотрения их как единого монолитного целого.

Если оформление спряжения слабых глаголов несомненно является новообразованием германской группы, то сами структурные элементы, из которых складывалась эта система, тенденции ее оформления и развития были унаследованы от предыдущих периодов истории индоевропейской семьи, а не сложились на «пустом месте».

Поэтому вопрос о происхождении тех закономерностей, которые раскрылись при анализе употребления готских глаголов на *-nan*, в равной степени и установление их роли в развитии системы залоговых противопоставлений германских языков это не только вопрос грамматики готского языка. Продуктивность носовых оформителей основы в индоевропейских языках хорошо известна¹⁸. Однако обобщенно-категориальный характер противопоставления основы с носовым показателем основе без носового показателя, по-видимому, имел региональный характер и являлся своеобразной диалектной изоглоссой¹⁹. Кроме германских язы-

¹⁸ Из специальных работ см.: F. B. Y. Kuiper. Die indogermanischen Nasalpräsentia. Amsterdam, 1937; J. Raith. Die englischen Nasalverba. Leipzig, 1931. В отношении германских языков см.: H. Alpher. Указ. соч., стр. 1—102.

¹⁹ Ю. Курилович полагал, что первоначальное значение этих основ — инхотивность или терминативность (Ю. Курилович. Происхождение славянских глагольных видов. — Сб. «Вопросы глагольного вида». М., 1962, стр. 262), однако ни материал Вед, ни факты хеттского языка не позволяют утверждать четко выраженное категориальное значение этих основ в индоевропейском.

ков, где продуктивность подобной оппозиции засвидетельствована только в готском, данный форматив с обобщенным значением распространен в славянских и балтийских языках²⁰. В современных славянских языках ведущим различительным признаком этих основ являются видовые корреляции: ср. русск. *крикнуть* || *кричать*, *ахнуть* || *ахать*, *стукнуть* || *стучать*; польск. *cisnąć* 'кину' || *ciskać* 'кидаю', *dźwignę* 'подниму' || *dźwigać* 'подымаю' и т. д. Однако в определенной группе глаголов обозначается осложнение этой видовой корреляции: ср. русск. *гибнуть* || *губить*, *сознать* || *сушить*, *слепнуть* || *слепить*, *глохнуть* || *глушить*, *воскреснуть* || *воскресить*; ср. также *gasnąć* 'гасну', *ginąć* 'гибну' и т. д. Видовая корреляция переплетается здесь с корреляцией переходность, действие || непереходность, состояние. Тем самым в плане содержания совокупность различительных признаков носовой основы оказывается здесь тождественной совокупности различительных признаков глаголов на *-nan*.

В славянских языках этот класс глагола, однако, не был столь продуктивным, как в готском, и не занял определенной позиции в системе залоговых противопоставлений.

Возникает вопрос, насколько древней была та последовательная система противопоставлений, в которой выступили глаголы IV класса и соотнесенные с ними глаголы. Насколько древним являлось само использование известных лексических группировок для выражения определенных «залоговых значений», т. е. для моделирования залоговых оппозиций? И каково историческое соотношение этих группировок со старыми залоговыми формами, с индоевропейским медиумом?

9

Еще в прошлом столетии Г. К. Ульянов²¹ обратил внимание на специфическое «залоговое» значение некоторых основ в балтийских и славянских языках, особенно же в литовском. Сопоставляя формы *kalù* 'кую' || *kaliù*, *káli* 'я, он закован'; *zėbiù* 'развожу огонь' || *zibù* 'сверкаю', блещу'; *teszkiù* 'брызгаю', 'бросаю' || *teszkù* 'капаю', 'теку'; *gríauju*, *gríauuu*, *gráuju* 'разрушаю', 'ломаю' || *gríuvù*, *gruvù*, *grünù* 'разрушаюсь', 'валюсь'; *szvēcziù* 'свечу' || *szvitù* 'свечусь'; *beriù* 'сыплю' || *birù* 'сыплюсь' и т. п., Ульянов приходит к выводу, что «основы *i:ē:a* являются словообразовательными формами, различающими глаголы состояния от глаголов действия»²²; сравнивая дальше значение каждого члена пары, автор отмечает разный харак-

²⁰ Chr. S. Stang. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942, стр. 58 и след., 131, 138 и след., 270 и след.

²¹ Г. К. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. I. Варшава, 1891; ч. II, Варшава, 1895.

²² Там же, ч. I, стр. 35.

тер отношения признака к субъекту—носителю этого признака: в первом случае, т. е. при глаголе действия, «признак, выражаемый глаголом, производится субъектом», во втором случае глагольная форма показывала, что «признак в сочетании с субъектом происходит или существует»²³. Таким образом, в литовском наблюдалась определенная соотнесенность различных типов глагольных образований от одного корня. Характерным являлось и то, что в качестве формального средства использовались не только основообразующие суффиксы *-i-*: *-ē-*: *-ā-*: *-ō-*, но и внутренняя флексия, ср. лит. *beriu* 'сыплю' || *biru* 'сыплется'; лит. *zėbiu* 'развожу огонь' || *zibū* 'сверкаю', 'блещу'; *szvėziū* 'свечу' || *szvitū* 'свечусь' и т. д.

Показанные Г. К. Ульяновым на литовско-славянском материале отношения наблюдаются до известной степени и в других индоевропейских языках. В частности, основы на *-ē-* и в других группах индоевропейской семьи были связаны с глаголами состояния, а в греческом языке даже были включены в систему медиопассивных форм. В латыни эта основа представлена значительной группой: *careo*, *pateo*, *lateo*, *maneo*, *placeo*, *liceo*, *pendeo*, *iaceo*, *paneo*, *video*, *taceo*, *rubeo* и т. д. Особенно четко значение этой группы глаголов выступает при сопоставлении с парными глаголами, образованными от того же корня, ср. *pendo* 'я вешаю' || *pendeo* 'я повешен'; *iacio* 'я бросаю' || *iaceo* 'я повержен', 'я распростерт' и т. п. В отличие от славянских и балтийских языков, где *-ē-* было связано с основой аориста и инфинитива, в латыни оно выступало как формант презентной основы.

Противопоставление двух парных глаголов одного корня, но с разными основообразующими элементами, осталось, однако, в латыни на положении единичных лексических образований. Основным способом характеристики категории состояния и непереходности здесь являются архаичные формы на *-r*.

Гораздо более интересный путь проделали основы на *-ē-* в греческом. Наиболее показательной была судьба греческих сильных аористов на *-ην*. Как известно, эти образования, включенные впоследствии в систему греческих медиально-пассивных форм, так же как и аористы на *-θην*, отнюдь не были первоначально связаны с медиумом. Большинство исследователей отмечало их исконную связь с категорией состояния и непереходности²⁴. Развитие употребления этой формы, первоначально, по-видимому, связанной с ограниченной группой глаголов, выражавших признак, как свойство, качество, состояние, прослеживается, собственно говоря, уже в историческую эпоху. Характерно, что у Гомера аорист на *-ην* сравнительно

редок — всего 25 случаев. С другой стороны, наличие близкой, но значительно более продуктивной формы на *-θην* лимитировало в известной степени появление аориста на *-ην* у многих глаголов. Для дальнейшей судьбы форманта *-ē-* в греческом показательным является выход его за пределы семантической категории интранзитивного аориста, с которой он был связан: аорист на *-ην* как средство выражения страдательного залога, оторвавшись от определенной семантической глагольной группы (глаголы состояния и т. п.), оказался включенным, наряду с аористом на *-θην*, в систему медиально-пассивных форм. В *ἐρρύην* от *ῥέω* 'я теку', *ἐχάρην* от *χαίρω* 'я радуюсь', наконец, в *ἐμάνην* от *μαίνομαι* 'я бешусь' аорист на *-ην* выступает как одна из возможных форм глаголов состояния (аффекта) или непереходных глаголов вне системы залоговых отношений. Лишь возможность образования его от переходных глаголов и, следовательно, его соотнесенность с образованными от того же переходного глагола активными аористами позволяют говорить о переосмыслении этой категории и использовании ее как собственно залоговой формы, т. е. только появление форм типа *ἐκόπην* от *κόπτω* 'бью', 'ударяю', 'поражаю', ср. активный аорист *ἔκοψα*, свидетельствует о происшедшем переосмыслении старых интранзитивных аористов и о включении этой категории в систему греческих медиально-пассивных форм; однако и в производных от переходных глаголов формах не теряется старая связь с категорией непереходности, присущая, впрочем, и самому медиуму (см. гл. I).

Сходны происхождение и судьба пассивных форм на *-ya-* в древнеиндийском. Анализ этих форм с очевидностью показывает их связь с IV классом санскритских глаголов, имеющим тот же основообразующий формант (по Бругману, XXVI класс). Как известно, к этому классу относятся глаголы двух разновидностей: 1) с нулевой огласовкой корня и ударением на форманте, типа *mṛi-yá-tē* 'умирает'; 2) с полногласным корнем, несущим в то же время и ударение, типа *hár-ya-ti* 'радуется', *mán-ya-tē* 'думает' и т. д., причем собственно страдательная форма с презентным формантом *-ya-* формально совпадает со схемой первого типа. В какой степени два варианта данного класса первоначально должны были отражать разные оттенки значения — сказать трудно, поскольку, несомненно, происходило формальное смешение обоих вариантов.

А. Тумб²⁵, указывая, что образование древнеиндийского пассива непосредственно связано с интранзитивными глаголами IV класса, полагает, что первоначально место ударения не играло особой роли. Дифференциация наступала постепенно,

²³ Г. К. Ульянов. Указ. соч., ч. I, стр. 45.

²⁴ См. специально: J. A. Prévot. L'aoriste grec en *-ην*. Paris, 1936, стр. 21.

²⁵ A. Thumb. Handbuch des Sanskrit, 1. Tl. 2. Aufl. Heidelberg, 1930, стр. 397, 398.

так что место ударения стало признаком семантики той или иной формы: ср. *kṣiyatē* 'он гибнет' — *kṣiyāte* 'он уничтожаем', 'его губят', при этом последняя форма воспринимается уже как пассив от *kṣīnati* 'он губит'. Очевидно, что с местом ударения связана и нулевая огласовка корня, которая в свою очередь выступает как характеристика пассива. Уитней называл этот класс интранзитивным спряжением, а Дельбрюк обращал внимание на значительную прослойку глаголов, обозначающих моральное и физическое состояние человека²⁶. Список глаголов, приводимых в этой связи Дельбрюком, весьма показателен²⁷. Основную массу составляют непереходные глаголы состояния, значительной группой среди них являются глаголы аффекта и чувственного восприятия; выделяется большое количество глаголов, обозначающих состояние человека, как физическое, так и моральное, причем довольно значительно число близких по значению глаголов, обозначающих радость, гнев, боль, смерть и т. п. Вместе с тем эта же основа использовалась в дальнейшем для специальной формы выражения залоговых противопоставлений и была включена в систему медиально-пассивных форм. Фактически образование пассивной формы на *-ya-* есть не что иное, как образование от данного корня глагола IV класса. Основная форма передает действие активного субъекта, направленное на некий объект (центробежность), производная с *-ya-* выражает непереходное состояние (т. е. нецентробежность), носителем которого оказывается инактивный субъект. Соотношение этих форм функционально близко к соотношению разных глагольных классов — *jāgati* 'делать старым' и *jiryāti* 'стареть', где первый член каждой пары образует переходный глагол действия, а второй член — непереходный глагол состояния.

Таким образом, в различных индоевропейских языках, принадлежащих к разным группам индоевропейской семьи, прослеживается известная связь старых группировок глаголов по новообразующим суффиксам с залоговыми противопоставлениями, вырабатывавшимися постепенно в различных языках. Связь эта основывается на функциональной близости противопоставлений переходного глагола действия непереходному глаголу состояния и действительного залога страдательному залогу: только так могут быть объяснены процессы включения греческих интранзитивных аористов на *-ν* и древнеиндийских глаголов IV класса в систему медиально-пассивных форм этих языков. Типологическая общность принципов моделирования, которые образуют основу данных процессов, кажется несомненной. Но, с другой стороны,

сопоставляя материал греческого и древнеиндийского языков, где формы, образованные на базе старых глагольных основ, оказались соотносенными с компонентами медиальной парадигмы, мы видим, что эти новые залоговые формы не обнаруживают генетического единства: в греческом базой послужили образования на **-ē-*, в древнеиндийском — на **-iō-*. Правда, функциональная близость этих индоевропейских основ отмечалась еще Бругманом. В частности, этим, по-видимому, следует объяснить легкость смешения обеих основ в спряжении одного глагола в разных индоевропейских языках. Однако отсутствие материального тождества этих формативов свидетельствует в пользу того, что рассмотренные процессы относились уже к периоду обособленного развития отдельных индоевропейских языков, хотя общность предположений следует, по-видимому, искать еще в структуре индоевропейского языка-основы.

Совершенно несомненно, что залоговые противопоставления, получившие свое оформление в индоевропейских медиальных и активных формах, представляют собой более древнее явление, чем включение глагольных основ на **-ē-* или **-iō-* в залоговую систему. Это положение подтверждается не только тем, что, например, медиальные формы охватывали широкий ареал индоевропейских языков, где они функционировали с однотипным залоговым значением, тогда как процессы включения разных глагольных основ в систему залоговых противопоставлений, как это было в греческом и древнеиндийском, имели ярко выраженную индивидуальную форму, но и соотношением медиальных форм и **-ē-* основ или **-iō-* основ в истории каждого языка.

Насколько можно судить по материалам греческого и древнеиндийского, формы, восходящие к основам на **-ē-* или **-iō-*, были в этих языках категориями, связанными с глаголами определенной семантики, т. е. служили своего рода показателями определенных лексических группировок. Они оказались соотносенными с медиальными и активными формами в связи с развитием системы залоговых противопоставлений, оформлением полной парадигмы того залога, который противостоял действительному, а частично и в связи с растущим обособлением страдательности (пассивности) от медиальности. Поэтому, несмотря на древний, даже общеиндоевропейский характер структуры самих основ, их включение в залоговую систему индоевропейских языков — явление, относящееся уже к истории отдельных языков или языковых групп. Готские глаголы на *-nan* в своем функционировании типологически сближаются с использованием индоевропейских основ на **-ē-* и **-iō-* в других индоевропейских языках. Во всех рассматриваемых случаях определенные типы глагольных основ включались (греческий, индоиранские языки) или примыкали (готский язык) к залоговым противопоставлениям, оформившимся независимо от них.

²⁶ В. Delbrück. Указ. соч., т. 2, стр. 34.

²⁷ Там же, стр. 30—35.

Готские глаголы на *-nan* не включились в залоговую систему готского языка. Об этом свидетельствует отсутствие временной дифференциации при сопоставлении употребления форм настоящего времени глагола на *-nan* и медиопассивных форм переходного однокорневого с ним глагола; на это указывает и возможность образования от любого глагола на *-nan* всех форм, присущих готскому непереходному глаголу; наконец, в неменьшей степени это подтверждается различием в закономерностях употребления собственно залоговых форм и готских глаголов на *-nan*, на что обратил внимание еще Я. Гримм. Глаголы эти, несмотря на свою продуктивность, не являются категорией глагольного формообразования (в том понимании этого термина, который был дан в гл. I).

При сопоставлении готских глаголов на *-nan* и однокорневых слабых глаголов I класса или сильных переходных глаголов мы имеем две разные лексические единицы, а не формы одного слова. На это указывает прежде всего разная сочетаемость с глагольными префиксами противопоставляемых глаголов при единстве образованной с помощью этих префиксов основы во всех словоизменительных формах. Это выражается и в отмеченной уже выше полной системе словоизменительных форм каждого из противопоставляемых глаголов. Данное положение подтверждается и всем характером словопроизводства слабых глаголов: показатели каждого класса слабых глаголов выступали как словообразовательные формативы, как средство создания новых лексических единиц; в этом отношении суффикс глаголов IV или I классов ничем не отличался от суффикса глаголов II класса и т. д. Таким образом, при значительной функциональной типологической близости показателя IV класса в готском языке и показателя *-ya-* в древнеиндийском, место, которое каждая из этих категорий занимает в системе языка, их роль в системе глагола неодинаковы.

10

Глаголы на *-nan*, как особая лексико-морфологическая группировка в системе слабых глаголов, засвидетельствованы лишь в готском языке.

Выше уже отмечалось, что глагольные образования с тем же формативом имелись и в других германских языках: единичные глаголы представлены материалами западногерманских языков, более многочисленная группа обнаруживается в древнеисландском.

В древнеисландских памятниках глаголы, генетически тождественные готским глаголам IV класса, типа др.-исл. *batna* 'улучшаться' = гот. *gabatan*, др.-исл. *losna* 'терять' = гот. *fralusnan*, др.-исл. *vakna* 'просыпаться' = гот. *gawaknan*, др.-исл. *kvikna* 'воскреснуть' = гот. *gaqiunan*, др.-исл. *storkna* 'сохнуть' =

= гот. *gastaurknan* и т. д., образовывали свои формы по типу глаголов II класса (с *-ō-*) и не существовали как самостоятельная лексико-морфологическая группа. Однако это явление для скандинавских языков, по-видимому, было вторичным. В пользу этого говорят следы несомненной продуктивности этих образований в скандинавских языках, возможность их образования как от прилагательных типа *kvikna* (ср. *kvikt* 'живой'), так и от глаголов: ср. *svíða* 'сжигать', 'жарить' || *sviðna* 'гореть', 'быть сожженным'²⁸, да и число этих глаголов в древнеисландском значительно (свыше 30).

Можно предполагать, что к эпохе обособления готского языка от других германских языков в тех диалектах, которые послужили затем основой образования скандинавских языков, существовала особая лексико-морфологическая группировка глаголов, генетически тождественная готскому IV классу. То, что к XII в., т. е. к эпохе создания древнеисландских памятников, она исчезла как особый класс слабых глаголов, может быть объяснено двумя причинами — структурно-морфологической и функционально-семантической, а именно: 1) характерным для всех древних германских языков процессом взаимодействия между глагольными классами, в силу чего менее продуктивные классы поглощались более продуктивными (ср. в дальнейшем развитии скандинавских языков разрушение старого III класса): класс глаголов с суффиксом *-ō-*, наиболее продуктивный в скандинавских языках, поглотил IV класс, что было, по-видимому, стимулировано еще и формой показателя IV класса в прошедшем времени, ср. гот. *fullnōda*; 2) конкуренцией глаголов с так называемым возвратным местоимением, которые по своим функциям представляли нередко почти полный эквивалент глаголам IV класса, ср., например, *vana* 'уменьшать' || *vanask* 'уменьшаться', *spilla* 'губить', 'разрушать' || *spillask* 'гибнуть', *týna* 'терять', 'губить' || *týnask* 'гибнуть' и т. д. (см. гл. V).

Засвидетельствованные в древнеисландском глаголы, принадлежавшие ранее к IV классу, позволяют предполагать, что характерные для готского функции этих глаголов, а тем самым и их противопоставление переходным глаголам действия, были свойственны не только готскому языку. Более того, если предполагать, как это сейчас представляется наиболее вероятным, что готы пришли в последние века до нашей эры из района Скандинавии и с прилегающих к ней островов, то можно считать, что уже в эту эпоху в большей или меньшей степени определилась та система противопоставлений глаголов IV класса глаголам I класса и сильным переходным, которая в наиболее ясной форме представлена готскими материалами, но следы которой мы на-

²⁸ Ср. материал, приведенный в работе: Н. А n n e r h o l m. Указ. соч., стр. 149—184.

ходим и в скандинавских языках. Следует ли из этого сделать вывод, что перед нами явление, характерное для общегерманского языка-основы?

Вопрос этот представляется нам весьма спорным. Сомнения вызывает уже тот факт, что во всех западногерманских языках мы находим буквально единичные глаголы, где представлены элементы, которые могут быть сопоставлены с IV классом слабых глаголов в готском, ср. др.-англ. *druncnian*, д.-в.-н. *trunkanên* и др.-исл. *drunkna* 'тонуть'; др.-англ. *wisnian*, *weornian* 'вянуть', д.-в.-н. *wesanên* 'разлагаться' и др.-исл. *visna* 'засохнуть'; д.-в.-н. *storchanên* 'закостенеть' и др.-исл. *storkna*. Некоторые из них к тому же сомнительны, как, например, др.-сакс. *mor-nôn*, д.-в.-н. *morên*, поскольку и в готском *maugnau* — глагол не IV класса; остаются еще такие примеры, как д.-в.-н. *lirnen*, *lernên* 'учиться', *stornên* 'пугаться', т. е. действительно изолированные образования, которые лишь подтверждают наличие подобного суффикса за пределами готско-скандинавской группы, но не указывают ни на его продуктивность, ни на существование специальной лексико-морфологической группировки, используемой в последовательных оппозициях. В древневерхненемецком показательно переключение этих основ в III класс, объединявший глаголы близкой семантики.

Рассмотрение того использования данной лексической группировки, какое дают готские материалы, в качестве явления регионального, а не общегерманского, подтверждается наличием многих индивидуальных особенностей в системе классов слабых глаголов германских языков. Так, обращает на себя внимание различие в структуре основ II и III классов по разным германским языкам, причем в одних языках выступают в чистой форме суффиксы основ **-ō-*, **-ē-*, в других они оказываются контаминированными с **-i-/*-io-* суффиксом. Здесь, по-видимому, имеются не вторичные расхождения первоначально единой формы общегерманского языка-основы, а отражение существовавших диалектных вариантов, связанных с различными словообразовательными типами еще индоевропейского языка-основы.

Это обстоятельство делает еще более вероятным рассмотрение норм функционирования готских глаголов IV класса как явления регионального, несмотря на древность самой структуры.

Глава IV

СОЧЕТАНИЕ ПРИЧАСТИЯ II СО СЛУЖЕБНЫМИ ГЛАГОЛАМИ КАК ОСНОВА РАЗВИВАЮЩИХСЯ ЗАЛОГОВЫХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

ВВЕДЕНИЕ

Индоевропейский медиум в процессе развития древних германских языков не имел системы форм, полностью соответствующей системе действительного залога, и весьма быстро исчез в этих языках, а старые глагольные классы хотя и использовались частично для выражения залоговых противопоставлений, не были включены в систему залогового формообразования; продуктивными уже в древнегерманских языках оказались сочетания причастия II со служебными глаголами «быть» и «становиться», которые в дальнейшем легли в основу оформившейся системы страдательного залога.

Истоки этих сочетаний уходят в глубь дописменной истории германских языков. Не только в готском имеется развитая система причастных конструкций, выступающих в качестве эквивалента греческого пассива, но и в рунических надписях, начиная с V в., встречаются сочетания причастия с формами глагола *vesa* для выражения значений, близких к тем, которые обычно связываются с семантикой страдательного залога, хотя, быть может, и не вполне совпадающих с ней.

Большинство авторов пишут о близости этих оборотов с именным сказуемым; фактически общепризнанным является и второе положение — развитие аналитических форм страдательного залога из именного сказуемого. Таким образом, в отношении этих форм отправная точка всего развития известна. Другое представляется значительно более сложным и неясным: определение различительных признаков, позволяющих дифференцировать именное сказуемое и залоговую форму; между тем без этого невоз-

можно установить, когда, в каких условиях и под влиянием каких факторов происходит сдвиг, превращающий именное сказуемое в аналитическую форму. Дальнейшее исследование покажет, что этот сдвиг, определяющий становление страдательного залога, в отдельных германских языках происходит не в одно и то же время и не вполне одинаково.

Признавая связь так называемых описательных форм страдательного залога с именным сказуемым, большинство исследователей предполагает, однако, что дошедшие до нас тексты на древних германских языках характеризуются наличием уже более или менее сложившейся категории страдательного залога, развивающей в дальнейшем свою систему времен параллельно с системой временной дифференциации действительного залога, иногда даже опережая ее¹. Тем самым процесс образования страдательного залога из именных конструкций выносится в большинстве случаев за пределы истории письменности на германских языках и фактически выключается из поля зрения исследователя². Поэтому вопрос о соотношениях именного сказуемого и описательной формы ставится обычно в синхронном плане, и интерес сосредоточивается главным образом на уточнении границ между описательной глагольной формой и именным сказуемым.

Несмотря на наличие большого числа специальных работ, посвященных развитию описательных форм пассива в отдельных германских языках, нигде фактически не ставился вопрос о том новом качестве, которое было создано при переосмыслении старых форм именного сказуемого с новым залоговым значением. История пассива в том или ином языке сводилась к фиксации употребления отдельных описательных форм по памятникам, и преимущественно к выяснению их временного или видового значения.

Между тем генезис страдательного залога в большинстве германских языков непосредственно переплетается с процессом превращения одной из форм предикативности (именного сказуемого) в грамматическую категорию глагола.

В германских языках залоговые описательные формы опираются на две конструкции: конструкцию с глаголом «быть» (гот. *wisan*, др.-исл. *vesa*, д.-в.-н., др.-сакс., др.-англ. *wesan*) и конструкцию с глаголом «становиться» (гот. *wairþan*, др.-исл. *verða*, др.-англ. *weorðan*, др.-сакс. *werthan*, д.-в.-н. *werden*). Степень употребительности каждой из этих конструкций в разных языках в разные исторические эпохи была неодинакова.

При рассмотрении семантической структуры этих форм обычно указывается на то, что залоговое значение выражается причастием,

¹ Ср., например: А. Zieglschmid. Zur Entwicklung der Perfektschreibung im Deutschen. «Language Dissertations», № 6, 1929, стр. 7.

² Несколько иначе освещается этот вопрос в исследовании В. Шредера: W. Schröder. Zur Passivbildung im Althochdeutschen. — PBB, Bd 77, Hf. 1-3, 1955.

формы же глаголов «быть» и «становиться» выступают в качестве носителей таких глагольных категорий, как лицо, время, наклонение. Однако подобный разрыв единого целого, независимо от того, рассматривается ли данная конструкция как залоговая форма или же как именное сказуемое, представляется ошибочным. При несомненно ведущей роли причастия во всей конструкции в целом, сочетание с тем или иным глаголом влияло не только на семантическую структуру всего сочетания, но и отражалось на оттенках характера связи между субъектом предложения и признаком, выраженным самой причастной конструкцией; с этим же сочеталась и большая или меньшая соотнесенность признака, выраженного все той же причастной конструкцией, с внешним фактором, а тем самым с центростремительным процессом, т. е. в конечном итоге те различительные признаки, которые определяли собой залоговую специфику этих форм. Хотя само причастие образует основу данного сочетания, но уточнения, дополнительные оттенки вносились теми компонентами, с которыми это причастие сочеталось.

Нам представляется, что в детальном исследовании этих сочетаний по материалам отдельных германских языков наиболее существенным является не вопрос об уточнении их временной, или даже видовой, специфики, проблема, лежавшая в центре внимания как исследований Ф. Кюни³, А. Эберга⁴, Л. Фрери⁵, так и изложения материалов в соответствующих разделах трудов Х. Бринкмана⁶, Г. Безеке⁷, М. Нюгорда⁸, А. Цигльшмида⁹ и др., но вопрос об оттенках залоговой семантики и о степени выраженности страдательного значения в отношении каждой из рассматриваемых конструкций. Все остальные глагольные категории являются в этом аспекте лишь сопутствующими показателями, характеризующими оформленность или неоформленность категории страдательного залога.

Изучение употребления и развития сочетаний, которые легли в основу аналитических залоговых форм германских языков, требует, таким образом, внимания к обоим компонентам сочетания причастие+служебный глагол. Развитие этих сочетаний свя-

³ F. Cuny. Der temporale Wert der passiven Umschreibungen im Althochdeutschen. Bonn, 1905.

⁴ A. B. Öberg. Über die hochdeutsche Passivumschreibung mit *sein* und *werden*. Lund, 1907.

⁵ L. G. Frary. Studies in the syntax of the old english passive with special reference to the use of *wesan* and *weorðan*. «Language Dissertations», № 5, New York, 1929.

⁶ H. Brinkmann. Sprachwandel und Sprachbewegungen in althochdeutscher Zeit. Jena, 1931.

⁷ G. Baesecke. Einführung in das Althochdeutsche. München, 1918.

⁸ M. Nygaard. Norrøn syntax. Kristiania, 1905.

⁹ A. Zieglschmid. Указ. соч.

зано с изменением соотношения обоих компонентов внутри сочетания, без чего нельзя понять и процесса преобразования именного сказуемого в аналитическую форму¹⁰.

В этой связи особое значение приобретает исследование употребления самой причастной формы, выступавшей с функцией своеобразного предикатива в древнейших типах интересующих нас сочетаний; исследование это должно показать функции причастия вне тех устойчивых сочетаний со служебными глаголами, которые (сочетания), являясь весьма употребительной конструкцией с обобщенным значением, могли внести изменения в первоначальное значение и функционирование причастной формы.

ПРИЧАСТИЕ II ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

1

Причастие II германских языков относится к довольно продуктивной категории так называемых «отглагольных прилагательных», которые, согласно распространенной точке зрения, занимают «промежуточное место» между собственно причастиями и простыми прилагательными. В качестве отличительного признака собственно причастия отмечается образование его от определенной глагольной основы, тогда как отглагольное прилагательное образуется от глагольного корня. С этим обычно связывается и меньшая определенность отглагольного прилагательного в отношении таких глагольных категорий, как время и залог.

Предполагается далее, что обе категории одинаково восходят к именным образованиям, но тогда как часть этих образований (собственно причастия) включилась в глагольную систему в очень давнюю эпоху и тем самым оказалась подчиненной отношениям, характеризующим специфику глагола, другие лишь постепенно сближались с глагольной системой, заменяя собой более древние исчезнувшие формы; поэтому они и сохранили в большей степени свою именную природу, что прежде всего выражалось в меньшей определенности глагольной специфики, в известной нейтральности этих форм по отношению к категории времени и залога. К первой категории относились, например, индоевропейские формы на *-nt-, ко второй — индоевропейские образования на *-to-, *-no-.

Этот принцип выделения причастий среди прочих отглагольных прилагательных не всегда поддерживается в специальных грамматиках отдельных древних индоевропейских языков или сравнительных грамматиках языковых групп. Так, например,

¹⁰ О критериях аналитической формы и процессах, ведущих к ее развитию, см. гл. I.

А. Тумб¹¹, излагая систему именных форм глагола в санскрите, объединяет образования на *-to- и *-no- в одну рубрику с формами на -nt- или -mana-, отмечая лишь, что одни причастия образуются от глагольных временных основ, другие — от глагольного корня. Ф. Зоммер¹² в латинской грамматике относит так называемое отглагольное прилагательное на *-to-, играющее здесь столь существенную роль во всей системе глагола, к причастиям, указывая лишь, что старое индоевропейское отглагольное прилагательное на *-to- развилось здесь в пассивное причастие перфекта, подобно тому, как это имело место и в других индоевропейских языках.

В отношении германских языков старая сравнительная грамматика В. Штрайтберга¹³ повторяет традиционную схему, тогда как в более новых работах Э. Прокоша¹⁴ и Р. Бура¹⁵ не делается никакой принципиальной разницы между I и II причастием, т. е. между так называемым старым индоевропейским причастием на *-nt- и отглагольными образованиями на *-to- и *-no-.

Несомненно, отнесению этих образований в древнеиндийском, германских языках и латыни к причастиям (тогда как греческие формы на -to- типа κλυτός 'знаменитый' от κλύω 'слышу', πεπτός 'сваренный', 'удобоваримый' от πέσσω 'варю', несмотря на их распространенность, рассматриваются во всех работах как отглагольные прилагательные) способствовала их роль в образовании особых типов словосочетаний со служебными глаголами.

Одним из основных доказательств традиционной точки зрения на преобладание именной природы в образованиях с формантами *-to-, *-no- являлась их известная нейтральность, вернее, неопределенность в отношении основных глагольных категорий. В германских языках активное значение, ограниченное первоначально небольшим числом форм от предельных непереходных глаголов, становится затем весьма распространенным в связи с развитием системы описательных форм: так, множество интранзитивных глаголов, ранее не имевших причастия II, получили эту категорию как необходимый элемент системы описательных времен.

В древнеиндийском, где отглагольные образования на *-to- и *-no- почти столь же продуктивны, как в германских языках, они могли иметь оба залоговых значения, ср. gata 'идущий', śrutá 'текущий', smitá 'улыбающийся', sattiá 'сидящий', sthitá

¹¹ A. T h u m b. Handbuch des Sanskrit. Heidelberg, 1930, стр. 415, 416.

¹² F. S o m m e r. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1914, стр. 599.

¹³ W. S t r e i t b e r g. Urgermanische Grammatik. Heidelberg, 1898.

¹⁴ E. P r o k o s c h. A comparative germanic grammar. Philadelphia, 1939, стр. 205.

¹⁵ R. B o e r. Oergermaansch handboek. Haarlem, 1924, стр. 248—249.

‘стоящий’ и т. д., но *śrutá* ‘слышанный’, ‘известный’, *syutá* ‘сшитый’, *cyutá* ‘гонимый’, *hatá* ‘побитый’, ‘убитый’, *bhrtá* ‘принесенный’, *vittá* ‘известный’, *śastá* ‘сказанный’, ‘хваленый’. Как правило, в древнеиндийском причастие от переходного глагола на *-to- имело только пассивное значение. Активное осмысление этой категории было, таким образом, обусловлено переходностью глагола.

Аналогичную картину дает и употребление причастия на *-no-: *tiṛná* ‘переправившийся’, *lagná* ‘прикрепившийся’, но *diná* ‘связанный’, *bhinná* ‘расколотый’, ‘рассеченный’, *luná* ‘отрезанный’ и т. д.

Необходимо прежде всего отметить, что указанные выше особенности в использовании данных форм должны быть рассмотрены не как результат простой залоговой нейтральности, характерной вообще для имен, а как выражение значительно более сложных грамматических отношений.

В германских языках, так же как и в древнеиндийском, залоговое осмысление форм на *-to- и *-no- было обусловлено синтаксическими особенностями глагольного корня: производные от переходных глаголов формы получали неизменно пассивное значение; они составляли в обеих языковых группах основной фонд всей данной системы. Менее продуктивные образования от непереходных глаголов имели другое залоговое значение: они были активны. Быть может, в этой связи получают разъяснение кажущиеся исключения не только в латыни, но и в германских языках. Латинское *potus*, как это указывал еще Бругман, обозначает ‘тот, кто пил’, потому что во всех этих случаях причастие употребляется абсолютно: нельзя сказать *potus vinum* ‘пивший вино’ или *qui vinum potus* ‘который пил вино’¹⁶. Иначе говоря, в этих случаях глагольный корень получает абсолютное значение и определяет те же нормы образования причастия, что и непереходный глагол.

Система использования рассматриваемых форм в дошедших до нас памятниках говорит, следовательно, не о той залоговой нейтральности, индифферентности, которая свойственна именным образованиям, а о своеобразной соотносительности залоговой семантики с категорией переходности и непереходности глагола. В этой связи латинские, германские и древнеиндийские формы могут быть сопоставлены с единственным отглагольным прилагательным-причастием в хеттском на -anz, морфологически соответствующим категории активного причастия на *-(o)nt- других индоевропейских языков. В хеттском эта категория лишена временной определенности, в отношении же залогов она обнаруживает те же закономерности, что и рассмотренные германские,

¹⁶ K. Brugmann. Die -to- Partizipen im Verbalssystem des Lateinischen und des Umbrisch-oskischen. — IF, Bd V, Hf. 2, 1895, стр. 132.

латинские и древнеиндийские формы: *pānza* ‘идущий’, *terauueš-šanza* ‘ставший маленьким’ — с активным значением от непереходных глаголов; *kupananza* ‘убитый’, *adanza* ‘сданный’, *wašanza* ‘одетый’¹⁷ — с пассивным значением от глаголов переходных. В хеттском индоевропейское так называемое причастие настоящего времени обладало теми же качествами, что и причастие II в германских языках, несмотря на наличие разных, этимологически не сопоставимых формантов. Следовательно, тот особый тип залоговости, который наблюдался в категории так называемых отглагольных прилагательных на *-to- и *-no-, оказался распространенным и на отглагольное имя, обычно определяемое как древнейшее индоевропейское причастие. Вследствие всего этого в хеттском связь причастия на *-(o)nt- с системой личных глагольных форм была значительно менее тесной, чем в других индоевропейских языках. Во всем наблюдается значительный параллелизм с положением форм на *-to- и *-no- в германских языках, латинском и древнеиндийском. Аналогичные закономерности характеризуют и причастия в тохарском языке, где причастия на -и-, так называемые причастия претерита, могут иметь как активное, так и пассивное значение.

На основании этого можно сделать предположение о том, что характерные для некоторых причастий в греческом, древнеиндийском и других языках закономерности, выражавшиеся в большей определенности чисто глагольных категорий, специально категории залога, — явление вторичного порядка, обусловленное позднейшим языковым развитием. Следовательно, и та залоговая определенность их формантов, которая обычно иллюстрировалась на примере причастий с показателем *-(o)nt-, тоже может быть рассмотрена как результат более позднего включения в систему глагольных форм. Своеобразная же «зависимая» залоговость, обусловленная переходностью и непереходностью глагола, выступает в свете этих фактов как более ранняя форма залоговой спецификации данных категорий. Быть может, не случайно типологически близкие закономерности наблюдаются в некоторых тунгусо-маньчжурских языках, где оформление страдательного залога обнаруживает вообще архаичные черты.

Однако представляется вероятным, что даже эта относительная определенность залогового осмысления, базирующаяся на четком противопоставлении переходности и непереходности глагола, для данных именных форм сама по себе уже является результатом длительного развития. Не случайно в самой морфологической структуре данной категории эта соотносительность не мар-

¹⁷ E. N. Sturtevant. A comparative grammar of the hittite language. Philadelphia, 1933, стр. 158: «Значение причастий на -anz активно, если глагол, от которого они образованы, интранзитивен, в противном случае они пассивны».

кирована. Несомненно, далее, что показатели *-to-, *-no- не связаны сами по себе ни с глагольностью, ни с предикативностью; достаточно в этой связи сослаться на лат. *nasatus* 'носатый', *barbatus* 'бородатый', лит. *ragatas* 'рогатый', д.-в.-н. *gifiderit* 'оперенный', др.-инд. *purnáh* 'полный', лат. *populus* от *populus*, греч. *lāivos* 'каменный' от *lāas* 'камень', русск. *железный*, *грешный* и т. д. Древность этого типа отыменного словопроизводства подтверждается структурой таких прилагательных, как, например, гот. *kal-d-s*, др.-исл. *kal-d-g* и т. д. Предикативность и глагольность вносились той основой, от которой была образована данная форма. По этой линии германское причастие II оказывается связанным с большой группой индоевропейских «предикативных» имен со сходной, хотя и нетождественной структурой¹⁸. В плане содержания выделяются два типа предикативных имен: 1) предикативные имена, залоговая спецификация которых достигается соотносительностью с основой переходного или непереходного глагола; 2) предикативные имена, лишенные четкой залоговой спецификации, допускающие как активное, так и пассивное осмысление, а также имена, передающие лишь общую соотносительность признака, выраженного глагольной основой, к субъекту этого признака.

К первой группе, наряду с причастиями на *-to-, *-no-, относятся греческие отглагольные прилагательные типа *γλυπτός* 'вырезанный' от *γλύφω* 'вырезаю', *καυστός* 'раскаленный' от *καίω* 'жгу', *καλύπτός* 'покрытый' от *καλύπτω* 'покрываю', *ποιητός* 'сделанный' от *ποιέω* 'делаю', *βαπτός* 'погруженный' от *βάπτω* 'погружаю' и т. д., но *ρυτός* 'текущий', 'тот, что течет' от *ρέω* 'теку', *στατός* 'стоящий' от *ἵστημι* 'стою', *ἄπαιστος* 'не евший' от **πάσμαι* и т. д.; сюда же могут быть причислены те единичные случаи, где двойное осмысление предикативного имени связано, по-видимому, с двойным значением глагольной основы типа лат. *potus*, др.-инд. *pitá*, иначе гот. *frawaurhts* 'грех', 'согрешенное' и *frawaurhts* 'грешник', 'тот, кто грешит'.

Ко второй группе относятся разные образования:

1. Многочисленные греческие имена с дентальным и носовым суффиксами, ср. *ἄπρακτος* 'ничего не совершивший, не сделавший' и 'неисполненный', *ἄγνωστος* 'неузнаваемый', 'неузнанный' и 'незнающий', *στεγνός* 'покрывающий' и 'покрытый' и т. д.; многие из них выражают ту не дифференцированную в залоговом отношении соотносительность, которая отмечалась выше, ср. *ἄριστος* 'достойный удивления' — *ἄσμαι* 'удивляться', *σεμνός* 'почтенный' — *σέβω*, *σέβωμαι* 'почитаю', *ἅγιος* 'святой', 'священный' — *ἅζωμαι* 'благоговею', *δεινός* 'страшный', 'тот, кто наводит ужас' — *δεῖδω* 'бояться', 'тревожиться'.

¹⁸ Подробнее см.: М. М. Г у х м а н. Причастие II германских языков. «Ученые записки Московского государственного педагогического института иностранных языков», т. XI. М., 1957, стр. 71—79.

2. Разноструктурные образования, сближающие имя действующего лица, имя действия и результата действия: а) вторые компоненты сложных слов в древнеиндийском, ср. *devā-stút* 'восхваляющий богов', *devā-śrút* 'услышанный богами' и *(ura)-stút* 'призыв'; б) германские имена типа др.-исл. *bana* 'убийца' и 'убийство', гот. *frawaurhts* 'грешник' и 'грех', 'согрешенное' и т. д. Быть может, к той же формальной немаркированности этих категорий восходят и структурные связи между древнеиндийскими именами действия с носовым суффиксом типа *vāhanam* 'езда', *vārtanam* 'верчение' и соответствующими причастиями; в историческую эпоху различительным признаком было только ударение; аналогичные отношения связывают и греческие пары типа *τρέχος* 'бег' и *τροχός* 'колесо', 'бегущий', *τόμος* 'разрезание' и *τομός* 'режущий' и т. д.

Во всех рассмотренных образованиях выделяются одни и те же отличительные признаки, независимо от их морфологических показателей в разных языках.

1. Все рассмотренные типы имен соотносены с глагольными корнями или непосредственно произведены от глагольного корня. Это обстоятельство вносит в их содержание своеобразный предикативный оттенок, в одних более явный, в других менее ощутимый. Сам термин «отглагольные имена», употребляемый обычно для их обозначения, не вполне удачен. Если для значительной группы речь действительно должна идти о производности этих имен от глагольного корня (в частности, несомненно, в отношении причастий германских языков), то в ряде случаев можно предполагать либо параллельность формирования именного и глагольного ряда, либо, наоборот, образование глагола от имени.

2. Для всех этих образований характерным является их неопределенность в отношении времени; некоторые из них связаны лишь с видовыми оттенками.

3. В отношении залоговости наиболее типичным является отсутствие морфологической дифференциации между именем действующего лица и именем результата действия, выражающееся в возможности использования одной и той же формы как с активным, так и с пассивным значением.

4. К залоговой нерасчлененности присоединяется возможность использования одних и тех же форм для обозначения имени действия. Тем самым в них отражена не только известная недифференцированность глагольных категорий, но и нечеткость границ между «отглагольными прилагательными» и «отглагольным существительным».

Эти отличительные черты всей группы в целом, общие для морфологически разных единиц, не могут найти достаточного объяснения в обычной концепции первоначальности их чисто именной природы; своеобразие залоговой специфики германского причастия II также не может быть объяснено простым отнесением

его к категории прилагательных, хотя и образованных от глагола, как и морфологическая близость имени действующего лица, результата действия и имени действия не может быть объяснена простой фиксацией их именной природы.

Своеобразное сочетание «именного» и «глагольного» начала во всех этих категориях, несмотря на различие семантики многих из них, является чем-то данным, отличающим эту группу и от системы «чистых» имен, и от системы личных форм глагола.

Очевидно, что среди конкретных единиц, представляющих группу предикативных имен, имеются образования, восходящие к разным периодам истории индоевропейских языков. Однако модель предикативного имени, залоговая специфика которого обусловлена переходностью или непереходностью глагольной основы, по-видимому, является одним из ранних звеньев в процессе оформления залоговых оппозиций в индоевропейских языках. Эта модель выработалась путем преобразования более древнего типа предикативного имени, сохранявшего залоговую нерасчлененность и выражавшего лишь общую соотнесенность признака (процессуального или статического) с носителем этого признака. Вероятность данной гипотезы подтверждается типологически на основе сопоставления с материалами самодийских языков, где причастия морфологически не различаются в отношении залога: ср. в ненецком языке *вадета* 'рассказываемый' и 'рассказывающий', залоговое же значение формы уточняется в контексте¹⁹. Вместе с тем в некоторых тунгусо-маньчжурских языках, а именно в нанайском и близких ему языках, пассивное причастие и имя действия формально не различаются: ср. нан. *холао-ри* 'читаемый', 'чтение'²⁰.

Вопрос о специфике отдельных подтипов предикативных имен, в частности и интересующий нас вопрос о германском причастии II, может быть разрешен лишь на основе анализа его употребления в древних текстах и частично в современных языках. Споры относительно того, преобладают ли в причастии II германских языков элементы прилагательности или глагольности, должны быть частично переведены в плоскость исследования проблемы о соотношении атрибутивной и предикативной функций в употреблении данной формы.

Необходимость такого исследования диктуется прежде всего тем, что различительные признаки семантической структуры самого причастия II, раскрывающиеся наиболее ясно в оппозиции причастие I || причастие II, оказываются нетождественными

¹⁹ Ср.: Н. М. Терещенко. О категории залога в самодийских языках. — Сб. «Вопросы грамматики». М.—Л., 1960, стр. 187—188.

²⁰ О. П. Сунник. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.—Л., 1962, стр. 223.

в разных условиях. Определяющими могли быть лексический характер глагола, сочетаемость и типы контекста. В самом деле, противопоставление причастия II причастию I не однозначно у переходных и непереходных глаголов: у непереходных глаголов выделяются одномерные различительные признаки (видо-временные), тогда как у переходных глаголов приходится говорить о сложной системе видовых и залоговых признаков. Вместе с тем очевидно, что и само противопоставление по линии видо-временных отношений не может быть тождественным у причастий переходных и непереходных глаголов: отсутствие у переходного глагола а) специальной формы активного причастия «прошедшего времени» и б) специальной формы пассивного причастия «настоящего времени» создавали иные условия сочетаемости и употребления, иную семантическую нагрузку, чем у причастий непереходных глаголов.

Оставляя в стороне вопрос о закономерностях функционирования причастий непереходных глаголов, попытаемся наметить те основные константные признаки причастия II переходных глаголов, которые раскрываются в его противопоставлении причастию I, при этом не учитываются смысловые варианты, обусловленные лексическим характером глагола, сочетаемостью или типами контекста (этому посвящены следующие разделы).

Определяя специфику причастия по сравнению с финитной глагольной формой или с именем, А. Потенбя указывал, что в причастии «возникающий признак (черта глагола) представляется данным (черта имени); иначе, в нем данный признак представляется зависимым от энергии, присущей предмету, но сама эта энергия не мыслится, между тем как в собственном прилагательном не мыслится и отношение к энергии»²¹. В этом определении удачно схвачены некоторые отличительные признаки причастия вообще, связанные с тем, что признак, выраженный глагольной основой, означает некое свойство, качество субъекта признака, а не действие или состояние этого субъекта; однако глагольная основа вносит в причастие известную соотнесенность с процессом, чем причастие и отличается от прилагательного. В причастии I и II в разных условиях их функционирования в разной степени соотнесены элементы процессуальности и данности, или, иначе, глагольные и именные характеристики.

Анализ, например, оппозиции гот. *daupjands* 'крестящий', 'креститель' и *daupīfs* 'крещенный' позволяет установить следующие пары различительных признаков: 1) по характеру связи признака (свойства) с субъектом—носителем этого свойства: в *daupjands* признак зависит от субъекта, производится им, тогда как в *daupīfs* свойство, признак не зависит от деятельности того

²¹ А. Потенбя. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 94.

субъекта, который этот признак характеризует; 2) по направленности того процесса, с которым свойство (признак), обозначенное причастием, соотносено: причастие I обладает более или менее ярко выраженной центробежностью, причастие II характеризуется потенциальной центростремительностью; 3) по способу реализации признака, обозначенного причастием: в причастии I признак дается как протекающий, курсивный, в причастии II признак характеризуется по преимуществу сочетанием данности и потенциальной результативности. Лексический характер глагола (предельные и неопредельные глаголы), синтаксическая функция (предикативная или атрибутивная), сочетаемость создают определенные условия для варьирования этих различительных признаков. Так, в причастии II при обозначении внешнего фактора может быть актуализирована центростремительность и результативность, т. е. могут быть актуализированы глагольные признаки причастия; при отсутствии наименования внешнего фактора в позиции простого препозитивного атрибута глагольные характеристики могут быть доведены до минимума, свойство, качество, обозначаемое причастием, выступает как данное, а причастие максимально сближается с прилагательным. Поэтому характеристика смысловой структуры причастия II может быть получена лишь на основе анализа его употребления в конкретных языковых текстах.

2

В отличие от древнеиндийского германский материал дает лишь изолированные случаи употребления причастия II без служебного глагола в функции самостоятельного сказуемого. Сравнительно многочисленны лишь случаи употребления причастия для перевода форм латинского пассива в древнегерманских глоссах; особенно это характерно для парижской и сен-галленской рукописей керонского глоссария²²: ср., например²³, 6, 12 *constringor*=*Pa. cadungan*, *gl. k. cadhungan*, более поздние глоссы, так называемый храбанский глоссарий, дает *cadhungan pin*, т. е. причастие+связка; 10, 15 *adprobatur*=*Pa. gachorot*, *gl. k. cacherot*; 38.9 *damnabitur*=*Pa. cauizzinot*, *gl. k. cauizzinot*; 40, 24 *adfligor*=*Pa. cadungan*, *gl. k. cadhungn* и т. д. В храбанском глоссарии неоднократно к причастию прибавлена связка.

Ни один из древнегерманских памятников не дает подобного употребления причастия II. Употребление же этой формы без связки в глоссариях отнюдь не может еще служить доказательством ее широкого применения в языке, а скорее свидетельствует

²² R. Koegele. Über das keronische Glossar. Halle, 1879.

²³ Цитируется по изданию глосс Зиверса—Штайнмайера (см. список изд. в конце книги).

о чисто синтаксическом характере сочетаний причастия со служебными глаголами, об отсутствии стандартизации этих сочетаний, в силу чего носителем грамматического значения пассивности выступало причастие.

В рунической надписи из Möjebro, которую В. Краузе датирует V в.²⁴, причастие стоит без связки: *frawaradaR anahahaislaginaR* 'Фраварадар на коне (?) убитый', однако функция причастия в этой надписи может быть истолкована и как атрибутивная.

Во всех германских языках типы контекста, в которых используется причастие, а следовательно, и синтаксические функции, обусловленные этим контекстом, тождественны. Выделяются следующие типы контекста.

Тип I: относительно независимый синтаксический отрезок сложносочиненного предложения; причастие является предикативным центром этого отрезка и имеет свое подлежащее, а все словосочетание объединено союзной связью с остальной частью предложения, содержащей другое подлежащее и соотносненное с ним сказуемое в личной форме. Синтаксический отрезок с причастием стоит после союза.

Тип II: слитное предложение, в котором причастие и личная глагольная форма соотносены с одним подлежащим, причем относительная синтаксическая равноценность причастия и личной глагольной формы сигнализируется характером соединяющего их союза.

Тип III: более или менее обособленный оборот, в котором причастие образует предикативный центр. В зависимости от характера синтаксической связи между основной частью предложения и оборотом выделяются: а) предикативные обороты, б) атрибутивные обороты.

Тип IV: именные словосочетания, в которых причастие выступает в качестве атрибута, причем в структуре этих словосочетаний выделяется: а) аппозиция причастия и б) препозиция причастия.

Хотя эти типы контекстов с причастием встречаются во всех германских языках, однако продуктивность каждого из них, правила функционирования причастия в пределах каждого типа не одинаковы, поэтому ниже приводится раздельно анализ материала каждого языка.

3

В готском языке I тип контекста, где причастие II и конструируемый им оборот образуют относительно самостоятельный отрезок сложносочиненного предложения, представлен неболь-

²⁴ W. Krause. Runeninschriften im älteren Futhark. Halle, 1937, стр. 573.

шим числом примеров из языка Посланий и Skeireins. Памятники эти вообще отличаются особенно широким использованием причастных оборотов и именных конструкций: ср. *jah auk qi-mandam unsis in Makaidonjai, ni waiht habaida gelveilainais leik unsar, ak in allamma anapragganai* (к. VII, 5) 'но когда прибыли (нам прибывшим — Абс. Дат.) в Македонию, никакого покоя не имела наша плоть, но во всем были стеснены (во всем стесненные)'. Причастие использовано здесь как сказуемое самостоятельного отрезка предложения, равноценного тому предложению, где имеется личная форма *habaida* 'не имело наше тело покоя'; сочетание этих двух отрезков предложения не только семантически, но и структурно-синтаксически, благодаря противительному союзу, указывает на наличие сочинительной связи, а следовательно, и на употребление причастия в функции второго сказуемого, почти равноценного личной форме.

К этому же типу может быть отнесен и пример: *hvan aggwu bata daur jah fraihans wigs sa brigganda in libainai, jah fawai sind fai bigitandans pana* (M. VII, 14) 'как узки эти ворота и стеснена дорога, ведущая к жизни, и немногочисленны те, которые находят ее' (*τί στενή ἡ πόλις καὶ τὸ ἐλπίμενόν ἡ ὁδός*); первые два сказуемых — *hvan aggwu* и *fraihans* (от *freihan* 'теснить') — употреблены без связки при подлежащих *daur* и *wigs*, поскольку связка *sind* третьего сказуемого согласована с подлежащим *fai bigitandans*.

В отличие от первого примера словосочетание с причастием предшествует союзу; такая позиция относительно редко встречается в германских языках. Возможно, что в данном конкретном случае определяющую роль сыграла модель подлинника.

Вариант I типа представлен также: *jah urran sa dauþa gabundans handuns jah fotuns faskjam, jah wlits is auralja bibundans* (J. XI, 44) 'и поднялся тот мертвец, перевязанные руки (вин. п.) и ноги пеленами, и лицо его обвязанное платком'.

Уже первый причастный оборот представляет интерес по характеру внутреннего построения: причастие *gabundans* сохраняет управление глагола *gabindan*, так как *handuns* и *fotuns* стоят в винительном падеже, подобно тому, как если бы здесь стояло активное причастие, обычно сохраняющее глагольное управление. Однако нас интересует второй причастный оборот. Его особая позиция в предложении находит свое выражение в наличии отдельного подлежащего и в употреблении союза, подчеркивающего не только включенность данного отрезка в большее синтаксическое целое, но и известную его самостоятельность по отношению к части предложения, предшествующей союзу. В подлиннике стоит личная форма *περιεδέετο*. Употребление в готском причастной формы может в данном случае иметь двойное объяснение: либо причастие в готском было употреблено с функцией, равноценной полному сказуемому, либо в сознании

готского переводчика последняя часть предложения представлялась подчиненной, зависимой по отношению к основному сообщаемому факту — к воскресению мертвеца; в последнем случае причастие выполняло бы роль своеобразного второго сказуемого (см. ниже). Приведенные построения рассматриваются обычно как особый тип абсолютных конструкций (именительный самостоятельный).

В готском так называемый именительный самостоятельный (наш тип I) редок, другие же модели оборотов с причастием II (тип III) составляют весьма продуктивную категорию. В отличие от именительного самостоятельного, однако, конструкции эти выражают гораздо большую подчиненность целому, поскольку в них отсутствует отдельное подлежащее и их не отделяет от остальной части предложения союз: в тех случаях, когда они используются как развернутые предикативные атрибуты²⁵, они соотносены в конечном итоге с тем же подлежащим, что и главное сказуемое; если же они используются как развернутые определения, то они еще более ясно подчинены одному из членов основной части предложения. Эта централизованность всей системы является не только семантической, но имеет и формальное выражение — согласование причастия с тем или иным членом основной части предложения. В готском именно III тип контекста образует основную группу случаев употребления причастия II вне сочетаний с *wisan* и *wairþan*.

Тип IIIa — развернутые предикативные обороты: *iþ nu gamelida izwis ni blandan, jabai hras broþar namnids sijais hors airþau faihufriks* (K. V, 11) 'но я писал вам, чтобы вы не общались с теми, кто, будучи назван братом, останется прелюбодеем и лихоимцем'. Здесь соотносительность причастия с подлежащим выражается в согласовании причастной формы, но функционально причастный оборот выступает как признак признака, включаясь в группу сказуемого. Еще более ясно эта двойная соотносительность причастия проявляется в примере: *þiurmagus meins ligiþ in garda usliþa, harduba balwiþs* (M. VIII, 6) 'слуга мой лежит в доме расслабленный, тяжело мучимый', где *balwiþs* как признак характеризует слугу не непосредственно, а через свою связь с личной глагольной формой: сказуемое выражается, собственно, словосочетанием *ligiþ... harduba balwiþs*.

²⁵ Автор данной работы отличает второе или «второстепенное сказуемое» от предикативного атрибута. Это обусловлено стремлением выделить различные оттенки большей или меньшей силы предикации: термин «второе» или «второстепенное сказуемое» сохраняется лишь за теми случаями, где причастие употреблено в обороте с отдельным подлежащим или же где причастие отделено от полноценного сказуемого союзом, что как бы подчеркивает однородность личной и именной формы; причастие в функции уточнителя полноценного сказуемого (признак признака) рассматривается как предикативный атрибут.

Ср. также: *fraihans þan fram Fareisaium: hvann qimif þiudangardi gudi? andhof im jah qaþ* (L. XVII, 20) 'спрошенный тогда фарисеями... ответил и сказал' — *fraihans fram Fareisaium...* 'будучи спрошен фарисеями', 'когда спросили фарисеи' (ср. также L. III, 19; Kol. 10, 11).

В приведенных примерах имеются разные оттенки синтаксической связи причастного оборота с основными компонентами предложения. В одних случаях, как, например, *fraihans fram Fareisaium...* (L. XVII, 20), причастный оборот имеет известный обстоятельственно-временной характер. В других примерах адвербиальное содержание данного оборота приближается скорее к оттенку обстоятельства образа действия, причем, однако, указанная выше двойственность синтаксической связи сохраняется и здесь: ср. *þiunagus meins ligif in garda usliþa, harduba balwiþs* (M. VIII, 6), а также L. IV, 15. В данных примерах состояние, выраженное личной глагольной формой, и признак, выраженный причастием, сосуществуют в одном отрезке времени.

Все оттенки содержания, более или менее четкие, могут переходить друг в друга. Характерная для всей этой группы причастных оборотов двойная соотнесенность с группой сказуемого и с группой подлежащего образует общую основу, константный признак, подчеркивая, с одной стороны, предикативный характер этих оборотов, с другой — особый тип этой предикации, близкой к атрибутивности. Вместе с тем если связь с главным сказуемым является чем-то присущим этой группе причастных оборотов, то связь с подлежащим имеет разную степень интенсивности в зависимости от конкретного содержания оборота.

Тип IIIб — развернутые определения: *jah qemun at imma usliþan bairandans, hafanana fram fidworim* (Mrk. II, 3) 'и пришли к нему, неся расслабленного, поднятого четьрьмя'; *akei hva usiddjeduþ saihvan? mannan hnasqjaim wastjom gawasidana?* (M. XI, 8) '...человека, облаченного в мягкие одежды'; *hairda sweine haldana at þamma fairgunja* (Mrk. V, 11) 'стадо свиней, пасомое на той горе'; *ei þanaseiþs ni sijaima niuklahai uswagidai jah uswalugidai winda hvammeh laisenais...* (E. IV, 14) 'чтобы мы не были младенцами, колеблемыми и увлекаемыми ветром каждого учения'; *iddja in baurg namnida Naem* (L. VII, 11) 'пошел в город, прозванный Н.' (ср. также L. II, 12; E. I, 21; Mrk. XVI, 5; K. VIII, 19; E. III, 7 и т. д.).

В качестве первой особенности этой модели контекста следует указать на то, что во всех приведенных примерах причастное определение стоит в аппозиции. Аппозитивное же определение обычно скрывает в себе элемент предикации. Характерно, что в современном немецком языке аппозитивное прилагательное морфологически примыкает к форме прилагательного в предикате, т. е. к несклоняемому типу прилагательного: *die Apfel,*

rot und reif, lagen auf dem Teller; в русском, где прилагательное в именном сказуемом допускает использование обеих форм²⁶, отличие препозитивного и аппозитивного определения не выступает столь ясно. Специально в отношении одного из германских языков, древнеисландского, А. Хойслер указывал, что «постпозитивное прилагательное образует самостоятельную единицу (Kolón), препозитивное притягивает главное слово и образует с ним единую акцентную группу; в первом — больше предикативной функции (иногда выражаемой относительным предложением), во втором — понятие выступает как нечто единое (приближаясь к сложному слову)»²⁷. Порядок слов, аппозиция, является в данном случае средством выражения отсутствия полной включенности признака в содержание самого имени, средством выделения этого признака как чего-то нового, раскрывающего содержание определяемого слова или вносящего в это содержание дополнительное значение. В последнем как раз и заключается близость аппозиции к сказуемому.

В развернутых же определениях этот предикативный элемент аппозиции еще усиливался самим характером сочетания: в большинстве случаев здесь причастие синтаксически связано с другим членом предложения, выполняющим при нем функции объекта и обстоятельства; последнее превращает аппозитивное причастие в составную часть сложного оборота. Если отношение всего сочетания в целом к подлежащему или дополнению и имеет по своей структуре атрибутивный характер, то внутри его причастие сохраняет элемент предикации: *hairda haldana at þamma fairgunja; mannan in hnasqjaim wastjom gawasidana* имеют определенный оттенок предикативности не только потому, что причастие употреблено аппозитивно, но и потому, что благодаря соотнесенности с внешним фактором подчеркивается тот элемент в причастии, который может быть определен как глагольное начало. Это особенно сильно сказывается в тех случаях, когда объект/обстоятельство фактически расшифровывается как указание на источник действия, результатом которого является выраженный причастием признак, ср., например: *aþþan ni þatann, ak jah gatewiþs fram aikklesjom* (K. VIII, 19) '...но только определенный (избранный) церковью'; *hva usiddjeduþ ana auþidai saihvan? raus fram winda wagidata* (M. XI, 7) '...тростник, колеблемый ветром'; *aipistaule unsara jus sijuþ, gamelida in hairtam unsaram, kunþa jah anakunnida fram allaim mannan* (K. III, 2) 'вы — письмо наше, написанное в сердцах наших, известное и прочитанное всеми людьми' (ср. также цитирован-

²⁶ Ср. изложение вопроса об оформлении прилагательного в сказуемом: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1937, стр. 219—226, 251, 253.

²⁷ А. Heusler. *Altisländisches Elementarbuch*. 3. Aufl. Heidelberg, 1932, стр. 177.

ное выше Mrk., II, 9 и т. д.). В приведенных примерах внешний фактор данного признака стоит даже в предложной конструкции, наиболее специализированно выражавшей идею деятеля при страдательном залоге. В отличие от других ранее приведенных случаев с причастием — обстоятельство, например *haldana at ƿamma fairgunja*, здесь объект характеризует внешний фактор, сопровождающий само возникновение признака; отсюда он легко переходит в обозначение источника состояния, выраженного причастием, и даже в обозначение субъекта причастной конструкции.

Резюмируя все сказанное о I и III типах контекстов с причастием в готском языке, можно указать, следовательно, что причастие сохраняет обычно известный элемент предикативности.

Быть может, еще более показательным для смысловой структуры причастия II в готском является его использование не в сложном обороте, а в простом именном словосочетании. Здесь прежде всего следует отметить, что готский почти не знает употребления причастия в препозиции: *jah was jainar manna ga-ƿaursana habands handu* (Mrk. III, 1) 'и был там человек, засохшую имеющий руку' и *gasah̄ usluknans himinans* (Mrk. I, 10) 'и увидел разверзшиеся небеса' являются чуть ли не единственными примерами подобного положения причастия.

Почти полное отсутствие препозитивного употребления причастия II представляется весьма знаменательным на фоне других явлений готского синтаксиса. Как известно, в готском прилагательное могло употребляться как препозитивно, так и аппозитивно: примеры типа *galaiƿ ana auƿjan stad* (L. IV, 42) 'пошел на ту сторону'; или *ƿai auhumistans gudjans* (J. VII, 32) 'высшие священники'; *ƿiuƿeigs manna* 'добрый человек', *ubils manna* 'скверный человек' (L. VI, 45) и т. д. весьма распространены в Евангелии и Посланиях. Употребляется при этом как слабая, так и сильная форма прилагательного, прилагательное с указательным местоимением и без него.

Наряду с этим не менее часто и аппозитивное употребление: *ahman unhraijnana habaiƿ* (Mrk. III, 30) 'дух нечистый имеет'; *kunnands ina wair garaihtana jah weihana* (Mrk. VI, 20) 'зная его за мужа справедливого и святого'; *faheid mikila* (L. II, 10) 'радость великую'; *ana fairguni hauhata* (L. IV, 5) 'на высокую гору' и т. д. И в постпозиции возможна как сильная, так и слабая форма. Таким образом, прилагательное дает как бы полный параллелизм возможности аппозитивного и препозитивного употребления в отличие от нормы причастия II. Различия синтаксической нормы использования причастия II и прилагательного никак не могут быть объяснены влиянием подлинника и должны быть целиком отнесены за счет закономерностей самого готского.

Исследованный материал позволяет подвести некоторые предварительные итоги употребления пассивного причастия II в гот-

ском. Единичными оказались случаи использования его в функции, близкой к самостоятельному сказуемому. Столь же единичны были примеры с препозитивным атрибутивным причастием, где характерные для атрибутивного использования отношения к определяемому выступали во всей полноте. Основную массу случаев, где причастие не было связано с именным сказуемым, составляли в готском причастные обороты. При всем разнообразии выражаемых этими оборотами оттенков, общим являлось для них сочетание элементов предикативной и атрибутивной функции.

4

Материал ранних древненемецких памятников обнаруживает ряд моментов, сходных с употреблением причастия в готском языке.

Если не считать материала глосс (см. выше), то случаи употребления простого причастия в функции второго сказуемого — тип I — единичны. К ним может быть отнесено употребление причастия у Исидора: *In dhemu heilegin daniheles chiscribe ist umbi dhea christes cumft ernustliihho araught endi iaar arzelidiu, ioh offono sindun siniu zeihhan dhes bifora chichundidiu* (XXV, 14). 'В писании св. Даниила безусловно доказано в отношении прихода Христа, и годы сосчитаны; и его знаки предсказаны'.

В предложении имеется три самостоятельных отрезка: первый образует безличный оборот, второй имеет подлежащее *iaar* (мн. ч.) и третий — подлежащее *siniu zeihhan*; сказуемым первого и третьего отрезка является причастная конструкция со связкой *ist*: *ist araught* 'доказано', *sindun chichundidiu* 'предсказаны', во втором отрезке сказуемое выражено простым причастием множественного числа *arzelidiu*, согласованным с *iaar*. Связка предыдущего отрезка *ist araught* не может относиться к данной причастной форме, так как не совпадает с ней в числе. Следовательно, здесь наблюдаются закономерности, характеризующие самостоятельное предикативное употребление причастия в синтаксическом отрезке, составляющем часть большего периода.

Возможно, что здесь сохранились следы более ранних закономерностей²⁸. Но обычными для немецкого языка VIII в. являются иные нормы.

У Исидора причастие II встречается всего 25 раз, при этом типы контекста распределяются следующим образом:

²⁸ И. фон Герике (J. von Guericke. Die Entwicklung des althochdeutschen Partizipiums unter dem Einfluss des Lateinischen. Diss. Königsberg, 1915, стр. 68) отмечает, что это причастие следует рассматривать как первый этап оформления страдательного залога.

Тип IIIa и IIIб составляют значительную группу: *Dher simbles fona dhemu fater chisendit chiuuon ist fona himile nidharquheman endi uphstigan* (IX, 9) 'Который, будучи послан отцом, приучен спускаться и подыматься'; *dhazs ist dhiu unmeina magad maria fona dauides uurzun framquhoman* (XXXIX, 22) 'это дева Мария, происшедшая от корня Давида'; *Huuelih ist auur nu dthese druhtin fona uuerodheoda druhtine chisendit* (XII, 8) 'Но кто же этот господь, посланный войска господом'; ср. аналогичное место в *Monseer Fragmente* 16; ср. также Исидор, XVIII, 19.

Характерным для всех этих конструкций является краткая форма именительного падежа причастия, ср. *dhiu magad maria... framquhoman; druhtin... chisendit; dher... chisendit*. К этой формальной норме примыкает и простое аппозитивное причастие (тип IVa): *Nu ist fona goda chiquhedan got chisalbott* (V, 4) 'Теперь про бога сказано — бог помазан', в отличие от препозитивного причастия, ср. там же, 1: *Huuer ist dhanne dthese chisalbodo got fona gote* 'Кто этот помазанный богом бог'. Аппозитивным остается причастие-атрибут и в той разновидности контекста IVa, которой является сочетание причастия с именем в винительном падеже при глаголах с определенной лексической характеристикой: ср. *dhoch sie inan chiboranan chilauben lastront inan... 'хотя они верили его рожденным (что он рожден), все же поносили...'* Конструкция эта, тождественная функционально Асс. с. inf., встречается не только у Исидора, но довольно часто и в древнеисландских текстах.

В отличие от готских памятников у Исидора распространено и препозитивное употребление причастия (тип IVб), причем наблюдается тенденция к дифференциации формы препозитивного и аппозитивного причастия, а именно во всех случаях препозитивного причастия стоит слабая форма с указательным местоимением: *dazs undarquhedene chibott* (XXIX, 2) 'запрещенная (запрещающая) заповедь'; *endi dhiu chiborgonun hort dhir ghibu* (VI, 3) 'и спрятанный (сокровенный) клад тебе дам'; *dhera bigunnenun redha* (XXX, 15) 'начатой проповеди'; *dhes unchideiliden meghines* (XIII, 22) 'неразделенной властью (могуществом)' и т. д. В предикативной функции, напротив, преобладают краткая или сильная формы.

Сравнивая синтаксические функции причастия II в готских текстах и в языке Исидора, можно, следовательно, отметить следующие специфические особенности: 1) тенденцию морфологически дифференцировать предикативное и атрибутивное употребление и 2) большую продуктивность препозитивного причастия в атрибуте. Небольшой по объему памятник дает шесть случаев, что составляет фактически четверть всех контекстов с причастием вне именного сказуемого. Однако в синтаксисе перевода Исидора, по-видимому, были и индивидуальные черты. При сопоставлении Исидора с другими древненемецкими памят-

никами, в частности с глоссами, переводом Татиана и поэтическими памятниками типа Муспилли, песнью о Гильдебранде и, наконец, поэмой Отфрида, можно с некоторой долей вероятности определить и место этого первого крупного памятника в развитии древненемецкого языка, и его соотношение с языком других памятников.

Так, например, весьма существенным отличием языка перевода Татиана по сравнению с рассмотренным памятником является отсутствие последовательной морфологической дифференциации предикативного и атрибутивного причастия. В этом отношении Татиан нередко ближе к языковой норме готского переводчика, чем к закономерностям, характеризующим язык Исидора.

У Татиана наиболее продуктивным является использование причастия II в контекстах, обладающих известной самостоятельностью (тип IIIa и IIIб). Особенно широко причастие II использовалось здесь в дательном самостоятельном для передачи латинских абсолютных конструкций, ср. *Inti gioffonoten iro tresofazzon brahtun imo geba* (8, 7) 'И когда лари были открыты, они принесли ему дары' ('открытым ларям'); *Thesen giquetanen gieng stigenti zi Hierusalem* (138, 15) 'Когда это было сказано, пошел в Иерусалим' ('этому сказанному'); *Into nifundanemo sinemo lichamen quamun quaedenti* (226, 2) 'И когда не было найдено его тело, пришли, говоря' ('его телу найденному'); ср. также 7, 8; 210, 1; 3, 12 и т. д. Конструкция эта, оформившаяся, по-видимому, в известной мере под влиянием латинских абсолютных причастий, представляет своеобразную параллель к соответствующим оборотам в готском, где используется форма причастия I, ср., например: *dalaß þan atgaggandin imma at fairgunja, laistidedun afar imma...* (M. VIII, 1) 'когда он спускался вниз с горы, подошли к нему...' ('к нему спускающемуся'). Этот тип контекста используется в функции развернутого обстоятельства, уточняющего содержание главного сказуемого.

Рассматриваемый образец текста содержит сложное сообщение, распадающееся в свою очередь на составные элементы, связь между которыми может быть названа определительной. Хотя в абсолютном обороте сообщается об известном состоянии (причастие), соотношенном с неким предметом или лицом (ср. *gioffonoten tresofazzon* 'открытые лари' и т. д.), однако конструкция по своей форме и по характеру связи между состоянием-признаком и лицом или предметом, которому этот признак приписывается, не имеет силы самостоятельного высказывания, так как и форма этого признака не выражает самостоятельной предикации, а имя, с которым сочетается причастие, стоит в косвенном падеже. Вместе с тем внутренняя структура оборота представляет собой чисто атрибутивное словосочетание, где дан объект в дательном падеже с сопровождающим его определением, по-

добно словосочетанию 'интересной книге', 'больному ребенку', 'нарисованной картине' и т. д. Лишь включившись в более сложное целое законченного высказывания, это сочетание приобретает особое строение, присущее абсолютному обороту. Именно здесь, в этом сложном целом, данная группа получает значение относительной самостоятельности, которая позволяет рассматривать ее не как обычное словосочетание косвенного дополнения с определением, а как замкнутый отрезок контекста, подчиненный единству целостного высказывания. Эта относительная самостоятельность связана с вносимым в данный отрезок оттенком предикативности, причем предикативности особой, подчиненной главному сказуемому и вместе с тем атрибутивно окрашенной. В этом смысле нет, собственно говоря, ничего отличающего принципиально этот контекст от других вариантов типа III. Все отличие заключается в том, что другие варианты, например развернутые определения или сочетания вроде *fraihans fram Fareisaium... andhof*, синтаксически более централизованы, чем абсолютный дательный: подчинительная связь формально отражена согласованием самого причастия с одним из основных членов главного высказывания. В абсолютном дательном, наоборот, отсутствует какое бы то ни было внешнее выражение этой зависимости связи; в этом отношении здесь наблюдаются те же закономерности, что и в именительном самостоятельном.

Не менее продуктивны были и другие варианты типа III: *inti gimanot in troum fuor in teil Galileę* (11, 4) 'и предупрежден(ный) во сне, поехал в Галилею': 'будучи предупрежден', 'так как был предупрежден', 'после того как был предупрежден'; *inti mit ketinun gibuntan zibrach thie ketinun* (53, 4) 'и закованный в цепи, разорвал эти цепи', ср. также 97, 3; 230, 3 и т. д.; *inti quementi findit (hus) zuomigaz mit besemen gifurbit inti gigaruuit* (57, 7) 'и, придя, находит (дом) пустой, метлой выметенный и украшенный'; в данном примере развернутый атрибут 'метлой выметенный' сочетается с простым аппозитивным определением *gigaruuit*; *inti fundun Mariun inti Ioseben inti thaz kind gilegitaz in crippea* (6, 4) 'и нашли Марию и Иосифа и дитя, положенное в ясли'; ... *kind mit tuochem biuuntanaz inti gilegitaz in crippea* (6, 2) 'дитя, спеленутое и положенное в ясли'; *Tho gicorota thie furistsizzento thaz uuazzar zi uuine gitan* (45, 7). 'И тогда попробовал распорядитель воду, превращенную в вино'; ср. также 47, 1; 139, 3 и т. д.

Значительно реже встречается причастие в качестве простого определения как препозитивного (тип IVб) — *gifuotrit calb* (97, 5) 'откормленный телец'; так и аппозитивного (тип IVа) — *Inti leittun inan gibuntanan* (192, 3) 'и повели его связанного'.

В Песне о Гильдебранде, где причастие II вне сочетания со связкой встречается лишь четыре раза, имеются два случая простого определения (препозитивное и аппозитивное): *barn un-*

wahsan, wuntane bauga и два причастных оборота: *cheisuringu gitân* и *giwigan mit wâbnum*; характерно, что и здесь аппозитивное определение и причастие в обособленном обороте не знают согласования.

В Муспилли причастие, помимо сочетания с *uuesan* и *uuerdan*, встречается лишь при глаголе *stên*: *stêt pidungan* (61) 'стоит удрученная'; *kitarnit stêntit* (68) 'спрятанный стоит'. Местоположение причастия не играет роли.

У Отфрида встречающиеся причастные обороты типа *Giang kríst tho in themo gänge mit rôtemo gifange, bithúntêr ioh bifiltêr ioh sus gibísmertêr*... (IV, 23, 5) '... в красной одежде, покрытый шипами, избитый и так (в таком виде) подвергающийся насмешкам' далеко не так часты, как в рассмотренных выше памятниках. Однако вывод относительно того, что подобные обороты были свойственны вообще только переводной литературе и являются поэтому продуктом латинского влияния, был бы поспешным, так как не только Песнь о Гильдебранде, но и древнеанглийский Беовульф, так же как и скандинавская Эдда, широко используют эти конструкции (см. ниже).

Характеризуя оформление причастия у Исидора, мы отмечали, что языку этого памятника было свойственно стремление дифференцировать причастие в препозитивном определении от причастия в аппозиции и в причастных оборотах. В первой синтаксической роли причастие имело флектированную форму, выражавшую его согласование с определяемым именем, во втором случае причастие стояло в нефлектированной краткой форме. В сочетаниях с глаголами «быть» и «становиться» причастие при единственном числе подлежащего почти не знало согласования, во множественном согласование проводилось намного последовательнее²⁹.

Несколько иные нормы обнаруживает язык Татиана. Так, мы находим здесь сильную форму в развернутом определении и в аппозитивном причастии: *inti fundun Mariun inti Ioseben inti thaz kind gilegitaz in crippea* (6, 4) 'и нашли Марию и Иосифа и дитя, положенное в ясли' — лат. *positum*; *thaz ir findet kind mit tuochem biuuntanaz inti gilegitaz in crippea* (6, 2); *uuir gihortun inan quedentan, mugan ziuerfan gotes tempal thaz mit henti giuuerhtaz inti after thrin tagon anderaz nalles mit henti gitanaz zimbron*... (189, 3) 'мы слышали, как он говорил, что сможет разрушить божий храм, руками построенный, и через три дня другой, нерукотворный, построить' (вин. п.); и в именном сказуемом Татиан дает гораздо чаще согласованные формы во множественном числе. Наряду с этим и краткая форма неиз-

²⁹ Подробнее о согласовании причастия в роде и числе в сочетаниях с глаголами *wesan* и *werdhan* см.: М. М. Г у х м а н. Причастие II германских языков, стр. 97—98.

меняемого причастия встречается в любой позиции: ср. *inti gimanot in troum fuor in teil Galileę* (11, 4) 'и предупрежден во сне, отправился в Галилею'; *inti quementi findit (hus) zuomigaz mit besemen gifurbit inti gigaruuit* (57, 7) 'и, придя, находит (дом) пустой, метлой выметенный и украшенный'; *Tho gikorota thie furistsizzento thaz uuazzar zi uufne gitan* (45, 7) 'Тогда попробовал распорядитель воду, в вино превращенную' и т. д. Краткая форма встречается и в препозитивном определении, которое вообще чрезвычайно редко использует причастие: ср., например, *gifuotrit calb* (91, 5) 'откормленный телец'; наконец, и в предикативных сочетаниях с *uuesan* и *uuerdhan* широко используется данная форма причастия. Отсутствие тенденции дифференцировать морфологически эти две синтаксические функции касается не только причастия, но и прилагательного; ср. флектированную форму в именном сказуемом: *thie thar quimit zi mir, ni uuiridit hungarager, inti ther in mich giloubit ni uuiridit io thurstager* (82, 7) 'тот, кто придет ко мне, не будет голодный, и тот, кто поверит в меня, не будет жаждущий' (в подлиннике не причастие, а прилагательное, соответствующее немецкому *durstig*).

Для пестроты норм Татиана весьма характерным является отрывок: *Gebet, thanne gibit iu, guat méz, gifultaz into giuegan* (39, 3) 'Давайте так же, как дают вам: хорошую меру, полную и взвешенную', где в препозиции стоит краткая форма прилагательного, а в аппозиции, рядом, — две разные формы причастия, полная и краткая³⁰.

Если в этом отношении язык Татиана дает то же отсутствие формальной дифференциации предикативного и атрибутивного использования причастия, что и готский, то, с другой стороны, в противовес Исидору, и опять смыкаясь с готским, этот памятник почти не знает случаев препозитивного употребления причастия типа приведенного выше *gifuotrit calb*; непродуктивность чисто атрибутивного использования причастия, без предикативного оттенка, свойственного аппозиции, оказывается в известной степени сосуществующей с формальной нечеткостью дифференциации атрибутивности и предикативности в их «чистом виде».

Резюмируя обзор древненемецких памятников VIII и IX вв. в отношении зависимости формы причастия от его синтаксической функции и сравнивая их нормы с закономерностями готского, можно отметить следующее: в готском сама постановка подобной проблемы не имела смысла, поскольку в готском фактически отсутствовало «чисто атрибутивное» употребление причастия. В немецком языке с первых памятников встает вопрос

³⁰ О форме причастия II в словосочетании со служебными глаголами у Татиана, Отфрида и в других памятниках см.: М. М. Г у х м а н. Указ. соч., стр. 103—106.

о соотношении краткой и полной формы причастия. Обычное освещение этой проблемы, сводящееся к тому, что в древненемецком обе формы могли употребляться в одной и той же функции, причем для ранних памятников якобы характерно в сочетаниях с *uuerdan* и *uuesan* преобладание флектированной формы, далеко не вполне соответствует истине, тем более что полная форма именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода как прилагательного, так и причастия вообще редка в первых памятниках в предикативных сочетаниях. В действительности начиная с ранних глосс и Исидора краткая форма причастия связывается с предикативной функцией. Тем самым как бы намечается средство внесения дифференциации в употребление причастия, сочетавшего в себе столь различные синтаксические значения.

Если отсутствие формальной дифференциации при помощи морфологии (флексия, отсутствие ее) или синтаксиса (порядок слов) являлось как бы выражением пережитков отсутствия резких граней между разными синтаксическими категориями, их большей близости, то тенденция внести формальную дифференциацию должна быть связана с процессом поляризации атрибутивных и предикативных связей. Эта тенденция весьма определена у Исидора, в глоссах. Напротив, она отсутствует у Татиана; Отфрид в зависимости от рифмы совершенно параллельно использует обе формы. Все это указывает на то, что в языке не существовало строгой дифференциации обеих форм, хотя и намечались тенденции к их разграничению. Вместе с тем следует учитывать и такой фактор, как влияние латинских образцов. В переводе статута Бенедиктинского монастыря краткая форма причастия последовательно передает синтетические формы латинского пассива, латинские же сочетания пассивного причастия + формы глагола *esse* передаются флектированными формами немецкого причастия + служебный глагол.

Представляется вероятным, что тенденция к разграничению форм предикативного и атрибутивного причастия, отразившаяся, в частности, в языке перевода Исидора, выражала живую тенденцию немецкого языка. Это особенно кажется вероятным, если иметь в виду большую независимость языка этого перевода от норм латинского оригинала. Эта живая тенденция немецкого языка сталкивалась, однако, с таким сильным фактором в развитии письменной формы немецкого языка VIII—IX вв., как влияние развитого литературного латинского языка. Поэтому в памятниках, более слепо следующих за латинскими образцами, тенденция эта отступала на задний план. Что касается стихотворного оригинального произведения, каковым является «Христос» Отфрида, то здесь широкое недифференцированное применение обеих форм как в отношении причастия, так и в отношении прилагательного, объяснялось, по-видимому, в значительной сте-

пени требованиями ритма и рифмы; нельзя не принимать во внимание, что памятник этот относится к первым немецким поэтическим образцам с конечной рифмой.

В связи со всем сказанным выше следует признать, что распространение в поздних древненемецких памятниках нефлектированных причастных форм в сочетаниях со служебными глаголами не было проявлением новой тенденции и не может быть сведено лишь к факту морфологизации этих конструкций, к их превращению из форм именного сказуемого в аналитические формы глагола (о чем см. подробнее дальше).

5

Изложенные выше факты касались закономерностей тех двух германских языков, на которых доминировала переводная литература. Поэтому полученные здесь выводы, естественно, носят предварительный характер и должны быть подтверждены или дополнены материалами таких языков, как древнеисландский и древнеанглийский.

Одна из наиболее значительных рунических надписей, надпись из Река (Röcka) около 900 г., дает образец раннего использования причастия в том типе конструкций, которые были столь продуктивны в готском и древненемецком (тип III): *sitiR nu ka-ruR a-kuta sinum skialti ub fatlaþR skati mari(n)ka* 'сидит теперь на своем коне — щитом защищен (?) вождь Мерингов'; *skialti ub fatlaþR* дает ту же конструкцию, что и гот. *þiunagus meins ligiþ in garda usliþa, harduba balwiþs* или др.-в.-н. *inti mit ketinun gibuntan zibrach thie ketinun*. Во всех трех примерах контекст с причастием является развернутым предикативным атрибутом, соотносением с подлежащим и со сказуемым (ср., например, 'как сидит вождь Мерингов'; и 'какой сидит вождь Мерингов'); *fatlaþR* может быть определен как предикативный атрибут, зависимый от главного сказуемого *sitiR*, вместе с тем и уточняющий его. Впоследствии из таких оборотов создается форма сложного именного сказуемого (например, в английском), где 'сидит' превращается в один из связочных глаголов.

Вторая причастная конструкция, встречающаяся в той же надписи, может быть тоже отнесена к III типу контекста: *huarirR t/uairR tikiR kunu/n/kaR satin (in) t siulunt i fia/kura uintura (a) t fiakurum nabnum burn/iR fiakurum bruþrum* 'какие двадцать конунгов пребывали (сидели) вблизи Зеелунда четыре зимы, с четырьмя разными именами, рожденные четырьмя братьями'; *burniR fiakrum bruþrum* дает оборот, совершенно аналогичный нем. *Huueh ist auur nu dhese druhtin fona uuerodheoda druhtine chisendit*. Иными словами, здесь имеется развернутое определение, состоящее из причастия и имени, причем последнее ука-

зывает на источник того состояния, которое выражено формой причастия. Небезынтересно отметить, что в то время как при сочетании *vesa* + причастие II в древнеисландских памятниках обычно отсутствует ссылка на источник, вернее, на внешний фактор (см. дальше), в контекстах рассматриваемого типа соотносительность с внешним фактором является обычной нормой начиная с X в., т. е. еще с эпохи рунических надписей. Наличие подобных образцов в языке рунической надписи служит наилучшим подтверждением самостоятельности этих построений в германских языках. Это утверждение представляет собой весьма существенное звено в концепции, касающейся ранних синтаксических закономерностей употребления причастия в древних германских языках.

Отмеченные по материалам рунической надписи из Река типы контекстов с причастием II весьма употребительны и в древнеисландской литературе: ср. *enn þu, gramr, riðir, glaums andvani, fiqtri fatlaðr, í fiánda lið* (Br. 16, 5), 'а ты, витязь, ехал, лишенный веселья, закованный цепями, в отряде врагов', где *fiqtri fatlaðr* характеризует образ действия (как он ехал) и вместе с тем своей формой подчеркивает соотносительность причастия с подлежащим — 'он ехал и был закован', 'он ехал (будучи) закован'; ср. также: *Pórr einn þar vá, þrunginn móði* (Vql. 26, 1) 'только Тор ударил, охваченный гневом (будучи охвачен гневом)', 'ударил, так как был охвачен гневом'. Ср. также: *þveginn oc mettr riði maðr þingi at* (Háv. 61, 1) 'вымытый и сытый пусть едет муж к тингу'. По отношению к данным обособленным оборотам место в предложении не показательное для определения оттенков их синтаксического значения; относясь к группе сказуемого, они в равной степени могут примыкать к нему как препозитивно, так и постпозитивно: ср. *þveginn oc mettr riði... — Pórr einn þar vá, þrunginn móði*.

Вместе с тем, однако, намечаются и известные различия в употреблении причастия в разных жанрах древнеисландской литературы. Это относится специально к атрибутивному использованию причастия. Именно здесь совершенно четко и ясно находят выражение две противоположные тенденции: тогда как саги и некоторые песни Эдды очень скупы в отношении причастия в функции атрибута, а если и используют его, то главным образом апозитивно (подобно тому, как это наблюдалось в готском и некоторых древненемецких памятниках), произведения ученого стиля и некоторые песни Эдды, обнаруживающие явное влияние скальдической поэзии, широко используют атрибутивное причастие в препозиции.

Бедность атрибутивными причастиями литературы народного стиля частично может быть объяснена простотой языка этих памятников, ограниченностью употребления каких бы то ни было эпитетов. Однако здесь обращает на себя внимание совпадение

этих особенностей с синтаксическими закономерностями готского, где причастие II если и используется атрибутивно, то почти исключительно в аппозиции, вносящей в определение элемент предикативности.

Наиболее показателен в отношении указанных двух тенденций материал Эдды, весьма пестрый, отражающий неоднородный характер входящих в нее песен.

Если памятники типа *Vǫluspá* или *Þrymskviða* весьма бедны в отношении атрибутивного использования причастия, то совершенно иные закономерности имеются в *Hávamál*, произведении неоднократно переработанном, дошедшем до нас с многими интерполяциями, и в так называемых песнях о героях. Не следует упускать при этом из виду, что многие песни Эдды обнаруживают явное влияние скальдической поэзии. Все это, несомненно, значительно осложняет анализ языка древнеисландского эпоса.

В *Vǫluspá* причастие встречается только аппозитивно: ср. *seið hon hvars hon kunni, seið hon hug leikinn* (22, 3) 'колдовала, где могла, колдовством делала ум затемненным'; *þar sitr Sigyn þeygi um sínom ver velglýiud* (35, 7) 'там сидит С. совсем не обрадованная (?)' (*glýiud* Неккель в словаре к Эдде рассматривает как причастие). В том же произведении, однако, активное причастие II употреблено препозитивно: *stóð um vaxinn vǫllom hæri miór oc miqs fagr, mistileinn* (31, 5) 'поднялась выросшая выше земли... прекрасная оме́ла', где причастие попадает в целую группу препозитивных атрибутов; ср. вместе с тем аппозитивное употребление причастия I: *þaðan koma meyjar, margs vitandi* (20, 1) 'откуда происходят девы, много знающие'.

Несколько иную картину дает *Hávamál* — здесь большинство партиципиальных атрибутов препозитивно: *með brennandom líðsom oc bornom víði* 'с горящими огнями и поднятыми факелами'; чередование аппозитивного и препозитивного причастия имеется: *Suttung svikinn hann lét sumbli frá oc groetta Gunnlǫða* (110, 4) 'С. обманутого он оставил... и огорченную Г.'.

В других песнях Эдды находим использованными обе возможности. Так, в песне *Baldrs draumar*: *Hér stendr Baldri of brugginn miqðr* (7, 1) 'стоит здесь для Бальдра приготовленный мед'. *Mál er mér at riða goðnar brautir* (Н. Н. II, 49, 1) 'Время мне скакать по алым путям' (*riða* 'покрывать кровью'); *sem itrscapaðr askr* (Н. Н. II, 38, 3) 'как благородно созданный ясень'. Постпозитивный атрибут имеется: *oc vógo at hánom liggianda oc óbúnom* (Вг. проза, 8) 'и напали на него лежащего и неподготовленного'; ср. также: *jofur okunna* (Н. Н., 42, 5) 'визяж неизвестный'; *ormr dreyrfaðr* (Н. Н., 9, 5) 'змея, запятнанная кровью'; *brúðr baugvarið* (Н. Н. II, 35, 7) 'жена, украшенная кольцами' и т. д.

Сложные слова, где причастие является лишь вторым компонентом ('крове-запятнанная', 'кольце-украшенная'), образуют как бы переход к развернутым определениям, широко представленным в песнях Эдды.

Таким образом, материал Эдды дает столь пеструю картину, что на основе анализа только этих фактов трудно сделать какие бы то ни было выводы. Несомненным является здесь более широкое употребление причастия как атрибута, причем именно в препозиции, чем, например, в древнеисландских же сагах и чем в некоторых памятниках на других германских языках. По этой линии Эдда примыкает к произведениям ученого стиля, с одной стороны, и к некоторым особенностям Исидора, Отфрида — с другой. Аналогичные закономерности раскрываются и на материале Беовульфа, анализ которого дается дальше.

В самой Эдде весьма характерно и типично употребление причастия в качестве развернутого атрибута. Еще в большей степени богат этими оборотами древнеанглийский эпос. По-видимому, конструкция эта была одним из излюбленных стилистических приемов древнегерманской поэзии. Сложные слова типа приведенных выше *itrscapaðr* 'благородно-созданный', *dreyrfaðr* 'крове-запятнанная', *baugvarið* 'украшенная кольцами' и т. п. представляют собой сочетания, образованные на основе той же причастной конструкции. Анализ этих сложных образований, однако, обнаруживает последовательную аппозицию причастия по отношению к определяемому слову, как бы свидетельствуя о первичности подобного порядка слов. Характерно, что и развернутые атрибуты употребляются здесь почти исключительно аппозитивно во всех памятниках: ср. *grey eitt ec þá fann innar góðo kono bundit beðiom á* (Háv. 101, 4) 'эту собаку нашел я тогда... привязанную к ложу'; *Biór foeri ec þér, brynþings apaldr, magni blandinn* (Sd. 5) 'Пиво подношу я тебе..., смешанное с силой'; *Mæki liggia ec sé míns vinar allan í dreyra drifinn* (Grm. 52, 4) 'Я вижу, что лежит меч моего друга, весь залитый кровью'; *Benvond of lét brugðinn gulli* (Br. 19, 1) 'Меч положил (он), украшенный золотом'; *þá var oss syniat Sváfnis dóttur, hringom goðdrar* (Н. Н. 5, 7) 'тогда было нам отказано в дочери Свафнира, кольцами украшенной (одаренной)'; *eða sá dýrkálfr doggo slunginn* (Н. Н. II, 38, 5) 'или олень, росой покрытый'; *Sáto ítrar iarla brúðir gulli búnar* (Gðr. I, 3, 1) 'Сидели ярлов прекрасные жены, золотом украшенные'; *sá hon doglings skqr dreyra runna, fránar siðnir fylkis liðnar, hugborg iðfurs hiqrvi skorna* (Gðr. I, 14, 3) 'увидела волосы героя — кровью залитые, блестящие очи князя — мертвые, грудь визия — мечом рассеченную' и т. д.

Быть может, показательным для нормы положения простого атрибутивного причастия является место причастия в описательных активных формах переходного глагола: в этих случаях

в Эдде причастие обычно употребляется аппозитивно, т. е. стоит после объекта, с которым оно согласуется: nú hefir þú sigr vegit (Fm. 23) 'ты одержал победу'; hefi ec míns fǫður munráð brotið (Н. Н. II, 16, 7) 'нарушила решение моего отца'; Sundr hqfom Sigurð sverði hqgginn (Br. 7, 3) 'Пололам мечом С. разрубили'; Nú hefir hqrð doemi hildingr þegit (Н. Н. II, 3, 1) 'Тяжелый жребий достался витязю'; ср. также Grm. 5; Br. 3; Br. 17; Gð. 2, 30.

Однако это положение не является даже в языке Эдды абсолютной нормой. Доказательством возможности иного порядка слов является строфа: Mér hefir Sigurðr selda eiða, eiða selda, alla logna (Br. 2, 1) 'Мне дал С. клятвы, клятвы дал, все нарушил', где оба варианта употреблены даже как стилистический прием; но основной нормой употребления причастия в этих конструкциях остается для языка Эдды постпозиция по отношению к объекту³¹.

Аналогичную же картину дает и материал саг. Однако на положение причастия, составного элемента активной описательной конструкции, несомненно, должны были оказать влияние сдвиги, происшедшие в семантике самого оборота; в прозе все более распространенной становится в этой конструкции нефлектированная форма причастия. Последнее явление указывает на то, что причастие перестало осознаваться в этом обороте как атрибут при объекте и превратилось в компонент аналитической конструкции. С этим связана как нефлектированная форма причастия, так и появление описательной конструкции при отсутствии объекта. Возможно, что с этим связана и увеличивающаяся частота постановки причастия в сочетании с глаголом hafa перед объектом. Насколько можно судить по материалам, тип аппозитивного причастия в этой конструкции следует рассматривать как первичный.

Развернутые определения, выступая в аппозиции в качестве обособленных оборотов, всегда имели предикативную окраску, а в постпозитивном простом атрибуте известный элемент предикативности определялся своеобразным выделением признака, его противопоставлением определяемому имени как чего-то нового и поэтому предикатируемого; поэтому обе категории и в древнеисландском представляли собой тот особый тип предикативно-атрибутивных отношений, о котором неоднократно писалось в данной работе. Аппозитивно причастие-атрибут и в той разновидности контекста (тип IVa), которая представлена сочетанием причастия с именем в винительном падеже, при глаголах с определенной лексической характеристикой: ср. Ec sá Baldri, blóðgom tívor, Óðins barni, orlog fólgin (Vql. 31) 'Я видела Бальдру, окровавленному богу, сыну Одина, жребий предназначенный'; Veit hon Heimdalar hlióð um fólgit undir heiðvqnom helgom baðmi (Vql.

27, 1) 'Она ведает рог Х., спрятанный под небесно-чистым святым деревом'; ср. также Vql. 29, 1; Н. Нv. 24, 1; Н. Нv. 17, 4.

Однако особый интерес представляют в Эдде и в сагах случаи использования причастия в качестве сказуемого относительно самостоятельного синтаксического отрезка (типы I и II): þviat á hverfanda hvéli vǫro þeim hiqrto scqrpuð (oc) briggð í bríóst um lagit (Háv. 84) 'потому на вертящемся колесе были им созданы сердца и коварство в грудь положено'; vǫro, согласованное в числе с hiqrto, входит лишь в сочетание с первым причастием — scqrpuð, так как второе причастие — lagit — соотносено с другим подлежащим не множественного, а единственного числа — briggð; таким образом, в этом случае причастие стоит как эквивалент конструкции с vǫro в функции сказуемого; ср. также: Sinfíotli, Sigmundar sonr, svaraði, oc (er) þat enn ritað (Н. Н. II, 18, проза) 'Синфьотли ответил и это — записано'; (er отсутствует в большинстве рукописей). Более часто употребление причастия в качестве «второго» сказуемого при одном и том же подлежащем (тип II): см. eitt er þeira qlom betra, vígnesta bql, oc varið gulli (Н. Нv. 8, 5) 'один есть самый лучший меч и покрыт золотом', где в первом предложении констатируется лишь существование самого лучшего меча, а во втором сообщается, что он покрыт золотом; тем самым varið стоит как «второе» сказуемое при vígnesta bql; по содержанию обоих предикатов представляется, что они функционально равны и что второй из них имеет такую же полную предикативность, как и первый.

Гораздо продуктивнее и обычнее подобное употребление причастия в сагах, ср., например: Sia maðr hafpe spiót í hende ok gurðr saxe (Nj.) 'Этот муж имел копье в руках и подпоясан мечом'; þar fóru festar fram ok kveðit á brúllaupsstefna (Eg. 28, 18) 'произошла тогда помолвка и назначена свадьба'; hann hafði hjálm allfríðan ok hringabrynju, skjöld rauðan ok gyrðr með sverði (Hkr. 482, 1) 'он имел шлем очень красивый и кольчатую броню, щит красный и подпоясан мечом'; ср. также Hkr. 356, 16 и т. д.

Во всех последних примерах, так же как и в приведенных выше отрывках из Эдды, наблюдается одна и та же закономерность: причастие с предикативной функцией находится в отрезке предложения, соединенном союзом с той частью предложения, где имеется обычная глагольная форма сказуемого: ср. vǫro þeim hiqrto scqrpuð oc briggð í bríóst um lagit; Sigmundar sonr, svaraði oc þat enn ritað; betra vígnesta bql, oc varið gulli; fóru festar fram ok kveðit á brúllaupsstefna; hafpe spiót ok gurðr saxe и т. д. во всех примерах. В одних случаях субъект личной глагольной формы и причастия совпадают. В других отрывках из Эдды личная глагольная форма и причастие соотносены с разными субъектами. Иными словами, с точки зрения норм

³¹ Ср.: М. Nygaard. Указ. соч., стр. 248.

современного синтаксиса в одном случае имелось одно слитное предложение (тип контекста II), в другом — ряд самостоятельных предложений, объединенных особым типом сочинительной связи (тип контекста I). Случаи употребления этих моделей отмечались в готском и древневерхненемецком. Тем самым подтверждается известная закономерность самих структур и общегерманский характер их распространения. При анализе обоих типов мы не обнаружим синтаксических связей, которые говорили бы о явной зависимости или подчиненности того отрезка предложения, где в качестве сказуемого было употреблено причастие, от остальной части этого же предложения. И все же можно предполагать, что не случайно в древнеисландском употребление причастия с самостоятельной предикативной функцией засвидетельствовано в таких предложениях, где имеется личная глагольная форма; последняя образует как бы своеобразный предикативный центр, к которому примыкают другие сопутствующие предикаты. Эти случаи употребления причастия хотя и обнаруживают большую полноту самостоятельной предикации, чем в причастных оборотах, все же оказались возможны лишь в синтаксических единицах, составляющих часть некоторого большего целого; реализация второго сказуемого в форме причастия как бы подчеркивала синсемантику³² обоих отрезков предложения.

Исследователи скандинавских языков объясняли эти явления как результат выпадения связки³³. Однако подобный анализ этих моделей вряд ли можно считать правильным как в отношении древнеисландского, так и других германских языков. Явление это не представляет собой чего-либо изолированного, но обнаруживает закономерности, которые в значительной степени примыкают к функции причастия в других типах контекстов. К тому же и смысловая структура причастия II не противоречит его использованию в качестве второго сказуемого сложносочиненного или слитного предложений. Наконец, и материал других индоевропейских языков, особенно древнеиндийского, подтверждает невозможность сведения структурных особенностей этих моделей к простому эллипсису.

6

Анализ языка Беовульфа в основном подтверждает положения, полученные при изучении синтаксиса причастия других германских языков.

³² О понятии синсемантики см.: Е. В. Гулыга. Сложноподчиненное предложение (на материале современного немецкого языка). Автореф. докт. дисс. М., 1962.

³³ См.: А. Heusler. Указ. соч., стр. 184—185; М. Nygaard, Указ. соч., стр. 24.

Наиболее употребительны и здесь модели III и IV, широко используемые как одно из излюбленных средств эпического стиля.

Развернутые предикативные атрибуты, в которых причастие так четко выступало с двойной соотносительностью к подлежащему и главному сказуемому, одновременно характеризуют субъект и вместе с тем уточняя содержание предикатива, представлены многими примерами: ср. *nu sē wurgm ligeð, swefeð sære wund, since bereafod* (2745) 'теперь этот дракон лежит, спит, тяжело раненный, в отношении клада (кладу) обворован'; *Ar wæs on ofoste, eftsides gēorn, frætsum gefyrðred* (2783) 'Посол спешил (был в спешке), стремясь в обратный путь, гонимый вперед драгоценностями'; *Bona swylce læg, egeslic eorðdraca ealdre bereafod, bæalwe gebæded* (2824) 'Убийца так лежал, ужасный дракон, жизни лишенный, укрощенный злу (в отношении зла?)', 'лежал, (будучи) лишен жизни и укрощен'; ср. также: *Cōm þā tō recede rinc siðian, dreamum bedæled* (720) 'Отправился тогда герой домой, радости лишенный' и т. д. В этом же плане должны быть рассмотрены и некоторые случаи употребления простого причастия типа *Hē gewērgad sæt* (2852) 'Он сидел утомленный' (*gewērgian* 'утомлять'), где *gewērgad* образует известное единство с *sæt* и вместе с тем характеризует как дополнительный признак подлежащее; из этого типа сочетаний развиваются впоследствии, при ослаблении лексического значения личной глагольной формы, связочные конструкции, которыми так богат английский язык более позднего периода.

Еще чаще, пожалуй, встречаются в Беовульфе развернутые определения (тип IIIb). Они являются значительной группой среди тех многочисленных эпитетов, которые так типичны для стиля эпической поэзии. Некоторые из них получают характер своеобразного постоянного эпитета: ср. *Ða cōm in gan [gan] ealdor ðegna, dædcene mon dōme gewurðad* (1644) 'Тогда отправился старший из витязей, смелый в делах муж, славой (почетом) украшенный'; *on him byrne scān, searonet seowed smifes orþancum* (405) 'и ему (у него) броня сияла, броня, украшенная искусством кузнеца'; ср. также 847, 869, 918, 1459, 2928 и т. д. Структуры образца *golde gegyrede* (1028) 'украшенные золотом', *since gewurðad* (1038) 'драгоценностями украшенные' приближаются по употребительности и по характеру содержания к своему роду постоянным эпитетам.

Однако материал Беовульфа особенно интересен для выяснения синтаксических норм германского причастия II употреблением причастия в качестве простого атрибута. Именно здесь подобное использование данной категории, причем не столько в аппозиции, где она сохраняла известный оттенок предикативности, а перед определяемым, является особенно распространенным, даже значительно более распространенным, чем в Эдде.

Тогда как развернутое определение стоит обычно в аппозиции, простое определение по преимуществу предшествует определяемому слову: ср. *nīwtyrwydne nasan* (295) 'вновь просмоленный корабль'; *beaghroden swēn* (623) 'кольце-украшенная жена'; *his hyrsted swēord* (672) 'свой украшенный меч'; *goldhroden gēongum sempan* (1947) 'золото-украшенным молодым воинам'; *wunden gold* (3134) 'витое золото'; *brogdne bēadusercean* (2755) 'плетеную броню'; *hroden hildescumbor* (1022) 'украшенное знамя' и т. д. Подобным образом сочетаются с определяемыми как простые причастия *hyrsted*, *wunden*, *hroden*, так и сложные, представляющие путем словообразования отношения, характерные для развернутых определений: *goldhroden* (= *golde hroden*), *beaghroden*, *nīwtyrwyden* и др. Иногда в одном стихе оба типа определений даются рядом: ср. *beaghroden swēn, mōde gefūngen* (623) 'кольце-украшенная жена, сердцем превосходная' (*ge-fūngen* — причастие от *feon*). Определения этого типа встречаются и в аппозиции, но несколько реже: ср. *guma gilphlæden* (868) 'муж, покрытый славой'; *ƿæt swēord gedeaf fāh ond fæted* (2700) 'меч разукрашенный' и т. д. Таким образом, в древнеанглийском использование причастия в качестве препозитивного определения является не менее, а более обычной нормой, чем употребление его в аппозиции. В совокупности с аналогичными фактами из языка Эдды это явление представляет собой закономерность, которая должна найти свое объяснение в освещении общегерманских различительных признаков причастия II. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в сложных словах, дающих несомненно древний вариант определительного сочетания, причастие всегда стоит после определяемого.

7

Подведем предварительные итоги синтаксического анализа причастия II в германских языках вне сочетания с глаголами «быть» и «становиться».

Наиболее общим, свойственным всем германским языкам, и притом памятникам разных жанров и стилей, было употребление этой формы в структурах III типа: абсолютный дательный, развернутые предикативные атрибуты и развернутые определения являются той сферой, где причастие особенно часто встречается. Эту закономерность германские языки разделяют с другими индоевропейскими языками — греческим, латынью, санскритом, славянскими. Наличие этих моделей в рунической надписи 900 года лишний раз указывает на их независимость от влияния греческого и латыни. Абсолютные конструкции представляют собой лишь разновидность III типа, сущность которой заключается в отсутствии морфологического выражения подчине-

ния этого оборота конкретному члену основного отрезка предложения; иными словами, они дают более полное обособление данного оборота, чем другие варианты этого типа. Менее продуктивные модели I и II типов контекстов дают образцы более полной предикативной нагрузки причастия в связи с меньшей его зависимостью от главного сказуемого.

Причастие II германских языков, как и другие аналогичные образования в этих и других языках, во всех трех типах структур образует ядро обособленного синтаксического отрезка. Последнее определяется той ролью, которую причастие выполняет в данном отрезке, а вместе с тем и во всем предложении в целом. Эта роль может быть охарактеризована как выражение своеобразной предикативности, имеющейся в обособленном обороте, но отличающейся от того, что может быть названо полноценным или главным сказуемым. Отличие предикации, выраженной причастием, заключается в ряде моментов.

1. Характер согласования с субъектом признака, выраженного причастием, отнюдь не случайно одинаков с формой атрибутивных сочетаний; это явление, на первый взгляд чисто внешнее, отражает вместе с тем и особый тип соотношенности данного признака с его субъектом. В контекстах типа рунических *skialti ub fatlaþR* или *burniR fiakurum bruþrum* атрибутивный тип связи характеризует отношение причастия к какому-либо члену предложения (подлежащему, дополнению), находящемуся в не обособленного контекста; в абсолютных конструкциях этот тип словосочетания характеризует связь элементов внутри абсолютной конструкции, чем последняя и отличается от других вариантов этого типа контекста.

2. Причастие во всех рассмотренных случаях является «сказуемым» зависимого синтаксического отрезка, не имеющим самостоятельной силы предикации; отличительным признаком этого типа предикации является *з а в и с и м ы й, п о д ч и н е н н ы й* характер, причем, однако, необходимо подчеркнуть, что разные контексты дают и разную степень зависимости. Причастная форма сказуемого подчеркивает примыкание данного синтаксического отрезка к основному сообщению. Даже в тех отдельных случаях, когда связь между отрезками предложения мыслится как паратактическая (ср. древнеисландский материал), причастная форма второго отрезка в ее соотношенности с личной глагольной формой выделяет оформленное таким образом единство среди прочих синтаксических единиц повествования. Следовательно, в самом паратаксисе содержится известный оттенок включенности, принадлежности к одной синтаксической единице, синсемантия обоих отрезков.

Вместе с тем весьма частым в языке древнегерманских памятников было употребление простого аппозитивного причастия с атрибутивным значением. Особенностью этого атрибута был

тот элемент предикативности, о котором писалось выше. Однако германские языки, особенно эпическая поэзия на этих языках, знают и употребление причастия в препозиции: здесь атрибутивное значение причастной формы как бы не оставляет места для тех предикативных оттенков, которые выделялись в предыдущих случаях. Этим утверждением отнюдь не снимается высказанное ранее положение о наличии в самой семантической структуре любой причастной формы элемента глагольности, поскольку признак, выраженный последней, так или иначе всегда соотносится с процессом. С этой точки зрения, конечно, и в «чисто» атрибутивном использовании причастие сохраняет оттенок «глагольности», если только оно не превратилось в прилагательное. Особенно сильно чувствуется этот оттенок в сложных причастиях, соответствующих развернутым определениям типа др.-англ. *beaghroden swēn*, др.-исл. *brúðr baugvaríð* 'кольцо-украшенная жена', превратившихся уже в своеобразные постоянные эпитеты.

Отличие причастия от глагола заключается не только в том, что некоторые причастные образования обнаруживают нейтральность в отношении ряда глагольных категорий, но и в самом типе его связи с субъектом данного признака. Можно сказать, что специфика этой синтаксической связи заключалась в выражении причастности субъекта к тому понятию, которое обозначала основа именной формы глагола. Это было недифференцированное выражение категории отношения, характерное для словосочетаний с так называемыми индоевропейскими «отглагольными» именами.

Если обычно указывается, что причастие по своей семантике занимает промежуточное место между именем и глаголом, то это и верно, и неверно. Причастие II по происхождению является прежде всего именем, но именем особого типа. Эта особенность заключается в предикативной силе данной категории. Сама предикативность, однако, была иного характера и иного качества, чем предикативность личных глагольных форм: атрибутивный элемент отражался не только в чисто формальной стороне, в характере согласования, но и в самом содержании соотносительности признака с его носителем. Отношение субъекта признака, выраженного причастием, к самому признаку приближается к характеру атрибутивного сочетания, при котором выражается лишь соотносительность признака с определяемым понятием. В сложном высказывании, где наряду с причастием имелась личная глагольная форма и где оно, следовательно, выступало с функцией «второго» сказуемого, сама эта синтаксическая роль говорила об отсутствии полноты предикации и об известном промежуточном положении причастных оборотов между словосочетанием и предложением. Если остановиться на функции «зависимого» сказуемого как на первоначальной, то в этом случае синтаксическое

отличие обоих типов предикации — полной, конструирующей законченное высказывание, и зависимой, второстепенной, образующей лишь оборот, включенный в более сложное синтаксическое целое и имеющий большую силу предикации (самостоятельности высказывания), чем обычное словосочетание, и меньшую, чем предложение, — достаточно ясно. Однако это лимитирование предикативной функции причастия II, возможно, является вторичным (ср. употребление пассивных причастий в древнеиндийском). Именное происхождение многих глагольных форм, представлявших собой старые предикативные имена, точно так же указывает на первоначальную функциональную близость обоих типов предикации, на возможность использования этих имен в значении «главного» сказуемого. В качестве некоторых примеров можно указать прежде всего на связь форм дентального прошедшего с причастием II в германских языках, на кельтский пассивный претерит, основу которого образует причастие на *-t*, на форму третьего лица множественного числа настоящего времени, во всех индоевропейских языках совпадающую с так называемым активным причастием на *-nt-*, на форму латинского пассива множественного числа на *-mini*, сопоставляемую обычно с медиальным причастием, и т. д. Эти имена, включенные в глагольную парадигму, свидетельствуют, по-видимому, прежде всего о том, что они некогда в индоевропейском языке-основе функционировали как форма полноценного сказуемого и приняли в дальнейшем участие в образовании глагольной системы. Самый факт их включения в систему глагольных форм является подтверждением возможности их использования в качестве полноценного сказуемого.

Поэтому возможно, что генетически в германских языках предикативность имен на **-to-* и **-no-* не была ограничена формой зависимого синтаксического отрезка. Подобно другим аналогичным образованиям формы на **-to-* и **-no-* могли выступать в роли сказуемого. Развитие системы личных глагольных форм в свою очередь могло оказывать влияние на синтаксические нормы употребления этих имен. Последние в значительной степени отходят на положение «второго сказуемого», опирающегося на основное звено предикации, личную глагольную форму; эта закономерность характерна не только для употребления германского причастия II, но и для причастий других индоевропейских языков.

Древнегерманские памятники отражают уже тот этап в развитии синтаксиса этих языков, когда древний тип предикации являлся лишь формой зависимого сказуемого обособленного оборота или второстепенного сказуемого слитного и сложносочиненного предложения. Вместе с тем возможность атрибутивного использования причастия была заложена в самой его семантике, в том сплетении предикативного и атрибутивного начал, которое уже неоднократно упоминалось.

Характерно, однако, что в древних германских памятниках наблюдаются фактически две противоположные тенденции: в готском, в языке саг препозитивный атрибут-причастие почти отсутствует; саги знают, впрочем, постоянные эпитеты типа *kompe maðr*, хотя и употребляют эти выражения чрезвычайно редко. Эдда и Беовульф, наоборот, довольно широко используют препозитивный атрибут, часто применяя здесь причастие в значении постоянного эпитета.

В эпической поэзии, следовательно, получает развитие та функция причастия, которая с самого начала была одним из проявлений его исконной многозначности, но отошла на задний план в некоторых памятниках прозаической литературы в связи с тенденцией к расщеплению, к поляризации элементов предикативности и атрибутивности, заключенных в самой семантике причастных образований. Наличие препозитивно-атрибутивного использования причастия в Эдде и Беовульфе, таким образом, отнюдь не расценивается нами как доказательство примата атрибутивной функции.

Вместе с тем в германских языках, так же как и в других индоевропейских языках, намечается тенденция к морфологическому оформлению дифференциации атрибутивного и предикативного использования одной и той же именной категории. Так, например, становление деепричастия в русском языке явилось, по-видимому, результатом расщепления единого в своем предикативно-атрибутивном использовании причастия и выделения специальной формы для обозначения его позиции в предикате. Ряд явлений германских языков, частично наблюдаемых в первых памятниках письменности, в большинстве же случаев относящихся к последующему этапу развития этих языков, обусловлен все тем же процессом. В первую очередь к этим фактам относится исчезновение именной формы сказуемого без связки: тем самым в этих конструкциях причастие из самостоятельной формы сказуемости превращается в предикатив, являющийся частью сочетания, в котором основные значения предикации берет на себя связка. Факт «вытеснения» причастия из сферы самостоятельного сказуемого говорит о все большем закреплении этой синтаксической функции за определенной частью речи — глаголом, а тем самым свидетельствует и в пользу намечающейся функциональной и формальной поляризации субъектно-предикативных отношений, с одной стороны, и сочетаний атрибутивного характера — с другой. В разных языках, и даже в разных памятниках, эта тенденция получает разное оформление (см. выше).

Если тенденция к формальной поляризации атрибутивного и предикативного признака проявляется в развитии многих индоевропейских языков, то факты этих же языков позволяют предположительно реконструировать более древние синтаксические

отношения: специфика этих древних закономерностей заключается в известной формальной близости, граничащей с формальной недифференцированностью атрибутивного и предикативного признака. Сходные явления наблюдаются довольно широко и за пределами индоевропейской семьи. Показательно вместе с тем, что в германских и других индоевропейских языках эта архаичная черта синтаксического строя реконструируется прежде всего на материале тех предикативных имен, которые и в своей смысловой структуре сохраняли древние закономерности.

8

Возвращаясь к вопросу о смысловой структуре причастия II, следует отметить прежде всего, что существование одного пассивного причастия, противопоставляемого одному активному причастию, обусловило значительное варьирование видо-временного значения данной формы.

В готском не случайно причастие II переходных глаголов соответствует как греческим медиальным причастиям настоящего времени, так и аористным и перфектным образованиям. Так, например, в тексте *þiunagus meins ligiþ in garda usliþa, harduba balwiþs* (M. VIII, 6) 'слуга мой лежит в доме больной, жестоко мучимый' причастие обозначает состояние, о д н о в р е м е н н о е с процессом, выраженным главным сказуемым; в греческом употреблено медиальное причастие настоящего времени; состояние это не соотносено к тому же с какой-либо предшествующей деятельностью внешнего фактора. *jah is laisida in gaqumþim ize, mikilids fram allaim* (L. IV, 15) 'и он учил в их собраниях (синагогах), прославляемый всеми'; и здесь причастная форма, уточняющая основное сообщение, передает события, одновременные с событиями, выраженными главным сказуемым; в греческом — медиальное причастие настоящего времени; наличие агенса подчеркивает аффицированность субъекта причастия, зависимость его признака от посторонней деятельности. Ср. также M. XI, 7; L. IV, 1—2; E. IV, 14; L. III, 19 и т. д.

Во всех рассмотренных примерах отмечается: 1) одновременность событий, сообщаемых формой причастия и формой главного сказуемого; 2) отсутствие какого бы то ни было оттенка законченности, перфективности в семантике причастия, поскольку процесс, вызывающий известное состояние субъекта, его качество, не закончен, а протекает курсивно, параллельно с процессом главного сказуемого; 3) отсутствует и то, что обычно понимается под результативностью, когда некое состояние мыслится как результат законченного действия; остается лишь тот своеобразный оттенок зависимости состояния пассивного по отношению к этому признаку субъекта от действий внешней причины, которое характерно в большей или меньшей степени для всякого при-

частия страдательного залога; и лишь в самой этой соотносительности с действием имеется какой-то элемент результативности, основывающийся не на законченности действия, предшествующего состоянию, а на самой зависимости этого состояния. Следовательно, в некоторых контекстах в готском происходит практически нейтрализация видо-временной оппозиции причастия II причастию I и сохраняется лишь залоговая оппозиция.

Наряду с этим готское причастие II весьма часто обозначало состояние, вызванное действием, предшествующим событию, выраженному главным сказуемым; в греческом в этом случае стоят разные формы медиального и пассивного причастия: ср. *fraihans þan fram Fareisaium: þan qimiþ? andhof...* (L. XVII, 20) 'спрошенный тогда фарисеями... отвечал', '...отвечал после того, как был спрошен фарисеями'; ср. также L. VII, 2, 9; Mrk. XVI, 5; R. VII, 14 и т. д. Иными словами, здесь отчетливо проявляется сложный двуаспектный характер смысловой структуры причастия II.

Соотношение данности признака и его зависимости от чьей-то предшествующей деятельности также не везде одинаково. Не малую роль здесь играет наименование внешнего фактора, вызвавшего данное состояние: в этих случаях соотносительность с предыдущей деятельностью становится особенно ясной, а элемент данности, содержащийся в семантике причастия, затухает. Сходную роль играет и сочетание с наименованием орудия действия или времени действия. В этих случаях вместе с тем четко проявляется и результативный оттенок значения этой формы.

В древненемецком причастие в самостоятельной позиции обладает значительно большей однозначностью.

Так, здесь причастие II обычно не употреблялось для обозначения состояния, вызываемого процессом, протекающим курсивно, параллельно с процессом главного сказуемого; иными словами, эта форма не употреблялась в значении страдательного причастия настоящего времени, как это наблюдалось в готском. Но характерным и здесь для семантики причастия являлось переплетение элементов значений, связанных, с одной стороны, с категорией данности признака, с другой — с осознанием признака, выраженного причастием, как результата чьей-то предыдущей деятельности.

Те же оттенки значения выступают в использовании причастия как в рунических надписях, приведенных выше, так и в соответствующих материалах сар, Эдды и Беовульфа: *skialti ub fatlaþR* 'опоясан щитом' и *burniR fiakurum bruþrum* 'рожденные четырьмя братьями' (см. выше анализ и перевод), так же, как, например: *grey eitt fannk þá innar góðo kono bundit beðiom á* (Háv. 101, 4) 'эту собаку я нашел тогда, привязанную к ложу...' или *Þórr einn þar vá, þrunginn móði* (Völ. 26, 1) 'только Тор ударил, охваченный гневом'. Впрочем, для Эдды вообще более

типичным является преобладание в значении причастия элементов, связанных с известной характеристикой качества, свойства, состояния как некой данности, нежели использование причастия для выражения определенной последовательности событий. Об этом говорят случаи широкого использования причастия в качестве определений. В сочетаниях типа *Benvond of lét, brugðinn gulli* (Br. 19, 1) 'Меч, украшенный золотом, положил он' отнюдь не важно, что меч был сначала (?) украшен, а потом (?) положен, *brugðinn gulli* характеризует определенное качество меча прежде всего как данное, наличное. Ср. также: *liggr með eggio ogmr dreyrfaðr* (H. Hv. 9, 5) 'лежит на лезвии змея, запятнанная кровью'. Еще более явно этот оттенок имеется в таких сочетаниях, как *brúðr baugvarið* 'жена кольцо-украшенная' (H. H. II, 34), *brotno sverði* 'сломанному мечу' (Háv. 86, 6), *mæki... í dreyra drifinn* 'меч... залитый кровью' (Grm. 52, 4) и т. д.

Указание на внешний фактор, осознаваемый как источник процесса, вызвавшего то состояние, качество или свойство пассивного субъекта, которые нашли свое выражение в причастной форме, одновременно подчеркивало аффицированность субъекта признака, обозначенного причастием, и соотносительность этого признака с предшествующим действием; результативность и здесь переплеталась с категорией страдательности.

Ту же совокупность значений, определяемую двумя стержневыми моментами в семантике причастия — данностью признака и его соотносительностью с вызвавшим этот признак действием, дают и материалы из Беовульфа, ср. например: *Hē gewergad sæt* (2852) 'Он сидел утомленный' или *þæt swēord gedeaf fāh ond fæted* (2700) 'этот меч опустил, блестящий и украшенный', где *fæted*, лишенное каких бы то ни было уточнителей определительного-обстоятельного характера, с максимальной ясностью выделяет элемент данности из всего круга значений причастия, так что собственно пассивность его выражается лишь в том, что субъект причастия — меч — выступает как носитель этого признака, а не как его производитель. Весьма характерно для семантики причастия, что появление дополнительных определителей, подымая синтаксическую самостоятельность причастия, вместе с тем вносит некоторый дополнительный элемент соотносительности с предыдущим действием, а следовательно, и результативности; так же как и в других языках, появление уточнителя при причастии вносило элементы процессуальности: *Ða com in gan [gan] ēaldor ðegna, dædcēne mon, dōme gewurþad* (1644) 'Тогда отправился старший из витязей, смелый муж, славой украшенный'; *beadohrægl bro(g)den, [þæt mē] on breostum læg, golde gegyrwed* (552) 'кольчуга плетеная лежала на груди, золотом украшенная'.

Невозможность сведения всех случаев употребления рассматриваемых причастных форм к перфективному значению пред-

ставляется более или менее очевидной. Однако, наряду с этим, причастию свойствен, как уже отмечалось, своеобразный оттенок результативности. В основе этой результативности лежит соотношенность, зависимость качества, состояния субъекта от действия, в ряде случаев и незаконченного и протекающего курсивно. Эта именно соотношенность отличает причастия на **-to-*, **-no-* переходных глаголов. Инактивность субъекта и результативность оказываются в какой-то степени взаимообусловленными категориями. Напомним здесь, что те же элементы значения сочетались в семантике древнеиндоевропейского перфекта. Ж. Хумберт³⁴, автор греческого синтаксиса, совершенно справедливо указывал, что в формах греческого перфекта подчеркивается наличие состояния субъекта, рассматриваемое как приобретенное (*acquis*). Сама приобретенность проявляется в свою очередь в двух аспектах: 1) в инактивности субъекта, почему древние и относили перфект к медиальному залого, и 2) в связи этого состояния с предшествующими процессами, чем и определяется своеобразный оттенок результативности и центростремительности признака. Эти элементы, по-видимому, характерны вообще для древних форм выражения инактивности субъекта.

Аффицированность или страдательность не являются постоянными элементами в смысловой структуре причастия II, а лишь одним из вариантов более общего значения инактивности: причастие II — это форма признака, характеризующего субъект, который сам никогда не может быть производителем этого признака. И н в а р и а н т о м в смысловой структуре причастия II является о б о з н а ч е н и е и н а к т и в н о г о с у б ъ е к т а, иными словами, выделение независимости признака от деятельности субъекта. Только подчеркнутая соотношенность с процессом, вызвавшим создание данного признака, особенно четко ощущаемая при наименовании источника этого процесса (деятеля или орудия), превращала инактивность субъекта причастия в аффицированность, а данность признака в осознание его результативного характера, его зависимости от этого предыдущего действия. Медиальный характер признака уступал место центростремительному его осмыслению, т. е. страдательности.

Основное ядро будущей системы аналитических залоговых форм страдательного залога германских языков, причастие II, было по своему морфологическому типу одним из древних именных образований, восходящих к эпохе индоевропейской общности; в функции «глагольных имен» на **-to-*, **-no-* еще с древних эпох истории языков индоевропейской семьи имелись известные предпосылки, которые сделали в дальнейшем возможным использование этой структуры в ряде групп индоевропейских языков

в качестве одного из элементов развивающейся системы страдательного залога.

То обстоятельство, что в группе индоиранских языков именно эти образования были использованы для передачи перфекта страдательного залога, что в группе итало-кельтских языков одно из этих образований (**-to-*) оказалось основным компонентом сочетаний, служивших в свою очередь для передачи залоговых значений, что в славянских языках оба эти образования стали центром системы залоговых противопоставлений, что, наконец, в германских языках они легли в основу системы аналитических форм страдательного залога, не могло оказаться лишь результатом совершенно независимого параллельного развития. Тем более, что даже параллелизм значения и функций образований на **-to-* и **-no-* и их участие в залоговых противопоставлениях представлены материалами индоиранской, славянской и германской групп, при всем различии соотношения и распределения обеих структур в истории каждой группы индоевропейской языковой семьи.

Вместе с тем хеттский совсем не знает этих образований, и в этом языке сходные функции вплоть до сочетания с глаголом «быть» в виде своеобразной «описательной» формы страдательного залога представлены единственным причастием этого языка с формативом *-anz-*, генетически тождественным и.е. **-ont-*.

В греческом, как известно, эти образования оказались вне системы залоговых противопоставлений и выражали значительно более неопределенные связи между признаком, выраженным основой этого образования, и мыслимым носителем этого признака.

Последние факты препятствуют отнесению процесса оформления залоговой специфики интересующих нас образований к эпохе, предшествовавшей обособлению отдельных групп из первоначальной индоевропейской общности. Возможно, однако, что отмеченные расхождения генетически связаны с диалектными особенностями, складывавшимися еще в эпоху индоевропейской языковой общности.

Судьба «глагольных» имен на **-ont-* в хеттском, столь типологически близкая развитию употребления «глагольных» имен на **-to-*, **-no-* в других индоевропейских языках, свидетельствует в пользу того, что залоговая спецификация различных именных образований происходила уже в период выделения и обособления отдельных групп индоевропейской семьи. Только так может быть объяснена функциональная близость генетически не тождественных образований (в хеттском с формативом *-anz-*, в других индоевропейских языках с формативами **-to-*, **-no-*) при функциональном расхождении генетически тождественных формативов (в хеттском *-anz-*, в других индоевропейских языках **-ont-*/**-ent-*).

³⁴ J. Humbert. Syntaxe grecque. Paris, 1945, стр. 112.

Вместе с тем история этих образований показывает наличие еще, по-видимому, в индоевропейском языке-основе синонимичных «глагольных» имен, которые затем были использованы в разных языках частично по-разному, частично же развивались в одинаковом направлении.

Образования на **-to-* и **-no-* в значительной группе индоевропейских языков оказались связанными с залоговым противопоставлением действительный залог || страдательный залог, по-видимому, первоначально еще вне обязательного сочетания со служебными глаголами (см. выше). Их судьба в этих языках связана с процессом оформления залогового противопоставления действительный || страдательный залогов, противопоставления, исторически относительно позднего для строя индоевропейской семьи языков.

СОЧЕТАНИЕ ПРИЧАСТИЯ II С ГЛАГОЛАМИ «БЫТЬ» И «СТАНОВИТЬСЯ»

1

Анализ функционирования причастия II, образующего основное ядро будущей системы аналитических форм пассива, показал, что постоянной функцией этой формы было обозначение признака неактивного субъекта; степень неактивности не во всех контекстах была одинаковой: крайними точками были фиксация простой независимости признака от деятельности соотносительного с ним субъекта и выражение прямой аффицированности последнего; между этими крайними точками располагались многочисленные переходные случаи. Поэтому признак, обозначающий причастием II, в отличие от признака, обозначающего причастием I, всегда соотносился с нецентробежным процессом; лишь в определенных условиях нецентробежность приобретала характер центристости. И подобно тому, как сама причастная форма совмещала значение состояния, качества, рассматриваемых как присущее неактивному субъекту свойство, и категории аффицированности субъекта, привнесения его признака извне, так эти оба момента переносятся и на те сочетания со служебными глаголами, которые в германских языках становятся в дальнейшем основным элементом системы страдательного залога.

Несмотря на весьма ясную тенденцию дифференцировать эти два значения как самостоятельные грамматические категории, тенденцию, которая обусловила существование в ряде древних германских языков двойных форм в системе развивающегося страдательного залога, полного разграничения обоих значений

не было достигнуто ни в одном языке. Материалы современных германских языков в значительной степени повторяют старую формальную нерасчлененность обеих категорий. Однако страдательный залог как особая грамматическая категория не существует до тех пор, пока та или иная языковая форма не оказывается прочно связанной со значением аффицированности субъекта и центристости процесса, хотя эта форма, а следовательно, и конструируемые при ее участии оппозиции могут и не достигнуть абсолютной однозначности.

Для анализа закономерностей развития залоговых противопоставлений в германских языках наиболее интересны три проблемы, связанные с историей рассматриваемых сочетаний: 1) установление различий в типе залоговых оппозиций, членами которых эти сочетания являлись; 2) определение исторической соотношенности обеих конструкций; 3) определение грамматической природы обеих конструкций.

Известно, что сочетание с глаголом «быть» было присуще древним германским языкам начиная с рунических надписей; несколько иным было положение сочетаний с глаголом «становиться», продуктивных только в западногерманских языках (причем в памятниках разных стилей не в одинаковой степени) и в готском. Как показали многочисленные исследования³⁵, с самого начала следует предположить об определяющем влиянии языка подлинников (греческих для готского языка и латинских для западногерманских языков) в выборе того или иного типа сочетаний в конкретном контексте. Так, например, в отношении языка готских памятников подсчеты В. Штрайтберга, хотя и не вполне точные³⁶, показывают, что греческий пассивный аорист передавался в готском 69 раз при помощи конструкций с *warþ*, 50 раз конструкций с *ist*; вместе с тем *ist*, *was* + причастие II весьма часто (*ist* в 50 случаях, *was* в 40 случаях) соответствует греческому пассивному перфекту. Тем самым формы *ist* ~ *was* одинаково склонны передавать как греческий аорист, так и перфект.

³⁵ См. по готскому языку работы: Н. Gering. Über den syntactischen Gebrauch der Partizipia im Gotischen. — ZfdPh, Bd 5, 1874, стр. 294—324; W. Streitberg. Gotisches Elementarbuch. 5., 6. Aufl. Heidelberg, 1920, стр. 192; W. Schröder. Die Gliederung des gotischen Passivs. — PBB, Bd 79, Hf. 1/2. Halle, 1957, стр. 1—105. По западногерманским языкам: F. Cuny. Указ. соч.; P. Kaufmann. Über Genera Verbi im Althochdeutschen, besonders bei Isidor und Tatian. Leipzig, 1912; A. B. Öberg. Указ. соч.; K. Löffler. Das Passiv bei Otfrid und in Heliand besonders im Verhältnis zu den lateinischen Quellen. Tübingen, 1905; W. Schröder. Zur Passivbildung im Althochdeutschen, стр. 1—76; L. G. Frary. Studies in the syntax of the old english passiv. «Language Dissertations», № 5. New York, 1929.

³⁶ См.: W. Schröder. Die Gliederung des gotischen Passivs, стр. 8, 9, 84.

Несколько иначе обстоит дело с *warþ*; это сочетание совсем не встречается при передаче плюсквамперфекта, 5 раз оно переводит имперфект, 5 раз — перфект и, как уже указывалось выше, 69 раз — аорист. Подобное соотношение готских и греческих форм указывало, что сочетание с *warþ* ограничивалось по преимуществу функцией, близкой греческому аористу, но вместе с тем никакой обязательной связи между греческой формой и соответствующей формой готского сочетания установить нельзя, поскольку употребление готских форм с *ist*, *warþ* для передачи греческого аориста распределилось по приблизительно равным группам.

Сходные отношения раскрываются и при анализе употребления обоих типов сочетаний в переводных памятниках на других германских языках. У Исидора конструкции с *uuard* = латинскому перфекту, имперфекту, плюсквамперфекту и презенсу, с *ist* = латинскому перфекту или презенсу. У Татиана конструкция с *uuard* соответствует латинскому перфекту, плюсквамперфекту и имперфекту³⁷, то же наблюдается и в отношении сочетаний с *was*³⁸; в то же время латинский пассивный перфект нередко переводился сочетанием с *ist*³⁹. Тем самым ссылка на подлинник не может дать исчерпывающего объяснения относительно употребления в том или другом конкретном случае формы с *uuard* или *uuard*, т. е. не может разъяснить специфики сочетаний *uuesan*, *uuerdan*. Обращает на себя внимание и тот факт, что подстрочные переводы, в которых вообще преобладают сочетания с формами глагола «быть», дают те же колебания. Так, в подстрочном переводе статута Бенедиктинского монастыря преобладающее большинство сочетаний составляют конструкции с *ist*, которые соответствуют латинскому настоящему времени, перфекту и даже будущему времени, ср. *docemur*—*pirum kelerit* (212, 5); *scriptum est*—*kescriban ist* (216, 27); особенно показательно в этом отношении употребление *ist* в примере: *Omnis qui se exaltat humiliabitur! et qui se humiliat exaltabitur*—*Der sih erheuit uuirdit kedeonôit, indi der sih kedeomuait ist erhaban* (200, 20) 'кто возвышает себя, будет унижен, и кто унижает себя, будет вознесен'. В подлиннике стоят две параллельные формы будущего времени страдательного залога, переводчик дает в первом случае сочетание с настоящим временем глагола «становиться», во втором — сочетание с настоящим временем глагола «быть». Точно так же латинское будущее второе — *Quod si inuentus fuerit* передается сочетанием с *ist* — *fundaner ist* (248, 30), — тогда как

³⁷ Ср., например, 13, 12: *et baptizabantur* — *uuurdun gitoufte*; 90, 18: *facta sunt* — *gitanu uuurdun*.

³⁸ 80, 33: *quae dicebantur*—*thiu der gigetan uuârun fon imo*; 13, 3: *dictus est*—*gikundit uuas*.

³⁹ 100, 6: *nati sunt*—*giborane sint*; *facta sunt*—*gitane sint*.

несколько ниже эта же латинская конструкция передается сочетанием с глаголом «становиться»: *ut auditum fuerit signum* — *so gihorta uuirdit zeihhan* (249, 12); ср. также 252, 27; 255, 11 и т. д.

Небезынтересны в этой связи некоторые подсчеты, касающиеся употребления данных сочетаний в глоссах, сопоставленные с материалом подлинника. В первых глоссах сочетание с настоящим временем от глагола *uuesan* занимало господствующее положение. В Керонском глоссарии, в сен-галленском и парижском вариантах оно доминирует абсолютно; в отношении так называемых глоссариев *der Hrabanischen Sippe*, относящихся уже к IX в., Эберг дает следующие подсчеты: *Rb* (рассматриваемый им как относительно ранний вариант) *ist*=*Präs. Ind.* — 22, *si*=*Konj.* — 4, *Fut.* — 9, *Perf.* — 4; *was* (*wâri*)=*Imp. Ind.* — 2, *Imp. Konj.* — 2, *Plusq.* — 2; *ward*=*Perf.* — 8. Таким образом, и здесь формы от *uuesan* господствуют (47 случаев), причем конструкции с настоящим временем этого глагола максимально распространены и передают разные формы подлинника: настоящее время, будущее, перфект; то же разнообразие наблюдается и в отношении *was* (*wâri*), которое соответствует латинскому имперфекту, перфекту и плюсквамперфекту. Формы от *uuerdan* встречаются только в прошедшем времени для обозначения перфекта. В более поздних вариантах той же рукописи соотношение резко меняется: *ist*=*Präs. Ind.* — 4, *wirdit* — 1; *Konj.* от *we-san* — 0, *werdan* — 5; будущее передается только настоящим временем от *werdan* — 8; *was* отсутствует совсем, *ward* = *Imperf.* — 1, *Perf.* — 3.

Многозначность той или иной формы в разных памятниках древне немецкой письменности оставляет впечатление общей неустойчивости соотношения немецких и латинских форм и указывает в целом на отсутствие отработанной системы конструкций, передающих разные временные и видовые оттенки латинского страдательного залога. Подчиненное положение форм с *uuerdan* в ранних глоссах и подстрочном переводе статута Бенедиктинского монастыря по сравнению с конструкциями с *uuesan* способствует многозначности оборотов с последним глаголом.

Таким образом, сравнительный анализ фактов древне немецкого и латыни показывает невозможность установить границы в употреблении конструкций с глаголами «быть» и «становиться», исходя из закономерностей подлинника.

О той же невозможности установить полную эквивалентность древнеанглийских конструкций с *wesan* (*béon*), *weorðan* и соответствующих латинских форм страдательного залога писала в своем исследовании Л. Фрэри⁴⁰. Отмечая в этой связи ошибоч-

⁴⁰ L. G. F r a y. Указ. соч., стр. 11.

ность некоторых схем, восходящих еще к традициям латинской «Грамматики» Эльфрика, автор подчеркивает необходимость исследовать древнеанглийский материал на основе стилистико-синтаксического анализа фактов этого языка, вне их непосредственной соотнесенности с формами подлинника. Последнее положение не мешает тому же автору объяснять преобладание конструкций с *wesan* у Беды и в древней хронике общим влиянием латинских описательных конструкций.

Преобладание сочетаний с *wesan* (*béon*) не только в Истории Беды, но также в Хронике и Беовульфе — факт общеизвестный. Объяснять это в первом случае влиянием латыни⁴¹, во втором влиянием перевода Беды, т. е. опосредствованным влиянием той же латыни, а в третьем особенностью стиля эпической поэзии⁴², как это делают некоторые исследователи, представляется весьма искусственным.

Развитие конструкций с *weorðan* было обусловлено не просто необходимостью уточнить категорию времени, поскольку настоящее и прошедшее время находили выражение в пределах форм с *wesan*, будущее же вообще не имело последовательного выражения в ранний период древнеанглийского, а какими-то другими, более сложными процессами (см. дальше).

Приведенные выше факты позволяют с достаточной степенью достоверности утверждать, что простое сопоставление с языком подлинника не дает ключа для выяснения норм употребления обоих типов сочетаний, если только эти нормы существовали. Очевидно, вопрос должен решаться по преимуществу на основе анализа самого германского материала. В этих условиях особенно существенным является исследование памятников разных жанров, переводных и оригинальных, прозаических и поэтических, причем анализ конкретных случаев употребления этих конструкций, т. е. анализ отдельных контекстов, должен сочетаться с учетом общих тенденций развития глагольной системы германских языков этого периода. Только таким путем может быть определено место каждой конструкции в той системе залоговых оппозиций, которые складывались в рассматриваемый исторический период.

Вместе с тем на основе подобного исследования может быть уточнен и вопрос о природе рассматриваемых сочетаний — являются ли они синтаксическими единицами или аналитическими конструкциями, т. е. членами глагольной парадигмы. Опыт многочисленных и разнообразных исследований, в которых ставились эти вопросы, показал, что ни использование схем ла-

⁴¹ Ср. по этому поводу: Fr. Klaeber. Eine Bemerkung zum alt-englischen Passivum. «Englische Studien», 57, стр. 193.

⁴² См.: L. G. Frary. Указ. соч., стр. 58; Fr. Klaeber. Указ. соч., стр. 193 и след.

тинской грамматики⁴³, ни применение схем В. Штрайтберга⁴⁴, обусловленных введением видовых различий в германский глагол, ни чисто стилистико-семантические штудии⁴⁵ не дали удовлетворительного освещения интересующих нас проблем.

Между тем история оформления и анализ значения указанных сочетаний непосредственно связаны с процессом выработки того типа залоговой дифференциации, который характеризует современные германские языки. Речь прежде всего идет о грамматических процессах, а не о стилистических вариантах. В этой связи основным при анализе обоих типов сочетаний является вопрос о различных вариантах залогового значения⁴⁶. А здесь ведущим элементом, ядром было само причастие. В самостоятельном использовании причастия та или иная сторона его семантики получала перевес в зависимости от контекста, от тех слов, с которыми причастие вступало в сочетание. Иначе обстояло дело в сочетании причастия со служебным глаголом; здесь уточнителем значения причастия должен был оказаться в первую очередь служебный глагол.

Иными словами, вопрос о функциях сочетания причастия с тем или иным связочным глаголом должен быть разрешен в рамках тех же грамматических значений, которые раскрылись при анализе употребления самого причастия. При этом вопросы о соотношении в этих конструкциях категорий состояния и действия, констатации известного качества, с одной стороны, и процессуальности — с другой, данности и результативности, теснейшим образом связаны здесь с проблемой разграничения медиальности от собственно пассивности. Эта проблема в той или иной форме ставилась и в более ранних исследованиях. Еще П. Кауфман в упоминавшемся выше исследовании подчеркивал, что разграничение обеих конструкций определялось не столько отнесенностью процесса к той или иной временной точке, сколько стремлением отграничить пассивное действие от результата этого действия⁴⁷. На это же обращал внимание и Лефлер (см. стр. 147). Однако наиболее подробно и последовательно эта точка зрения

⁴³ Ср.: J. E. Wülfing. Syntax in den Werken Alfred des Grossen. Bonn, 1894—1901; F. Cuny. Указ. соч. и т. д.; попытки найти в ранних германских текстах такие категории, как перфект, плюсквамперфект, характерны для очень многих работ вплоть до синтаксиса Беагеля (O. Beagel, Deutsche Syntax, Bd II. Heidelberg, 1924, стр. 207—209).

⁴⁴ W. Streitberg. Perfektive und imperfektive Aktionsart. — PBB, Bd XV; его же. Gotisches Elementarbuch, стр. 192; A. B. Öberg. Указ. соч. и т. д. Критику этих схем см.: W. Schröder. Die Gliederung des gotischen Passivs, стр. 17—22.

⁴⁵ L. G. Frary. Указ. соч.

⁴⁶ См. критику концепции В. Штрайтберга в работе: W. Schröder. Die Gliederung des gotischen Passivs, стр. 17—22.

⁴⁷ P. Kaufmann. Über Genera Verbi im Althochdeutschen, besonders bei Isidor und Tatian. Leipzig, 1912, стр. 31.

была развита в работах В. Шредера⁴⁸ и Г. Руппа⁴⁹. Используя залоговые схемы К. Бооста⁵⁰ и Г. Глинца⁵¹, оба автора пытались обнаружить в древневерхненемецких памятниках четкое противопоставление статального и процессуального пассива. Однако, как показывает анализ материала, соотношение обоих типов сочетаний значительно более сложное и менее определенное, что обусловлено прежде всего неодинаковой продуктивностью обеих конструкций в разных германских языках, «неотработанностью» всей системы залоговых оппозиций, историческим приматом одной из конструкций и т. д. Вопрос об историческом соотношении обоих типов сочетаний не ставился в исследованиях, посвященных изучению этих структур в разных германских языках. Между тем решение этого вопроса существенно не только для определения типологии процесса оформления залоговых оппозиций в германских языках, но и для понимания закономерностей функционирования рассматриваемых сочетаний.

2

Анализ конкретного материала начинается в данном разделе исследованием языка скандинавских памятников. Это определяется тем, что язык рунических памятников и древнеисландской литературы развивался в значительной степени вне латинского влияния; вследствие этого снимается сама возможность влияния другого языка, как это было, например, в готском или в большинстве памятников древнемецкого. Благодаря этому здесь особенно ясно должен был сказаться характер господствующего в данном языке сочетания причастия с *vesa*. А это в свою очередь позволяет определить специфику древних форм этого сочетания. В рунических надписях засвидетельствованы единичные случаи этого сочетания: надпись на камне из Танума (согласно датировке В. Краузе, V век⁵²) гласит: *ḡrawijan haitinaR was* 'к гибели был он предназначен'; надпись на камне из Эггьюма (по В. Краузе, начало VIII в.): *ni's solu sot uk ni sakse stain skorin* 'ни солнцем не найден, ни ножом камень не вырезан'⁵³. Два раза встречается эта же модель и в более поздней надписи из Река⁵⁴ (около 900 г.): ср. *sakum [m] ukmini ḡat huariaR ualraubaR uarin tuaR | ḡaR | suaḡ tualf sinum uarin [n] umnaR*

⁴⁸ W. Schröder. Die Gliederung des gotischen Passivs, стр. 1—105; его же. Zur Passiv-bildung im Althochdeutschen, стр. 1—76.

⁴⁹ H. Rupp. Zum Passiv im Althochdeutschen. — PBB, Bd 78, Hf. 1/2, 1958, стр. 265—286.

⁵⁰ K. Boost. Arteigene Sprachlehre. Breslau, 1938, стр. 79.

⁵¹ H. Glinz. Die innere Form im Deutschen. Bern, 1952.

⁵² W. Krause. Указ. соч., стр. 508/86; перевод и толкование надписи, как и последующих, дается по В. Краузе.

⁵³ W. Krause. Указ. соч., стр. 528/106, 530/108.

⁵⁴ A. Noreen. Altschwedische Grammatik. Halle, 1904, стр. 491.

tua [R ua] lraub [a] r|baḡar samān a umisum [m] anum 'расскажем всему народу, что за две военные добычи были те, что двенадцать раз были завоеваны, две добычи, обе разными мужами'. Модель сочетания с глаголом «становиться» появляется лишь в более поздних надписях, ср. надпись из Хегби (около 1000 г.): *uaḡr a hulmi halftan tribin* 'был в Хулме убит Халфтан' или надпись из Хеббеле (XI, XII вв.): *ḡu mun ko [ḡsu] m kitit uaḡḡa* 'поэтому будет упоминаться о добром муже'. Сопоставляя разные случаи употребления первой модели в рунических надписях, следует отметить ее сочетание с обстоятельственными уточнителями, из которых впоследствии развивается специальная форма наименования деятеля. Хотя в надписи из Эггьюма обстоятельный уточнитель стоит в дательном падеже (впоследствии формой обозначения деятеля при пассиве становится сочетание с предлогом *af*), его появление при причастии + *is* выделяет центростремительность процесса, вызвавшего появление самого признака. Тем самым достигается и различие данного типа предикации от обычного сказуемого качества, свойства. Еще в большей степени эти характеристики проявляются в примере надписи из Река, где сама многократность производства признака ('двенадцать раз были завоеваны') подчеркивает его процессуальность, а указание на производителя признака подчеркивает его центростремительность.

Материал Эдды и других памятников древнеисландской письменности подтверждает большую емкость функций данной структуры, при этом обращает на себя внимание доминирующее положение сочетания причастие II + *vesa* в наиболее архаичных неснях Эдды: так, например, в *Vqlospá* встречается только это сочетание, причем здесь оно достаточно продуктивно. Наиболее статичен признак, обозначаемый данной моделью, в описаниях, при характеристике предмета или лица, ср.: *sá er undinn salr orma hryggiom* (Vql. 38, 7) 'увидит тот зал спинами змей'; *scoptom er rann rept, scioldom er salr ḡakiḡr, bryniom um becci strát* (Grm. 9, 4) 'копьями дворец покрыт, щитами зал покрыт, бронями устлана скамья'; *hann er gulli studdr oc silfri ḡasḡr iḡ sama* (Grm. 15, 1) 'он подперт золотом (золотыми столбами) и покрыт серебром'; *forn er sú grind, enn ḡat fáir vito, hvé hon er í lás lokin* (Grm. 22, 4) 'древняя эта решетка, и немногие знают, как она заперта на замке'; *allr er vísi valdogg sleginn* (Н. Н. II, 44, 6) 'витязь, весь покрытый росой битвы'; *er Helgi er harmdogg sleginn* (Н. Н. II, 45, 2) 'Хельги покрыт росой горя'. Употребление связки в претерите вносит некоторый сдвиг значения: *var es snivin snióvi, oc slegin regni, oc drifin doggo* (Bal. dr. 5, 5) 'я была оснежена снегом, и побита дождем, и омочена росой' и т. д.

Несмотря на то, что во всех приведенных случаях при рассматриваемом сочетании стоит какой-либо уточнитель в форме дательного падежа, статичность признака сохраняется. Во всех

случаях, за исключением последнего примера, где употреблен претерит служебного глагола, подчеркивается связь признака с постоянными качествами субъекта, фактическое сведение на нет идеи возникновения данного качества в результате внешнего воздействия. Тем самым намечается близость этого сочетания с разными типами именного сказуемого.

Однако для языка Эдды характерным являлось употребление данной структурной модели и при обозначении события, факта, вызвавшего известное состояние субъекта: ср.: Áss er stolinn hamri (Prk. 2, 8) 'У аса украден молот'; Upp er haugr lokinn! kominn er Helgi (Н. Н. II, 42, 5) 'Открыта могила! вернулся Хельги'; ср. также строфу из Hávamál: at kveldi skal dag leyfa, kono, er brend er, mæki, er reyndr er, mey, er gefin er, ís, er yfir kómtr, ql er druccit er (81) 'по вечеру должно хвалить день, жену, которая сожжен(н)а(я), меч, который испробован(ный), деву, которая выдан(н)а(я) замуж, лед, по которому прошли, пиво, которое выпитое'; ср. также Bal. dr. 5, 5. Особенно частым, однако, было употребление в этом случае сочетания с var (т. е. с формой прошедшего времени служебного глагола): Pá var grund gróin groenom lauki (Vql. 4, 4) 'Тогда земля поросла (покрылась) зеленой травой'; brotinn var borðveggr borgar ása (Vql. 24, 5) 'разрушенный был вал крепости асов'; Baldrs bróðir var of borinn snemma (Vql. 32, 5) 'брат Бальдра был рожден вскоре'.

Анализируя эти примеры, взятые из одной из наиболее архаичных песен Эдды, приходится отметить, что рассматриваемая конструкция дает выделение известного факта, события из цепи повествования; показательно, что в двух из этих примеров имеется наречие времени, указывающее на то, что рассматриваемый признак представляет собой не присущее данному субъекту качество, а является неким качеством, свойством, состоянием, возникшим на определенном отрезке времени, ср. также: Senn vóro hafrar heim um resnir (Prk. 21, 1) 'Тотчас же козлов погнали домой' ('козлы были погнанные домой'); с указанием времени: Um kveldit óro heitstrengingar. Var fram leiddr sonargoltr (Н. Нв., проза, стр. 147) 'К вечеру совершался обет произнесения клятвы. Был введен(ный) жертвенный веппр'; var þá Geirgoðr til konungs tekinn (Grm., начало, проза, 14) 'был тогда Г. избран(ный) королем'; Haugr var gorr eptir Helga (Н. Н. II. 38) 'Холм был сооружен(ный) в память Хельги', ср. также Н. Н. II. 16; Grímnismál 41, 4; Brot, проза, 7 и т. д.

Таким образом, в отличие от первой группы примеров рассмотренные здесь случаи характеризуются указанием на возникновение признака; выделяется связь наличного состояния с предыдущим действием, вызвавшим его. Подчеркнуто соотносительный характер этого состояния определяет значение, которое некоторые исследователи называли перфектностью (состояние как

результат действия); с этим же связан и тот вариант залогового значения, который может быть определен как создание признака, что в свою очередь подчеркивалось разными формами уточнителей. Тем самым усиливались те характеристики этого сочетания, которые были связаны с центростремительностью процесса и аффицированностью субъекта признака.

Если в первой группе примеров анализируемые сочетания выступали как форма сказуемого качества, свойства, то в отношении последней группы можно говорить, что перевес получает элемент процессуальности; не данность признака характеризует это сказуемое, а, наоборот, его связь с определенным временным отрезком, к которому относится возникновение состояния. Отсюда значительное преобладание элементов «глагольности» в отличие от первой группы, дающей максимальное приближение сочетания с причастием к чисто адъективному сочетанию. Характерным для второй группы было в связи с этим частое употребление временных наречий, подчеркивавших произведенность состояния и тем самым его соотнесенность с действием, создавшим данный признак. В первой группе примеров основным является известная статичность, во второй проявляется элемент динамики.

Отсутствие деятеля при подобных сочетаниях являлось для языка Эдды фактически синтаксической нормой; тем самым ясно выступала недифференцированность на этом этапе развития языка категории страдательности в собственном смысле слова от медальности.

В Эдде деятель появляется только при глаголе bega, к тому же он, так же как и в рассмотренной рунической надписи VIII в., имеет обычно форму дательного падежа, близкого по своей семантике к орудийно-обстоятельному падежу: Dellingr heitir, hann er Dags faðir, en Nótt var Nqrvi borin (Vfm. 25, 1) 'Д. зовется, он отец дня, а ночь была рожденной (дочь) Норви' (дат.); hveriom er tu, sveini, um borinn (Fm. 1, 1) 'кем ты, юноша, рожден?'. В примерах с глаголом bega деятель оказывается лицом, благодаря чему и определяется функция дательного падежа в качестве производителя действия; однако отсутствие специализированной формы с предлогом af отнюдь не может быть рассмотрено как простая случайность: оно указывает на первичный инструментально-адвербиальный характер уточнителя признака; наименование деятеля лишь постепенно вырабатывается как особая категория, причем для всех германских языков за ней в конце концов закрепляется предложная конструкция, в свою очередь связанная генетически с чисто обстоятельными значениями: ср. нем. von, гот. fram, др.-исл. af и т. д.

Различные случаи контекста с инструментально-адвербиальным уточнителем в дательном падеже дают разные оттенки значения. Так, в примере þess fugls fiqðrom es fiqtraðr varc í garði

Gunnlaðar (Háv. 13, 4) 'той птицы крыльями я был прикован(ный)...' дательный выступает с четко выраженным орудийно-обстоятельственным значением; несомненно отсутствует значение деятеля и в стихе из Vqlospá: *sá er undinn salr orma hryggjom* (38, 7) 'зал увитый спинами змей', где 'увитый спинами змей' воспринимается как единая предикативная группа подобно нем. *weiß gestrichen* в предложении *die Wände sind weiß gestrichen*. Возможность двоякого толкования допускает контекст стиха из Baldrs draumar (5, 5): *var es snivin snívi oc slegin regni oc drifin doggo* 'была я оснежена снегом, и побита дождем, и омочена росой' и т. д. Все эти разнообразные оттенки инструментально-обстоятельственной связи, выраженные дательным падежом, указывают на то, что и в таких примерах, где сейчас дательный падеж был бы осмыслен с функцией деятеля при страдательном залоге, не имелось той определенности значения производителя признака, которая характерна для развитой формы страдательного залога. Наиболее однозначными с этой точки зрения должны считаться случаи дательного падежа при глаголе *bera* 'рожать'. Все же другие примеры употребления дательного при причастных конструкциях обнаруживают либо значение своеобразного предикативного уточнителя, либо могут получить двоякое толкование.

На отсутствие прочной связи рассматриваемой конструкции с категорией аффицированности субъекта, а следовательно, и центростремительности процесса указывает и ее широкое употребление в предложениях, где подлежащее либо отсутствует совсем, либо оказывается выраженным указательным местоимением, являющимся в этих случаях лишь формой связи с вторым членом сложноподчиненного предложения, раскрывающим и уточняющим содержание высказывания, оформленного причастной конструкцией: ср. *þá qvað Guðmundr, svá sem fyrr er ritað í Helgaqviðu* (Н. Н. II, 18, проза) 'тогда сказал Г., как об этом было написано в песне о Хельге'; ср. также: *svá sem hér er um qveðit* (Vkv. Пр. 16) 'как об этом здесь поется'; *Þat er þá reynt, er þú at gúnom spyrr* (Háv. 80) 'Это проверено (решено) то, что ты у рун спрашиваешь'. Подобные обороты особенно часты в сагах (см. ниже), что свидетельствует об их распространенности в народном языке.

Сопоставляя приведенный материал, можно сделать вывод, что сочетание с *vesa* не вносило изменений в смысловую структуру причастия, поскольку инвариантом и в смысловой структуре сочетания оставалось обозначение признака, не соотношенного с центробежным процессом. Смысловые варианты определялись контекстом, общим содержанием высказывания, наличием разного рода уточнителей (временных, обстоятельства действия), иногда лексическим содержанием глагола. Служебный глагол выполнял лишь функцию показателя предикцирования.

В отличие от Эдды язык саг, бедный описаниями, дает немного примеров таких сочетаний, где причастная конструкция характеризует какое-либо свойство инактивного субъекта. Однако обороты, передающие известное качество, свойство вне его связи с вызвавшим это действием процессом, употребительны и здесь, ср.: *Blundketell hét maðr, son Geirs ens auðga ór Geirshlíð, Ketels sonar blunz, er Blunzwatn er við kennt* (Н. Р.) '...по которому Б. называется' или *Hestr var ...litt reyndr* 'лошадь была ...мало объезжена' (Gunnl. VIII, 6); *Gunnlaugr var svá buinn...* 'Г. был так снаряжен...' (Gunnl. VIII, 44). Случаи, где связка соотносена с двумя предикативами, одним — существительным (с прилагательным) и вторым — причастием, подчеркивают близость характера признака, выраженного обоими предикативами, и следовательно, статический характер сочетания с причастием. По-видимому, так же должен быть понят и отрывок из Gunnl. V, 11: *Svá er sagt frá Gunnlaugi, at hann var snémendis bráðgørr, mikill ok sterkr, ljósjarpr á hárf ok fór allvel, svarþeygr ok nokkut nefljótr ok skapfelligr í andliti...* *skald mikit heldr niðskár ok kallaðr Gunnlaugr ormstunga* 'Как сказано о Г., что он был быстрый, высокий и сильный... скальд великий и еще более приятный и назван Г.-змеиный язык'. Здесь *var* выступает как связка при целом ряде предикативов чисто именного характера, выделяющих постоянные признаки, последним из которых оказывается причастие. Тем самым сочетание *var+kallaðr* обозначает определенное качество, свойство героя, не соотношенное в этом контексте ни с каким предшествующим действием, вызвавшим его. Иные связи наблюдаются: *Ok var þat flokkur ok vel ort* (Gunnl. X. 39) 'И была это та песня, и хорошо сделанная', где союз *ok* соединяет не разного типа предикативы, а личную глагольную форму и причастие, благодаря чему последнее выступает с функцией второго сказуемого, о чем писалось в предыдущем разделе.

Значительно чаще было здесь употребление рассматриваемого сочетания для обозначения известного события, факта, соотношенного с инактивным субъектом, однако служебный глагол в этих случаях имел претеритальную форму. Сюда могут быть отнесены такие типичные случаи, как *urðu þær málalykter at lófriðr er gefen Þóroddi* (Н. Р. 26, 11) 'тогда дело кончилось тем, что И. была отдана Т'; ср. там же, 8, 16; 13, 22; 23, 16; 23, 9 и т. д.; *Þótt Gunnar være drepenn áðr* (Н. Р. 26, 7) 'хотя Гуннар был убит раньше'. Ср. также: *Þorsteinn var þaðan út leiddr með góðum góðfum* (Gunnl. IV, 30) 'Т. был потом отпущен с хорошими дарами'. В этой группе примеров наличие наречий времени вносило дополнительную соотношенность с определенным отрезком времени, тем самым выделялось возникновение признака, а не его данность. Сопоставление примеров *Þótt Gunnar være drepenn áðr* 'хотя Гуннар был убит(ый) раньше' и *En sá*

hét Colr er myrðr vas (L. I. III. 17) 'И того звали К., который был убит(ый)' показывает разницу, вносимую наречием в содержание рассматриваемой конструкции. В первом случае контекст указывает на то, что речь идет о совершении известного акта, убийства, результатом которого является возникновение признака, соотношенного при этом с определенным временным отрезком. Во втором примере myrðr vas определяет того, кто звался Колр, и выступает как название известного, отличающего этот субъект признака; здесь важным является не констатация известного события, коснувшегося инактивного носителя признака, как в первом случае, а наименование известного свойства, характеризующего этого носителя в момент, выделенный автором повествования. При этом процесс, действие, акт, вызвавший появление этого свойства, отступает настолько на задний план, это свойство настолько привлекает внимание само по себе, что оно приближается к семантике прилагательного 'неживой', 'мертвый'.

Таким образом, и здесь, в условиях отсутствия наименования деятеля, контекст, наличие разного рода адвербиальных сопроводителей, уточняющих содержание и характер его связи с подлежащим, наконец, само лексическое значение глагола-сказуемого и имени-подлежащего являлись выразителями разных оттенков инактивности субъекта—носителя признака. Одни и те же закономерности характеризуют здесь язык Эдды, саг и ранних произведений так называемого ученого стиля.

В языке саг отсутствие обозначения деятеля не менее типично, чем в Эдде. В саге о Торе (Н. Р.) встречаются единичные случаи употребления орудийного дательного, типа: Ok var Oddr ofríðe borenn (21, 12) 'И был О. побежден превосходством силы', ср. также: foedde Þóra sveinbarn ok vas Grímr nefndr, es vatne vas ausenn (Eyr. Saga 265, 13) 'и был назван Гримр, когда был окраплен водой'. Аналогичные отношения наблюдаются и в саге о Гуннлауге. Характерно, что и в ранних образцах так называемого ученого стиля случаи употребления предложной конструкции с *af* буквально единичны, причем с причастными конструкциями они встречаются еще реже, чем с возвратными формами. Вместе с тем и здесь построения типа *suá es sagt* 'как сказано', *var þá þat mælt* 'было тогда так сказано', *þú er dropet á dyrr* 'теперь стукнуто в дверь', *var suá skipat* 'было так устроено' были весьма продуктивной моделью. В ученой прозе сочетания *at þú es ritið es* 'как написано', *es sagt* 'как сказано' и т. д. служат обычным введением к повествованию. Иными словами, и здесь обнаруживается особая связь сочетания причастие II+*vesa* с бесподлежащим предложением.

Наконец, общим для языка всех памятников является отсутствие случаев употребления этого сочетания для обозначения развивающегося центростремительного процесса, когда состоя-

ние инактивного субъекта рассматривается не как данное, а как возникающее в соотносительности с настоящим временем, типа нем. *der Brief wird geschrieben* 'письмо пишется'. Между тем тип сочетания со вторым служебным глаголом — *verða* — был совершенно непродуктивным.

Подобно Эдде в сагах и ранних образцах ученого стиля буквально единичны случаи употребления причастия с глаголом *verða*, составляющие лишь очень незначительный процент причастных конструкций. В *Hósná-Þóres saga* причастие 40 раз употреблено в предикативной функции, из них только один раз с глаголом *verða*; в саге о Гуннлауге эти сочетания тоже единичны. Это же положение сохраняется и в литературе ученого стиля. Такие примеры, как *at landit varð kristit* (Gunnl. VII, 2) 'так что страна стала (была) крещеной'; *ok verðr (honom) hermt við* (Н. Р. 22, 18) 'и стал этим недоволен' ('и стало ему недовольно?'), *herma* 'вызывать недовольствие'; или *Svá hava oc spacer menn sagt at á... vetra yrðe Island al byggt* (L. Isl. 111, 1) 'что... Исландия стала (в течение такого-то времени) заселенной', в известной степени сохраняют оттенок становления, связанный с семантикой глагола *verða*; ср. также: *ok verðr þat suá víst um alt heraðet* (Н. Р. 5, 10) 'и это стало известно во всей той округе'. В других случаях этот оттенок отсутствует: ср. *hvar sem yrðe fundenn* (Eyr. S. 245, 20) 'где бы он ни был (оказался) найден(ным)' или *þeir yrðu síðan vígðr í til byscora* (L. Isl. 300) 'двое из них были потом посвящены в епископы'; в этом случае ощутимой разницы в значении этих сочетаний по сравнению с сочетаниями претеритальных форм глагола «быть» с причастием II не наблюдается.

Вследствие неупотребительности сочетаний причастие II+настоящее время глагола «становиться», а также вследствие определенной замкнутости смысловой структуры сочетания причастие+настоящее время глагола «быть» в древнеисландском в системе этих сочетаний оставался невыраженным развивающийся центростремительный процесс, так называемый страдательный залог настоящего времени, всегда связанный с пассивом действия.

С отсутствием настоящего времени страдательного залога в какой-то мере связан и тот факт, что употребительными в древнеисландском являются только две формы причастных конструкций: I — с настоящим временем глагола *vesa* и II — с прошедшим временем того же глагола. Первая служит для выражения известного качества, свойства — *hann er gulli studdr*; *hann er nefndr Gunnlaugr ormstunga*, наличных в настоящем, вторая — для выражения тех же категорий, наличных в прошедшем. Наряду с этим, однако, первая может выражать состояние, имеющееся в настоящем, но подчеркнуто соотношенное с предыдущим действием — *at barnit er út borit*, а вторая имеет также значение

известного состояния, наличного в прошлом, но соотнесенного в свою очередь с предыдущим действием — *var þá Geirroðr til konungs tekinn*, т. е. имеет значение результативного прошедшего. Сочетая в себе некоторые значения настоящего и прошедшего (как простого, так и результативного), данные формы никогда не выражают соотнесенность с ддящимся действием типа русск. *дом строится, дом строился*, нем. *das Haus wird gebaut, das Haus wurde gebaut*, т. е. эти формы никогда не имеют того значения, которое может быть определено в конечном итоге как настоящее или прошедшее время страдательного залога в собственном смысле слова.

Вследствие этого в указанных сочетаниях имеется гораздо менее дифференцированная система так называемых временных форм, чем в системе активных глагольных форм. Буквально единичны случаи образования сложных описательных конструкций, которые могут быть определены как специализированные формы будущего, перфекта и плюсквамперфекта, ср., например, Н. Р.: *Þau orð ero talað við mik sem aldre hafa áðr talað veret: ek em kallaðr þjófr* 'Эти слова были сказаны мне, как никогда раньше не бывали сказаны: я назван вором', где имеется специальная форма пассивного перфекта. Подобные обороты, однако, совершенно единичны в произведениях народного стиля, так что они не могут быть включены в систему причастных форм.

Благодаря этому причастные конструкции с глаголом «быть» не знают той временной дифференциации, которая в этот период выработалась в системе активных глагольных форм. Это подтверждает предположение, что рассматриваемые сочетания еще не включились в глагольную систему и не приняли ту совокупность грамматических категорий, которая была свойственна данной части речи в XII—XIII вв. Фактически они оказываются вне системы временных оппозиций глагола, на положении чисто синтаксических сочетаний. Перед нами особая форма именного сказуемого, но не элемент глагольной системы, не глагольная категория.

Эта вторая особенность в употреблении данных сочетаний, характеризующая, казалось бы, их грамматическую природу в иной плоскости, чем отсутствие употребления специальной формы обозначения деятеля, в свою очередь указывает на неоформленность категории страдательного залога. При этом отнюдь не случайно отсутствие употребления наименования деятеля сосуществует рядом с невозможностью выразить так называемый страдательный залог действия. Обе категории (наименование деятеля и «пассив действия») являются сопроводителями развитой системы страдательного залога.

В этих условиях подтверждением того, что данное сочетание является формой медиального (инактивного) сказуемого, а не категорией глагола, может служить и тот факт, что оформление

причастия сохраняет старые формы согласования, как всякое предикативное прилагательное, в отличие, например, от того же причастия в активных сочетаниях с *hafa*, где закрепляется к тому времени форма, не согласуемая с объектом, так называемый супин. В активных конструкциях это свидетельствует об отрыве причастия-определения от объекта, при котором оно стояло; оно свидетельствует о выделении причастия из атрибутивного сочетания и его сближении с вспомогательным глаголом в одно целое; иными словами, в активных сочетаниях появляется новое грамматическое качество, характерное для процесса превращения синтаксического сочетания в морфологическую категорию глагола.

Подобные закономерности отсутствуют в сочетаниях с глаголом *vesa*, где причастие сохраняет все особенности предикативного прилагательного той эпохи. Этого факта, взятого как изолированное явление, было бы недостаточно для определения характера рассматриваемых сочетаний. Но в совокупности с другими закономерностями это явление может служить дополнительным материалом для высказанных выше соображений.

Если при сопоставлении двух предложений типа *hann var farinn á braut/hann hafði farit á braut* обычно указывается на известное семантическое различие обеих сложных форм, из которых первая, определяемая как сложное сказуемое, связана в большей степени с категорией состояния — 'он был уехавший (прочь)', а вторая, рассматриваемая уже как аналитическая форма, выражает терминативность и законченность действия — 'он уехал', то сочетания *vesa* + так называемое пассивное причастие представляет несомненную параллель к первой форме — *var farinn*. Связь с категорией состояния, флексия причастия, сохранение значения сложного сказуемого объединяют эти формы как бы в одну систему. Общие черты в активной и медиальной конструкции заложены в самом построении данных сочетаний, чем и определяется объем выражаемых ими значений.

Весьма характерным, отражающим иные тенденции, является поэтому начинающийся в ту эпоху процесс использования так называемых возвратных форм для выражения аффицированности носителя признака. Именно эти глагольные формы, не связанные с особенностями семантики причастия, послужили здесь вторым источником образования системы страдательного залога, с той только разницей, что их соотнесенность с процессом, действием в собственном смысле слова создавала здесь новые возможности выражения различных оттенков инактивного субъекта (см. гл. V). Но в рассматриваемую эпоху процесс этот еще только начинался.

3

Обращаясь к материалу западногерманских языков, можно отметить ряд общих тенденций, объединяющих данные языки в отношении оформления интересующей нас категории. Во всех

трех языках этой группы, древненемецком, древнеанглийском и древнесаксонском, в большей или меньшей степени сосуществуют конкурирующие сочетания причастия с разными служебными глаголами. При этом, насколько можно судить по наиболее архаичным памятникам, первоначальному и здесь, так же как и в древнеисландском, было сочетание с глаголом «быть».

В древненемецком, несмотря на возможную вторичность сочетаний с *uuerdhan*, появление последних наблюдается уже в конце VIII в. Если глоссы, где они единичны, не дают еще никакого основания для выводов относительно специфики значения данного сочетания, то анализ древнейших памятников этого периода позволяет говорить о наличии известной тенденции, не одинаково последовательно и интенсивно проявляющейся в разных памятниках, но в основном неизменной, пробивающейся сквозь все напластования латинского влияния. Своеобразие языковых норм каждого памятника требует их отдельного рассмотрения.

Первый крупный памятник, Исидор, обнаруживает ряд особенностей, лишь частично повторяющихся в столь далеком по диалекту и жанру произведении, как Муспилли.

Хотя здесь имеются уже сочетания с формами обоих глаголов, но распределение их весьма своеобразно. Так, у Исидора в сочетаниях с глаголом *uuesan* отсутствуют формы прошедшего времени — *uwas* (только один раз конъюнктив — *uuâri*). Эта норма проводится последовательно не только в пассивных, но и в активных оборотах, где вместо *uwas* всюду *uuardh*, ср., например: *uuardh quhoman* (XXXII, 22); *uortan uuardh* (XXXV, 10) и т. п.; сочетание же с *uuerdhan* имеет обе формы — *uuirhdhit* и *uuardh*, но их употребление и значение не всегда соответствуют аналогичным значениям в современном немецком языке.

У Исидора сочетание причастия с формой настоящего времени глагола *uuerdhan* обозначало всегда «вступление в какое-либо состояние» и имело преимущественно значение будущего времени. В этом отношении чрезвычайно показателен отрывок XXII, 7, где дается пророчество Исайи: *So isaias umbi inan predigondo quhad: Chindh uuirddit uns chiboran, sunu uuirddit uns chigheban endi uuirddit siin herduom oba sinem sculdrom, endi uuirddit siin namo chinemnit. . . chimanacfaldit uuirddhit siin chibot endi sînera sipbea ni uuirddit endi* 'Так Исайя, о нем проповедуя, сказал: дитя у нас родится (станет рожденным), сын нам будет (станет) дан, и его власть будет (станет) выше его плеч и будет имя его названо. . . и будет умножаться его царство, и не будет (станет) конца его роду'. Интересно в этом отрывке параллельное употребление форм глагола *uuerdhan* в сочетании с именами существительными и с причастиями. Благодаря этому особенно ясной становится функция глагола *uuerdhan* как в самостоятельной позиции, так и в конструкции с причастием. Как в первом, так

и во втором случае глагол этот совершенно отчетливо передает качество, состояние, которые наступят. Значение глагола «становиться» используется тем самым для выражения будущего времени. Ср. также: *Endi in dhemu daghe uuerdhan manego dheodun chisamnoda zi druhtine endi uuerdhan mîne liudi* (XII, 2) 'В тот день соберутся многие народы к господину и станут моими людьми'; см. также XXVII, 16; XXIV, 3 и т. д. С тем же значением употребляется это сочетание и в *Monseer Fragmente*. Ни одного случая использования данного сочетания со значением настоящего времени, как в современном немецком языке, Исидор не знает. Весьма показательно наличие той же нормы в столь далеком от Исидора по своему диалекту (баварский) и по своему жанру памятнике, как Муспилли. Здесь точно так же сочетание с формами настоящего времени глагола *uuerdan* всегда обозначает состояние, которое должно наступить: *sorgen mac diu sela, unzi diu suona arget za uuederemo herie si gihalot uuerde* (6) 'пусть позаботится душа. . . к какому войску она будет (станет) взята'; *doh uuanit des vilo. . . gotmanno daz Elias in dem uuige aruuartit uuerde* (48) 'но предполагают множество людей, что Илья в этом бою будет ранен (погублен)'. Ср. еще 37, 82, 73, 96, 100. Значение, вносимое формами настоящего времени глагола *uuerdan* в это сочетание, совершенно ясно выступает в стихе 11: *Upi sia avar kihalont die die dar fona himile quemant, enti si dero engilo eigan uuirddit* 'Если же ее возьмут те, что придут с неба, и она станет (будет) собственностью ангелов', где *uuerdan* сохраняет полноту своего лексического содержания.

По-видимому, тенденция использовать данные сочетания именно со значением будущего времени и исключение их из сферы настоящего были явлением, далеко выходящим за пределы такого памятника, как Исидор. Проекция в будущее связана с семантикой этого сочетания с самого начала. Подобное осмысление указывает не только на другое временное значение, чем в современном немецком языке, но и на структурные отличия этого сочетания в различные периоды истории немецкого языка. Обращает на себя внимание сохранение собственного лексического значения у глагола *uuerdan* в древневерхненемецком, отсутствие той «идиоматичности», которая характерна для этого сочетания в современном немецком языке. Данное обстоятельство выражает меньшую спаянность обоих компонентов сочетания, большую свободу каждого из них; иными словами, перед нами, по-видимому, одна из разновидностей сложного сказуемого, а не аналитическая форма⁵⁵.

⁵⁵ О критериях разграничения сложного сказуемого и аналитической формы см.: М. М. Г у х м а н. Аналитические глагольные конструкции как сочетание частичного и полного слова. «Вопросы грамматического строя». М., 1954.

Обозначение состояния инактивного субъекта в настоящем в данном памятнике было связано исключительно с конструкциями *ist+Prt.* II. Вопрос о функциях данного сочетания определяется в значительной степени разграничением его употребления от употребления конструкций с *uuiridhit* и *uuardh*. Первые были рассмотрены выше, обратимся теперь к анализу сочетаний *ist* и *uuardh* в их известной взаимной обусловленности. Как уже отмечалось, у Исидора и в Муспилли фактически отсутствует сочетание причастия с *uuaa*, таким образом, значение состояния инактивного носителя признака в прошлом было связано в основном с сочетанием причастие + *uuardh*.

В Муспилли имеется весьма характерный с этой точки зрения пример: *uuiridit denne furi kitragan daz frolo kruci, dar der heligo christ ana arhangen uuard* (100) 'потом пронесут святой крест, на котором святой Христос был распят'. У Исидора конструкция с *uuard* употребляется в тех случаях, когда речь идет о процессе, вызвавшем состояние инактивного субъекта в прошлом; типичен в этом отношении пример: *huuanda ir uns uuard chiborgan, nalles imu selbemu* (XXII, 17) 'потому что для нас он был рожден'; нередко здесь появляется наименование деятеля: *... dher fona uuerodtheoda druhtine uuard chisendit* (X, 13) '... который был послан господом...'; *Dhazs arfullit uurdi, so er bifora uuardh chichundit dhurah dhen forasagun* (XXVIII, 4) 'Чтобы исполнилось то, что было раньше предсказано пророком'; ср. также III, 6 и т. д.

Таким образом, при этих сочетаниях возможно было наименование деятеля и близкие уточнители; они могли, однако, и отсутствовать. Основным во всех этих случаях является сообщение о событии, характеризующем инактивный субъект. При этом упор делался не на пребывании в каком-либо состоянии, а на самом акте, на самом событии. Сравнительная частота сочетания этой конструкции с указанием деятеля (восемь из общего количества около 40) подчеркивала свойственный ей процессуальный характер, ее соотнесенность с центростремительным процессом. Однако своеобразие данного сочетания выступает особенно четко при анализе употребления конструкций с глаголом «быть».

Одной из особенностей последних сочетаний является почти полное отсутствие наименования деятеля (два случая на 60). Половину всех случаев составляют бесподлежащие предложения или предложения со связочным *daz* типа: *Araugit ist in dhes altin uuiuzsodes boohhum* (XIII, 18) 'Доказано в книгах Ветхого Завета'; *dhiz ist chiquhedan in unseres druhtines nemin* (VII, 2) 'что это сказано...'; ср. также XXXVIII, 14; XXXII, 15; XXXII, 11 и т. д.

Остальные случаи, составляющие примерно половину, образуют довольно пеструю группу, передающую разные оттенки характеристики инактивного носителя признака. Наиболее пока-

зательны для этой группы отношения, выступающие в следующем отрывке: *In dhemu heilegin daniheles chiscribe ist umbi dhea christes cumpft ernustliihho araughit, endi iaar arzelidiu, ioh offono sindun siniu zeihhan des bifora chichundidiu, ioh dhar ist auh offanliihhost chisaghet huueo...* (XXV, 11) 'В писании святого Даниила безусловно доказан приход Христа и годы сочитаны, и его знаки предсказаны...'

Значение этих сочетаний может быть определено как характеристика состояния, сохраняющегося и к моменту повествования и в этом смысле соотнесенного с настоящим временем; однако состояние это в какой-то степени осознается как результат предыдущего процесса, чем фактически и определяется возможность толкования данной формы то как настоящего времени, то как резульативного вида (перфект), в зависимости от того, какой из элементов этого сложного значения выступает на первый план; ср. еще M. F. XXIV; Is. II, 15; XV, 1. Ср., однако: *Fona deru selbun sentidu ist aengil* (M. F. XXXIII, 2). 'От той самой послан ангел', где наличие наименования деятеля подчеркивает зависимость признака от действия, вызванного внешним фактором, подчеркивает его привнесенность и тем самым аффицированность субъекта и центростремительность процесса.

Таким образом, сочетание с *ist* в этом памятнике отнюдь не однозначно. В его содержании, так же как это наблюдалось и в аналогичных конструкциях Эдды, возможны были разные оттенки, связанные с переплетением элементов данности и резульативности, процессуальности.

Для языка Исидора весьма показательным является свободное употребление этого сочетания независимо от форм подлинника. Так, в приведенном выше отрывке из гл. XXVII *ist araugit* = *ostenditur*, простое причастие *arzelidiu* = *numerantur*, *sindun chichundidiu* = *pronunciantur*; в главе же II *ist chiborgan* = *absconsa est*; *sindun chifestinode* = *firmati sunt* (XV, 3); *sindun chizelido* = *adnumerantur* (XXVII, 12) и т. д. Следовательно, для немецкого переводчика употребляемое им сочетание *ist+Prt.* могло быть эквивалентом как латинского презенса, так и латинского перфекта, в тех именно их значениях, которые максимально сближались друг с другом. Сближаясь в одних случаях со статичностью именного сказуемого, подчеркивая в других резульативность качественного состояния и, следовательно, внося элементы соотнесенности с процессом, сочетание это в единичных случаях могло иметь и значение настоящего времени пассива действия, поскольку конструкция с *uuerdhan* в настоящем времени последовательно была закреплена за выражением значений будущего.

Специфика значения конструкций с *ist* и *uuardh* выступает, однако, особенно ясно в тех случаях, где чередуются обе формы: *So dhar auh ist chiscriban: Dhiu uurza dhera spahida huueu siu uuard antdhechidiu* (XI, 20) 'Там также написано: Корень муд-

рости кем был открыт(ый)?', в подлиннике: *Item ibi: Radix sapientio cui reuelata est?* В подлиннике первая глагольная форма отсутствует, второй немецкой конструкции соответствует латинский перфект, который в данном случае переведен сочетанием не с *ist*, как во многих случаях выше, а с *uuardh*; ср. также: *See dher in sion uuard chiboran endi dher in dheru selbun burg uuard uordan allero odhmuotigosto, dher selbo ist dher hohista dher sia chiuuorahta. Endi auh huueo dher selbo druhtin ist dhar ist after chiscriban: Druhtin saghida dhazs chiscrip dhero folcho dhese ist dar chiboran* (XXIV, 3) 'Вот кто в Сионе родился (*nascitur*) и тот, кто в этом городе стал самым низшим, это тот самый высокий, кто его создал. И кто этот господь — это написано в Священном писании. Господь, как сказано в писании народов, этот там рожден'. В подлиннике первый раз употребляется *Präs. hist.* — *nascitur* 'кто рождается в нем', переводчик передает это сочетание с *uuard* для обозначения прошедшего времени, так же как он рядом передает *factus est* — *uuard uordan*; во втором случае дается простая констатация факта рождения, без подчеркнутой отнесенности во времени, с упором на место ('там') рождения, и переводчик избирает сочетание с *ist*.

Третий весьма своеобразный пример чередования этих форм: *After dhem sibunzo uuehhom ist hear offono araughit ziuuare christian iu chiboranan ioh chimartorodan, endi dhaz dhiu burc hierusalem aruuostit uuardh endi ghelstar iohsalbunga bilunna uurdun* (XXVII, 4) 'После 70 семилетий здесь явно доказано (*ostenditur*) подлинность Христа, рожденного и замученного, и что город Иерусалим был опустошен (*exterminatione fuisse*) и жертвоприношения были прекращены (*cessasse*)'. Первая конструкция — *ist araughit* = *ostenditur* — дает один из многочисленных примеров употребления этого сочетания в бесподлежащем предложении, две другие — с формами прошедшего времени глагола *uuerdhan* — передают события, касающиеся инактивного субъекта в прошлом.

По приведенным выше примерам можно предположить не только временное различие обеих форм — сочетание с *uuardh* всегда было связано с прошедшим временем, но и гораздо большую процессуальность, отсутствие того элемента данности, состояния, хотя бы в прошлом, который характерен для сочетаний с «быть».

Характерно, что и в Муспилли сочетание с *ist* связывается все с той же констатацией данности, пребывания в известном состоянии, при которой результативность отступала на задний план, вследствие чего особенно выделялась качественная сторона в значении этой конструкции: *diu marha ist farprunna, diu sela stet pidunga* (61) 'земля сожжена, душа стоит огорченная'; *der uuarch ist kiuaafanit* (39) 'злодей вооружен'.

Близкие нормы Исидора и Муспилли свидетельствуют о довольно последовательной тенденции разграничить функции трех

встречавшихся в ту эпоху сочетаний: сочетание с настоящим временем от *uuerdhan* во всех рассмотренных случаях давало проекцию в будущее, выражая становление признака инактивного субъекта, сочетание с *uuardh* всегда указывало на событие, коснувшееся инактивного субъекта в прошлом; оба эти сочетания обладали несомненной процессуальностью, обозначая создание признака инактивного субъекта в результате деятельности внешнего фактора, т. е. аффицированность инактивного субъекта и центростремительность процесса. Не случайным следует считать и тот факт, что наибольшее число случаев наименования деятеля было связано именно с этими конструкциями. Сочетание с *ist* сохраняло и в немецком памятнике те же значения, что и в древнеисландском. Статичный характер этих сочетаний, почти никогда не говорящих о совершающихся фактах или событиях, а рассматривающих эти события с точки зрения готового результата, является и здесь наиболее типичной чертой.

Вместе с тем указанные выше «залоговые» различия отнюдь не могут быть вскрыты во всех ста процентах случаев употребления данных сочетаний. Так, например, сам факт возможности появления при конструкциях с *ist* деятеля — *Fona deru selbun sentidu ist ængil* (M. F. XXXIII, 2) — говорит о том, что в этих конкретных случаях речь идет не о фиксации состояния как чего-то данного, но об акте, вызвавшем это состояние.

Об отсутствии строгой и последовательной «залоговой» дифференциации говорит и употребление *uuesan* и *uuerdhan* + инфинитив. Оба сочетания появляются в предложении с деятелем, ср., например: *huueo dher sunu mahti fona fater chiboran uuerdhan* (II, 10) 'как сын может быть рожден отцом'; ... *sih chundida uuesan chisendidan fona dhemu almahtigin fater* (XI, 8) '... объявил себя посланным отцом'; разница в данном случае заключается в оттенках видовой семантики, поскольку второе сочетание имеет результативное значение и может быть определено как *Inf. perf. passivi*, а первое ближе к инфинитиву настоящего времени. Трудно поддается учету дифференциация в примере (V, 3), где *ist chiqedan, ist chimeinit, chiqedan uuard* соответствует в подлиннике *dicitur, monstratur, insinuat*.

Таким образом, речь может идти лишь об известной тенденции формально дифференцировать разные оттенки значения инактивности субъекта. Сопоставляя языковую норму Исидора и Муспилли, можно предварительно отметить тенденцию к формальному выделению категорий собственно страдательности, причем это выделение было связано с конструкцией *uuardh* + *Prt.*, тогда как конструкция с *ist* сохраняла многозначность, отмеченную в древнеисландском.

В подстрочном переводе статута Бенедиктинского монастыря абсолютно господствует сочетание с глаголом «быть», соответствующее, так же как и у Исидора, двум латинским формам:

настоящему времени и перфекту. Редко встречающийся по характеру памятника имперфект страдательного залога переводится прошедшим временем от глагола *uuesan* или прошедшим временем глагола *uuerdhan*: *monstrabantur—keaugit uurtun* (210, 11); *quia dabatur—das vvarun kikeban* (262, 3). Сочетание с настоящим временем от *uuerdhan* обычно передает латинское будущее типа *audutum fuerit* (249, 12) — *so kihorta uuirdit*, ср. также 236, 10; 255, 11; 252, 27 и т. д. Показательно для неустойчивости нормы чередование настоящего времени от глагола «быть» и «становиться» в отрывке 201, 14: *Omnis qui se exaltat humiliabitur! et qui se humiliat exaltabitur* 'Кто возвышается, будет унижен, и кто унижает себя, будет возвышен'. В переводе первая форма латинского будущего передается сочетанием с *uuirdit*, а вторая — сочетанием с *ist*: *der sih erheuit, uuirdit kedeonot indi der sih kedeomuait, ist erhaban*. По-видимому, со значением будущего времени употреблено сочетание с *uuirdit* и в отрывке *quia cui plus committitur plus ab eo exigitur* (201, 11) 'кому больше дано, с того и больше спрашивается (спросится?)', в переводе *daz demi meer ist pifolahan meer fona im uuirdit ersvahhit*.

Таким образом, отличием этого подстрочного перевода от Исидора является редкость употребления *uard+Prt*. Но вместе с тем, так же как и у Исидора, сочетание с *ist* соответствует двум латинским формам страдательного залога — настоящему времени и перфекту, а конструкция с *uuirdit* выражает в основном проекцию в будущее время. Впрочем, меньшая распространенность форм с *uuerdhan* несомненна, что, между прочим, сказывалось и на норме образования эквивалента латинского инфинитива страдательного залога: *denegari—farcickan uuesan* (205, 29), *persuaderi—duruhspannan uuesan* (216, 17), *dici—kiquetan uuesan* (205, 36). Однако сам характер подстрочного перевода не позволяет воспринимать нормы языка этого памятника как отражение реально живых, действующих разговорных норм той эпохи.

Значительно измененные соотношения дает нам другой переводной памятник — Татиан.

Основной особенностью языка Татиана является наличие четырех возможных сочетаний в отличие от трех, фиксированных при анализе Исидора. Иными словами, здесь встречаются конструкции: *ist+Prt.*, *uuas+Prt.*, *uuirdit+Prt.*, *uard+Prt.* Как уже отмечалось в начале данного раздела, фактически невозможно установить зависимость выбора той или иной формы от конкретной формы подлинника, так как сразу бросается в глаза чрезвычайная пестрота соотношения немецких конструкций и латинских форм.

Наиболее частым было употребление конструкций с *ist* (свыше 100 случаев).

В применении этой модели у Татиана можно установить те же закономерности, которые были характерны для других немецких

памятников, рассмотренных выше. Меняются лишь некоторые соотношения и оттенки: и здесь встречаются часто (около 20 случаев) данные сочетания в бесподлежащем предложении или при таком неопределенном подлежащем, как *thaz*, типа: *sô giscriban ist* (82, 5); *thaz giquetan ist* (31, 1); *arloubit nist* (68, 2). В единичных случаях встречается в этом типе контекстов обозначение орудия-деятеля: *Sô ist giscriban thuruh then uuïzzagon* (8, 3) 'Как написано пророком'. Обычным является употребление данного сочетания для обозначения какого-либо качественного состояния безотносительно к вызвавшему его процессу, например: *ist giheizan, ginemnit* 'называется'; ... *gisah zuuêne bruoder Simonem, thie giheizan ist Petrus* (19, 1) 'увидел двух братьев Симона, который назван (зывается) Петр...'; аналогично: *thie thâr ist giheizzan Zelotes* (22, 6) 'который называется З.'; *Inti quam tho in burg Samariae thiur dar ist giquetan Sychar* (87, 1) 'И пришел тогда в город самаританский, который называется Сихар'; ср. также 104, 6; 84, 4. По-видимому, с этим же значением употреблено это сочетание и в следующих примерах: *Bidhiu gibilidôt ist himilo rihi manne cuninge* (99, 1) 'Потому что подобно (уподоблено) царствие божие...'; *manege sint giladote, fohe sint gicorone* (109, 3) 'многие — приглашен(н)ы(е), немногие — избран(н)ы(е)'; *uuê iu thie thar gisatote birut* (23, 2) 'ропе вам, те, что пресыщен(н)ы(е)'. Ср. также: *sint mino turi bislozano* (40, 2) 'двери мои закрыты(е)'.

Наряду с этим то же сочетание в этом памятнике обозначает событие, создавшее признак инактивного субъекта. Этот процессуально-результативный характер обусловлен как обозначением деятеля — *Jacob gibar Ioseben gomman Mariun, fon thero giboran ist Heilant* (5, 4) 'Яков родил Иосифа, мужа Марии, от которой рожден спаситель'; *Inti rehtfestigot ist spahida fon iro kindun* (64, 14) 'И оправдана мудрость своими детьми', так и соотносительностью с определенным отрезком времени — *bithiu uuanta giboran ist iu hiutu Heilant* (6, 2) 'так как рожден вам сегодня спаситель'. Наконец, значение процессуальности может быть связано с самим контекстом, с семантикой отдельного глагола: *Sambaztag thuruh man gitan ist, nalles man thuruh then sambaztag* (68, 5) 'Суббота создана ради человека, а не человек ради субботы'; *sint thir furlazano sunta* (54, 6) 'тебе отпущены грехи'; ср. также: *Uueistu thaz the Farisei gihortemo uuorte sint bisuuichana?* (84, 7) 'Знаешь ли ты, что фарисеи, услышав то слово, соблазнились?'; ср. также 69, 9 и т. д.

Еще в большей степени процессуальная сторона в значении данного сочетания проявляется в тех случаях, когда глагол «быть» имеет форму конъюнктива: *biderbi ist imo daz ana si hangan quirstein in sinan hals inti si uorsenchit in tiufi seuues* (94, 4) 'чтобы был повешен мельничный жернов на его шею и

был бы потоплен в глубине моря'; ср. также 28, 2; 34, 1; 33, 2; 95, 2 и т. д.

Вместе с тем в данном памятнике совершенно отчетливо выделяется группа примеров, где то же сочетание связывается с содержанием не качественного состояния в настоящем и не результата действия, а с центростремительным действием; иными словами, у Татиана, несомненно, имеются случаи, где данное сочетание оказалось связанным и со значением «пассива действия» в настоящем времени типа нем. *das Haus wird gebaut*: *min tohter ubilo von themo tiuuale giuuegit ist* (85, 2) 'дочь моя тяжело мучима дьяволом' (лат. *vexatur*); *giuuelih boum thie thar ni tuot guotan uuahsmon, ist abafurhouuan inti in fuir gisentit* (41, 7) 'каждое дерево, которое не дает хороших плодов, срубается и бросается в огонь' (*exidetur, mittitur*); поскольку речь идет о повторном действии, совершенно очевидно, конструкция в данном случае приближается к нем. *wird abgehauen, а не ist abgehauen*; ср. также: *In themo mezze thie ir mezzet, ist iu gimezzan* (39, 4) 'Той мерой, что вы меряете, и вам меряется' (а не 'отмерено'); *bithiu uuanta blinte gisehent, halze gangent, riobe sint gisubirite, toube gihorent, tote arstantent, thurftige sint gipredigot* (64, 3) 'слепые прозревают, хромы ходят, прокаженные очищаются (а не 'очищены'), глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуются'; в последнем примере соседство активных форм настоящего времени особенно четко указывает на осмысление данной конструкции как формы, соответствующей по своей временной и процессуальной соотношенности страдательному залогу настоящего времени типа нем. *werden gereinigt*.

Таким образом, у Татиана функции конструкции *ist+Prt.* еще более разнообразны, чем у Исидора.

В этой связи приобретает особый интерес норма употребления сочетания с настоящим временем другого глагола, а именно с формой *uuiridit*. У Исидора и Муспилли эта конструкция в основном появлялась там, где изложение событий было в какой-то степени связано с проекцией в будущее: не случайно на данном сочетании построены многочисленные пророчества, приводимые у Исидора. Переводчик Татиана в свою очередь широко использует данное сочетание для выражения значений, связанных с проекцией в будущее. Так, только с этим значением осмысляется сочетание: *oba thaz gras thes accares, thaz hiutu ist inti morgane in ouan uuiridit gisentit* (38, 5) 'или трава луга, которая сегодня есть, а завтра будет отправлена в печь'; ср. также 54, 4; 56, 6; 57, 2; 44, 12; 6, 66 и т. д.

Наряду с этим имеются, хотя и значительно более редкие, случаи, где то же сочетание используется для обозначения событий, поражающих инактивный субъект, в соотношении с настоящим временем: *uuanan ist thesemo thisiu spahida inti solihiu megin, thiur thuruh sino henti uuerdent gifremet* (78, 2) 'откуда у него

эта мудрость и такая сила, которые руками его совершаются', 'осуществляются' (а не 'совершатся'). Аналогично употребление данного сочетания: *Giueusso fon themo uuahsmon thie boum uuiridit furstantan* (62, 9) 'По плоду дерево познается'; *gitaneru arbeits inti ahtnessi thuruh thaz uuort sliumo uuiridit bisuuihhan* (75, 2) 'когда наступают трудности и гонение из-за слова, сейчас же συμβлазняется' (*scandalizatur*). Следовательно, для передачи форм латинского пассива настоящего времени в тех случаях, когда он обозначал процесс развивающийся, центростремительный, использовались обе формы — *ist+Prt.*, *uuiridit+Prt.* — без дифференциации в данном конкретном случае, хотя смысловые структуры каждого из этих сочетаний во всем остальном были весьма далеки друг от друга.

Еще более сложной для языка данного памятника была проблема разграничения дифференциальных признаков конструкций с *uuas* и *uuard*.

Первая из них, не встречавшаяся у Исидора, выступала с самыми разнообразными оттенками как эквивалент разных латинских форм (перфекта, имперфекта, плюсквамперфекта). Небольшая группа примеров дает употребление этого сочетания в бесподлежащем предложении типа: *this ist ther fon themo gikundit uuas* (13, 3) 'это тот, о ком было сказано...' (*dictu est*). Примеры эти представляют полную параллель к аналогичным сочетаниям с *ist*, только встречаются они значительно реже. Весьма компактную и четкую по своему значению группу образуют случаи, где форма эта выступает со значением, близким к функции плюсквамперфекта в современном немецком языке: она служит здесь для обозначения известного состояния, предшествующего событиям, излагаемым в другом отрезке предложения: *Ir gihortunt thaz then altun giquetan uuas* (30, 1). 'Вы слышали, что было сказано древним'; *Mit thiur her gihorta thaz Iohannes giselit uuas, fuor in Galileam* (21, 11) 'Когда он услышал, что Иоанн был предан, отправился...'; *Thó quam her zi Nazareth, thar her uuas gizogan* (18, 1) 'Тогда он прибыл в Назарет, где он был воспитан', ср. еще 10, 1; 14, 3; 18, 2. Во всех этих случаях сочетание с *uuas* обозначает состояние в прошлом. При этом, однако, создание признака, выраженного конструкцией, предшествует другим событиям, излагаемым в том же предложении, благодаря чему основное значение, определяемое как выражение состояния инактивного субъекта в прошлом, получает еще дополнительный оттенок предшествования. Поэтому в приведенных примерах *uuas+Prt.* выступает почти с закономерностью относительного времени; однако вряд ли можно говорить в эту эпоху о создании подобной специализированной формы. Наоборот, в некоторых случаях с совершенно тем же значением предшествования выступает и конструкция с *ist*; структурная близость этого сочетания с конструкцией *ist+Prt.* про-

является во всей совокупности его дифференциальных признаков.

Основным для этой формы является выражение состояния в двух его возможных аспектах (данное и результативное), фиксируемого в прошлом; при этом, так же как в конструкции с *ist*, здесь сочетались разные возможности осмысления оттенков этого основного значения; в одних случаях на передний план выступало качественное состояние, рассматриваемое как данное: *Ih quidu iu thaz Salomon in allero sinero diuridu ni só uuas bithekkitt* (112, 4) 'Я говорю вам, что Соломон во всем своем великолепии не был так одет. . .' Подобно *ist giheizzan* и сочетание *uuas giheizzan* — ср. *Seno nu thô uuas man in Hierusalem thes namo uuas gihezzan Simeon* (7, 4) '... который назывался С.' — определяет постоянный признак человека, оставляя на заднем плане осознание процесса, вызвавшего этот признак; аналогичный пример имеется и в 1, 8.

В других случаях, наоборот, подчеркивается результативный характер состояния, выражаемого данным сочетанием, его соотнесенность с действием, создание самого состояния, привнесение признака извне: . . . *ufan then iro burg uuas gizimbrotiu* (78, 9) '... на которой их город был построен(ным)'. Так же как и в сочетаниях с *ist*, тот или иной оттенок значения зависел от реальных условий контекста, наличия или отсутствия наименования орудия действия, обстоятельства времени, семантики глагола и т. д. В ряде случаев речь шла о событиях, касавшемся инактивного субъекта, и тем самым еще больше выделялась процессуальная сторона в значении конструкций: . . . *Der the dar heil uuas gidan* (88, 4) '... тот, кому там излечение было сделано'; *Senu thô aroffonota uuaron imo himia* (14, 4) 'Тогда открылись ему небеса'; . . . *inti mit mihilu ungirehhu thaz cutti uuas biskrenkit in then seo* (53, 10) '... и с большим шумом стадо свиней было потоплено в море'; ср. также 78, 7; 185, 9 и т. д. Наконец, имеются единичные случаи, где это же сочетание выражает длительное действие, поражающее инактивный субъект, т. е. выражает дифференциальные признаки страдательного залога действия в прошедшем времени: *Thaz skef in mittemo seuue uuas givvorphozit mit then undon* (81, 1) 'Корабль на середине моря был бросаем волнами' (в подлиннике *iactabatur fluctibus*); *inti hér lérta in iro samanungu inti uuas gilobot fon allen* (17, 8) 'и он учил на их собраниях и был восхваляем всеми' (в подлиннике *magnificabitur*).

Разнообразные значения объединяются в языке перевода Та-тиана формами сочетаний с глаголом «быть» в настоящем и прошедшем времени. Своеобразный характер этих сочетаний, обусловленный отсутствием последовательной тенденции дифференцировать в оформлении сказуемого простую инактивность от аффицированности, ясно сказывается при сопоставлении

этих сочетаний с конструкциями, образованными при помощи форм настоящего и прошедшего времени глагола *uuerdan* + *Prt.*

О функциях сочетания этого глагола в настоящем времени говорилось выше. Обратимся же к анализу конструкции *uuard* + *Prt.* Подобно тому, как основным значением сочетаний с *uuiridit* было выражение проекции в будущее, связанное с осознанием создания признака, характеризующего инактивный субъект, так и в сочетании с *uuard*, несмотря на значительную их частотность (свыше 70 случаев), наблюдается в основном однозначность, хотя конструкция эта и переводит разные формы латинского пассива (имперфект, перфект). Основным является обозначение события, поразившего инактивный субъект и создавшего предпируемый признак: *inti uuard tho brungan sin houbit in diske inti uuard gigeбан themo magatine* (79, 9) 'и была тогда принесена его голова на подносе и была отдана девушке'; *gisah inan sin fater, inti miltida giruorit uuard* (97, 4) 'увидел его отец и был побужден милосердием'; *min sun toot uuas inti arqueketa, for-uuard inti funtan uuard* (97, 5) 'мой сын мертв был и воскрес, пропал и был найден'; *In themo sehsten manude gisentit uuard engil Gabriel fon gote in thie burg Galileę* (3, 1) 'На шестой месяц послан был ангел Гавриил богом в город Галилейский'; *Thô sie thar uuaron, vvurđun taga gifulte thaz siu bari* (3, 1) 'Когда они там были, исполнились дни, чтобы ей родить'.

По этой линии конструкции с *uuard* часто соприкасались с сочетанием *uuas* + *Prt.*, так что одна и та же латинская форма в сходном контексте переводилась то сочетанием с *uuas*, то сочетанием с *uuard*, ср. например: *Thaz uurdi gifullit thaz uuort, thaz her quad* (184, 5) 'Чтобы исполнилось слово, которое он сказал' (в подлиннике *ut impleretur*) и *thaz uuarin gifultiu thi u giscrip* (185, 9) (в подлиннике *implerentur*); наконец, *thaz uuari gifullit thar giquetan uuas* (5, 9) (в подлиннике *adimpleretur*). Точно так же почти аналогичное значение имеют *uuas gisentit/uuard gisentit*: . . . *gisentit uuard engil Gabriel fon gote* (3, 1) (*missus est*)—*inti zi iro nihheineru gisentit uuas Helias* (78, 7) (*missus est*). Единственным различием контекста является наличие указания на деятеля в первом примере, однако, как указывалось выше, подобное же уточнение действия встречалось и при конструкциях с *uuas*; ср. также: *Uuard tho giheilitt thie kneht in thero ziti* (47, 8) 'излечился слуга в тот же час' (*sanatus est*)—*Inti uuas tho giheilitt iro tohter fon ziti* 'И излечилась ее дочь в тот же час' (*sanata est*). Весьма показательно с этой точки зрения, что хотя глагол *tuon* обычно сочетался с *uuard* — *Inti uuort uuard fleisc gitan* (13, 7) 'И слово стало плотью', но в отрывке *in then gitanu uuaron managu sinu megin* (65, 1) 'где совершились. . .' причастие II этого глагола сочетается с *uuaron*.

Это сближение значений обеих конструкций объяснялось тем, что смысловая структура сочетания с *uuas* фактически вклю-

чала разные оттенки значения, в том числе и прямую аффицированность субъекта, наименование событий, поражающих этот субъект, и т. д., тогда как в сочетании с *uuard* обычно подчеркивалось вступление в это состояние, его соотносительность с определенным отрезком времени, зависимость этого состояния от каких-то внешних событий и т. д.; *uuard*+Prt. никогда не обозначало данности признака. Снятие различительных признаков, своеобразная синонимия проявлялись лишь там, где сочетание с *uuas*, фактически отступая от своего основного значения, использовалось как обозначение события, поражающего пассивный субъект.

Соотношение смысловых структур обеих конструкций выступает особенно ясно там, где формы употреблены рядом: *Inti uuard tho mittiu sie fuorun, thaz sie gisubrit uurdun. Ein fon then so her gisah thaz her gireinit uuas* (111, 2) 'И случилось в то время, как они ехали, что они очистились. Один из них, когда он увидел, что он очищен...' Подлинник дает две совершенно одинаковые формы: *mundati sunt, mundatus est*; таким образом, употребление разных сочетаний оказывается проявлением инициативы переводчика и свидетельствует о тенденциях немецкого языка, а не о влиянии латыни.

В других отрывках чередование обеих форм отражает в какой-то степени различие форм подлинника, хотя и здесь, несомненно, сказывается свобода выбора переводчика, поскольку отсутствовала какая бы то ни было обязательная норма передачи отдельных латинских конструкций: *Thaz uuard gitan, thaz uurdi arfullit thaz dar giquædan uuas* (116, 3) 'И случилось, что исполнилось то, что было предсказано' (в подлиннике *factum est, inpleretur, dictum est*). Здесь чередование немецких форм отражает в какой-то степени согласование времен (в подлиннике чередуется Imperf. con. и Perf.); *Tho gisehante sine ebanscalca thi dar uuarun, gitruobta uurdun trato inti quamun inti sagetun iro hêrren alliu thi u gitaniu uuarun* (99, 4) 'Видя это, товарищи его, которые там были, очень огорчились и пошли и сказали своему господину все содеянное'. Первая форма сообщает о состоянии, переживании, вызванном внешними событиями, вторая — о результате всех этих событий. В подлиннике *contristati sunt, facta fuerant*, т. е. как раз перфект передается здесь сочетанием с *uuard*, тогда как в других случаях эта же латинская форма переводится конструкцией с *uuas*.

Таким образом, каждый раз выбор той или иной немецкой конструкции отнюдь не определяется только формой подлинника; ср. еще: *tho bitan uuas himil thriu iar inti sehs manoda mit thi u gitan uuard mihhil hungar in alleru erdu* (78, 7) 'тогда закрыты были небеса три года и шесть месяцев, благодаря чему был вызван великий голод на всей земле'; первая форма передает длительное состояние, вторая сообщает о событии; в подлиннике

в обоих случаях употреблены формы перфекта: *clausum est, facta est*. Чередование обеих немецких конструкций обычно отражает большую статичность сочетания с *uuas* (пребывание в состоянии) и, наоборот, динамичность, процессуальность оборотов с *uuard*. Характерно, что обороты типа 'чтобы исполнилось', 'чтобы он был крещен' и т. п., где в подлиннике стояли формы имперфекта конъюнктива—*inpleretur, baptizaretur*, обычно получали оформление в виде сочетания с *wurdi*.

Суммируя сказанное об употреблении всех сочетаний причастия II с формами глаголов *uuesan* и *uuerdan* в языке перевода Татиана, можно отметить следующее. Выбор той или иной формы отнюдь не определяется конструкцией подлинника: так, например, латинский перфект передавался тремя формами — *ist*+Prt., *uuas*+Prt., *uuard*+Prt. С другой стороны, каждая из немецких конструкций передавала разные латинские формы: *ist*+Prt.=настоящему времени и перфекту латинского пассива; *uuiridit*+Prt.=настоящему времени и будущему; *uuas*+Prt.=перфекту, имперфекту, плюсквамперфекту; *uuard*+Prt.=перфекту и имперфекту. Поэтому объяснения выбора немецкой конструкции надо искать в закономерностях строя самого немецкого языка. Эти закономерности выражаются прежде всего в отсутствии полного последовательного разграничения норм употребления каждого сочетания. В отличие от языка перевода Исидора, обладавшего несколько более четкими грамматическими нормами, здесь наблюдается поразительная неопределенность смысловой структуры сочетания причастия с глаголом «быть»: начиная от категории качественного состояния и до выражения семантики страдательного залога действия все эти оттенки значения объединяются данным сочетанием. Употребление его в предложении с указанием орудия или деятеля подтверждает возможность его использования с подчеркнuto процессуальным значением. Можно со всей определенностью сказать, что эти конструкции выступают как с функцией формы «медиального сказуемого», так и в качестве оформления «сказуемого пассивного», выражающего аффицированность субъекта.

На фоне этой формальной нерасчлененности двух грамматических значений особенно резко проявляется гораздо большая ограниченность и определенность смысловой структуры сочетания причастия с формами глагола *uuerdan*. Здесь во всех случаях центральным является выражение зависимости признака, характеризующего пассивный субъект, от процесса; центральным является указание на возникновение, на создание этого признака и поэтому на обозначение тех условий, от которых данный признак зависит (начиная от указания на временной отрезок и до наименования деятеля); с этим, наконец, связывается и тот факт, что эта конструкция часто обозначает само действие, поражающее пассивный субъект и повергающее его в данное

состояние, она специализируется для обозначения центростремительности признака и аффицированности субъекта.

Специфика языковых норм Татиана заключается именно в том, что, при наличии специального оформления «пассивного сказуемого» в виде конструкций с глаголом *uuerdan*, конструкции с глаголом «быть» употребляются с разными противоположными значениями, сохраняя первоначальную нерасчлененность «медиального» и «пассивного» сказуемого.

Сплошной анализ языка неперевода стихотворного памятника «Христос» Отфрида позволил установить близость норм употребления рассматриваемых конструкций с нормами языка в переводе Татиана. Различия заключаются в несколько большей последовательности разграничения обоих типов сочетания, хотя и здесь сочетания причастия II с *ist*, *was* обнаруживают ту же неопределенность, широту и зыбкость смысловой структуры, что и в Татиане и в известной степени в языке скандинавских текстов.

Лишь в немецких памятниках X—XI вв. (Ноткер и его школа) все определеннее становится тенденция закрепить форму сочетания с глаголом «становиться» за выражением центростремительности процесса и аффицированности субъекта признака. Этот тип сочетаний образует постепенно ядро залоговой оппозиции. Все чаще становятся случаи, где сочетания причастие+формы настоящего времени глагола «становиться» теряют значение проекции в будущее, связанное с лексическим содержанием служебного глагола. Тем самым все явственнее обозначается лексическое «опустошение» служебного глагола и в связи с этим процесс переосмысления старого синтаксического сочетания, характерный для становления так называемых аналитических форм. Ср.⁵⁶ *Abacus ist ein descriptio. daz chit ein bilde an einemo bréte... târ mîsseliches pîldes caracteres ûf keléget uuêrdent* (S. 27, 9); *mît tien caracteribus uuêrdent spûotigo eruâren âllero numerorum diuisiones*. Этот отрывок из «Утешения философии» Боэция содержит ряд описаний и определений: «Абакус означает изображение на доске. Там наносятся... узнаются» и т. д.; никакой проекции в будущее здесь не имеется, сочетание становится фактически «идиоматическим» и неразложимым; ср. также: *Sô ist iz âber descriptio. sô úns échert kemâlêt uuîrt* (S. 223, 24) «...изображается»; *Tâz ist. lîng ze sâgenne, chît boetius. uuîo man sia mâchôn sùle. Sî uuîrdet io dôh sô geuuôrht. tâz circulus. ûnde quadratum. péidiu in ein ânderên stânt* (P. I,

⁵⁶ Примеры из произведений Ноткера и его школы приводятся по двум изданиям: «Die Schriften Notkers und seiner Schule», Bd I—III, hrsg. von P. Piper. Freiburg i. B. u. Tübingen, 1882—1883 (сокращенно — P.); «Notkers des Deutschen Werke», Hf. I—IV, hrsg. von E. H. Sehrт und Taylor Starck. Halle, 1933—1934 (сокращенно — S.).

435, 1) «она (фигура) так делается, что круг и квадрат оба друг в друге стоят»; ср. также P. I, 429, 22 и т. д.

Во всех приведенных конструкциях сочетание причастие+формы настоящего времени глагола «становиться» фактически передает значение вневременного процесса, вернее, процесса, не соотнесенного ни с каким определенным отрезком времени. Употребление это обычно в рассматриваемых текстах. С этими случаями функционально сближается использование данных сочетаний для обозначения привычного или повторяющегося факта: *Negotiale ist tér strît. tér úmbe daz keuuónehéite geskîhet. âlso chôuflûte strîtent. tâz tér chôuf sùle uuêsen stâte dér ze iâr-mêrcate getân uuîrdet...* (S. 78, 1) «... чтобы придерживались тех торговых сделок, которые производятся на ярмарке». В некоторых случаях повторность действия подчеркивается даже наречием *ofto*, ср. S. 221, 17. В других случаях сочетание это имеет значение настоящего времени в собственном смысле слова, ср. P. III, 162, 12. Вместе с тем данное сочетание нередко продолжает обозначать и развивающийся процесс или состояние, достигаемое лишь в будущем. Соотнесенность с будущим может подчеркиваться и специальным наречием: *So er chumet. so besprenget er mih mit isopo... unde danne uuirdo ih gereinet* (P. III, 172, 28) «... и тогда я очишусь (стану очищенным)». Ср. также P. III, 43, 18. В других случаях специальное указание на будущее в виде определенного наречия отсутствует, но проекция в будущее, становление состояния явствует из контекста: ср. P. III, 381, 19; P., 179, 26; P. III, 45, 5 и т. д. Фактически в этих памятниках употребление данного сочетания во временном отношении аналогично употреблению форм настоящего времени действительного залога, поскольку последние могли также иметь значение будущего. В связи с описанными выше закономерностями значительно определеннее и яснее, чем в более ранних памятниках, осуществляется здесь отграничение рассмотренных конструкций от сочетаний причастие+форма настоящего времени глагола «быть».

По существу новым является отнюдь не содержание этого отграничения, а большая его последовательность, выражающаяся в том, что круг функций второго сочетания, столь многозначного в ранних памятниках, здесь сужен. Сочетание с *ist* обозначает обычно известное качество или состояние субъекта, наличное в настоящем времени. Соотнесенность с прошлым процессом, вызвавшим это состояние, выступает с большей или меньшей степенью определенности, в зависимости от контекста. Условно можно сказать, что именно в эту эпоху выкристаллизовалось то значение этой конструкции, которое сближает ее с перфектом и которое до известной степени сохраняется за этим сочетанием и до настоящего времени: *Silogismus netrûget. úbe er legitime getân ist* (S. 144, 6) «Силлогизм не обманывает, если он пра-

вильно сделан'; *din zeseuua ist irfullet mit rehte* (P. III, 161, 16) 'твоя десница исполнена справедливости'; *Mit disen drin uogelen sint pezeichenet drie libe dero heiligon* (P. III, 177, 26) 'Этими тремя птицами обозначены...' Ср. также P. III, 164, 1; S. 224, 2; S. 79, 27; S. 75, 10; S. 47, 5. Никогда это сочетание по своему значению не соприкасается с конструкцией, состоящей из форм настоящего времени глагола «становиться»+причастие. Особенно ясно именно в этом памятнике выступает статичность сочетания с формами настоящего времени глагола «быть» даже в тех случаях, когда сильна связь с предыдущим действием. Обычно, если рукопись дает параллельные формы подлинника, это сочетание передает перфект. Отступления единичны.

Для памятников, связанных с деятельностью Ноткера и его школы, характерно и известное отличие в структуре обоих сочетаний: в сочетаниях с формами глагола «становиться» причастие практически всегда выступает в нефлектированной форме; иное наблюдается с формами глагола «быть»: здесь встречаются флектированные причастия, ср. *Únde íst tér námo uúndenêr* (P. I, 433, 3) 'И имя есть найденное'. Чаще это наблюдается в тех случаях, когда служебный глагол находится не в непосредственной близости, когда он как бы опущен: *nû íst er uuízelôs. nû íst er âno — uuórten des mûotes túgede. Únde úmbe den hâls kechéten-notêr. táz chít mît undrôste behâftêr* (S. 16, 26) '... закованный вокруг шеи и безутешностью отягощенный' и т. д.; ср. еще S. 42, 13.

Подобное употребление причастия приближает его к функциям предикативного атрибута, довольно часто появляющегося в этих памятниках во флектированной форме. Сказывалось ли и здесь, как, например, в первых подстрочных памятниках, влияние структуры сочетаний подлинника, поскольку обычно именно это сочетание было соотносено с латинскими причастными конструкциями, или же здесь проявлялось различие в развитии обоих типов сочетаний, из которых первое обнаруживало тенденцию к превращению в аналитическую форму, тогда как второе сохраняло характер синтаксической единицы, решить окончательно трудно. Однако, как нам представляется, второе предположение более правдоподобно. В связи с поставленным здесь вопросом обращает на себя внимание относительная редкость сочетания причастия с формами прошедшего времени глагола «быть». Слу-чай, подобные, например, *tés si bemâlôt uuâs fône boetio* (S. 131, 9) 'как она была описана (изображена) Боэцием', очень редки, так как обычно для выражения аналогичных значений употреблялись сочетания с формами прошедшего времени глагола «становиться», ср.: *Vuanda er salic geheizzen uuart unze er lebet* (P. III, 166, 3) 'Потому, что он назывался блаженным, пока он жил'. Ни о какой конкуренции обоих типов сочетаний (с *uuas* и с *uuard*) говорить не приходится. Сочетание с *uuard* явно господствует.

Интересно, что и при передаче пассивного инфинитива доминирует конструкция с *uuerdan*.

Все это как бы указывает на явное преобладание данных сочетаний в процессе выработки системы форм страдательного залога немецкого языка в конце X—начале XI в. Вместе с тем здесь намечаются и качественные сдвиги в самом сочетании, связанные с процессом превращения старой синтаксической единицы в аналитическую форму.

Обобщая результаты, полученные в процессе анализа материала древненемецких памятников VIII—IX вв., можно отметить большую пестроту и часто значительную неустойчивость норм употребления указанных сочетаний. Даже перевод Исидора, отличающийся особенной строгостью в тенденции ограничить, например, употребление сочетания *uuiridit*+Prt. будущим временем, дает весьма расплывчатую и многозначную картину употребления конструкции с *ist*.

С этой точки зрения нам представляются неверными все имевшиеся попытки снабдить каждую конструкцию обычным, употребительным грамматическим ярлыком: пассив настоящего времени, пассив претерита, пассив перфекта.

Хотя эти три категории нашли свое отражение в системе причастных конструкций, сами временные отношения оказались осложненными целым комплексом грамматических значений: обозначение 1) качества, свойства, состояния и 2) процесса, создающего состояние, оказались теми крайними точками, между которыми расположились многочисленные различительные признаки этих сочетаний; обозначение состояния и процесса оказалось связанным с восприятием признака как данности, с одной стороны, и результата действия — с другой. Весь этот сложный комплекс выступал как варианты многозначного инактивного сказуемого. Основным же здесь является выработка в недрах медиального сказуемого, сказуемого качества, состояния, свойства, нового грамматического значения, ставшего потом содержанием новой глагольной категории страдательного залога.

Именно это и должно стать основой сравнительного анализа смысловой структуры сочетаний с глаголами «быть» и «становиться».

Первое из них во всех памятниках оказалось прочно связанным с категорией данности. Если говорить о залоговом значении этого сочетания, то перед нами типичное «медиальное сказуемое», характеризующее инактивный субъект и подчеркивающее независимость признака от этого субъекта. Элемент процессуальности, соотносительности с процессом, специфически окрашивающей это сочетание в отличие от обычного именного сказуемого, был связан с семантикой самого причастия как отглагольного прилагательного. Исконный медиальный характер этих сочетаний с причастием подтверждается, как нам представляется, тем

обстоятельством, что, с одной стороны, Исидор избегает употреблять при этой конструкции наименование деятеля, а с другой, произведение народного стиля, как, например, Муспилли, вообще не терпят употребления наименования деятеля. В этой связи характерным является и оформление деятеля в тех переводных памятниках, где он появляется, а особенно его зависимость от подлинника. Исидор, подобно Татиану, чаще всего употребляет для этой цели конструкцию с предложом *fon*, которая соответствует латинским предложным сочетаниям с *a*: ср. III, 11; II, 10; I, 14; M. F. XXXV, 5 и т. д. Сама предложная конструкция в древнемецком, так же как, впрочем, и в современном языке, сохраняет непосредственную связь с тем же сочетанием обстоятельного значения: *nibu fona zuuem chiboran uuerde* (III, 4) надлежит, по-видимому, переводить не 'рожден двумя', а 'рожден от двух', ср. лат. *ex duobus nascatur*. Встречающаяся же в Исидоре конструкция с *dhurah* или *mit* имеет скорее орудийное значение, иногда даже в тех случаях, когда *dhurah* стоит при объекте; ср. XXXIX, 13; но в XXVIII, 4 это сочетание (единственный раз) переводит лат. *a*: *so er bifora uuardh chichundit dhurah dhen forasagun* = *a propheta*. Наряду с этим Исидор употребляет и форму простого дательного падежа для обозначения орудия-деятеля, но только там, где в подлиннике тоже стоит простая падежная форма: *Druhtines uuordu sindun himila chifestinode* (XV, 1); *uuordu* = *uuerbo*. Еще в большей степени зависимость формы деятеля-орудия от материала подлинника проявляется у Татиана. В этом памятнике указание на деятеля или орудие встречается довольно часто, хотя и составляет лишь незначительный процент употребления конструкций с *uuesan* и *uuerdan*. Так, например, из свыше ста случаев употребления сочетания с *ist* лишь около 10 случаев имеют наименования деятеля-орудия; свыше 70 случаев употребления сочетания с *uuard* — 10 случаев и т. д.

При этом особенно характерным является оформление этой категории. И здесь, как и у Исидора, для оформления деятеля в собственном смысле слова типична предложная конструкция с *fon*; единичны случаи употребления с этим значением предложной конструкции с *thuruh*. Но характер употребления указанных форм проявляется особенно ярко в том факте, что здесь во всех случаях имеется полная зависимость от подлинника; каждая предложная конструкция представляет собой лишь кальку подлинника, а именно *fon* появляется там, где подлинник дает предлог *a* или *ab*: *giselit sint fon minemo fater* = *a patre meo*; *fon themo tiuuale giuuêgit ist* = *a demonio vexatur*; *thaz sie sin gisehan fon mannum* = *ut videantur ab hominibus*; *thaz her wurdî gitoufit fon imo* = *ut baptizaretur ab eo*; *gisentit uuard engil Gabriel fon gote* = *missus est angelus Gabriel a deo*. Предложная конструкция с *thuruh* последовательно передает латинское сочетание с пред-

логом *per*: *uueralt uuard thuruh inan gitân* = *et mundus per ipsum factus est*; *thaz giquetan uuas thuruh then uuizzagon* = *quod dictum erat per prophetam*; *that giquetan uuas fon truhtine thuruh then uuizzagon* = *quod dictum est a domino per prophetam*; наконец, предложная конструкция с *mit* передает беспредложную конструкцию латыни: *thaz skef in mittemo seuue uuas givvor-phozit mit then undon* = *iactabatur fluctibus*.

Таким образом, переводчик не сам определял, в зависимости от содержания контекста, ту или иную грамматическую форму наименования орудия-деятеля, а давал принятую кальку падежной латинской формы или латинской предложной конструкции. Если сравнить эту полную зависимость в отношении данной грамматической категории от подлинника с той свободой выбора форм инактивного и пассивного сказуемого, которая наблюдалась в том же памятнике и в которой сказалась независимость грамматической нормы языка перевода от языка подлинника, то напрашивается следующее предположение: тогда как в отношении форм инактивного сказуемого немецкий язык создавал уже свои нормы, тенденции развития которых и нашли свое выражение в переводе, грамматическая категория деятеля при пассивном сказуемом еще не получила окончательного оформления. Показательно, что только у Ноткера в этой функции закрепляется предлог *fon*. Вместе с тем, по-видимому, не случайно в языке древнесаксонских памятников, максимально близком древневерхнемецкому языку, почти не встречается указание на деятеля при сочетаниях причастия II со служебными глаголами «быть» и «становиться».

Таким образом, если в первых немецких памятниках, в отличие от древнеисландских, употребление рассматриваемых сочетаний с обозначением деятеля встречается более часто, то это объясняется несомненным влиянием подлинника.

Вместе с тем в немецких памятниках обозначаются тенденции к формальной дифференциации «медиального» и «пассивного» сказуемого, нецентробежности и центростремительности. Наряду с нерасчлененностью этих категорий в системе сочетаний причастия II с формами глагола «быть» новое значение получает и специализированную форму: сочетание с *uuerdhan* осмысливается постепенно как форма, выделяющая вторую сторону в смысловой структуре причастия — элемент процессуальности, зависимости от внешних факторов, элемент производности признака, характеризующего инактивный субъект. Поэтому данное сочетание закрепляется преимущественно за сказуемым, выражающим аффицированность субъекта и центростремительность процесса. У Ноткера вытеснение сочетаний с глаголом «быть» из этой сферы становится явственным.

Ошибочно было бы представлять этот процесс как простое поступательное движение от нерасчлененного «медиального

сказуемого» к дифференциации на «сказуемое состояния» (формы с глаголом «быть») и «пассивное сказуемое» (формы с глаголом «становиться»). В действительности процесс был значительно более сложным.

Нечеткость границ употребления обоих сочетаний, спорность толкования конкретных случаев употребления, спорность, сохраняющая свою силу и в отношении современного немецкого языка, не случайны. Они отражают действительно текучий характер тех границ, которые отграничивают категорию инактивности носителя признака от его аффицированности. В рассматриваемый же нами период можно говорить лишь о намечающихся тенденциях, об определенной линии развития, прослеживаемой через все колебания индивидуального характера. Не случайным представляется то обстоятельство, что в древних глоссах единственной сложной конструкцией было сочетание с *ist*, независимо от временной категории подлинника. Сочетание это как бы являлось формой «медиального сказуемого»; независимо от временной дифференциации оно выражало признак, существующий вне определенной временной соотнесенности как нечто свойственное субъекту, обнаруживая какие-то черты близости к атрибутивному признаку. Выработка системы времен в отношении этих сочетаний была тесно связана с аналогичными процессами образования так называемых сложных активных форм. И тот и другой процесс только начинался в эпоху создания рассматриваемых памятников. Переводчик Исихора использует для оформления категории состояния и пассивности субъекта, фиксируемых в прошлом, сочетание с *uuardh*, так же как *uuardh* является и элементом описательных форм прошедшего времени непереходных глаголов: *uuardh quoman*, *uuardh uuordhan*. Вопрос о том, почему у Исихора отсутствует сочетание с *uas* (один лишь раз с *uagi*) и почему переводчик остановил свой выбор для оформления конструкций прошедшего времени на глаголе *uuerdan*, не является ясным. Однако, быть может, не случайно мы вновь встречаемся с ограниченным употреблением конструкций с *uas* у Ноткера.

Несомненно, что как материалы Исихора и Татиана, так и факты, засвидетельствованные языковыми нормами Отфрида и Муспилли, указывают на отсутствие выработанной системы страдательного залога. Многозначность каждого сочетания с причастием, возможность выразить одно и то же грамматическое значение разными формами сочетаний оставляют общее впечатление неустойчивости, недоработанности всей системы.

С этой точки зрения знаменательно, что хотя так называемые активные описательные формы развиваются параллельно с рассмотренными нами сочетаниями, а некоторые из них (формы от непереходных непереходных глаголов) появляются даже позднее, их смысловая структура, нормы их употребления имеют

гораздо более четкий и определенный характер, вследствие чего они весьма быстро осознаются как элементы единой системы, как формы глагола, выражающие грамматические глагольные категории данной части речи. Об этом говорят и формальные моменты: почти полное отсутствие согласования причастия от непереходных глаголов (ср., впрочем, у Ноткера *ist chomanêr*) и быстрое исчезновение согласования причастия переходных глаголов в активных причастных конструкциях.

4

В отношении рассматриваемых нами сочетаний древнеанглийские памятники занимают особое место среди других западногерманских материалов.

Прежде всего единственный крупный эпический памятник на западногерманском языке, Беовульф, позволяет с большей или меньшей достоверностью говорить о закономерностях этих сочетаний в языке «народного стиля», т. е. языке, не испытавшем специального влияния латыни. Отдельные части хроники в свою очередь, по-видимому, свободны от влияния латинских конструкций. Вместе с тем и переводные древнеанглийские памятники представляют собой гораздо большее разнообразие, чем однотипные произведения на других западногерманских языках.

Проблема образования древнеанглийского пассива, особенно же вопрос о различии форм с *wesan* (*béon*) и *weorðan*, служили темой многочисленных исследований. Работы эти могут быть разбиты на три категории.

Исследования, стремившиеся раскрыть специфику системы английских форм с *wesan* (*béon*) и *weorðan* на основании сопоставления их с соответствующими формами латинского языка: на языковую ткань древнеанглийского накладывалась схема латинской грамматики⁵⁷, чему не в малой степени способствовало использование известной грамматики Эльфрика, дававшей в процессе интерпретации латинских форм постоянное сравнение латинских и древнеанглийских конструкций. Исследования этого типа не способны были раскрыть должным образом специфику и закономерности древнеанглийских конструкций, так как они стремились втиснуть пестрые и неустойчивые нормы этого периода в прокрустово ложе латинской грамматики. Насколько спорными были все рассуждения и соображения, видно хотя бы из того, что в подобных исследованиях совершенно не принимались во внимание факты непереходных памятников типа Беовульфа.

⁵⁷ J. E. Wülfing. Указ. соч.; Schürmann. Darstellung der Syntax in Cynewulfs Elene. Paderborn, 1884; A. Dewitz. Untersuchungen über Alfreds des Grossen Übersetzung der Cura Pastoralis. Bunzlau, 1889.

Вторая группа работ стремилась дать объяснение употреблению различных служебных глаголов в причастных конструкциях исходя из видовой специфики глаголов, от которых были образованы причастия. Работы эти, близкие по своему направлению к аналогичному исследованию по древненемецкому языку А. Эберга, продолжали фактически линию известной монографии В. Штрайтберга.

Наконец, третья группа работ, как уже отмечалось выше, переклонила центр внимания с грамматической проблематики на вопросы стилистического порядка.

Ни одна из этих работ не дала удовлетворительного объяснения ряду фактов, характеризующих историю древнеанглийской системы причастных конструкций с глаголами *wesan* и *weorðan*: так, например, с точки зрения всех трех направлений, непонятным являлось абсолютное господство сочетаний с *wesan* в Беовульфе; здесь бессильны были как гипотеза о латинском влиянии, так и теория обусловленности выбора связки видовой спецификой глагола. Весьма сомнительными оказались и попытки объяснить эту норму чисто стилистическими особенностями памятника, тем более что близкие закономерности имелись и в древнейших частях древнеанглийской Хроники. С другой стороны, за пределами древнеанглийских материалов язык не только Эдды, но и древнеисландских саг обнаруживал аналогичное господство форм с *vesa*, что указывало на общие структурные тенденции, необъяснимые с точки зрения одних только стилистических особенностей.

Более вероятным представляется другое: ряд особенностей языка этих памятников, в том числе и те, которые связаны с интересующими нас категориями, обусловлены тем обстоятельством, что язык эпической поэзии сохраняет часто черты языковых закономерностей более древних эпох, чем хронологически одновременные с ними прозаические переводные и подражательные памятники; частично это обусловлено, конечно, целями определенного стилистического задания, однако явления эти отнюдь не теряют при таком стилистическом использовании своего значения реликтов ранних языковых норм.

Характерным для древнеанглийских текстов является наличие в сочетании с причастием не двух, а трех связочных глаголов⁵⁸. Это обстоятельство создавало еще большую пестроту причастных конструкций, чем в других германских языках, свидетельствуя вместе с тем об отсутствии оформленной морфологической системы страдательного залога. Перед нами разные синтаксические сочетания, призванные предиктировать варианты основного значения, которое было свойственно причастию II.

Таким образом, в английском в формах настоящего времени приходится говорить не только о конкуренции *wesan* и *weorðan*, но и о конкуренции *wesan* и *béon*.

По характеру употребления причастных конструкций все памятники древнеанглийского периода могут быть разбиты на две группы.

Первая, к которой должны быть отнесены Беовульф, наиболее архаичные части Хроники, Беда, законы короля Альфреда, характеризуется огромным преобладанием сочетаний с *wesan* и редкостью оборотов с *weorðan*. Связка *wesan* является типичной в конструкции с причастием, тогда как *weorðan* занимает положение возможного, но не употребительного сочетания. В Беовульфе на 3 тыс. стихов сочетание с *weaḡð* встречается лишь 13 раз, тогда как сочетание с *wæs* — свыше 70. Преобладание тех же сочетаний в языке Беды — факт широко известный: на сотни случаев сочетаний с *is* и *wæs* приходится лишь шесть случаев сочетаний с *weaḡð*. В ранних разделах англосаксонской Хроники сочетания с *is*, *wæs* абсолютно господствуют.

Вторая группа памятников, по преимуществу переводных — Орозий, Боэций Альфреда, произведения Эльфрика, переводы евангелий, обнаруживает значительную частотность обеих конструкций, так что речь должна идти уже о двух параллельных сочетаниях, одинаково употребительных и обладающих в этом отношении почти одинаковой стандартностью. Именно в этих памятниках наблюдаются тенденции, близкие к тем отношениям, которые были установлены при анализе материала древненемецких памятников.

В первой группе, к которой оказались отнесенными как оригинальные, так и переводные памятники, смысловая структура возможных там сочетаний определяется следующим образом.

Is+Prt. остается и здесь формой выражения наличия некоторого признака как характерного свойства субъекта. Хроника: *And on hiera dagum Hengst and Horsa from Wyrð georne geleafade Bretta kyninge gesohton Bretene on þam stafe, þe is genemned Ypwines fleot* (449) 'В том месте, которое названо (называется)...'; ср.: *on þone wudu þe is genemned Andredes leage* (477) 'в том лесу, который называется...'; *in þære stowe þe is gecweden Aegles þrep* (455).

Это же сочетание употребляется поэтоу для обозначения состояния, данного к моменту повествования, или вообще постоянного и не соотношенного ни с каким отрезком времени; в этом отношении показателен пример из Беды: *Breton is garsecgas ealond... is geseted betwyn norðdæla and westdæla* (L. I, C, I, 5) 'Британия — остров, который расположен...', где речь идет о географическом местоположении Британии и, следовательно, о каком-то постоянном, свойственном ей признаке;

⁵⁸ K. Jost. *Béon und wesān, eine syntaktische Untersuchung*. «Angl. Forsch.», Bd 26; E. X. ter. *Béon und wesān in Alfreds Übersetzung des Boetius, der Metra und der Soliloquien*. Kiel, 1902.

ср.: Беовульф *nis fæt seldguma wæpnum geweorðad* (249) 'не украшен этот презренный человек оружием', где дается качество, свойство субъекта, наличное к моменту повествования. Иными словами, здесь имеются те же значения, которые характерны были для этого сочетания и в других германских языках.

С другой стороны, наличие форм от *béon* создавало возможность выразить то значение, которое было особенно несвойственно конструкции с *is*, — повторность процесса, создающего признак инактивного субъекта (значение, характерное для немецких форм с *wirðit*). Так, например, в Беовульфе эта специфика конструкций с *béon* выступает в двух примерах (из засвидетельствованных четырех): *Symble bið gemundgad morna gehwylce æaforan ellorsīð* (2450) 'Постоянно, каждое утро, он вспоминает (он напоминаем) о смерти сына' и *fēorcsūþðe beoð sēlran gesōhte fæm fe him selfa deah* (1838) 'чужие страны лучше посещаются теми, кто сам чего-либо стоит'; в последнем примере нет повторности в том смысле, как это было в первом стихе, но тот характер общей сентенции, который она имеет, указывает на обычность, т. е. своеобразную повторность процесса. Два других примера из Беовульфа имеют своеобразный оттенок проекции в будущее, который сближает значение этого сочетания с конструкцией причастие+глагол «становиться». Четко это выступает в эпизоде о Фроваре и Фродо: *þonne bioð (āb) goscene on bā hēalfe āðswēorð eorla* (2064) 'тогда нарушатся... клятвы ярлов'; ср. также 1745.

Сочетание с *béon* в памятниках первой группы встречается не очень часто. Однако семантика его совершенно отлична от значения сочетания с *is* и чрезвычайно сближается с конструкцией *wierð+Prt.*

Последняя точно так же имела по преимуществу значение будущего времени или повторного действия в настоящем, легко переходящего к фиксации обычного, постоянного свойства; ср., например, из законов короля Альфреда: *Gif ðeo f bresc mannes hūs nihtes and he weorðe fæc ofslagen...* (25) 'Если вор залезает в дом какого-либо человека ночью и он будет убит...' или из Беовульфа: *sīððan æfenlēoht under hēofenes hæðor beholen wēorfeð* (413) 'как только вечернее солнце прячется (бывает спрятанным) в тайнике неба'. Тем самым она сближалась в известной мере с употреблением настоящего времени глагола *béon*, поскольку сочетание причастие+формы этого глагола выражало не состояние, в котором находился инактивный субъект, а процесс, вызывающий создание признака, становление признака инактивного субъекта, с чем в конечном счете связана и проекция в будущее время.

В первой группе памятников развитие этих оттенков значения и их закрепление за определенными сочетаниями лишь на-

мечается, поскольку сами эти сочетания малопродуктивны. На это указывает и соотношение между конструкциями с *wæs* и *weorð* в тех же памятниках. В Беовульфе, благодаря чрезвычайной ограниченности употребления *weorð* с причастием (13 раз), конструкция с *wæs* выступает с разнообразными значениями. Так же как и в памятниках на других германских языках, сочетание это весьма часто обозначает признак инактивного субъекта, характеризующий его в прошлом: *on ðæm wæs or writen fyrngewinnes* (1688) 'на нем было написано о древней битве'; или постоянный признак субъекта, однако в аспекте прошедшего времени: *Wiglāf wæs hāten Weoxstānes sunu* (2602) 'Виглафом назывался сын Веокстана'; *wæs sē grimma gæst Grendel hāten* (102) 'Этот страшный гость назывался Гренделем'; или качество, свойство, характеризующие инактивный субъект: *wæs sē irenfræt wæpnum gewurðad* (331) 'этот отряд был украшен оружием'; *wæs his mōdsefa manegum gescūðed* (349) 'его храбрость была многим известна' и т. д.

Не менее часто эта же форма обозначала событие, обусловившее возникновение лишь на определенном отрезке времени состояния инактивного носителя признака. Указание на определенный отрезок времени подчеркивало возникновение признака, а тем самым на первый план выдвигался процессуальный элемент, имеющийся в смысловой структуре причастия: *Ðā wæs hord rāsoð, onboren beaga hord, bēne getiðad feascēaftum men* (2283) 'Тогда был клад открыт, уменьшен был клад...'; *Ðā wæs on sande sǣgear naca hladen herewædum* (1896) 'Тогда был на песке просторный корабль нагружен бронями'; *Ða wæs Gyldenhitl gamelum rince, hārum hildfruman on hand gyfen* (1677) 'Тогда Г. была старому воину, седому боевому вождю, в руки отдана'; *Pā wæs Hrōðgāre hors gebæted* (1399) 'Тогда Х. была взнуздана лошадь'. Во всех этих примерах (их число может быть значительно увеличено) причастная конструкция сопровождается уточняющими наречиями времени: *þā*, *sīððan* и т. д. Именно наречие вносило процессуальность в значение конструкции, подчеркивало возникновение признака, противостоящее осознанию данности признака первой группы примеров.

Однако те же оттенки могли быть выражены и без наречия времени, содержанием контекста, лексическим значением самого глагола: *Hrafe wæs tō bure Beowulf fetod* (1310) 'Быстро был Беовульф приведен в помещение' и т. д. Процессуальный характер сочетания определялся не столько видовой спецификой глагола, сколько самим контекстом.

Таким образом, в Беовульфе сочетание с *wæs+причастие* выражало различные оттенки значения «медialного сказуемого», причем решающим в определении того или иного оттенка был контекст, обусловленный как характером сопровождающего наречия, так и лексическим значением глагола.

Типичное для языка Беовульфа отсутствие специализированной формы агенса (конструкция с *fram* или *of* не встречается в этом памятнике совершенно), единичные случаи обозначения деятеля формой орудийного падежа, и то не при сочетании с *wæs*⁵⁹, подчеркивают формальную недифференцированность «медиального сказуемого» и сказуемого, выражающего аффицированность субъекта в собственном слове, связанного с центростремительностью процесса, что впоследствии и создает основу системы страдательного залога.

С этой недифференцированностью связана и неупотребительность сочетания с *wearð*. В Беовульфе сочетание с *wearð* никогда не обозначает состояния инактивного субъекта, взятое как нечто данное, а всегда событие, процесс, поразивший этот субъект и создавший характеризующее его состояние: *syððan ærest wēarð feascēaft funden* (6) 'как только он был найден беспомощным'; ср. также: *Biowulfe wēarð dryhtmāðma dæl deaðe forgolden* (2842) 'Беовульфова часть драгоценностей была оплачена смертью'; весьма четко процессуальный характер этого сочетания выступает в контексте: *hē geblōdegod wēarð sawuldriore* (2692) 'он покрывся (а не был покрыт) кровью (сердца)'; речь идет о цепи событий, связанных с битвой с драконом, одним из звеньев этих событий являлся и сообщаемый факт.

Таким образом, эта конструкция из всех оттенков «медиального сказуемого» выделяла лишь один; однако малая употребительность данного образования в рассматриваемом памятнике сочеталась с той особенностью, что конструкция с *wæs*, помимо обозначения свойства, качества, состояния инактивного субъекта, широко применялась здесь и для наименования события, процесса, поразивших инактивный субъект и создавших предикцируемый признак. По этой семантической линии обе конструкции совпадали. Но при этом смысловая структура *wearð*+причастие была узко ограниченной, а *wæs*+причастие давало всю гамму значений, свойственных «медиальному сказуемому». В одном случае имелся четкий различительный признак, непосредственно связанный со смысловой структурой будущего страдательного залога, в другом — типичная для «медиального сказуемого» многозначность.

Нечеткость границ употребления сочетаний с *wæs* и *wearð*, наряду с большой распространенностью именно первых, характеризует и язык древнеанглийских хроник.

Дж. Эрл (J. Earle) в предисловии к своему изданию Хроники указывает, что разные ее части были написаны, по-видимому, в разные эпохи, часть ее была составлена еще до Альфреда Великого; при этом только записи, относящиеся к первым векам,

⁵⁹ Ср., например: *fēorcūþre beoð sēlan gesōhte þām þe him selfa deah* (1838) 'чужие страны лучше посещаются теми, кто сам чего-либо стоит'.

рассматриваются обычно как перевод Беды; изложение событий с 449—635 гг. написано, по-видимому, на основании рунических надписей и устной традиции; записи же с 635—682 гг. определяются как первые документальные анналы на древнеанглийском, и, следовательно, язык их может быть рассмотрен как подлинный образец языка доальфредовского периода; то же относится и к описанию событий, связанных с историей Кюневульфа.

Принимая во внимание эти замечания крупнейшего знатока древнеанглийской Хроники, приходится сделать вывод, что исключительная непродуктивность сочетаний с *wearð* во всей Хронике доальфредовской эпохи не может быть отнесена за счет влияния латыни, но должна быть объяснена как специфическая особенность языка этого периода.

В первых записях сочетание с *wæs* обычно называет событие, факт, поразивший инактивный субъект: *And þa cild on Bethlem of slægene wæron* (2) 'И тогда дети в Вифлееме убиты были'; *Her wæs Crist gefulluhtud and Petrus and Andreas gehwierfede* (30) 'Здесь (тогда) Христос был крещен, а Петр и Андрей обращены'; *Her wæs Crist ahangen* (33) 'Здесь (в том году) был Христос распят (повешен)'; *Her wæs Paulus gehwierfed and sēs Stephanus of torfod* (34) 'Здесь был Павел обращен и св. Стефан побит камнями' и т. д. В сказании о Хенгсте и Хорсе, являющемся, по-видимому, записью какой-то народной саги, под 465 г. имеется первый случай сочетания с *wearð*: *þær XII Wilisce aldor menn ofslogon and hiera þegn an þær wearð ofslægen, þam wæs noma Wipped* 'и они убили 12 валийских альдерменов, и один из их витязей был здесь убит'.

Следующие после этого анналы дают: *wæs gehadod to biscepe* (625) 'был посвящен в епископы'; *Her Cenwalh adrifen wæs from Pendan cyninge* (645) '...был изгнан королем П.' (с наименованием деятеля) и т. д. В рассказе о Кюневульфе, точно так же рассматриваемом как образец языка эпохи, предшествующей деятельности Альфреда В., *wæs* встречается с разными значениями, подобно тому, как это наблюдалось в Беовульфе; ср. обозначение постоянного признака: *se was Cyneheard haten* (755) 'он звался К.'; далее *and se swiðe gewundad wæs* 'и он был тяжело ранен', где речь идет о самом факте ранения, а не о состоянии субъекта, и т. д. Лишь один раз: *Her Cyneheard ofslog Cynewulf cyning and he þær wearð ofslægen* (784) 'Здесь Кюнехард убил Кюневульфа короля, и он был там убит'; характерно, что здесь конструкция с *wearð* появляется как известная параллель к активной форме того же глагола в первой половине предложения; аналогичное явление наблюдалось и в приведенном выше случае употребления этого же сочетания из рассказа о Хенгсте и Хорсе.

В анналах конца VIII — начала IX в. употребление *wearð* становится более частым, однако семантическое разграничение

обеих форм в этих частях Хроники проследить совершенно невозможно: ср. *and Aefelred Norþan hymbra cyning wæs ofslægen from his agenre þeode* (794), где имеется указание на деятеля, и *Her tuegen aldormen wurden ofslægene* (822); and *þær wæs micel wæl geslægen* (823); and *þær wearþ micel wæl geslægen* (833).

Хроника IX в., и, в частности, та ее часть, которая приписывается перу короля Альфреда, дает образчик иных закономерностей, близких языку основных произведений того же автора; эта норма характеризуется прежде всего одинаковой употребительностью обоих типов сочетаний и тенденцией разграничить их семантику в том же направлении, какое наблюдалось в древненемецких памятниках. В этом отношении язык основных произведений Альфреда образует единый поток с языковыми нормами, определившимися еще более четко и ясно в произведениях Эльфрика.

Наиболее существенным в этих памятниках второй группы, таким образом, следует считать развитие новых соотношений в употреблении сочетаний с *wæs* и *wearð* и тенденций их последовательного разграничения. Конечно, и здесь нельзя говорить об абсолютной четкости нормы, а только о наметившихся принципах дифференциации.

wæs + причастие в основном выступает как форма сказуемого качества, состояния, постоянного свойства, *wearð* — как форма сказуемого процесса, создающего признак инактивного субъекта. С этой точки зрения понятно употребление *wæs* в альфредовской части Хроники: *Se bāt wæs geworht of þriddan healfre hyde* (891) 'Эта лодка сделана из...' или описание Рима у Орозия: *Seo burg wæs getimbred an fildum lande* (74, 12) 'Этот город был построен...', где речь идет не о процессе постройки города, а о месте его расположения, тогда как в другом месте, где рассказывается о самой постройке, употреблена конструкция с *wearð*: *wearð Romeburg getimbred from twām gebroðrum* (64, 21) 'был Рим построен двумя братьями'. При описании Редингумской битвы в Хронике чередование конструкций с *wæs* и *wearð* кажется точно так же оправданным: сначала идет общая констатация того факта, что с обеих сторон было много убитых: *þær wæs micel wæl geslægen on gehweðre hond* (371); затем идет перечисление убитых и выступает сочетание с *wearð*: *and Aefewulf aldormon wearþ ofslægen... and þær wearþ se cyning Bagsecg ofslægen* и т. д. до конца отрывка. Несомненно, стремление разграничить употребление сочетания с *wæs* как формы медиального сказуемого от сочетания с *wearð* как формы выражения узкой аффицированности субъекта определило намечающиеся тенденции. Подсчеты, сделанные над материалом такого произведения, как Орозий, обнаруживают тяготение обозначения деятеля к сочетаниям с *wearð*. Всего в этом памятнике засвидетельствован 21 слу-

чай наименования деятеля, из них 16 встречаются именно с этим сочетанием. С другой стороны, закрепление сочетания с *wæs* за придаточными предложениями, обозначающими предшествование, которое наблюдается уже у Альфреда, но особенно четко проявляется в языке Эльфрика, точно так же указывает на связь этой второй конструкции с категорией состояния подобно, например, современному немецкому плюсквамперфекту страдательного залога.

Однако, несмотря на все указанные факты, мы имеем дело лишь с намечающейся тенденцией, проявлявшейся с разной степенью интенсивности в разных памятниках. В произведениях Альфреда можно найти ряд случаев, где выбор того или иного сочетания кажется необъяснимым; обычно при этом имеется проникновение *wæs* в сферу конструкции с *wearð*; никогда не встречаем обратного явления. Так, например, непонятно употребление *wæs* у Орозия: *on þæm gefeohte wæs Antigones ofslægen and his sunu of þæm rice adræfed* (150, 22) 'в той битве была Антигона убита'. Вряд ли также выбор различных конструкций для обозначения 'был рожден', 'родился' — *þā wearð geboren* (250, 23) 'тогда был рожден', *on þæm dagum wæs Alexander geboren* (104, 21) 'в те дни был рожден А.' — может быть объяснен как стремление автора выразить какие-то смысловые различия⁶⁰. Отмеченные колебания следует рассматривать как типичное явление этого периода, указывающее на отсутствие четкой нормы в употреблении рассматриваемых сочетаний.

В этом отношении весьма показателен и анализ перевода Евангелий: ср., например, *and Iohannes wæs gescryd mid olundes hægum* (Mrc. I, 6) 'и Иоанн был одет волосами верблюда', где сочетание с *wæs* служит для выражения известного качества, свойства как данного, и *on ðam dagum com se hælend fram nazareth Galilee I wæs gefullod on iordané fram Iohanne* (I, 9) '... и был крещен Иоанном', где совершенно ясно указывается на процесс и его создателя; ср. также I, 5. Особенно в этом отношении поражает оформление известного рассказа в гл. IV о лодке, которая наполнялась волнами: *þa wæs mycel ýst windes geworden, uþa he awearp on þ scyp þ hit gefylled wæs* 'волны бросали лодку так, что она (буквально) была наполнена', следовало ожидать: 'так, что она наполнилась, стала полной'; к последнему значению, казалось бы, более подходило сочетание с *wearð*. Употребление *wæs* лишний раз подтверждает неопределенно широкий характер смысловой структуры этого сочетания. В этом же плане должны быть объяснены и многие другие случаи, ср.: *wæs helæd fram Háligum Gáste* (L. III, 1) 'был отведен святым духом'; *wæs fram déofle costod* (L. III, 1) 'был искушен сатаной' и т. д. Иными словами, и

⁶⁰ L. G. Frary. Указ. соч., стр. 19.

в этих более поздних памятниках (X в.) мы сталкиваемся с тем же универсальным употреблением сочетания *wæs*+причастие, с отсутствием разграничения его функций и функций конструкций с *wearð*, что и в Беовульфе; разница заключается лишь в большей частотности употребления *wearð*+Prt. Насколько обе конструкции осознавались как равнозначные, видно из того, что сообщение об одних и тех же событиях, например о землетрясении, последовавшем после казни Христа, в одном случае оформляется с *wæs*, в другом — с *wearð*, ср.: *and sunne wæs áfýstrod, and þæs temples wáhrýft wearð tóslyten on middan* (L. XXIII, 45) 'и солнце померкло, и занавес храма порвался пополам' и ... *þæs temples wáhrift wæs tósliten on twá* (M. XV, 38).

Сравнивая закономерности большинства произведений альфредовской школы с нормами языка переводов Евангелия, приходится отметить в первых наличие как бы сознательной тенденции ограничить семантику сочетания с *wæs* и закрепить значение страдательности в собственном смысле слова за *wearð*; эта тенденция, очевидно, отсутствовала в языке переводов Евангелия. Несмотря на то, что последние по частоте употребления сочетания с *wearð* явно примыкают ко второй группе памятников, широта смысловой структуры сочетания с *wæs*, употребительность его для обозначения процесса, события, поразившего инактивный субъект, сближает их в какой-то степени с нормами Беовульфа.

Для характеристики соотношения конструкций с *wæs* и *wearð*, а вместе с тем и для определения степени выделения специального страдательного залога из многозначной системы медиального сказуемого весьма показателен анализ языка Эльфрика, представлявшего собой образец позднего ученого стиля.

wearð+причастие и здесь строго ограничено в употреблении; оно означает событие, факт, процесс, поражающие инактивный субъект, перед нами всегда имеется связь признака инактивного субъекта с действием, создавшим его. *Ic Aelfric munuc and mæssepréost... wearð asend... fram Aelfeage biscop* (из предисловия к *Homilies*) 'я, Эльфрик... был послан епископом Э.' или *wearð þeah þæt wif ðá forspannen þurh þæs déofles lære* (Hom. I, 18) 'была эта женщина тогда соблазнена поучением дьявола' типичны для обычного употребления этого сочетания. Гораздо сложнее обстоит дело с *wæs*: весь тот клубок значений, который был нами охарактеризован для данной конструкции выше, сохраняется и здесь; в единичных случаях и здесь непонятным остается употребление данного сочетания, см., например, из Жития св. Стефана: *Witodice Stephanus wæs to diacone gehaddod et ðæra apostola hondum* (1, 50) 'Несомненно, Ст. был посвящен в священники руками апостолов'.

Совершенно четко определяется норма употребления *wæs* в придаточных предложениях типа: *þá wiste God hwæðere þæt hé wæs folcere* (Hom. 1, 18) 'тогда бог узнал, что он был соблазнен...' Выступая здесь фактически с функцией предшествования, как и в древненемецких текстах, *wæs* обозначает состояние инактивного субъекта, созданное ранее, чем наступило действие, выраженное вторым сказуемым. Этим же определяется в большинстве случаев и чередование *wearð*, *wæs*, ср.: *þá wearð hé to déofole awend, seðe ær wæs mære engel geworht* (Hom. 1, 12) 'Тогда он был превращен в дьявола, тот, кто раньше был создан великим ангелом'. Таким образом, и у Эльфрика нет полного разграничения семантики сочетания с *wæs* и *wearð*, хотя тенденция, отмечавшаяся в языке Альфреда и его школы, сохраняется и продолжается и здесь.

Несомненно, однако, в древнеанглийском, даже в тех памятниках, где конструкция с *wearð* представляла собой достаточно распространённое явление, соотношение семантики обоих сочетаний менее определено, чем даже в древненемецком. Этому немало способствовало и другое обстоятельство. Формы настоящего времени глагола *béon* были опасными соперниками тех же форм от *weorðan*. Оба сочетания передавали совершенно аналогичные отношения; ср., например, отрывок из *Cura Pastoralis*: *Aelc ðare ðe bið geaðmed he bið upahæfen... Aelc ðare ðe hine selfne upahefeð, he wierð gehined* (12—15) 'Тот, кто унижает, возвысится, а тот, кто сам себя возвышает, будет унижен'. В первом отрывке сочетание с *bið* употреблено два раза с двумя характерными для него оттенками значения: первый раз — со значением настоящего времени страдательного залога, второй — со значением будущего времени; именно в этом последнем случае оно совершенно аналогично *wierð gehined*. Таким образом, здесь оба сочетания связаны с проекцией в будущее; в других случаях они оба могут обозначать повторное действие, соотношенное с инактивным субъектом, т. е. настоящее время, выражающее фактически вневременность, свойственную констатации общих положений, ср.: *On ðæm gesundfulnessum ðæt mod wierð upahafen; on ðæm earfeðum ðeah hit ær upahafen wære, hit bið geeaðmedd* (там же, 35, 4) 'В период процветания дух возвышается, в тяжелое время, хотя он был бы раньше возвышен, он унижается'. И здесь обе формы употреблены, как видно, в совершенно параллельных сентенциях.

Использование форм глагола *béon* с теми значениями, которые в других языках были связаны с глаголом «становиться», характерно для всех древнеанглийских памятников без исключения (ср. приведенные единичные примеры из Беовульфа, ср. также Эльфрика, переводы Евангелия, где эта семантика конструкций с *béon* выступает особенно ясно). Это, несомненно, сильно лимитировало употребление форм настоящего времени

от *weorðan* в причастных конструкциях. Благодаря этому в настоящем времени *is+Prt.* как форма сказуемого состояния противостояла не столько конструкции с *weorðan*, сколько конструкции с *béon*. Выделение процессуальности, момента создания признака, связанное с этим значением повторности, многократности создания признака инактивного субъекта, наконец, проекция в будущее — все эти значения закрепляются здесь больше за формой *bið+Prt.*, чем за *wierð+Prt.* Это обстоятельство, несомненно, ослабляет и позиции *weorðan* в прошедшем времени, ограничивает употребление сочетания с данным глаголом, позволяет сохранить за *wæs* старую многозначность. В этом смысле положение сочетания с *weorðan* в древнеанглийском весьма шатко и непрочное. Тот факт, что данная конструкция впоследствии была вытеснена, лишь подчеркивает выказанное положение. Будем ли мы считать, что формы с *weorðan* исчезли под влиянием скандинавской или романской нормы, — и в том и в другом случае это было возможно лишь потому, что они не имели прочной базы в самом древнеанглийском.

Суммируя все сказанное о древнеанглийских памятниках, можно отметить следующее.

В Беовульфе и примыкающих к нему памятниках лишь намечается тенденция выделять два типа сказуемых, характеризующих инактивный субъект; в самом Беовульфе это скорее связано с противопоставлением *is || bið (wierð)*. Почти полное отсутствие в Беовульфе указания на деятеля подчеркивало недостаточную оформленность самой категории аффицированности субъекта и центростремительности процесса. В этом отношении Беовульф примыкает к норме эпических памятников на других германских языках и к норме исландских саг.

В произведениях Альфреда, Эльфрика, в евангелиях, отчасти в Хронике развивается обозначение деятеля, по-видимому, частично под влиянием латыни. Предложные конструкции с *fram*, *of* и др. выступают в этой функции. Отсутствие единого построения свидетельствует и здесь о неполной грамматизации данной категории. Вместе с тем в переводных памятниках, особенно у Альфреда и Эльфрика, идет дальнейшее развитие тенденции дифференцировать медиальность и собственно страдательность в форме самого сказуемого. Наличие нескольких связочных глаголов создает благоприятные предпосылки для осуществления данной тенденции. Однако анализ материала древнеанглийских памятников раскрывает перед нами еще гораздо более пестрый и неустойчивый конгломерат форм, чем в других германских языках. Ни о какой устоявшейся системе говорить здесь не приходится, тем более о какой бы то ни было системе залога. И здесь перед нами разные синтаксические сочетания, а не единая морфологическая парадигма. Таким образом, и здесь имеется лишь один из этапов кристаллизации новой морфологической категории.

Из всех германских языков готский обладал наибольшим числом форм, призванных выражать инактивность субъекта: не только медиопассив в настоящем времени, но и глаголы IV класса конкурировали здесь с причастными конструкциями. Этим следует, по-видимому, объяснить почти полное отсутствие конструкций с формами настоящего времени от *wairþan*⁶¹. Те значения, которые эти формы передавали в других западногерманских языках, а именно будущее и, реже, настоящее время, здесь выражались формами медиопассива и настоящим временем глаголов IV класса. Таким образом, в сочетаниях с причастием выступали формы *ist*, *was*, *warþ*.

В готском закономерности употребления этих сочетаний в значительной степени совпадали с отношениями, установленными на материале других языков, причем наличие других возможностей, помимо сочетаний причастия с глаголами «быть» и «становиться», не создало здесь большей определенности и четкости в разграничении функций отдельных сочетаний. Это скажется как при сопоставлении готских форм с фактами греческого подлинника, так и из самостоятельного анализа текста.

Подобно другим германским языкам, и готское сочетание *ist+причастие* чаще всего выражало качество, свойство инактивного субъекта, рассматриваемых как нечто данное: *þaiei hnasqjaim wasidai sind* (M. XI, 8) 'те, что одеты в мягкие одежды' или *hraiwa unusspiloda sind stauos is jah unbilaistidai wigos is* (R. XI, 33) 'как непостижимы судьбы его и не исследованы пути его'; ср. также R. XIII, 5; t. I, 7; G. VI, 13 и т. д. Очень близко примыкает к этой функции обозначение данного состояния инактивного субъекта с большим или меньшим оттенком результативности в зависимости от контекста: *akei ni in þamma garaihtiþs im* (K. IV, 4) 'однако в этом я не оправдан'; *afwalwiþs ist sa stains* (Mrk. XVI, 4) 'отвален камень'; *weihaida ist qens so ungalaubjande in abin, jah gaweihaidis ist aba sa ungalaubjands in qenai* (K. VII, 14) 'освящена жена неверующая в муже и освящен муж, неверующий в жене'; ср. также L. II, 11; J. VII, 47; R. VII, 2 и т. д. Указание на орудие, а тем более на деятеля, сильно подчеркивает связь этого состояния с предыдущим процессом и тем самым выделяет создание признака, а не его простую данность: *anstai sijum ganasidai* (E. II, 5) 'благодатью вы спасены'; ср. также XIII, 1; K. I, 4; *nibai ist atgiban imma fram attin meinamma* (J. VI, 65) 'если не прощено ему отцом моим' и т. д.

Характерное в других германских языках употребление этого сочетания в бесподлежащих предложениях типа *swaswe*

⁶¹ Ср. один из немногих случаев: *jah wairþand allai laisidai gudis* (J. VI, 45) 'и будут (станут) все научены богом'.

gamelid ist in witoda frauins (L. II, 23) 'как написано в установлениях господ' весьма распространено и здесь.

Таким образом, в готском использование этой конструкции точно так же имело два центра, к которым тяготели все многочисленные случаи употребления данного сочетания: фиксация известного качества, свойства, состояния инактивного субъекта как чего-то данного и определение состояния как результата предыдущего процесса. Решающим в каждом случае был контекст, содержание самого высказывания, раскрывающееся в ряде категорий: в наличии или отсутствии деятеля, в семантике глагола, в характере временной соотнесенности и т. д.

Собственно говоря, те же два основных центра определяют и все разнообразие конструкций с *was*; их особенность заключается лишь в том, что качество, свойство рассматриваются как данные в прошлом, точно так же и состояние, являющееся результатом процесса, и соотношение с ним берется как наличное в прошлом. Выражение качества, свойства инактивного субъекта в отвлечении от создавшего их процесса представлено рядом примеров: *manne sums was gabigs jah gawasids was raugrau-gai* (L. XVI, 19) 'муж некий был богат и одет был в пурпур'; по существу говоря, *was gabigs*, *was gawasids* в этом предложении выражают почти одни и те же предикативные значения; ср. также L. VIII, 27; M. IX, 36. Чаще, однако, *was* обозначает состояние, в большей или меньшей степени соотнесенное с создавшим его процессом: *wesun auk usagidai* (Mrk. IX, 6) 'были испуганы'; ср. также K. VII, 7; Mrk. XV, 28; J. X, 34. Наличие указания на орудие или деятеля, встречавшееся здесь значительно чаще, чем при конструкции с *ist*, подчеркивало соотнесенность состояния с процессом: *þrim sinþam wandum usbluggwans was* (k. XI, 25) 'трижды палками я был избит'; *unte bi andhuleinai gakannida was mis so runa* (E. III, 3) 'потому что через откровение открыта была мне тайна'; *þatei fram attin insandiþs was us himina* (Sk. VI, 16) 'который был послан отцом с неба'; ср. также Sk. IV, 24; L. II, 26; M. XXVII, 12; Mrk. I, 5. В зависимости от семантики глагола и других уточняющих элементов в одних случаях больший упор делается на создание состояния (чаще), в других на самый процесс (значительно реже): ср., например, с одной стороны, *jah bundans was eisarnabandjom* (L. VIII, 29) 'был связан железными цепями' и, с другой, *drai-biþs was fram þamma unhulþin* (там же) 'гоним был этим нечистым духом'; ср. также L. IV, 38 и L. IV, 1 и др. В последнем примере, где процесс, поражающий инактивный субъект, выдвигается на первый план («залог действия»), представлен наиболее яркий случай «оглаголивания» данного сочетания. При сопоставлении обоих типов конструкции с глаголом «быть» отмечается разница в удельном весе двух противоположных центров: тогда как в сочетаниях с *ist* перевес имел почти всегда

элемент данности, в сочетаниях с *was* оба момента были равноправны, а в ряде случаев преобладал элемент процессуальности; с этим была связана и значительная распространенность при этих сочетаниях наименования орудия деятеля⁶². Многозначность сочетаний с *was* приводила и здесь к нечеткости границ между этой формой и конструкцией *warþ*+причастие.

Основным значением последнего было обозначение признака, приобретенного извне, возникшего в результате процесса. В этом смысле можно указать, что сочетание с *was* делало больший упор на пребывание в состоянии, *warþ* — на создание данного состояния; очень характерно употребление двух разных сочетаний с глаголом *haitan* 'называть': так, в L. VIII, 2 стоит конструкция с *was* — *jah Marja sei haitana was Magdalene* 'и Мария, которая называлась Магдалина' — для обозначения постоянного признака, свойства, характеризующего данного человека, тогда как в M. XXVII, 8 имеется конструкция с *warþ*: *duþþe haitans warþ akrs jains akrs bloþis* 'почему названа была та земля — земля крови'. В последнем случае как бы обращается внимание на самый факт называния, на создание признака. С этими двумя разными функциями, несомненно, связан и выбор форм подлинника: в первом случае — ἡ καλομένη — причастная форма, во втором — ἐκλήθη — пассивный аорист. Однако, наряду со столь, казалось бы, ясным противопоставлением двух рассматриваемых форм, мы встречаем в готском употребление и сочетания с *was* для обозначения акта наименования, например: *jah haitan was namo is Iesus* (L. II, 21) 'и названо было имя его Иисус', в греч. ἐκλήθη, переведенное выше *warþ haitans*. Таким образом, если противопоставление в первых двух случаях говорило об известной тенденции разграничить функции каждой конструкции, то последний пример свидетельствует о непоследовательности этой тенденции.

Процессуальность, центростремительность сочетаний с *warþ* выступает в многочисленных примерах: *saei gabairhtiþs warþ in leika*, *garaihts gadomiþs warþ in ahmin*, *ataugids warþ þaim aggilum*, *merids warþ in þiudom*, *galaubiþs warþ in fairhau*, *andnumans warþ in wulþau* (T. III, 16) 'который объявился во плоти, был оправдан в духе, показан ангелам, проповедован в народах, уверован в мире, вознесен во славе'; в греч. во всех случаях пассивный аорист. Русский перевод не отражает в достаточной мере акциональную сторону предикатов данного отрывка; ср. также M., IX, 23; L. III, 20; t. II, 13; K. I, 16 и т. д. Сочетание с *warþ* в основном было не свойственно предикату качества, наличного состояния.

Однако поскольку конструкция с *was* в свою очередь отнюдь не была связана только с медиальным типом предикации, постольку и в готском, так же как и в других германских языках,

⁶² Несколько иначе: В. Шредер. Указ. соч.

имелись такие сферы употребления, где разграничение функций сочетаний с *was* и *warþ* весьма неясно и неопределенно, ср., например: *sau ist sa sunus izwar þanei jus qīþīþ þatei blinds gabaurans waurþi?* (J. IX, 19) 'Это ли сын ваш, о котором вы говорите, что он слепым родился (был рожден)?' и G. IV, 23, где речь идет о том, что Авраам имел двух сыновей, одного от рабыни, а другого от свободной: *akei þan sa us þiui bi leika gabaurans was* 'тот, кто от рабыни был рожден во плоти', или J. IX, 34: *in fraurhtim þu gabaurans warst* 'в грехах ты был рожден'. Здесь разница в оттенке значения фактически неощутима. Ср. также *jah gataihan warþ imma* (J. VIII, 20) 'и было сообщено ему' и *jah was imma gataihan fram ahmin þamma weiþin* (L. II, 26) 'и было предсказано ему духом святым', где как раз при сочетании с *was* дан агенс, подчеркивающий создание данного признака, приобретение этого признака извне. Все эти примеры с обеими конструкциями при одном и том же глаголе указывают на ту нечеткость разграничения сочетаний с *was* и *warþ*, которая была характерна и для готского языка. При этом анализ материала обнаруживает несомненную независимость выбора связочного глагола от видовой специфики основной глагольной лексемы.

Суммируя сказанное о характере употребления сочетаний с причастием в готском, можно отметить следующее: в готском употребление обоих связочных глаголов одинаково распространено, за исключением настоящего времени глагола *wairþan*, конструкция с которым почти не встречается. Ни в одном из германских языков система формальных средств выражения инактивности подлежащего и нецентробежности процесса не были так разнообразны, как в этом языке. Однако и здесь не приходится говорить об оформленной единой системе. Сочетания со связочными глаголами, медиопассивные формы (см. гл. II), глаголы на *-nan* (гл. III) — все это отдельные элементы, разные линии развития, составляющие пестрое и противоречивое целое. Каждый из этих элементов — самостоятельный росток, но не единица общей глагольной парадигмы; отсюда нагромождение параллельных конкурирующих форм. На этом фоне сочетания причастия со связочными глаголами сохраняют свою природу сложного сказуемого; это еще не описательные формы определенной глагольной категории — залога, а особые типы инактивного сказуемого, показатели нецентробежности процесса.

6

Краткие очерки употребления причастных конструкций в отдельных германских языках позволяют с известной достоверностью наметить как общие тенденции развития этих образований, так и индивидуальные особенности каждого языка.

Общим, как нам представляется, для всех германских языков является отсутствие в этот период законченной системы страдательного залога как определенной категории глагольного словоизменения. Перед нами тот этап в истории германских языков, когда эта категория еще находится в процессе оформления. В этом отношении смыкаются все германские языки без исключения, независимо от числа стандартных сочетаний причастия II+служебный глагол-связка: так, в древнеисландском фактически стандартизованы два сочетания лишь с глаголом *vesa*, в готском их три, в немецком четыре.

Во всех германских языках этого периода так называемые «описательные формы страдательного залога» не являются таковыми ни по своей структуре, ни по соотношению компонентов внутри сочетания, ни по взаимным связям между этими сочетаниями. Перед нами разные типы синтаксических сочетаний, призванные предиктировать основные значения причастия, поскольку причастие, лишенное самостоятельной силы предикации, получало лишь в этих сочетаниях своеобразную форму сказуемости. В этой связи принятые в зарубежной литературе термины *Zustandspassiv*, *Passiv der Tätigkeit* для определения семантики отдельных причастных образований не представляются удачными, так как они предполагают рассмотрение этих сочетаний как форм страдательного залога. Эти термины заменяются в нашем исследовании терминами «медиальное» и «пассивное» сказуемое, которые, как нам кажется, гораздо более подходят как по объему значений, так и по выражаемым этими понятиями структурным отношениям к закономерностям рассматриваемого периода.

Из рассматриваемых сочетаний к категории медиального сказуемого были отнесены те случаи, где давалась качественная характеристика инактивного субъекта типа, например, русск. *стол сделан из дерева*, где определялось свойство субъекта или его пребывание в каком-либо состоянии. Во всех этих значениях формы сочетаний с причастием лишь повторяли смысловую структуру причастия II в его предикативном использовании. Однако обозначение состояния инактивного субъекта скрывало в себе возможность двух противоположных осмыслений. Если при использовании причастных конструкций для выражения качества, свойства субъекта признак рассматривался в его данности, почти отвлеченным от процесса, создавшего его, вследствие чего на первый план выдвигались «именные» показатели причастия, то обозначение состояния могло иметь двойную направленность: в одном случае фиксировать простое пребывание в состоянии инактивного субъекта [ср., например, гот.: *iþ unleds sums was namin haitans Lazarus, sah atwaurþans was du daura* (L. XVI, 20) 'но был один нищий, прозванный именем Лазаря, который был распростерт у дверей'], причем само состояние почти отвле-

калось от создавшего его действия, в другом—состояние рассматривалось как результат предыдущего действия, как нечто, возникшее, созданное в результате процесса. Выделение и обособление последней функции, подчеркнутое осознание зависимости признака от внешнего по отношению к субъекту фактора, осознание привнесенности признака резко поднимает удельный вес элемента глагольности, свойственного всякому причастию, и приводит к выделению специальной формы «пассивного» сказуемого, обозначающего центростремительность процесса.

В этом, как нам кажется, сущность тех процессов, которые прослеживаются на материале древних германских языков. Они показывают выделение и обособление в многозначной форме медиального сказуемого отдельного грамматического значения — аффицированности субъекта, осознание привнесенности признака в результате центростремительности процесса, что и становится затем основой содержания оформляющейся категории глагольной парадигмы страдательного залога.

Рассматривая с этой точки зрения развитие различных сочетаний с причастием, можно было бы схематично определить основной функцией конструкции с «быть» выражение простой инактивности субъекта и нецентробежности процесса (медиальное сказуемое), а функцией конструкции с глаголом «становиться» выражение аффицированности субъекта и центростремительности процесса. Но подобная схема была бы неверной, не отражающей всей сложности процесса становления новых форм страдательного залога.

Конечно, в какой-то степени само лексическое значение обоих связочных глаголов указывало на разделение функций. Глагол «становиться» был как бы призван выделять элемент процессуальности, заложенный в основе причастия, подчеркивая зависимость признака инактивного субъекта от процесса, созданного внешними по отношению к субъекту обстоятельствами; он был как бы призван выражать создание признака и тем самым максимально вербализовать те значения, которые были связаны с предикативным использованием причастия. Глагол «быть», наоборот, по самому своему лексическому значению был, казалось бы, призван подчеркивать простую данность признака инактивного субъекта, выделяя качественную сторону в смысловой структуре причастия; он был поэтому связан с выражением либо качества, как известного свойства характеристики субъекта вне обозначения создания этого свойства, либо пребывания в известном состоянии, опять-таки вне обозначения зависимости этого состояния от вызвавших его процессов; тем самым это сочетание как бы развивало элементы чисто именной предикации, в свою очередь имевшиеся в смысловой структуре причастия.

Все только что сказанное в какой-то степени верно, но, как уже отмечалось, реальные отношения были значительно сложнее,

и сложность их заключалась прежде всего в том, что медиальное сказуемое, независимо от того, имело ли оно форму простого причастия (см. предыдущий раздел), получало ли оно выражение в виде формы сочетания с глаголом «быть», объединяло в себе возможность выражать оба аспекта характеристики инактивного субъекта: медиальность в числе разных оттенков значения характеристики инактивного субъекта включала и известную соотношенность признака с создавшим его процессом, легко переходившую в собственно аффицированность.

Выше указывалось на наличие в смысловой структуре причастия элементов данности признака и создания признака инактивного субъекта; именно в этой связи рассматривалось переплетение «именных» и «глагольных» черт в причастии; с этим же, наконец, связывалась и возможность его двойного толкования в аспекте категории вида-времени: рассмотрение признака как данного сближало его с настоящим временем, рассмотрение признака в его соотношенности с создавшим его процессом подчеркивало результативность в значении этой категории, сближая ее с функцией перфекта, сочетающего в себе связь настоящего с прошедшим. Причастие включало в потенции и те различные признаки, которые в процессе дальнейшей поляризации послужили основой смысловой структуры специальной категории страдательного залога.

Сочетание с глаголом «быть» в основном сохраняет возможность различного осмысления признака, заложенную в семантике самого причастия. Его многозначность типична для языка рунических надписей, Эдды, саг, Беовульфа, Хроники, с одной стороны, и Исидора, Татиана, переводов Альфреда Великого, готских памятников и т. д. — с другой; включение разных вариантов значения наблюдается, таким образом, не только в таких памятниках, где сочетание с глаголом «становиться» было непродуктивным, но и в языке тех произведений, где оно успешно конкурировало по частотности употребления с конструкцией «быть»+причастие.

Сложности смысловой структуры, многозначности сочетаний с глаголом «быть», получавших уточнение лишь в контексте, противостоят в основном однозначные по своим субъектно-предикативным отношениям конструкции с глаголом «становиться». Последние выражают всегда событие, поразившее пассивный субъект, или состояние, в котором он очутился в результате деятельности внешнего фактора; они означают создание признака этого пассивного аффицируемого субъекта. Само соотношение объемов значения обоих сочетаний указывает на исторический примат конструкции с глаголом «быть» как формы медиального сказуемого.

В пользу этого говорит и ряд других фактов из истории отдельных германских языков. Первые рунические надписи знают

только этот тип сочетаний; господствующее положение данное сочетание занимает и в древнейших скандинавских литературных памятниках. Из западногерманских языков древнеанглийский подтверждает это предположение. В древневерхненемецком ранние глоссы не знают сочетаний с глаголом *werdan*. Только готский дает примеры раннего употребления *warþ*+причастие. Стандартизация сочетаний с глаголом «становиться» отсутствует в ранних рунических надписях, в древнемецких глоссах, в языке Эдды и древнеисландских саг, в Беовульфе и древнейшей части древнеанглийской Хроники. Если в некоторых из этих памятников и появляются единичные случаи подобных сочетаний, они неупотребительны и не становятся принятой формой медиального сказуемого.

Тенденция развития определяется в рассматриваемый период как стремление выделить специальную форму выражения привнесенности признака извне, аффицированности субъекта этим признаком, связи этого признака с центростремительным процессом. Уточнения при помощи контекста остаются в стороне, и основная линия идет по пути создания специальной формы сказуемого при пассивном субъекте, позже превращающейся в глагольную форму, в непереносный член глагольной парадигмы. В рассматриваемый нами период тенденция эта проявляется в отдельных языках и даже в памятниках разного стиля не с одинаковой интенсивностью. Нам представляется отнюдь не случайным тот факт, что древнеисландские памятники, а наряду с ними Беовульф, наиболее индифферентны в этом отношении, сохраняя невыраженной в форме сказуемого дифференциацию между разными оттенками инактивного субъекта. И с другой стороны, закономерным представляется проявление этой тенденции, хотя и непоследовательной, в переводных памятниках древневерхненемецкого, готского, древнеанглийского. Древнеисландские памятники народного стиля, так же как и Беовульф, дают в этом отношении представление о более раннем этапе развития, чем указанные переводные памятники или произведения, на которых сказалось влияние латинских образцов, типа евангелия в стихах Отфрида. Хотя мы считаем неверным рассматривать эти сочетания как кальки соответствующих латинских конструкций, но стимулирующее влияние латинских образцов на процессы, осуществляющие тенденции развития закономерностей, свойственных германским языкам, нам представляется несомненным.

В отношении описываемых процессов это выражалось в продуктивности самой категории аффицированности, в употребительности наименования деятеля в латинских и греческих образцах. Несмотря на указанные явления, ни в одном из рассмотренных памятников не осуществляется последовательной дифференциации значений медиального и пассивного сказуемого при помощи

различных типов сочетаний с причастием. Речь может идти лишь о тенденциях.

За пределами древнего периода различные германские языки по-разному осуществляют переход от синтаксических сочетаний к образованию аналитических форм страдательного залога. Немецкий в этом отношении развивает дальше формы с глаголом *werden*, которые и образуют в этом языке систему страдательного залога, тогда как сочетание с глаголом *sein* остается на положении скорее синтаксической категории медиального сказуемого. В скандинавских языках сочетания с *vesa*, (*bliva*) (*verða*) и возвратные формы прихотливо сочетаются по-разному в отдельных языках этой группы. В английском намечающиеся пути дифференциации значений медиального и пассивного сказуемого нарушаются под влиянием сначала древних скандинавских языков, потом старофранцузского.

Описанная выше тенденция выделения страдательности из более общей категории медиальности отнюдь не является индивидуальной особенностью германских языков. Пути развития возвратных форм в славянских, германских, романских языках обнаруживают то же включение категории аффицированности субъекта в значение медиальных форм. Весьма показательно, что и в развитии такой древней индоевропейской глагольной категории, как медиум, обнаруживается на фоне общей многозначности, включающей и аффицированность субъекта признака, тенденция к выделению специальных пассивных форм. Неформленность категории агенса, например, в языке Гомера, о чем пишут многие авторы, свидетельствовала в известной степени об отсутствии четкой залоговой дифференциации между медиальностью и страдательностью.

Таким образом, германские языки в отношении создания системы так называемых описательных форм страдательного залога проделали типологически тот же путь, что греческий и древнеиндийский медиум, с одной стороны, и славянские, германские возвратные формы — с другой. Речь идет об одном и том же процессе выделения страдательности из общей категории медиальности; конечно, в каждом конкретном случае процесс определяется спецификой строя отдельного языка, протекает в разных исторических условиях и в хронологически разные эпохи. В германских языках эта тенденция развития коснулась процесса формирования системы так называемых аналитических форм страдательного залога.

Процесс создания этих форм переплетался здесь с процессом перестройки синтаксических сочетаний в формы глагольной парадигмы, иными словами, он сопровождался превращением определенной формы члена предложения в форму грамматической категории части речи. Последнее выражалось в наложении на эти сочетания обычной глагольной сетки времен, в семантиче-

ском сращении связки и причастия в связи с развитием особой грамматической идиоматичности, что отчасти проявлялось в закреплении нефлектированных форм причастия, и т. д. Все эти стороны единого процесса оформления страдательного залога германских языков нашли свое выражение уже за пределами древнего периода истории этих языков.

Параллельно с изменениями в самой структуре сочетания связочного глагола с причастием, вызванными превращением его из сложного сказуемого в глагольную форму, следует отметить и закрепление за деятелем специальной формы предложной конструкции. Неупотребительность данной категории, ее формальная недифференцированность среди категорий разных уточнителей действия в наиболее архаичных памятниках древних германских языков лишний раз подтверждает медиальный характер этих сочетаний в языке древнего периода. Позже, и главным образом в языке переводных памятников, появляются разные способы обозначения деятеля: в готском — *fram*, дательный падеж, предлог *fairh*; в немецком — *von*, дательный падеж, *thun*; в английском — *fram*, *of*, наконец, *be*; в древнеисландском — дательный падеж, предлог *á*, наконец, *af*. И здесь стандартизация определенного сочетания, знаменующая полное выделение данной категории среди других значений (инструментальности, обстоятельства образа действия, исходности), происходит в более поздний период, когда в немецком закрепляется *von*, в английском — *by* и в скандинавских языках — *af*.

Оба процесса — образование системы глагольных форм, выражающих аффицированность субъекта, привнесенность признака, и специальное оформление обозначения деятеля при этих формах — протекают параллельно, выражая тем самым связь обоих элементов, являющихся показателями сложившейся системы страдательного залога. Однако сами синтаксические сочетания, из которых постепенно в процессе индивидуального развития отдельных германских языков складывались системы форм страдательного залога, были лишь одним из звеньев сложной и отнюдь не единой системы образований, по-разному включавшихся в залоговые противопоставления германских языков. Естественно, возникает вопрос об их историческом месте в этой сложной системе.

В разделе, посвященном анализу морфологической и синтаксической структуры причастия II древнегерманских языков, представляющем собой основное звено в развитии аналитических форм страдательного залога, отмечалась древность не только самой формы причастия II, но и характерных особенностей его функционирования. Причастие II германских языков генетически восходит к древнему типу индоевропейских именных образований. Однако участие его в дальнейшем развитии залоговых противопоставлений было неодинаково в разных индоевропей-

ских языках. В этой связи показательно его соотношение в истории отдельных языков со старыми залоговыми формами, выражавшими инактивность субъекта, с индоевропейским медиумом и так называемым пассивом на *-r*. В древнеиндийском однотипные по своей структуре формы выступали с функцией перфекта и были соотнесены с собственно медиальными формами в системе презенс~аорист и с формами IV класса на *-ya*. В латыни, где одно из этих образований (с формативом **-to-*) составляло ядро сочетания с глаголом *esse*, оно стало основой построения системы пассивного перфекта, тогда как *-r* формы были закреплены за системой инфекта.

Если принять во внимание, что, по-видимому, индоевропейскому медиуму первоначально была чужда специальная форма перфекта, то создание в дальнейшем этой категории в отдельных индоевропейских языках на базе специфических «глагольных имен» становится понятным. С этими явлениями древнеиндийского и латыни могут быть сопоставлены сочетания причастия II с глаголом «быть», т. е. тот тип сочетаний, который мы считаем наиболее древним в самих германских языках⁶³. Весьма возможно, что эти сочетания оформлялись еще в эпоху общности германских языков и были соотнесены с медиопассивными формами.

Однако в германских языках развитие сочетаний с причастием II от переходных глаголов имело одну весьма существенную особенность: оно происходило в условиях существования крайне бедной временной системы, лишь постепенно обогащавшей свой состав форм. Если в действительном залоге письменная традиция засвидетельствовала существование системы двух времен, то система медиопассива в тех же памятниках была фактически представлена одной формой, вследствие чего обозначение прошедшего времени медиопассива отсутствовало совершенно в данной системе. Насколько древним было это явление, сказать трудно. Несомненно, однако, что система медиопассива разрушалась в германских языках с древнейших времен.

Важно отметить, что в этих условиях иными оказывались и закономерности развития сочетаний причастия II со служебными глаголами-связками. Появление в готском, лучше всего сохранившем медиопассивные формы настоящего времени, сочетания причастия II с формами прошедшего времени глагола «становиться», при отсутствии этого же типа сочетания со служебным глаголом

⁶³ Небезынтересно отметить, что в хеттском, где, как уже отмечалось выше, «глагольные имена» на **-to-* и **-no-* отсутствовали и имелось одно причастие на *-anz*, последнее, сочетаясь с глаголом-связкой «быть», образовывало конструкции с пассивным значением (см. примеры, приводимые И. Фридрихом: *hurtanteš ešir* 'они были прокляты', *taruppanteš ešir* 'они были соединены' и т. д. И. Ф р и д р и х. Краткая грамматика хеттского языка. М.—Л., 1952, стр. 121).

в настоящем времени, явно указывает на известную зависимость возникновения сочетаний причастия с формами глагола «становиться» от содержания и характера других форм, выступавших с близким значением. В скандинавских языках эти сочетания не получили развития в связи с тем, что в значительной степени их функцию приняли на себя конструкции с возвратным местоимением (см. гл. V).

С другой стороны, полное исчезновение медиопассива в германских языках создавало дополнительные условия для дальнейшей судьбы как более ранних сочетаний с глаголом «быть», так и более поздних сочетаний с глаголом «становиться».

Многозначность сочетаний с глаголом «быть» в материалах тех языков, где к эпохе создания письменности медиопассив уже исчез, объясняется в значительной степени и самим фактом отсутствия старых медиальных форм. Таким образом, закономерности развития сочетаний причастия II со служебными глаголами могут быть поняты только в связи с другими языковыми категориями, принимавшими участие в залоговых противопоставлениях, и с учетом судьбы таких старых залоговых форм, как индоевропейский медиум.

Более подробно эти проблемы освещаются в гл. VI.

Глава V

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ВОЗВРАТНЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЗАЛОГОВЫХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Наряду с использованием старых группировок глагола, более или менее грамматизованных, в германских языках в качестве лексико-грамматического средства выражения нецентробежности процесса выступают исторически более поздние глагольные конструкции с возвратным местоимением. Однако из германских языков лишь в скандинавской группе эти конструкции оказались непосредственно связанными с процессом формирования страдательного залога. Типологически близкие процессы наблюдаются и за пределами германских языков. В балтийских, славянских и романских языках так называемые возвратные формы сосуществуют с другими способами выражения нецентробежности процесса, причем особенно в славянских и балтийских языках оппозиция (в плане выражения) невозвратная || возвратная форма частично покрывает оппозицию (в плане содержания) центробежный || центростремительный процесс. Обращает на себя внимание тот факт, что функциональная близость этих форм и специализированных показателей членов залоговой оппозиции наблюдается по преимуществу в тех языках, где старые показатели залоговых оппозиций оказались либо малодейственными, либо совсем исчезли. Напротив, в языках, где старые залоговые формы, хотя и разного происхождения, типа греческих и древнеиндийских медиально-пассивных форм или хеттского медиума, сохранились, возвратные формы либо мало распространены, либо употребляются с узковозвратным значением, как в греческом. В этой связи показательно, что в латыни постепенное осложнение и обо-

гашение смысловой структуры данной формы происходит параллельно с вытеснением старого -г пассива¹. Что касается древних германских языков, то здесь эти формы представлены материалами готского, древневерхненемецкого и скандинавских языков, причем в готском и древневерхненемецком они достаточно продуктивны. Во всех названных языках оппозиция невозвратный глагол || глагол с возвратным местоимением выражает разнообразные, но однотипные смысловые противопоставления, однако в готском² и древневерхненемецком³ не происходит включения этих форм в залоговые оппозиции, тогда как во всех скандинавских языках они образуют единую систему с описательными формами страдательного залога. Хотя степень употребительности этой категории для выражения страдательности варьируется по разным современным скандинавским языкам, в особенности в живом разговорном языке, однако не подлежит сомнению, что оформление современной системы страдательного залога в этих языках неразрывно связано с историей «возвратных» форм. Поэтому проблема становления страдательного залога в этой группе языков неотделима от исследования первичной смысловой структуры возвратных форм и тех процессов, которые привели к их включению в единую систему с описательными конструкциями страдательного залога.

На первый взгляд может показаться излишней сама попытка вскрыть значение форм с возвратным местоимением. Казалось бы, их морфологическая структура говорит о первоначальной связи с категорией собственно возвратности. Однако во всех индоевропейских языках, где эти формы употребительны, поражает широта и разнообразие выражаемых ими значений. В самом деле, если возвратная форма *я умываюсь* расшифровывается легко как *я умываю себя*, то *я останавливаюсь* уже с натяжкой воспринимается как *я останавливаю себя*; чем разнообразнее примеры, тем сложнее становится задача объяснить употребление возвратной формы характером значения глагольной лексемы: очевидно, что в отношении русск. *радуюсь чему-либо*, как и нем. *ich freue mich über etwas* и франц. *je me réjouis* вряд ли можно сказать, что производитель признака выступает здесь одновременно как его объект (обычное определение значения возвратных форм);

¹ Соотнесенность этих двух процессов детально освещена в работе: Е. Реферовская. Развитие категории залога во французском языке. Автореф. докт. дисс. Л., 1958.

² Об употреблении возвратных конструкций в готском см.: М. М. Гухман. О происхождении возвратных конструкций (на материале готского). — Сб. «Язык и мышление», т. XI. М.—Л., 1948, стр. 104—132.

³ О возвратных конструкциях в древневерхненемецком см.: W. Bökenkrüger. Das reflexive Verb im Althochdeutschen. «Giessener Beiträge zur deutschen Philologie», Bd 13. Giessen, 1924; L. Hermodsson. Reflexive und intransitive Verben im älteren Westgermanischen. Uppsala, 1952.

еще более сомнительна возвратность русск. *бояться* или др.-исл. *þask* с тем же значением, не встречающихся вне возвратной конструкции, или общеславянских *сметься*, *надеяться*, точно так же имеющих только возвратную форму (Reflexiva tantum). Как объяснить возвратную форму безличных глаголов типа *смеркаться* или своеобразных русских оборотов *мне не спится*, *не работается*, др.-исл. *ferzk þeim vel* 'им ездилось хорошо', с одной стороны, и русск. *мне хочется*, *мне кажется*, др.-исл. *mér synesk* 'мне кажется' — с другой. Наконец, последнее: как связать возвратность глагольной формы с семантикой конструкций типа русск. *платье разорвалось*, *вода пролилась* и аналогичной скандинавской *landet eyddesk* 'эта страна опустошилась'? Многозначность подобных форм наблюдается на материале разных языков. С этим связаны и попытки выделить профилирующее значение, семантический инвариант⁴. Таковым, однако, ни в одном из названных языков не является собственно возвратность.

Если в синхронном плане ограниченность употребления возвратных глаголов с собственно возвратным значением была очевидной, то в диахронном плане примат собственно возвратного значения принимался большинством исследователей. Так освещалось развитие страдательного залога в шведском⁵, исландском⁶, романских языках⁷. Все «отклонения» от собственно возвратности рассматривались как результат ослабления, изменения первоначального значения. Между тем, по-видимому, не случайно как в старославянском, так и в латыни при собственно возвратном значении рассматриваемой модели дополнительно появлялось усиленное местоимение, в древнерусском — *самъ*, в латинском — местоимение *ipse* и частица *-met*⁸; подобное «усиление» может объясняться лишь весьма древней, если не исконной, неопределенностью смысловой структуры этой модели.

⁴ Ср., например, безобъектность, которую А. А. Шахматов считал наиболее общим значением возвратных глаголов (А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941, стр. 475 и дальше); к категории инактивности приходит в результате исследования славянских языков А. Маргулиес (A. Margulies. Die Verba reflexiva in den slavischen Sprachen. Heidelberg, 1924); Л. Хермодссон (L. Hermodsson. Указ. соч., стр. 41—46) считает общим значением медиальность; М. М. Гухман (указ. соч., стр. 130—131) выделяет инклюзивность и центристемительность.

⁵ Ср.: P. Öhlin. Studier över de passiva konstruktionerna. Lund, 1918.

⁶ А. М. Александров. Генезис страдательного залога в древнеисландском языке. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», вып. V. Л., 1941.

⁷ G. Reichenkron. Passivum, Medium und Reflexivum in den romanischen Sprachen. Berlin, 1933; ср. также: Е. Реферовская. Указ. соч., стр. 24.

⁸ В отношении славянских языков см.: А. Маргулиес. Указ. соч.; в отношении латыни: G. Reichenkron. Указ. соч.; ср. также: Е. Реферовская. Указ. соч., стр. 16—17.

Следует указать, что критическое отношение к прямолинейным схемам развития всего многообразия значения рассматриваемых форм из собственно возвратного значения типа *я одеваюсь* = *я одеваю себя* проявлялось за последнее время в ряде исследований. Еще А. Хатчер указывала, что этим путем невозможно объяснить происхождение такого французского глагола, как *se dévouer*⁹. Об этом же писал автор настоящей работы¹⁰, неоднократно возвращается к этой мысли и Л. Хермодссон¹¹. Небезынтересно отметить, что последние два автора независимо друг от друга (статья М. М. Гухман опубликована в 1948 г., работа Л. Хермодссона — в 1952 г.) останавливают свое внимание на первоначальном значении возвратного местоимения, определившего прежде всего поведение новых структурных единиц, создававшихся при его участии в разных индоевропейских языках.

Глагольные конструкции со специальным местоименным показателем в системе индоевропейских языков — явление относительно позднее. Хеттский язык вне энклитики возвратного местоимения не имел: *-za*, возможно, этимологически тождественное возвратному местоимению в латыни, является энклитическим местоимением для всех трех лиц ед. и мн. ч. Не знают специальных возвратных глагольных конструкций кельтские языки, где возвратность выражается в лучшем случае совпадением лица личной глагольной формы и объектного местоименного показателя, отнюдь не рефлексивного по своему значению.

В греческом и древнеиндийском собственно возвратные формы — явление вторичное, так же как и используемые в этих конструкциях местоимения. В древнеиндийском, как известно, с функцией лат. *ipse, sibi*, *se* выступали имена существительные *tānu* 'тело' и *ātman* 'душа'. С собственно возвратным значением употреблялись обычно конструкции с *ātman*. Показательно, однако, что еще в Ригведе они отсутствуют. В греческом в свою очередь стабилизировалось сложное местоимение *ἐαυτοῦ* — скрещенная форма, возникающая на базе *ἐ(Fé)* (см. *ἐ, ἐς, ἐός*) и *αὐτοῦ*. Первое употреблялось и самостоятельно с тем же значением, могло, однако, выступать также в функции указательного местоимения третьего лица типа др.-инд. *sá*, греч. *ὁ*, гот. *sa* и т. д., второе, со значением 'сам', имело в греческом же языке широкие этимологические связи с указательными основами. К. Бругман¹² подчеркивал, что узковозвратное значение имели лишь формы, komponированные с *αὐτοῦ*, причем к гомеровскому периоду должно быть отнесено начало этого процесса.

⁹ A. H a t c h e r. Reflexive verbs. Latin, old french, modern french. Baltimore—London, 1942, стр. 44.

¹⁰ М. М. Г у х м а н. Указ. соч.

¹¹ L. H e r m o d s s o n. Указ. соч., стр. 39.

¹² K. B r u g m a n n. Griechische Grammatik. München, 1912, стр. 179.

На оттенок значения глагольных конструкций с *ἐαυτοῦ* не могло, однако, не влиять наличие в греческом простых медиальных форм, употреблявшихся, хотя и не часто, с тем же возвратным значением. Обычным было подобное употребление медиальных форм от глаголов: *χρίνω* 'мазать', *ἐνδύω* 'одевать', ср. *χρίσθαι* 'мазаться', *ἐνδύσθαι* 'одеваться'. В связи с этим форма со специальным возвратным местоимением сохраняла известный усилительный смысл, близкий к употреблению русск. *он сам себя одел, он сам оделся*, что подчеркивалось и внутренней формой местоимения. Быть может, этим, а не формальным калькированием объясняется тенденция переводчиков готской и славянской Библий передавать эти греческие конструкции при помощи глагольных форм с усиленным местоимением: в славянском — *-ся сам*, в готском — *sik silba*.

Следовательно, в древних индоевропейских языках возвратность включалась в какой-то мере в общий круг значений медиума, и появление здесь специальных показателей возвратности может быть расценено как стремление внести дифференциацию и уточнение в столь многозначную форму, какой являлся индоевропейский медиум: показатель узкой возвратности как бы наслаивается на более древний показатель общей медиальности. Первоначально же возвратность, по-видимому, воспринималась как частный случай инклюзивности действия, его ограниченности сферой субъекта (см. дальше).

Сходный процесс наблюдался и в латыни. Подобно греческому медиуму, латинский пассив на *-r* способен был в числе прочих значений передавать и собственно возвратность, ср. известную цитату из Плавта: *umquam concessamus lavari aut fricari, aut tergeri aut ornari, poliri, expoliari, pingi, fingi* (Plaut. Poen. 220—221), где формы *lavari, fricari, ornari, poliri* означают 'мыться', 'тереться', 'украшаться', 'гладиться' и т. п. Формы с возвратным местоимением *ipse, se* появляются наряду с простыми формами *-r* пассива, который в числе прочих значений, хотя и редко, мог выражать и возвратность.

Как известно, попытки связать морфологически *-r* и формы с возвратными конструкциями (*r < *s*) были обречены на неудачу, однако не случайно столь крупный специалист, как Х. Педерсен, настаивал на происхождении *-r* пассива из конструкций с возвратным местоимением, опираясь главным образом на сопоставление круга значений *-r* пассива и возвратных глаголов славянских языков. Характерно, что тщательный анализ возвратных форм в самой латыни точно так же показал принадлежность обеих систем к одному кругу значений. Одни и те же категории значений находили свое выражение, с одной стороны, в форме индоевропейского медиума и итало-кельтского пассива на *-r*, с другой — возвратных глаголов славянских и романских языков. И нельзя объяснить простым случаем тот факт, что одни и те же

категории глаголов попадают в греческом в группу *Media tantum*, в латыни — в группу отложительных глаголов, а в славянских языках относятся к *Reflexiva tantum*: ср., например, греч. *παίνομαι*, др.-ирл. *mainedar*, ст.-сл. *мѣнѣ сѣ*.

С другой стороны, очевидно, что функция возвратного местоимения в языках, имеющих специальную медиальную форму, должна быть иной, более ограниченной. Если за последнее время все чаще отмечалась функциональная близость *-г* пассива к индоевропейскому медиуму, то здесь приходится утверждать аналогичную близость с возвратными конструкциями как славянских языков, так и самой латыни. Но тогда как в первых двух (индоевропейский медиум и латинский *-г* пассив) очевидна подчиненность возвратного значения более широкой категории ограниченности действия сферой субъекта, особой соотнесенности признака с субъектом, в собственно-возвратных конструкциях процесс обычно представляется обратным — от узковозвратного значения к непереходному и далее пассивному. Между тем даже чисто описательные исследования возвратных форм разных индоевропейских языков все отчетливее обнаруживали неубедительность традиционной схемы их развития. Иная постановка проблемы диктовалась всей совокупностью собранного лингвистического материала.

При исследовании истории глагольных конструкций с возвратным местоимением следует прежде всего избегать отождествления возвратной формы и возвратности как некой семантической категории.

Обычно на анализ того или иного значения глагольной возвратной формы гипнотически действовала ее структура. Считалось, что сочетание глагола с возвратным местоимением, как разнообразны бы ни были его значения в современном языке, в конечном итоге восходило к первоначальному собственно возвратному значению. Отсюда возникали рассуждения о затемненном возвратном значении некоторых глаголов типа др.-исл. *ýfask* 'сердиться', *gefask* 'происходить', *þokkask* 'нравиться', *leggjask* 'ложиться' и т. д.

Как видно из многих исследований, большинство скандинавских глаголов с возвратным формантом дают резкое расхождение формы и содержания. Между тем форма действует гипнотически, поэтому традиционным является объяснение всей многозначности возвратных конструкций как результата затемнения первоначального собственно-возвратного значения.

Конечно, сопоставляя глаголы типа др.-исл. *snúa*—*snúask* 'поворачивать'—'поворачиваться', *setja*—*setjask* 'сажать'—'садиться', трудно абсолютно точно определить, имеется ли здесь некоторый оттенок возвратности или же форма указывает лишь на медиально-непереходное значение глагола. Ведь возвратность по самой своей сущности перекрещивается с непереходностью.

Тот факт, что действие направлено на своего производителя, сообщает всему процессу замкнутый, инклюзивный характер: действие не оказывает влияния на мир внешних объектов, но, замыкаясь в сфере субъекта, должно в какой-то степени осознаваться как действие непереходное в широком смысле этого слова, соотнесенное только с субъектом, хотя бы и в двух планах. Этим и объясняется известная зыбкость границ между непереходностью и возвратностью. Однако для большей ясности анализа представляется более целесообразным там, где возвратность не очевидна, говорить о медиально-непереходном значении.

Как известно, особенностью скандинавских форм с возвратным местоимением является слияние местоименного форманта с глаголом, превращение его в своеобразный показатель агглютинативного типа. Появление этих слитных форм обычно относят к VIII в. Древнейшие литературные памятники на скандинавских языках, как прозаические, так и поэтические, дают широкое и разнообразное применение указанных вторичных синтетических форм. Впрочем, в эту же эпоху можно наряду с синтетической формой встретить в текстах тот же глагольный корень с самостоятельным возвратным местоимением, причем нередко наблюдается полный параллелизм значения синтетической и аналитической форм.

* * *

Специальная форма возвратного местоимения представлена материалами не всех германских языков: только в скандинавских языках и готском имеются три падежные формы этого местоимения: др.-исл. дат. п. *sér*, вин. п. *sik*, род. п. *sín*, являющийся в то же время основой притяжательного местоимения третьего лица; в готском языке этим формам соответствуют: *sis*, *sik*, *sein*. Что касается древних западногерманских языков, то в древнеанглийском и древнесаксонском эти формы отсутствуют, в древневерхненемецком же имеется лишь форма винительного и родительного падежей: *sih*, *sín*. Таким образом, древнейшие письменные материалы так называемой ингвеонской подгруппы языков не обнаруживают наличия древних форм специального возвратного местоимения. Появление формы *sik* в средненижненемецких текстах объясняется обычно как результат влияния верхненемецкой местоименной системы, причем верхненемецкое *ch* было здесь заменено формой с непередвинутым согласным.

Не подлежит сомнению, что основа так называемого возвратного местоимения в германских языках этимологически связана с греч. *ἐ*, *έέ*, лат. *sē*, ст.-сл. *сѣ*, лит. *save* [si], которые восходят к общей индоевропейской основе **sē-/sye-*. Структура косвенных падежных форм этой местоименной основы тождественна структуре форм личных местоимений первого и второго лица, тогда как именительный падеж отсутствует вообще.

В системе личных местоимений формы с основой *sē-/sue- выступают как местоименные формы третьего лица, получившие одностипное специфическое использование в огромном большинстве индоевропейских языков. Эта местоименная основа связана с так называемой указательной местоименной основой *s_x (ср. греч. *ὅ*, гот. *sa* и т. д.) не только этимологически, но и функционально. Как показал в специальном исследовании А. Дироф¹³, у Гомера в огромном большинстве случаев (966) так называемое возвратное местоимение *ἐ* употребляется с ослабленным указательным значением и лишь 30 раз с собственно возвратным. В латыни широкое распространение имели случаи употребления *sē* в контекстах типа *Caesar omnibus qui contra se arma tulerunt, ignovit* 'Цезарь всех, кто против него...', где *sē* употреблено в значении личного местоимения третьего лица. Самым широким образом применяется это своеобразное построение в германских языках, особенно в готском¹⁴ и древнеисландском (подробнее см. дальше). Еще А. Мейе указывал, что значение этой основы, как и производных от нее прилагательных: др.-инд. *svāh*, *suvāh*, греч. '(F)ός', лат. *suos* (ср. русск. *свой*) и т. д., применялось ко всем числам и ко всем лицам, обозначая 'принадлежащий кому-либо'¹⁵. Однако наиболее существенным является своеобразный инклюзивный характер этой основы, наиболее ясно выступающий в свободном ее использовании (ср. приведенный выше латинский пример и дальше готские и исландские примеры на стр. 226).

Таким образом, этимологическое значение так называемых возвратных местоимений отнюдь не предопределяет традиционного решения о семантической доминанте в смысловой структуре моделей V+R (глагол+возвратное местоимение).

Поскольку только в скандинавских языках эти модели связаны с процессом оформления страдательного залога, данная глава строится на основе анализа материала этой языковой группы. Факты готского и древневерхненемецкого языка привлекаются лишь как вспомогательный материал.

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ВОЗВРАТНЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ В ДРЕВНЕИСЛАНДСКОМ

1

Общепризнанным является положение о вторичности в скандинавских языках собственно страдательного значения глагольных конструкций с возвратным местоимением. В пользу этого

¹³ А. Dyroff. *Geschichte des Pronomen reflexivum*, Bd 1-2. Würzburg, 1892—1893, стр. 129.

¹⁴ М. М. Гухман. Указ. соч., стр. 128—129.

¹⁵ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, стр. 342.

говорит не только морфологическая структура этих образований, но и относительная редкость употребления их с функцией страдательного залога в так называемом народном стиле. Так, М. Нюгорд¹⁶ утверждал, что с чисто страдательным значением возвратные формы употреблялись только от пяти глаголов: *sprugjask* 'быть узанным', *foeðask* 'быть рожденным', 'воспитанным', *byggjask* 'заселяться', *fásk* 'быть занятым кем-либо' и *finnask* 'быть найденным'.

А. Хойслер¹⁷ точно так же специально отмечает редкость употребления в древнеисландском возвратных форм для выражения страдательности.

Конечно, к утверждению М. Нюгорда надо относиться с большой осторожностью: он сам в дальнейшем делает оговорку, что под влиянием «ученого стиля» и в народной литературе встречаются возвратные формы от других глаголов с тем же страдательным значением¹⁸. А. М. Александров в своем анализе *Gunnlaugssaga* отмечает несколько глаголов, не указанных Нюгордом¹⁹: *skeinask* 'быть пораненным', *ráðask* 'быть решенным', *búask* 'кем-либо снаряжаться', *kremjask* 'подвергаться (болезни)'. Материал Эдды и других саг точно так же несколько увеличивает список глаголов, данный Нюгордом (примеры см. ниже).

Представляется, однако, весьма сомнительным, чтобы употребление возвратных форм тех или иных глаголов в данной функции возникло в народной литературе под влиянием «ученого стиля». Переосмысление конструкций с возвратным местоимением, конечно, не «стилевое» или «жанровое» явление, а процесс, связанный с развитием общих элементов грамматического строя. Различия по литературным жанрам выражаются в основном в количественном отношении. Так, хотя в народной литературе возвратные формы с функцией страдательного залога встречаются от большего числа глаголов, чем это указывал, например, Нюгорд, все же внутри каждого отдельного произведения они составляют лишь очень незначительный процент случаев употребления данной модели. Вместе с тем несомненно, что в переводной литературе, в законах и других произведениях «ученого стиля» примеры употребления возвратной формы с этим значением чаще и разнообразнее.

Обычно исследователи связывали это с влиянием латыни или латинского -г пассива, поскольку аналитические формы латинского перфекта легко находили соответствие в имеющихся скан-

¹⁶ М. Nygaard. *Norrøn syntax*. Kristiania, 1905, стр. 171.

¹⁷ А. Heusler. *Altisländisches Elementarbuch*. 3. Aufl. Heidelberg, 1932, стр. 439.

¹⁸ См.: М. Nygaard. Указ. соч., стр. 173, где приводится ряд примеров.

¹⁹ А. М. Александров. Указ. соч.

динавских причастных конструкциях. О влиянии латыни на пассивное переосмысление возвратных конструкций неоднократно писал М. Нюгорд; это же влияние в качестве одного из основных факторов выдвигает П. Ёлин, наконец, и А. М. Александров, хотя и оговаривается, что дело не в непосредственном влиянии латыни, точно так же отмечает стимулирующую роль латинского языка. И это верно в той именно форме, что латинские нормы стимулировали процессы, происходившие в самих скандинавских языках.

Каковы же были эти процессы?

Собственно, П. Ёлин был первым исследователем, который попытался вскрыть причины семантических сдвигов рассматриваемой формы. С его точки зрения, промежуточным звеном между узкой возвратностью и использованием рефлексивных форм для выражения грамматического значения, лежащего в основе страдательного залога, является категория медиальности. Последняя понимается автором достаточно широко. Семантический сдвиг в сторону медиальности в свою очередь объясняется рядом причин: влиянием «изначально-медиальных» форм типа *komask*, *hvilask* и т. д.; влиянием латыни, специально латинских отложительных глаголов; спецификой значения самой возвратной формы, выражающей в значительно меньшей степени интенсивность воздействия, чем при обычных переходных глаголах; особой легкостью выработки медиального значения в предложениях с субъектом-предметом, о чем в отношении русского языка упоминал в свое время А. А. Шахматов.

Преимуществом Ёлина перед другими исследователями является его стремление, не ограничиваясь чистым описанием и голый констатацией, вскрыть сущность семантических процессов, вызвавших появление столь разительной полисемии возвратной формы. Однако характеристика самих процессов вызывает ряд сомнений.

Так, например, представляется весьма сомнительным, чтобы небольшая (всего несколько глаголов) группа «изначально-медиальных» глаголов типа *komask* оказалась одним из основных факторов всего процесса медиального переосмысления возвратных форм; с другой стороны, как объяснить само образование возвратной формы при непереходном глаголе *komā*, если исконным значением ее была рефлексивность в собственном смысле этого слова?

Вторым фактором семантических сдвигов Ёлин считает влияние латинских отложительных глаголов, поскольку последние переводились формами на *-s(sk)*, но здесь совершенно естественно приходится указать, что сама возможность перевода этих глаголов формами на *-s* указывала на близость семантики обеих категорий, причем, конечно, независимо от какого бы то ни было влияния, вернее, «до всякого влияния»; если же эта близость имелась,

то она никак не укладывалась в узкие рамки возвратности. Справедливые, далее, указания на относительно меньшую активность возвратной формы и ее своеобразное тяготение к медиальности не могут, однако, одни объяснить весь процесс в целом, так как отмечают лишь тот факт, что возвратность и медиальность где-то семантически соприкасаются; против этого спорить не приходится, тем более что эти же значения объединяются за пределами возвратных форм морфологическими системами греческого медиума и латинского пассива на *-r*.

Объяснение дальнейшего перехода от медиума к пассиву автор дает в плане обычных рассуждений на эту тему: появление мысли об агенсе рассматривается как основная причина выработки специальной категории страдательности, причем сильную поддержку этому фактору оказывает все то же латинское влияние.

Поскольку переход от медиального значения к собственно страдательному прослеживается в ряде индоевропейских языков во многих категориях, он не требует специального «логического» обоснования. Специфические трудности выступают именно при объяснении перехода от возвратности к медиальности. И в этом отношении концепция Ёлина вряд ли дает удовлетворительное разрешение вопроса, так как неясным остается, в силу каких причин собственно-возвратное значение остается лишь за немногими глаголами, тогда как большее число возвратных глаголов имеет медиально-непереходное значение, которое и приобретает в эпоху древнескандинавских языков роль доминанты в смысловой структуре всей системы.

Фактически то же приходится отметить и в отношении попытки А. М. Александрова дать свое философски-логическое обоснование перехода от возвратности к медиальности. Совершенно нераскрытым остается положение о том, что возвратный залог является не только «исторической, но и логической предпосылкой медиума»²⁰.

При анализе употребления возвратной формы обычно смешивались два момента: тип синтаксической конструкции, синтаксической связи, лежащей в основе так называемой возвратной формы, и содержание, выражаемое этой последней, т. е. смешивались принцип структурный и семантический. Так, в одну классификационную систему оказались включенными такие категории, как «прямые возвратные формы», «косвенные возвратные формы», *Ass. cum inf.*, «формы с возвратным местоимением, управляемым предлогом» и «медиальность», «взаимность», «пассивность» (см. классификацию Ёлина—Александрова); у Нюгорда вместо медиальности встречаемся с «затемненным возвратным значением». Переплетаются эти два принципа и в классификации русских глаголов на *-ся* А. А. Шахматова.

²⁰ См.: А. М. Александров. Указ. соч., стр. 73.

Смешение обоих принципов препятствовало всестороннему исследованию особенностей глагольных образований с возвратным местоимением и, следовательно, препятствовало правильному пониманию их истории. Поэтому представляется более верным рассмотреть имеющийся по возвратным конструкциям материал в сагах, Эдде, древнейшей истории Исландии, в рунических надписях X—XIII вв., применяя оба принципа классификации раздельно.

2

Структурно возвратная глагольная форма в скандинавских языках раскрывается как четыре возможные синтаксические модели: 1) глагол + возвратное местоимение в винительном падеже; 2) глагол + возвратное местоимение в дательном падеже; 3) глагол + возвратное местоимение с предлогом; 4) глагол + возвратное местоимение, сочетающееся с последующим инфинитивом; последнее сочетание выступает в двух построениях: при Verba dicendi типа *kveða* 'говорить' возвратное местоимение + последующий инфинитив дает синтаксический оборот *Ass. cum inf.*, при модальных глаголах типа *láta* 'оставлять', 'заставлять' структурное соотношение всех трех элементов — личной глагольной формы, возвратного местоимения и инфинитива — иное, и поэтому оборот *Ass. cum inf.* отсутствует.

Совершенно отдельную группу составляют так называемые *Reflexiva tantum* — глаголы, основа которых не употребляется без возвратного местоимения, в связи с чем фактически невозможен их структурный анализ, ср. др.-исл. *óask* 'бояться'.

Что касается первых двух структур, то некоторые исследователи пытались объяснить наличие в скандинавских памятниках возвратных форм на *-mk < mik* и *-m < mér*, *-sk < sik* и *-s < sér* как результат сочетания глагола в первом случае с винительным, во втором случае с дательным падежом. Эта гипотеза была впервые высказана Бугге и затем поддержана Нореном в его очерке древнеисландской грамматики. Напротив, Нюгорд полагал, что все показатели возвратных форм восходят к винительному падежу местоимения, хотя и не мог отрицать образования возвратных форм от глаголов, управлявших косвенным объектом.

Действительно, весьма значительное число возвратных форм образовано на основе синтаксического сочетания глагол + возвратное местоимение в винительном падеже (модель I). В ряде случаев один и тот же глагол в одном и том же памятнике имеет синтаксические и аналитические формы с возвратным местоимением. Именно подобные сочетания и являются основой теории узко-возвратного происхождения данной системы.

Однако, помимо категории глаголов, где сочетание с возвратным местоимением в винительном падеже вытекало из характера управления и где возвратный формант, следовательно, выступал

как один из возможных объектов в винительном падеже типа *klæðask* 'одеваться' (аналитическая форма *klæða sik* употребляется также достаточно часто; семантическое многообразие этого типа рассматривается дальше), имеются разнообразные варианты этой модели, формально объединяемые как структурные синтетические эквиваленты сочетаний глагол + возвратное местоимение в винительном падеже.

Так, например, глагол *iðrask* 'раскаиваться' соотнесен не только с каузативным глаголом *iðra* 'заставить раскаиваться', но и с безличным глаголом *iðra mik e-s*; точно так же *undrask e-t* 'восхищаться', *undrask um e-t* 'удивляться' соотнесен не только с *undra* 'восхищаться', но и с безличным *mik undra* 'меня удивляет'. Внутренняя форма этих сочетаний не раскрывается как «я сам себя удивляю», «я сам себя заставляю раскаиваться».

Своеобразную группу употребления приглагольного возвратного местоимения в винительном падеже представляют и конструкции с возвратной формой инфинитива при *láta*, *biðja*, а также *Ass. cum inf.* при Verba dicendi, являющиеся, однако, особой структурной моделью (4); ср. *Ass. cum inf.*: *Véorr qvaz vilia á vág góa* (Hymn. 17, 1) 'В. сказал, что он хочет грести в море', где возвратный показатель *z*, оформляющий личную глагольную форму, соотнесен с подлежащим, но одновременно выступает и как субъект при инфинитиве (подробнее см. дальше); ср. также пример конструкции с *láta*: *Enn Hallr á Síðo, Þorsteins sonr lét skirask snimhendes* (L. I. VII, 53) 'А Халр в Сиде, сын Торстейна, тотчас велел крестить себя'. Ср. параллельные сочетания с выделяемым местоимением *sik*: *Hann lét bera sik í solar-geisla* (L. B. 24, 15) 'Он велел отнести себя на солнечный свет'; *Gunnlaugr kvaddi jarl [vel] ok sagði sik hafa at foera honum kvæði* (Gunnl. IX, 36) 'Г. приветствовал ярла и сказал, что он собирается создать эту песню'. Несмотря на резкое отличие обоих сочетаний, общим для них является тот факт, что возвратное местоимение оказывается средоточием сложных синтаксических связей и соотнесено не только с тем глаголом, который оно морфологически оформляет, но и с другими компонентами сказуемого (см. подробнее дальше).

Таким образом, возвратные глагольные формы, в основе которых лежит сочетание с винительным падежом местоимения, объединяют разнообразные в синтаксическом отношении модели: достаточно сравнить *klæða sik* 'одеваться' с *iðra mik* и с своеобразным употреблением этих форм в конструкциях с *láta*, *biðja*, *Ass. cum inf.* Параллельное сосуществование аналитических сочетаний с *sik* подчеркивало разноструктурность внутренней формы синтетических единиц.

Как уже выше отмечалось, второй по распространенности группой возвратных форм являлись образования, развившиеся из

сочетания глагол + местоимение в дательном падеже (модель 2). Основную массу этих конструкций давали глаголы, управлявшие дательным падежом.

Образование возвратных форм от глаголов, управлявших дательным падежом, было отнюдь не редким в скандинавских языках и частично объяснялось наличием так называемого дательного прямого объекта при целом ряде глаголов, где согласно нормам других языков следовало бы ожидать появления прямого объекта в винительном падеже. Ср. глаголы:

hallask 'прислоняться'	halla 'наклонять' кому?
forðask 'спасаться'	forða 'спасать' кому?
steypask 'рухнуть', 'падать'	steypa 'бросать', 'опрокидывать' кому?
hlifask 'защищаться', 'заслоняться'	hlifa 'заслонять', 'охранять', 'защищать' кому?
veltask 'катиться', 'поворачиваться'	velta 'катить' кому?
týnask 'теряться', 'гибнуть'	týna 'терять' 'разрушать', 'губить' кому?
lúkask 'прекращаться', 'кончаться'	lúka 'кончать', 'закрывать' кому?
stelask 'подкрасться'	stela 'красть' кому? и т. д.

Многие из этих глаголов встречаются и с полной формой местоимения в дательном падеже: ср. hann steypir sér (Nj. 85, 14) 'он упал'; menn Hákonar hlifðu sér litt (Hkr. 786, 4) 'люди Хаконора слабо защищались'.

Вариант этой модели представляют конструкции, основанные не на сильном глагольном управлении, ср., например, beiðast 'просить что-либо для себя', 'просить что-либо себе': konungar kváðuz alt vilja til fá, þat, er hann beiddiz (Vqls. 17, 6) 'конунги сказали, что они согласны доставить то, что он просил для себя'. Ср. аналогичное употребление самостоятельного местоимения: beiðir Hákon sér konungs nafns (Hkr. 636, 9) 'просил Хакон для себя (себе) имя короля'; ср. также: Ósnotr maðr ef eignaz getr fé... (Háv. 79, 1) 'глупый человек, если захватит себе...'. Употребление этого варианта второй модели весьма распространено.

Если в первых примерах употребление возвратного местоимения определялось глагольным управлением, то в последнем случае имеется значительно более свободный вид синтаксического сочетания: возвратное местоимение выступает во всех этих случаях как второй объект с функцией своеобразного Dat. com., выражая не возвратность в собственном смысле, а особую заинтересованность субъекта.

Особый вариант, наконец, представляют возвратные глаголы, развившиеся из сочетания глагол или имя + дательный падеж местоимения, типа ifi er mér—ifomk, þykkir mér—þykkiomk и т. д.

Анализируя конструкции, в основе которых лежит сочетание глагол + возвратное местоимение в дательном падеже, трудно с полной определенностью решить, являются ли форманты -*m* и -*s* в параллельных к -*mk* и -*sk* конструкциях производными от дательного падежа местоимения mér, sér или же в показателях возвратных глаголов с самого начала был обобщен формант, производный от формы mik, sik; при том положении вещей, когда дательный и винительный падежи вообще функционально перекрещивались, что характерно ведь не только для строя древних германских, но и других индоевропейских языков, подобное явление субституции легко могло иметь место. Для интересующего нас вопроса существенным является не это обстоятельство, а тот факт, что в основе так называемых возвратных глаголов имелись не только сочетания с винительным, но и с дательным падежом, причем последние отнюдь не были исключением, так как были связаны, с одной стороны, со спецификой глагольного управления, с другой — с достаточно распространенной конструкцией так называемого *Dativus commodi*.

* * *

Первые две модели возвратных конструкций, представленные наибольшим числом глаголов, обнаруживают известный параллелизм: он заключается в том, что в обоих случаях возвратная конструкция оказывается связанной, с одной стороны, с закономерностями глагольного управления, с другой — с более свободными синтаксическими сочетаниями (Dat. com.) или со сложными синтаксическими же оборотами, где функция возвратного местоимения не сводилась к роли объекта того глагола, в качестве форманта которого она выступала. Что касается всех оттенков значений этих категорий, то о них специально несколько дальше.

Весьма близкие структурные связи обнаруживает и употребление форм возвратного местоимения в готском²¹, где при глаголе встречается как винительный, так и дательный падеж возвратного местоимения. Однако в готском форма дательного падежа местоимения относительно более редка, чем в исландском, что частично связано с меньшей частотностью употребления дательного прямого объекта в этом языке.

²¹ Подробнее относительно употребления конструкции с возвратным местоимением в готском см. статью: М. М. Г у х м а н. Указ. соч.

Заканчивая формально-структурный анализ этих моделей, необходимо остановиться на своеобразном характере использования этих моделей с так называемым взаимным значением: возвратные формы с этим значением могли иметь глаголы, управляющие как винительным, так и дательным падежом; ср., например: *berja* 'ударять' кого? — *Broedgr munu beriaz* (Völ. 45, 1) 'Братья будут сражаться'; *finna* 'находить' кого? — *far fundosk þeir Herjólfir* (L. B. I, 2, 18) 'там встретились они и Х.'; *sækja* 'искать' кого? — *Þeir Hrafn sóttusk meðan ok Þorkell svartí* (Gunnl. XVI, 36) 'они искали тем временем друг друга, Хр. и Т.'; *hitta* 'встречать' кого? — *Hittuz æsir á Íðavelli* (Völ. 7) 'встретились асы в И.'

Аналогичные формы образуют и глаголы, управляющие дательным падежом; ср., например: *trúa* 'доверять' кому? — *vel mættim tveir trúaz* (Skm. 5, 6) 'мы оба могли бы доверять друг другу'; *unna* 'любить' кому? — *ok unnuz furðo mikít* (H. Hv. 30, проза) 'любили друг друга очень сильно'.

Однако хотя и здесь возвратные формы образованы от глаголов, управляющих винительным и дательным падежами, их никак нельзя сопоставить с аналитической конструкцией с *sik* или *sér*, так как аналитически категория взаимности выражалась в древнеисландском при помощи местоименного оборота *huágr* — *appa*, который не принимал никакого участия в образовании системы возвратных форм. Следовательно, здесь отношение заведомо существующих в письменности синтетических и аналитических форм было принципиально иным, чем в первых двух группах. Включаясь по признаку управления в группы глаголов, представлявших первые две модели, эти конструкции фактически образуют обособленный класс, не сохранявший внутреннюю форму своих компонентов.

* * *

Специфической особенностью синтаксиса скандинавских языков является, как уже указывалось выше, сочетание глагола с возвратным местоимением + предлог (модель 3), ср.: *hefiz lind fyrir* (Völ. 50, 2) 'держит щит перед собой' — предлог *fyrir* относится не к щиту, а к возвратному местоимению; *Maðr geck út ok sásk um* (L. B. III, 5, 14) 'муж вышел и осмотрелся', 'осмотрел вокруг себя'; ср. также: *illt er um lítazk* (Am. 54, 3) 'плохо оглядываться (вокруг себя)'. Аналогичное употребление *um at þreifaz* с тем же значением в Prk 1, 8. Предложная конструкция имеется и в *ver hofum dyljaz við* (Völs. 30, 70) 'мы скрывали от самих себя'. Ср. также пример со вторым приглагольным дополнением: *Gáttir allar, áðr gangi fram um skoðaz scyli, um scygnaz scyli* (Háv. I, 1) 'Все входы и выходы должно осмотреть вокруг себя, должно оглядеть вокруг себя'.

Во всех приведенных примерах возвратное местоимение как бы оторвалось от предлога и образует морфологическое единство с глаголом; предлог же выступает с уточняющим адвербиальным значением типа русск. *оглядеться вокруг* и является своего рода определением к сказуемому в целом. Сама постановка предлога в конце предложения подчеркивает его самостоятельное положение, приближающее его к наречию. Характерным для всего строя скандинавских языков является наличие параллельных форм с полным возвратным местоимением + предлог. Очевидно, что в одном случае предлог более самостоятелен и полноценен, выступая с адвербиальным значением, в другом он образует одну группу с *sér*.

По-видимому, возвратные формы + предлог-наречие типа *hefiz lind fyrir* возникли из предложной группы с возвратным местоимением, причем свойственное скандинавским языкам тяготение объектных местоимений к сказуемому-глаголу и его превращение в агглютинирующий формант разорвало предложную группу и придало, таким образом, самому предлогу большую самостоятельность. Иные отношения лежат в основе тех же конструкций с взаимным значением.

Возвратные конструкции с предлогами *í gegn* 'против', *á milli* 'между', *við á* 'на', 'с', 'против' встречаются часто для выражения взаимности: *urpuz á orðom* (Am. 42, 5) 'бросали друг в друга словами'; *es mest vilja í gegn gangask* (L. Isl. VII, 21) 'идти друг против друга'; *ok vildu ekki, at þeir oettisk við* (Gunnl. XIV, 86) 'и не хотели, чтобы они спорили друг с другом'; *ok tölðusk þau Helga við ok Gunnlaugr* (Gunnl. XIV, 48) 'и они поговорили друг с другом, Хельга и Гуннлауг'. Аналогичная форма: *þeir tölðusk við um dagenn* (H. P. 3, 24) 'они говорили друг с другом'.

При внешнем сходстве первой и второй категории предложных сочетаний обращает на себя внимание тот факт, что если в первом случае возвратный оборот легко раскрывался как синтаксическое сочетание глагол + предложная группа с возвратным местоимением (ср., например, выше *hefiz... fyrir*), то в отношении второй категории объяснение происхождения данного сочетания не так просто. Как уже отмечалось, полная форма возвратного местоимения никогда не употреблялась для выражения взаимности. В подобных оборотах применялась группа *huágr* — *appa*, следовательно, происхождение интересующего нас предложного сочетания не может быть объяснено тем же способом, что и в отношении первой категории. Там совершенно очевидно произошел отрыв местоимения от предложной группы и его прикрепление к глаголу, здесь синтетическая форма не может быть сопоставлена с соответствующей возвратной аналитической конструкцией, так же как это наблюдалось и в отношении беспредложных возвратных форм с взаимным значением. Вопрос о про-

исхождении этих оборотов является поэтому лишь частью общего вопроса о путях развития категории взаимности в системе возвратных конструкций скандинавских языков, о чем подробнее см. ниже.

* * *

Следует, однако, отметить, что с того момента, как процесс создания синтетической формы с возвратным местоимением закончен, она становится готовой моделью для образования конструкций определенного значения от ряда глаголов, быть может, и не встречавшихся ранее в сочетании с возвратным местоимением, а также для производства отыменных глаголов.

О невозможности возвести каждый возвратный глагол к аналитической конструкции говорят многочисленные отыменные образования типа *groenn* 'зеленый' — *groenask* 'зеленеть' и оформление так называемых *Reflexiva tantum* типа *óask* 'бояться'.

Вопрос о происхождении и этих глаголов составляет, однако, лишь часть более общей проблемы генезиса возвратной формы как известной морфологической системы (см. стр. 261—264).

Особого внимания в этой связи заслуживает отмеченная выше модель сочетания с *Ass. cum inf.* (модель 4). Как уже отмечалось, своеобразие этой модели заключается в том, что прямое дополнение личной глагольной формы, выступающее в то же время и как субъект инфинитива, оформлено в виде агглютинирующего возвратного суффикса, ср., например: *Gunnlaugr kvaðsk þat vilja* (*Gunnl.* VII, 32) 'Г. сказал, что он хочет', где *sk* в *kvaðsk*, являясь возвратным местоименным суффиксом, в то же время оказывается субъектом при инфинитиве *vilja* 'он сказал, что он хочет'; *Ósnotr maðr þicciz alt vita* (*Háv.* 26) 'Глупый человек полагает, что он все знает (полагает себя все знать)'; *Póger kuezk mundo matask fyrst* (*H. P.* 6, 7) 'Г. сказал, что он должен сначала поесть'. Этим синтетическим формам соответствует оборот с полным возвратным местоимением типа: *Rauðo gulli... hygg ec mic ráða muno* (*Rm.* II, 9) 'красное золото, я думаю, что я им овладею'.

Таким образом, структурно здесь имеет место обычное для скандинавских языков стяжение глагольной формы с постпозитивным местоимением, которое тем самым превращается в своеобразный агглютинирующий формант. Конструктивно образование возвратной формы в данном случае ничем не отличается от сочетаний *kallask* < *kalla sik*, т. е. от возвратных форм, входящих к переходному глаголу с местоимением в винительном падеже. Синтаксически же здесь имеется совершенно своеобразное построение, основой которого является употребление местоимения *sik* вместо 'он': 'он сказал, что он' = 'он сказал себя...'; ср. в первом лице: *einn gammari hugðomc, qlum vera* (*Fm.* 16) 'я думал, что я (быть) самый сильный,' где *-mk* < *mik* подобно

приведенному выше примеру из той же Эдды *hygg ec mic ráða muno*. *Ass. cum inf.* сочетался, таким образом, с возвратной формой во всех случаях, когда имелось совпадение в одном лице субъекта личной глагольной формы и субъекта инфинитива. Последнее и составляло основу всей конструкции; характерным для действующих здесь языковых норм являлось оформление третьего лица субъекта инфинитива не обычным местоимением третьего лица *hann*, а местоимением *sik*: *hann kvað sik vera...* 'он сказал, что он является...'; ср. аналогичное лат. *dixit se velle*.

Употребление возвратных форм в подобных сочетаниях весьма распространено в скандинавской литературе, причем в равной степени в произведениях «ученого стиля» и в так называемой народной литературе. Достаточно сослаться на подсчет возвратных форм, сделанный А. М. Александровым в его статье о *Gunnlaugssaga*, где число таких оборотов с возвратной формой достигает 23 и составляет чуть ли не 50% всех случаев, ошибочно рассматриваемых автором как носители собственно-возвратного значения.

Употребительна эта форма и в таком произведении «народного стиля», как *Hönsna-Róres saga*, хотя процентное соотношение имеет здесь иной характер. Употребителен этот оборот и в Эдде.

Весьма часто в соответствующей литературе высказывается предположение, что сочетание *Ass. cum inf.* возникло в германских языках лишь как калька латинских конструкций, однако их раннее появление в языке саг и Эдды говорит по меньшей мере о наличии аналогичных тенденций в самих германских языках. Нам представляется, что во всех подобных случаях имеется взаимодействие двух факторов — внешнего и внутреннего; как греческий в отношении языка готской письменности, так и латынь в отношении прочих германских языков играли роль своеобразных катализаторов языковых процессов. Типологическая близость всех индоевропейских языков создавала для этого исключительно благоприятные условия. Подобно прочим аналогичным категориям конструкция с *Ass. cum inf.* не была простым заимствованием, навязанным извне, чуждым по своей структуре синтаксическим оборотом. Об этом говорит продуктивность данной конструкции во всех видах скандинавской литературы.

В пользу этого говорит и другой случай употребления возвратных форм в сложной синтаксической конструкции — их сочетание с глаголами *láta*, *biðja* и т. д.: *ef ec bindaz læt brúðar líni* (*Prk.* 17, 3) 'если я позволю себе повязать покрывало невесты' или очень частое в произведениях ученого стиля *láta + skírask* 'велел крестить себя' 'распорядился крестить' (*L. I.* 295,3; *Hkr* 471, 2 и т. д.). Подобно *Ass. cum inf.* и это сочетание имеется в произведениях разного стиля, причем наряду с синтетическими формами встречаются и конструкции с полным

возвратным местоимением типа *Hann lét bera sik* (L. B. I, 24) 'Он заставил (велел) снарядить себя' или *Hann lét taka sik til konung* (Hkr. 569, 2), 'Он заставил избрать себя королем'.

В полной форме *sik* выступает как объект при инфинитиве, и синтаксическая особенность этого сочетания заключается в том, что и здесь в качестве объекта употреблено не обычное местоимение третьего лица, а возвратное местоимение *sik*, которое соотнесено не с субъектом инфинитива, а с субъектом личной глагольной формы: ср. русск. *он позволил крестить себя*. При стяжении местоимения со стоящим перед ним глаголом в инфинитиве получается весьма своеобразная конструкция, где возвратный агглютинирующий показатель соотнесен не с субъектом того глагола (инфинитива), который он оформляет, а с субъектом личной глагольной формы, т. е. с субъектом всего высказывания: в *lét skirask -sk* соотнесено с тем, кто заставил, а не с тем, кто крестил, хотя *-sk* и оформляет глагол *skíra* 'крестить'. Таким образом, конструктивно сочетание возникло все из того же управления глагола (*skíra*, *binda* и т. д.) винительным падежом возвратного местоимения, но при этом оно не только семантически, но и структурно отличается от обычных возвратных форм, образованных на основе глагольного управления винительным падежом. Структурно это употребление возвратного местоимения в древнеисландском очень близко своеобразным синтаксическим оборотам в готском, где возвратное местоимение сочетается не с инфинитивом, а с причастием: *jah gamunda Paitrus waurdis Iesuis qíþanis du sis* (M. XXVI, 75) 'и вспомнил Петр слова Иисуса, сказанные ему (Петру)'²²; *ip saei sokeiþ hauhiþa þis sandjandins sik* (J. VII, 18) 'но кто ищет возвышения пославшего его'. Употребление здесь *sik/sis* вместо *ina/imma*, которое точно соответствовало бы формам подлинника *αὐτόν/αὐτό*, подчеркивало определенную соотнесенность целого, замыкание всех признаков сферой субъекта. Не чуждо подобное построение и древневерхненемецкому: ср. *inti gisah gotes geist nidarstigantan, ... quemantan ubar sih* (Tatian 14, 4) 'и он увидел дух божий, спускающийся, ... приходящий на него (себя)' — *sih* относится к субъекту глагольной формы *gisah*.

Уже предварительный анализ типов синтаксических связей, лежащих в основе возвратной формы, в значительной мере отвлеченный от различных оттенков значения, показывает, сколь благодарной была бы задача сведения всего этого разнообразия к одному образцу, связанному с собственно-возвратной схемой. Не только сложные синтаксические обороты, но и конструкции с взаимным значением, многочисленные конструкции с предлогами, глаголы типа *idromk*, разнообразные формы с дательным падежом местоимения, наконец, *Reflexiva tantum* не укладыва-

лись в тесные рамки собственно-возвратной схемы, согласно которой основной всей структуры является совпадение субъекта и объекта действия.

3

Смысловая структура синтетических возвратных форм в скандинавских языках раскрывается на основе анализа содержания оппозиции возвратный глагол || невозвратный глагол. Суммарно, в очень обобщенном виде, содержание этой оппозиции может быть определено как противопоставление нецентробежного процесса процессу центробежному. Известные исключения обусловлены довольно интенсивной тенденцией придать формальный показатель лексеме, обозначающей нецентробежный процесс²³ (см. стр. 260). Гораздо существеннее другое уточнение: нецентробежность выступала в многообразных смысловых вариантах, связанных с широким понятием ограниченности процесса сферой субъекта, его субъектной соотнесенностью; нецентробежность отнюдь не характеризовалась безобъектностью и не была во всех случаях тождественна непереходности. Вместе с тем в определенной группе глаголов оппозиция нецентробежный процесс || центробежный процесс совпала с оппозицией процесс-состояние || процесс-действие.

Смысловая многовариантность основной оппозиции, обусловленная в одних случаях чисто лексическими факторами, в других — особенностями типов контекстов или структур, в которых употреблялся возвратный глагол, позволяет отрицать парадигматический характер этой микросистемы: в древнеисландском, очевидно, оппозиция возвратный глагол || невозвратный глагол характеризует отношения между определенными лексическими группировками или классами. Этим объясняется и известная дробность тех значений, которые являлись конкретными представителями общей категории нецентробежности. Выделяются следующие значения:

- 1) непереходность: ср., например, *finnask* 'находиться', *stey-pask* 'падать';
- 2) собственно возвратность типа *klæðask*;
- 3) взаимность, рассматриваемая как инклюзивный процесс (замкнутость сферой действия двух субъектов), типа *berjask* 'сражаться', *unnask* 'любить друг друга';
- 4) субъектная заинтересованность: *eygnask* 'овладеть чем-либо для себя', *beiðask* 'просить что-либо для себя';
- 5) разные типы субъектной соотнесенности, выражаемые:
а) моделью типа *hefið lind fyrir*, б) моделью Acc. cum inf.,
в) моделью *láta+inf.*;

²³ На готском материале точно так же прослеживается эта тенденция. См.: М. М. Гухман. Указ. соч., стр. 122—123.

²² Подробнее см.: М. М. Гухман. Указ. соч.

6) состояние + непереходность, выражаемые: а) разными лексическими группами, ср. *groenask* 'зеленеть', *andask* 'умирать'; б) глаголами аффекта и других психических состояний типа *hræðask*, *óask* 'бояться', *iðrask* 'раскаиваться';

7) центристимость процесса и аффицированность субъекта признака: а) модель типа *ferzk þeim vel* 'ездилось им хорошо', для которой характерно оформление субъекта признака дательным падежом, вся же модель передает зависимость признака от внешних факторов; б) аффицированность субъекта; этот разряд возвратных глаголов и становится в дальнейшем основой одного из компонентов развивающейся системы страдательного залога.

Необходимо указать, что в прежних классификациях многие из выделенных выше значений объединялись под одной категорией возвратности. Основное различие здесь даже не в том, что глаголы типа *leggjask* 'ложиться' или *setjask* 'садиться' относились согласно тем классификациям к группе форм с возвратным значением, а в данной работе относятся к категории ограниченности действия сферой субъекта, к непереходности. При некоторых глаголах в ряде случаев почти невозможно провести точную границу в отношении этих оттенков значения; гораздо существеннее тот факт, что выделяются различные типы соотносительности с субъектом, которые обычно попадали в общую группу случаев с возвратным значением, искусственно увеличивая частотность употребления рассматриваемых форм именно с данным значением и искажая тем самым соотношение различных функций в общей системе глагольных форм с возвратным формативом.

В свою очередь не менее важным представляется и выделение специально групп 5б и 5в: обе они точно так же попадали все в ту же категорию с собственно возвратным значением, причем первый из них, чрезвычайно употребительная, особенно в разных видах прозаической литературы, немало способствовала устойчивости положения о ведущей роли собственно-возвратного значения в системе возвратных форм. Между тем уже предварительный структурный анализ этой конструкции показал, что ее функции далеко выходят за рамки обычной возвратности.

Вместе с тем все указанные выше варианты основного значения возвратных конструкций могут быть сгруппированы вокруг двух семантических центров: ограниченность действия сферой субъекта, т. е. нецентробежность, и обозначение состояния. К первому тяготеют, как это будет видно далее, не только возвратность, субъектная соотносительность и то, что было выделено как субъектная заинтересованность, но и взаимность, а также оба сложных синтаксических оборота; ко второму центру близки глаголы аффекта и выражение пассивности носителя признака с обоими указанными выше оттенками.

* * *

Наиболее распространенным было употребление возвратных форм с непереходным, близким к абсолютному, значением. Сюда относятся следующие случаи из Эдды: *finnask* 'находиться', 'иметься' || *finna* 'находить': *iqrð fannz æva né upphiminn* (Völ. 3, 5) 'земля не имела (находилась), ни верхнее небо'; *steypask* 'упасть', 'рухнуть' || *steypa* 'ронять': *áðr verðld steypiz* (Völ. 45, 10) 'до тех пор, пока рухнет мир', ср. с другим оттенком значения: *konungr drap foeti oc steyptiz áfram* (Grm. 54) 'король споткнулся и упал'; *kyndask* 'загораться' || *kynda* 'зажигать', 'светить': *enn miqtuðr kyndiz* 'загораются конец мира' (Völ. 46, 2); *sœcqvask* 'погружаться' || *sœcqua* 'погружать': *nú mun hon sœcqvaz* (Völ. 66, 8) 'теперь она (Niðhoggr) должна погрузиться (скрыться)'; *snúask* 'извиваться', 'поворачиваться' || *snúa* 'поворачивать': *snýz iqrmingandr* (Völ. 50, 3) 'извивается змея Мидгарда'; *fyllask* 'наполняется' || *fylla* 'наполнять': *fylliz fiqrvi feigra manna* (Völ. 41, 1) 'наполняется жизненной силой обреченных' (в настоящем примере речь идет о Фенрире, который высасывает кровь у раненых воинов; возможно, что в данном контексте имеется оттенок возвратности); *qveykiask* 'зажигаться' || *qveykia* 'зажигать': *funi qveykiz af funa* (Háv. 57) 'огонь зажигается от огня'; *þróask* 'увеличиваться': *Ósnottir maðr, ef eignaz getr fé eða flióðs munuð, metnaðr hánom þróaz, enn manvit aldregi* (Háv. 79). 'Если глупец овладеет (для себя) сокровищем или любовью женщины, чванство его увеличится, а разумение — нисколько' (невозвратный глагол того же корня не засвидетельствован материалами); *firrisk* 'удаляться', 'избегать' || *firra* 'терять', 'лишать': ... *at mic mun seint firraz ið manunga man* (Háv. 162, 2) 'чтоб меня (не) избегала дева прекрасная'; *riúfask* 'гибнуть' || *riúfa* 'ломать': *Enn í þrúðheimi scall Þórr vera, unz um riúfaz regin* (Grm. 4, 4) 'в Т. будет жить Тор до тех пор, пока не погибнут боги'; *vansk* 'иссякать', 'уменьшаться' || *vana* 'уменьшать': *scapker fylla hon scal ins scíra miaðar, knáat sú veig vanaz* (Grm. 25, 4) 'бочку она наполнит искрящимся (светлым) медом, не может этот напиток иссякнуть'; *nálgask* 'приближаться': *nálgaztu mic* (Grm. 53, 6; невозвратный глагол того же корня в памятниках не засвидетельствован); *alask* 'питаться': *enn þat fáir vito, við hvat einheriar alaz* (Grm. 18) 'и немногие знают, чем питаются жители Вальхалы' (alaz в данном контексте имеет известный оттенок возвратности); со значением 'рождаться': *þó þær með iqrtnom alaz* (Vm. 49, 6) 'хотя они родились от великанов'; *setiask* 'садиться' || *setia* 'сажать': *Þær á sævar strönd settuz at hvílaz* (Vkv. 1, 5) 'Там, на берегу озера, сели, чтоб отдохнуть'; ср. также *fýssask* 'стремиться' || *fýsa* 'понуждать': *Meiðar fýstuz á myrkvan við* (Vkv. 3, 7) 'Девы стремились в темный лес'; *hefiask* at lopti 'взлететь' 'подняться' || *hefia* 'подымать': *Hlæiandi*

Völundr hófz at lopti (Vkv. 29, 5) 'Смеясь, поднялся В.'; kípask við 'вздрагивать', 'сотрясаться' || kípna 'тянуть', 'хватать': Þa kiptiz hann svá hart við, at þaðan af skalf iorð öll (Ls. 65, проза, 7) 'Тогда вздрагивает (сотрясается) так сильно...'; felask 'прятаться', 'скрываться' || fela 'прятать', 'скрывать': Enn eptir þetta falz Loki í Fránangrsforsu (Ls. 65, проза, 1) 'А после этого скрылся Локи в потоке Франагра'; ср. также Н. Н. II, 29; leynask 'скрываться' || leyna 'прятать' (Vm. 45, 2); forðask 'спастись', 'укрыться', 'убежать' || forða 'спасать', 'продвигать': Enn Helgi mátti eigi forðaz annan veg (Н. Н. II, 1, проза, 3) 'Но Х. не мог скрыться иным путем, как...'; dylask 'скрыться' || dylia 'скрывать' (Н. Н. II, 13, 7); grænask 'уменьшаться', 'тухнуть', 'меркнуть': qveð ec grams þiníg grænaz vánír (Н. Н. II, 50, 5) 'говорю я, надежда (на возвращение) витязя сюда меркнет' (простой глагол того же корня в памятниках не засвидетельствован); hamask 'превращаться': Fránmarr íarl hafði hamaz í arnar líki (Н. Нv. 5, проза, 8) 'Ярл Ф. превратился в орла' (глагол с невозвратной формой отсутствует в древнеисландском; возвратный глагол образован от существительного hamr 'оболочка', 'форма'); dvelask 'оставаться', 'пребывать', 'поселиться' || dvelia 'задерживать', 'медлить', 'откладывать' (Н. Нv., проза, 8; с этими значениями глагол встречается очень часто, особенно в прозаической литературе); festask 'прикрепляться', 'укрепляться' || festa 'прикреплять' (Н. Нv. 5, проза, 15); lemiask 'биться', 'разбиться' || lemia 'ударять', 'бить' (Н. Нv. 21, 4); hristask 'встряхиваться' || hrista 'трясти': marir hristuz (Н. Нv. 28, 4) 'кони встряхивались'; gøgask 'случаться' || gøga 'делать', 'строить': hvat mun fyrst gøraz (Grp. 8, 5) 'что должно прежде всего случиться'; встречается весьма часто со значением 'готовиться': ср. Ág var, þatz Guðrún gøgðiz at deya (Gðr. 1, 1) 'Однажды было так, что Г. готовилась к смерти'; þeystask 'носиться в бешенстве' || þeysa 'гнать вперед': þeystiz uf becci (Am. 26, 4) 'носится в бешенстве (поток) по скамьям'; boetask 'улучшаться' || boeta 'улучшать' (Am. 102, 2); rakiask 'подыматься' || rakia 'собирать', 'разворачивать': gasþiz ór swefni (Am. 90, 1—2) 'поднялся от сна'; lítask um 'осматриваться' || líta 'смотреть': Illt er um lítaz (Am. 54, 3) 'Плохо (страшно) осматриваться вокруг'; lýsask 'светиться' || lýsa 'освещать': í veltanda vatni lýsaz valbaugr (Akv. 27, 9) 'в бушующем море светится клад' (welsche Ringe); foeðask upp 'расти' || foeða 'кормить', 'рожать', 'воспитывать': þar foeddiz upp Svanhildr, Sigurðar dóttir (Frá Guðrúno, проза, 6; во 2-м изд. Эдды отнесено к Ghv.) 'выросла Свангильда, дочь Сигурда'; foeðask встречается с разными оттенками значения — 'воспитываться', 'рождаться', например: konog oc karlar qvi-sqvír foeðaz (Hbr. 14, 4) 'женщины и мужчины рождаются для жизни' (см. также ниже подробный анализ этого глагола).

Приведенные примеры далеко не исчерпывают всех случаев употребления возвратных форм с непереходным медиальным значением, встречающихся в песнях Эдды. Более или менее полно они даны из памятников типа Völuspá; что касается цикла о Сигурде, то здесь примеры взяты выборочно. Кроме того, случаи повторного употребления не включены. Характерным для разного стиля отдельных песен Эдды является и то обстоятельство, что если значительно большее число возвратных форм в Völuspá передает именно ограниченность действия сферой субъекта и форм с собственно-возвратным значением не имеется, то несколько иную картину дают другие песни.

Приведенный выше материал не вполне однороден по своему значению. Хотя глаголы с возвратным формантом во всех случаях противостоят как непереходные переходным глаголам без местоимения, но соотношение дифференциальных признаков плана содержания не одно и то же в разных парах. Так, в одной группе возвратный формант превращает переходный глагол действия в медиальный глагол состояния: ср. riúfa 'ломать' || riúfask 'гибнуть'; finna 'находить' || finnask 'находиться', 'иметься'; foeða 'кормить', 'воспитывать' 'рожать' || foeðask 'рождаться', 'воспитываться', 'расти'; lýsa 'освещать' || lýsask 'светиться' и т. д. При этом глагол состояния имеет тенденцию в определенном контексте приобретать черты признака, аффицирующего субъект, ср., например: funi qveyciz at funa. В этой группе никакого даже оттенка возвратного значения не наблюдается.

В другой группе глаголов оба члена пары остаются глаголами действия и отличие заключается в том, что возвратный глагол передает различные оттенки ограниченности действия сферой субъекта, точнее, различные оттенки непереходности, включая сюда и возвратность. К этой категории могут быть отнесены: søssva 'погружать' || søssvask 'погружаться'; leyna 'скрывать' || leynask 'скрываться'; snúa 'поворачивать' || snúask 'поворачиваться', 'извиваться'; fela 'прятать' || fellask 'прятаться'; dylia 'скрывать' || dylask 'скрываться'; setia 'сажать' || setiask 'сидеть'; с более ясным оттенком возвратности: ala 'кормить', 'питать' || alask 'питаться'. В отношении ряда глаголов контекст уточняет преобладание общей непереходности, субъектной ограниченности или возвратности: так, например, forðask 'спастись', но и 'убежать'. Нередко постановка возвратного местоимения меняет не только грамматическую, но и лексическую характеристику глагола: ср., например, gøga 'делать' 'строить' || gøgask 'случаться'; в иных случаях простой глагол допускает как переходное, так и непереходное осмысление, типа mæla 'говорить', тогда как возвратное местоимение не только уточняет абсолютное значение глагола, но и сообщает ему дополнительный оттенок: mælask 'говорить как бы про себя', 'бормотать'.

Не менее многочисленны и разнообразны случаи употребления возвратных форм с непереходно-медиальным значением в прозаической литературе. В качестве примера «народного стиля» остановимся на *Hónsna-Póres saga* и выборочно на *Gunnlaugs-saga* и *Völsungasaga*.

Hónsna-Póres saga. *Görask* 'становиться', 'делаться' || *göra* 'делать', 'готовить': *áðr hann görðesk suá mikell auðmaðr* (2, 14) 'прежде чем он сделался столь богатым человеком'; ср. приведенные выше случаи употребления этого же глагола в Эдде; с несколько другим оттенком: *Vetrenn görðesk þúí verre* (5, 22) 'Эта зима случилась столь скверная...'; ср. также: *at hann görðesk þinn fiándmaðr* (8, 24) 'он сделался твоим врагом'; *vistask* 'жить', 'пребывать' || *vista* 'поселять', 'снабжать провизией': *ok þar vistaðesk hann um vetrenn* (8, 34) 'и там жил он в течение зимы'; *hliótask* 'приисходить', 'случаться в результате чего-либо' || *hlióta* 'получать', 'собирать жатву': *vilda ek giarna, at eige hlytesk illt af mér* (24, 6) 'я бы очень хотел, чтобы не случилось зло из-за меня'; *setiask* 'садиться' || *setia* 'сажать'; *leggiask* 'ложиться' || *leggia* 'класть'; *hefiask* 'подниматься', 'начинаться' || *hefia* 'подымать', 'начинать'; *lúkask* 'закрываться', 'кончаться' || *lúka* 'закрывать', 'кончать': *hófsk þetta mál illa: kann ok vera at súa lúkesk* (12, 4) 'началось плохо, может быть, так и кончиться'; *skiliask við* 'уезжать', 'отправляться в путь' || *skilia* 'разлучать', 'разделять': *þeir skiliask nú eige fyrr við* (12, 8) 'они не уехали, не удалились'; ср. с тем же значением 4, 16; *reynask* 'оказываться' || *reyna* 'испытывать', 'пробовать': *eige reyndosk þesse vel* (13, 15) 'это оказывается неудачно'; *haldask* 'продолжаться' || *halda* 'держат', 'сохранять': *Helzk honom enn óvinsælden* (2, 32) 'Нелюбовь (вражда) к нему продолжалась', ср. также 2, 16; *flytiask* 'отправляться', 'сбежать' || *flytia* 'перевозить', 'доставлять': *En ek veit, at ér flytezk eige ór höfnenne* (3, 14) 'И я знаю, что вы не отправитесь из гавани'; *fásk* 'иметься', 'получаться' || *fá* 'брать', 'получать': *en hey fásk lítell* (4, 28) 'и сена имелось (получилось) мало'; *takask* 'иметь место', 'случаться' || *taka* 'брать', 'хватать': *teksk brátt mann-fall* (21, 6) 'скоро будут иметься мертвые'; *spillask* 'погибнуть', 'разрушиться' || *spilla* 'разрушать', 'губить', 'уничтожать': ... *at eige spilledsk* (7, 21) '... что оно не погибнет'.

Таким образом, и анализ саги о Н. Р. показывает разнообразное употребление возвратных форм с непереходно-медиальным значением. И здесь возвратный показатель выделял в одних случаях непереходный глагол состояния типа *fásk* 'иметься', 'получаться', *takask* 'иметь место', *spillask* 'погибнуть', *vistask* 'жить'; в других — только непереходное осмысление глагола действия: *setiask* 'садиться', *leggiask* 'ложиться', *skiliask við* 'уезжать', *flytiask* 'сбежать'. В ряде случаев возвратный формант вносил и определенный новый семантический оттенок.

К этому материалу могут быть добавлены примеры из саги о Гуннлауге и саги о Вольсунгах.

Gunnlaugssaga. Ряд глаголов, как, например, *gørask* 'становиться', 'делаться' (ср. XI, 48), *setiask* 'садиться' (II, 20), *dveliask* 'оставаться', 'пребывать' (X, 33), *vistask* 'остаться' (II, 5) и т. д., встречаются с тем же значением, что и в приведенных выше материалах.

Ниже даются только те глаголы, которые не приводились в ранее проанализированных текстах: *spugiask* 'распространяться', 'узнаваться' || *spyrja* 'спрашивать', 'узнавать': *Ok um sumarit áðr þessi tíðindi spurðusk út hégat Islands* (XVII, 1) '... распространились до Исландии'; *skipask* 'устанавливаться', 'устраиваться' || *skipa* 'устанавливать', 'приводить в порядок'; *látask* 'гибнуть', 'умирать' || *lata* 'оставлять', 'ставить': *ok látask báðir af þúí efni* (XI, 57) 'и погибли оба по этой причине'.

Völsungasaga. *Villask* 'заблудиться' || *villa* 'кого-нибудь запутывать', 'вводить в заблуждение': *ek hefi vilz á skóginum úti* (7, 11) 'я заблудился в лесу'; *briótask* 'сопротивляться', 'противиться' || *brióta* 'ломать', 'разломать': *hon bryz ekki við þúí* (7, 8) 'она не противилась'; *bregðask við* 'сопротивляться' || *bregða* 'приводить в движение' (7, 29); *fremiask* 'процветать', 'становиться достойным' || *fremia* 'выполнять что-либо'; *stelask* 'подкрасться' || *stela* 'красть'; *fríðask* 'расти', 'цвести' || *fríða* 'оплодотворять': *Sigurðr swarar: þá frjóumz vér mest, ef vér búum saman* 'Мы будем лучше цвести (процветать), если мы будем вместе (поженимся)'.

Многие глаголы, встречающиеся и в этой саге, приводились уже выше: *standask* 'устоять' (42, 12), *lúkask* 'кончаться' (9, 3), *leynask* 'прятаться' (8, 53), *gørask* 'становиться' (1, 36), *takask* 'случаться' (3, 8; 9, 3), *spugiask* 'распространяться', 'стать известным' (5, 25) и т. д.

Анализируя весь этот разнообразный материал, можно и здесь отметить, что в противопоставлении возвратной и невозвратной форм выступали не только разные лексико-грамматические значения, но и разные лексические оттенки, так, например, *spyrja* 'спрашивать' отличается от *spugiask* 'становиться известным' не только характером самого признака в его отношении к субъекту, но и нюансами чисто лексического свойства. Это же замечание необходимо отнести к значительному числу глаголов, ср., например: *bregðask við* 'противиться' и *bregða* 'ломать'; *látask* 'умирать' и *lata* 'оставлять' 'ставить', 'позволять'; *takask* 'случаться', 'иметь место' и *taka* 'брать', 'хватать'.

Однако даже в тех случаях, когда возвратный формант вносил новое лексическое содержание, противопоставление возвратной формы простой форме всегда отражало противопоставление действия, замкнутого сферой субъекта, действию, направленному на внешний объект. В тех случаях, когда имеются

своеобразные Reflexiva tantum т. е. глаголы, не имеющие противопоставления с простой формой переходного глагола, сохраняется ведущая семантика медиального осмысления действия.

Те же закономерности подтверждаются и материалом древнейшей истории Исландии, а также Landnama Bók и фрагментами одного из ранних переводов с латыни, так называемым «Исландским физиологом».

В языке ученого стиля встречается ряд уже приведенных выше глаголов: leggiask niðr 'расположиться' (L. I. 297, 7), gøtask 'случиться' (L. I. 296, 20), fýsask 'стремиться' (L. B. 27, 8), reynask 'случаться' (L. B. 44, 19), leynask 'скрыться' (L. B. 156, 18), finnask 'находиться' (Ph. 13, 16), dveliask 'пребывать' (L. B. 156, 14), flytiask 'отправиться' (L. B. 37, 19), snúask 'обратиться', 'повернуться' (Ph. 13, 3), villask 'блуждать' (L. B. 6) и др.

Дополнительно могут быть приведены: eldask 'становиться старше' (L. B. 57, 3) (невозвратного глагола этого же корня нет); eldask того же корня, что и eldr 'возраст': en þá es Asmundr eldzk (L. B. 57, 3) 'и когда А. вырос'; týnask 'теряться', 'гибнуть' || týna 'терять': þá týndoz þeir aller (L. B. 54, 10) 'тогда погибли они все'; ср. также L. B. 17, 15; treystask 'решаться' || treysta 'делать сильным' (L. B. 15, 5); takask 'укрепляться' || taka 'брать': at hér mænde kristne enn takask (L. I. 295, 11) 'чтобы христианство здесь могло укрепиться'; ráðask 'решаться', 'отправляться': þú í rérk Hrólfr vestr til B. (L. B. 43, 18) 'после этого отправился Х. на запад к В.'; аналогичный случай 72, 16; leysask 'освободиться' || leysa 'освобождать' (L. I. 297, 4); samnask 'собираться' || samna 'собирать': En litlir fiskar kenna ilm ok samnask saman í munn hans (Ph. B. 8) 'И маленькие рыбы чувствуют запах и собираются в его рот'; drekkiask 'тонуть' || drekkia 'топить': ok drekkjask í ellífar kvalar með fianda (Ph. B. 8) 'и тонет в вечных мучениях...'; ср. там же аналитическую форму: ok drekkir sér í sjó 'тонет в море'.

При анализе материала последних памятников выступают те же значения, которые отмечались выше в языке Эдды и саг. Непереходность в одних случаях сочеталась с состоянием, характеризующим инактивный субъект, ср., например, eldask 'становиться старше', týnask 'гибнуть'; в других — она характеризовала глагол действия, подчеркивая его субъектную соотнесенность: leysask 'освободиться', samnask 'собираться' и т. д. В глаголах состояния элемент возвратного осмысления процесса обычно не ощущался, во второй же группе глаголов лишь некоторые случаи давали своеобразный непереходно-возвратный оттенок: ср., с одной стороны, leysask 'освободиться', с другой, samnask 'собираться'. В первом можно уловить такое соотношение процесса и деятеля, при котором производитель признака мыслится вместе с тем и как его объект, во втором подобные соотношения

отсутствуют: samnask не обозначает действия, направленного на какой-либо объект, а выражает простую безобъектность. Поэтому первый пример может быть истолкован как образец обозначения непереходно-возвратного процесса, второй же — как подчеркнутая безобъектность.

Приведенный материал, охватывающий около 70 разных возвратных глаголов, встречавшихся в памятниках разного стиля, позволяет говорить о наличии известной лексико-грамматической системы, основой которой является противопоставление субъектной замкнутости процесса, нецентробежности, — его объектной направленности, центробежности. Количество приведенных глаголов, разнообразие их семантики позволяют говорить о том, что мы имеем дело не с частными, индивидуальными оттенками отдельных глаголов, а с определенной семантико-морфологической тенденцией.

Как уже отмечалось выше, нередко непереходность совпадала в одном глаголе с обозначением состояния, тогда к противопоставлению (в формах возвратного и простого глагола) нецентробежный || центробежный процесс добавлялось противопоставление глагол состояния (возвратный глагол) || глагол действия (простой глагол).

При анализе значения отдельных глаголов проявляются иногда разные оттенки непереходности; это неизбежно: хотя автор и стремился по возможности отграничить материал этой группы от других, семантически весьма близких случаев употребления возвратной формы, однако сам характер данной системы, переплетение лексических оттенков с выражением грамматических отношений, не мог дать полную смысловую однородность.

Неодинаково при разных глаголах и отношение субъекта к производимому признаку: если в примерах типа Þær á sævarströnd settuz или ok þar vistaðesk hann um vetrenn функция возвратной формы сводится лишь к выражению субъектной замкнутости процесса и субъект осмысливается как производитель известного признака, то в ряде случаев субъект возвратного глагола оказывается лишь пассивным носителем характеризующего его признака: ср., например, характерную для многих песен Эдды формулу Unz um riúfaz regin где, конечно, гибель богов наступает в результате воздействия не зависящих от них сил, или из той же Эдды: konor oc karlar qvicqvir foðaz; сюда же могут быть отнесены и примеры с глаголом lysask 'светиться': veltanda vatni lysaz valbaugr и употребление глагола spillask со значением 'разрушиться', 'погибнуть' в Н. Р. и целый ряд других глаголов. Во всех этих случаях непереходность осмысления процесса выступает не менее ясно, чем в предыдущих примерах, особенно при сопоставлении с простым глаголом, однако с еще большей четкостью проявляется характеристика процесса

как состояния, осуществляющегося независимо от субъекта последнего.

Подобное сочетание непереходности и состояния в свою очередь не является индивидуальной особенностью отдельных глаголов, но образует один из основных элементов той функциональной системы, которая вырабатывалась в противопоставлении возвратных и простых глаголов.

Это положение находит подтверждение в анализе содержания оппозиции простых и возвратных глаголов, производных от имен: возвратная форма выражает становление известного качества, свойства, субъекта как чего-то, не зависящего от него, простая же форма передает осуществление известного процесса, направленного на какой-либо объект, причем субъект такого глагола воспринимается как активный производитель данного процесса, ср., например:

Глагол	Имя	Соответствующая невозвратная форма
aufgask 'богатеть'	aufigr 'богатый'	aufga 'обогащать'
durfask 'быть смелым, дерзким'	djarfr 'смелый', 'храбрый'	durfa 'делать смелым'
eyðask 'опустошаться', 'становиться пустым'	eyði 'пустынный'	eyða 'делать пустынным', 'опустошать'
festask 'укрепляться', 'усиливаться'		fasta 'делать сильным, прочным', 'укреплять'
fyllask 'наполняться'	fullr 'полный'	fylla 'делать полным', 'наполнять'
frjóvask 'множиться', 'размножаться'	frjór 'плодородный', 'изобильный'	frjóva, frjóa 'размножать'
lengjask 'удлиняться', 'становиться длинным'	lengi 'длинный'	lengja 'делать длинным', 'удлинять'
minnkask 'становиться маленьким', 'уменьшаться'	minnr 'меньший'	minnka 'уменьшать', 'делать маленьким'
aukask 'увеличиваться'	auki 'увеличение', 'рост'	auka 'увеличивать', 'умножать'
magnask 'становиться сильным'	magn 'сила', 'власть'	magna 'колдовать', 'делать сильным (благодаря колдовству)' и т. д.

При сопоставлении значения возвратной и простой форм трудно заметить, что первая из них в приведенных парах обозначает некоторое свойство или качество, которое приобретает

субъектом (он становится 'богатым', 'пустынным', 'полным', 'длинным', 'маленьким') независимо от участия последнего в данном процессе; вторая, наоборот, выражает активное воздействие на внешний объект ('делает богатым', 'смелым', 'пустынным', 'длинным', 'полным' и т. д.); иначе говоря, возвратная форма и в этой группе глаголов связана с обозначением состояния, характеризующего субъект, пассивный по отношению к признаку, выражаемому этой формой. Парные простые глаголы, напротив, во всех случаях характеризуют субъект как активного производителя признака, направленного к тому же на внешний объект. Вместе с тем первые глаголы соотнесены только с субъектом и, таким образом, всегда безобъектны, тогда как вторые всегда предполагают воздействие на некий внешний объект, т. е. переходны.

Таким образом, и в этой группе производных от имен глаголов наблюдается близость состояния и непереходности, с одной стороны, переходности и действия — с другой. Продуктивность этих образований говорит о выработанной системе соотношений, при которой возвратная форма воспринимается как формальный показатель непереходности~нецентробежности и состояния.

Именно в этой связи особенно четко выступает функциональная близость возвратной формы скандинавских языков и IV класса готских слабых глаголов. В отдельных случаях имеется полное совпадение значений обеих форм, полная эквивалентность их, как, например: гот. fullnan, др.-исл. fyllask 'наполняться', 'становиться полным'; гот. biauþnan, др.-исл. aukask 'увеличиваться'; гот. minniznan, др.-исл. minnkask 'уменьшаться'; гот. mikilnan, др.-исл. mikilask 'возвеличиваться'; гот. galuknan, др.-исл. lukask 'закрываться'. Противопоставление возвратной и простой формы в указанных выше примерах отражает те же закономерности, что и противопоставление готских глаголов IV класса — непереходных и состояния — переходным глаголам действия, как слабым, так и сильным. Интересно, что обе формы одинаково широко используются для образования отыменных глаголов состояния, выражающих охват субъекта каким-либо процессом, при этом готской паре переходный глагол действия I класса || непереходный глагол состояния IV класса соответствует скандинавская пара: простая форма переходного глагола действия || возвратная форма глагола состояния.

Необходимо оговорить, что в ряде случаев в скандинавских языках производный от имени возвратный глагол выступает изолированно, без соответствующего парного переходного глагола, — так называемые Reflexiva tantum, представляющие своеобразную параллель к греческим Media tantum. И в этой изолированной позиции, однако, возвратные формы сохраняют ту же семантику, что и в случаях их соотнесенности с простыми

формами переходного глагола: ср. *groenask* 'зеленеть' от *groenn* 'зеленый'; *fyrnask* 'стареть', *fyrnd* 'возраст', 'старость', 'древность', *fyrnska* 'возраст'; *daufheydrask* 'быть глухим, тугим на ухо', *daufheydr* 'тугой на ухо'; *syndgask* 'грешить', *synd* 'грех'; *vingask* 'дружить', *vingan* 'дружба'; *hrymjask* 'становиться старым и бессильным', *hrymdr* 'бессильный от старости'; *eldask* 'становиться старым', *aldr* 'возраст', 'старость'; *herstask* 'быть грубым', *herstr* 'грубый'.

В качестве частного случая использования возвратной формы для выражения состояния, наступающего независимо от субъекта, могут быть отмечены возвратные глаголы, обозначающие 'гибель', 'смерть': ср. *andask* 'умирать', 'кончаться' (одна из наиболее ранних возвратных форм, встречающаяся в шведских рунических надписях), *tynask* 'гибнуть', *tapask* 'погибнуть', *latask* 'умереть', 'погибнуть', *tiufask* 'гибнуть', *spillask* 'гибнуть', *lukask* 'умереть'. И здесь наблюдается близость с готскими глаголами IV класса, где также выделяется эта группа: ср. *fralusnan*, *gadaufnan*, *fragistnan*, *andletnan*, *gaþaursnan*.

При наличии столь большого сходства определенных грамматических тенденций необходимо, однако, подчеркнуть и принципиальные различия: они заключаются не только в том, что возвратные глаголы древнеисландского, в отличие от готских глаголов IV класса, далеко не всегда дают подобное переплетение значений непереходности и состояния, о чем говорят такие глаголы, как *setiask*, *leggiask*, *snúask*, *skyliask*, *leynask*, *felask*, *ráðask*, но и в характере употребления этих форм с различными оттенками субъектной соотнесенности начиная от собственно-возвратности (см. ниже); индивидуальной особенностью является и лексическая природа всей системы в целом, что затрудняет выделение инварианта плана содержания.

Эта особенность древнеисландских возвратных глаголов связана частично со свойственной этому языку большей многозначностью каждой глагольной лексемы, что и сообщает всей системе столь многоаспектный характер.

Вместе с тем основные два значения возвратных конструкций, выступившие при анализе древнеисландских синтетических форм, характеризуют и функционирование сочетания глагол + возвратное местоимение в готском и древневерхненемецком. Следует лишь указать, что в готских памятниках до известной степени преобладает выражение нецентробежности над обозначением состояния. Впрочем, и в древнеисландском, как уже отмечалось, весьма часто возвратное оформление характеризует именно непереходный глагол действия.

Подобранный выше материал характеризовал употребление возвратной формы для обозначения нецентробежности в широком смысле слова. Эта функция рассматривается нами как одна из основных во всей системе; то обстоятельство, что обозначение

состояния, рассматриваемое нами как второй семантический центр всей системы, в ряде случаев переплеталось с непереходностью, создает основу для раскрытия известного семантико-грамматического единства за всем многообразием использования интересующих нас форм. Однако для этого необходим анализ других случаев употребления возвратных глаголов.

Из всех случаев обозначения непереходности процесса наименее продуктивным было использование возвратных форм с собственно рефлексивным значением.

Если некоторые формы, приведенные выше как примеры общей непереходности, и истолковываются обычно как возвратные, то это происходит лишь потому, что понятие возвратности очень расширяют и в него вкладывают часто просто известную субъектную направленность; возвратность же, являющаяся лишь частным случаем субъектной соотнесенности, легко подменяла при анализе другие субъектные отношения, что искажало первоначальные синтаксические связи.

В данном исследовании делается попытка более четко ограничивать возвратность от других случаев субъектной соотнесенности для того, чтобы определить с возможной ясностью ее место в общей системе возвратных форм.

В древних скандинавских языках подобная дифференциация представляет значительно большую трудность, чем, например, в русском языке. А. А. Шахматов, как известно, пытался сделать определяющим критерием собственно-возвратного значения возможность или невозможность употребления оборота с полным возвратным местоимением. Не говоря вообще о спорности этого критерия, для скандинавских языков он вряд ли был бы убедителен: существующий своеобразный параллелизм аналитических и синтетических форм не позволяет использовать этот критерий как один из решающих. Трудность вопроса заключается в том, что приходится опираться на семантико-синтаксический анализ. Учитывая вместе с тем, что в подобный анализ почти неизбежно вносятся элементы современного восприятия, автор полагает, однако, что этот путь является единственно возможным для уяснения смысловой структуры данной морфологической системы в определенный исторический период ее существования.

Если Нюгорд относит такие глаголы, как *setjask*, *leggjask*, к глаголам «с затемненным возвратным» значением, следовательно, к глаголам медиальным в широком смысле этого слова, то и введенные выше глаголы типа *snúask* 'поворачиваться', 'возвращаться', *sökkvask* 'погружаться', *felask* 'прятаться' и т. д. должны быть отнесены и были нами отнесены не к группе глаголов с собственно-возвратным значением, а к группе медиальных глаголов. В прежних работах синхронное исследование контекста или самой конкретной глагольной формы подменялось рассуждениями относительно того, что *сидиться* означало когда-то

сажать себя (?), а ложиться — класть себя, возвращаться — возвращать себя и тому подобными довольно спорными соображениями.

В то время как возвратность связана с представлением о действии, которое субъект совершает по отношению к самому себе, так же как он может его совершить по отношению к другому, общая категория медиальности выражает значительно более неопределенную субъектную соотношенность. Именно эта неопределенная субъектная соотношенность характеризует большинство медиальных глаголов действия, тогда как медиальные глаголы состояния типа *dveljask* или *gørask* дают гораздо большее расхождение значения с собственно-возвратным истолкованием подобной конструкции.

Преобразование простого глагола действия в возвратный глагол состояния сопровождается таким сдвигом первоначального значения, что часто лишь формальный критерий — возможность употребления того же глагола с полным возвратным местоимением — позволяет, например, П. Ёлипу отнести древнешведское *dveljask* к тем 30 возвратным глаголам, которые, по его мнению, сохранили собственно-возвратную семантику, ср. *dvelja* 'удерживать', 'препятствовать', 'мешать' — *dveljask* 'оставаться', 'пребивать', 'задерживаться'.

В значительной степени ближе возвратное толкование тех глаголов действия, которые получали при помощи возвратного местоимения непереходный характер. Однако и здесь факты подтверждают неправильность традиционной интерпретации.

Выше указывалось, что в ряде случаев сам факт управления данного глагола дательным падежом препятствовал осмыслению глагола с собственно-возвратным значением. Характерно также, что в эпоху написания старшей Эдды формы, квалифицировавшиеся обычно как собственно-возвратные, отнюдь не ощущались как таковые, что явствует из материала весьма своеобразных примеров, где синтетическая форма сопровождается еще дательным падежом возвратного местоимения, по-видимому, для выражения отношения подчеркнутой возвратности, см.: *Hvat er þat fiska, er renn flóði í? kannat sér við víti varaz* (Rm. 1) 'Что это за рыба, которая плывет в реке, не может (себе) уберечься от несчастья'; *Hon lét sér fatt um finnask* (Eyr. 226, 1) 'Она мало обратила на это внимания', буквально: 'она позволила себе мало проявиться, выражаться' (соответствует нем. *sie ließ sich wenig äussern*). Аналогичная конструкция встречается и с глаголом *feilask*, относящимся к категории *Reflexiva tantum*: *Enn Sinfiotli lét sér ekki feilazt* (Vqls. 17, 29) 'И С. не позволил себе колебаться, быть в нерешительности'.

С точки зрения синхронного анализа большинство возвратных форм, противостоящих простым глаголам с объектом в винительном или дательном падеже, а также с предложными

конструкциями, выражали общий медиальный характер действия, приближающийся скорее к непереходности, нежели к подлинной рефлексивности.

* * *

Лишь небольшое число примеров может быть определено с преобладающим возвратным значением; ср. *Siálftr barsk þar þu* (Ls., проза, 11) 'Само несло (подавало) себя пиво', где возвратность подчеркивается дополнительным *siálftr* 'само'; или *Sigurdarkviða: þeim hétomc þá* 'Тому обещала я себя тогда', (Sg. 39, 1); *Enn Hjórdís giptiz þá Álfu* (Sf. 31) 'А Х. вышла замуж (отдалась) тогда за А'.

В свою очередь более определенное возвратное значение имеют возвратные формы при глаголе *klæða* — *klæða sik* 'одеться': *ok það klæðask* (H. P. 16, 22) 'и попросил тогда одеться'. Возвратное значение имеет форма *biððask*: *ek mun biððask til at fylgia...* (H. P. 24, 23) 'я предложу себя, чтобы преследовать...'. Двойное осмысление допускают возвратные формы при глаголах *heita* и *nefna*; так, например, стихи 46, 1 и 48, 5 из *Grímnismál*: *Hétomc Grímr, hétomc Gangleri* 'Я назывался Гримр, я назывался Ганглеру'; *eino nafni hétomc aldregi* 'одним именем я не назывался никогда' могут быть истолкованы 'я называю себя' с определенным возвратным оттенком и 'я назывался' в значении, близком к 'меня называли'. Аналогичный случай представляет, собственно говоря, и конструкция с глаголом *nefna*: *ok nefndisk sá Þóromr er fyrir þeim var* (Gunnl. IX, 22) 'и назывался тот Т..., который был впереди их'. Особую группу составляют *Verba dicendi*, к которым может быть присоединен глагол *þykkja* 'думать', 'полагать', т. е. те глаголы, которые образуют неоднократно уже упоминавшуюся конструкцию *Ass. cum inf.* Отличием *Verba dicendi* является характер объектной связи глагола, о чем уже писалось выше; именно этот характер и не позволяет в данном случае говорить об идентичности этого типа синтаксической связи с оборотами при *klæða*: ср. *Hvat er þat recca er í ráðom tellz fljóðs ins fagrólóa* (Alv. 5, 1) 'Кто этот муж, который объявляет себя опекуном этой девы прекрасной'; ср. также: *ok sǫgþosk huáreg yr logom við aþra* (L. I. 997, 1) 'и сказал про себя (объявил себя) каждый (свободным) от закона (союза) с другим'.

Весьма часты подобные сочетания с глаголом *þykkja* 'думать', 'полагать'; специфический характер лексико-синтаксического сочетания этого глагола с объектом определяется тем, что он является не глаголом действия, а глаголом состояния. В связи с этим здесь, как и при *Verba dicendi* и *declarandi*, отсутствует та аффицированная объекта, которая характеризует обычно объектные отношения переходного глагола действия; тем самым

и совпадение этого объекта с субъектом высказывания имеет иной оттенок значения, чем при глаголах действия: ср. *geisar þat þóttuz, er þeir rift höfðu* (Háv. 49, 4) 'воинами они считали себя, когда получили одежду' (речь идет о деревянных болванах); ср. также 47, 4.

Выделение всей группы с преобладающим возвратным значением, конечно, весьма условно. Оно условно прежде всего потому, что сами границы узковозвратного и медиального значения неопределенны и семантический анализ, подчеркивающий преобладание того или иного оттенка, несомненно, может быть спорным. Вероятно, однако, при некоторых глаголах и в некоторых конкретных условиях преобладает логическое ударение на объекте, которое и позволяет говорить о категории возвратности. Именно это и имелось в виду при анализе данной группы примеров.

* * *

Значительно яснее выступает в пределах общей медиальности и нецентробежности, наряду с уже упоминавшейся выше непереходностью, или ограниченностью действия сферой субъекта, категория своеобразной субъектной соотносительности и того, что было определено как субъектная заинтересованность.

Первая характеризуется выражением различных оттенков субъектной связи, часто принимающих форму возвратной конструкции с предлогом, ср., например: *Hrúmr esg austan, hefiz lind fyrir* (Völ, 50, 1) 'Гримр правит с востока, держит перед собой щит'. Структура подобных сочетаний рассматривалась выше, семантика же возвратной формы в данном контексте передает особый характер протекания действия: прямым объектом при сказуемом является *lind* 'щит', предлог + возвратный формант уточняют тот способ, каким совершается действие, выраженное глагольным корнем, выступая в качестве своеобразного определителя этого действия. Наличие возвратного форманта указывало лишь на то, что действие совершалось в известном отношении к субъекту.

Несколько иной характер имеют возвратные формы с предлогом от глаголов *nýsa* 'высматривать', *sjá* 'смотреть кругом', ср.: *svá nýsiz froðra hvegr fyrir* (Háv. 7, 6) 'так каждый умный человек осматривается вокруг себя'; ср. аналогичные случаи L. B. 130, 14; Vkv. 4, 6; с этим же значением употребительна и возвратная конструкция при глаголе *þreifa* 'ощупывать': *scegg nam at hrista, scqr nam at dýia réð Iarðar burr um at þreifaz* (Prm. 1, 5) 'бороду начал трясти, волосами начал встряхивать, стал он осматриваться вокруг (ощупывать вокруг себя), сын земли'. Тип субъектной соотносительности здесь тот же, что и в первом примере из Völuspá.

К этой же группе может быть отнесено употребление воз-

вратного местоимения при глаголах типа *mæla* 'говорить', *þýlia* 'говорить': *Ein sat hon úti aptan dags, nam hon svá bert um at mælaz* (Sg. 6, 1) 'Однажды она сидела вечером снаружи... говорила про себя'; *þýlsc hann um eða þrumir* (Háv. 17, 3) 'бормочет он про себя или молчит'. В последних примерах возвратное местоимение с предлогом выражает не просто замкнутость действия сферой субъекта (типа *finnask* 'находиться') и не возвратность, а особую субъектную соотносительность ('говорит для себя', 'про себя'), уточняющую характер действия.

Совершенно иной оттенок значения имеется в группе глаголов типа *eigna* 'овладеть', *beiða* 'требовать', *fá* 'брать', 'хватать'. Здесь обычно возвратный формант выражает субъектную заинтересованность: 'просить', 'требовать', 'овладевать', 'захватывать для себя'. Ср., например, *eignask*: *Ósnotr maðr, ef eignaz getr fé eða flióðs munuð, metnaðr hánom þróaz, enn manvit aldregi* (Háv. 79) 'Если глупец способен овладеть (для себя) сокровищем или любовью женщины, чванство его увеличится, разум же — никогда'. В этом же направлении должно быть, по видимому, истолковано и возвратное оформление глагола *biðja* *fyrir* 'просить о чем-либо' || *biðjask* 'молиться': *Hann baðsk svá fyrir at crosse* (L. B. 29, 11) 'Так он молился на кресте'.

В основе этих сочетаний лежит конструкция с дательным падежом возвратного местоимения типа *hann tók sér bústað* 'он взял себе место для постройки', характеризуемая синтаксическим оборотом *Dat. com.* Обычным для всех подобных возвратных форм является наличие при них, помимо возвратного местоимения, еще «внешнего» объекта в винительном падеже. Наличие же «внешнего» объекта указывает на особый характер самой возвратной формы: речь идет, конечно, не о возвратности и даже, шире, не о непереходности, а о том особом оттенке медиальности, который был связан с подчеркнутой субъектной заинтересованностью, в древних индоевропейских языках часто передаваемой залоговыми формами медиума.

* * *

Возвратные конструкции с взаимным значением являются одной из наиболее продуктивных категорий. Это тем более любопытно, что, как отмечалось уже выше, они не восходят непосредственно к аналитическим оборотам с тем же значением и должны рассматриваться морфологически как своеобразное готовое клише. В то же время рунические надписи дают относительно ранние примеры подобного использования этих конструкций.

Продуктивность этих форм выражается прежде всего в возможности образовать их от самых разнообразных глаголов: ср. *sprýgiask* 'спрашивать друг друга' || *sprýgia* 'спрашивать' (Н. Р. 9, 21); *berias* 'сражаться' || *beria* 'бить', 'убивать' (Н. Р. 26, 9)

(часто употребляется в различных литературных жанрах); *ráðask* 'советоваться с кем-либо' || *ráða* 'заключать', 'решать' (Н. Р. 15, 30); *talask* 'говорить друг с другом' || *tala* 'разговаривать' (Н. Р. 3, 24); *hittask* 'встретиться' || *hitta* 'встретить кого-либо' (Н. Р. 10, 22) (очень часто употребляется); *moetask* 'встречаться' || *moeta* 'встречать' (Gunnl. XVI, 13) (часто употребляется в сагах и переводной литературе); *setiask* 'договариваться друг с другом' || *setia* 'назначить', 'установить' (L. B. 20, 6); *finnask* 'найти друг друга', 'встретиться' || *finna* 'находить' (L. B. I, 18, 17); *skiliask* 'разлучаться друг с другом' || *skilia* 'разлучать' (L. B. II, 57, 3); *vegask* 'сражаться' || *vega* 'нападать' (Ls. 18, 6); *hoggvask* 'сражаться' || *hoggva* 'рубить', 'колоть' (Vm. 41, 3); *siask* 'смотреть друг на друга' || *siá* 'смотреть' (Am. 36, 1); *sendask* 'посылать друг другу' || *senda* 'посылать' (Am. 88, 2); *hendask* 'бросать друг в друга' || *henda* 'нападать', 'ловить' (Am. 88, 3); *berask* 'обмениваться' || *bera* 'принести', 'доставить', 'привезти' (Am. 97, 6); *verpask* 'бросать друг в друга' || *verpa* 'бросать' (Am. 42, 5); *faðmask* 'обнимать друг друга' || *faðma* 'обнимать' (Akv.); *seliask eða* 'обмениваться клятвами' || *selia* 'передать' (Sg. 1, 6); *unnask* 'любить друг друга' || *unna* 'любить' (Н. Нv. 30, проза, 2—3); *trúask* 'доверять друг другу' || *trúa* 'верить' (Skv. 5, 6); *gleðiask* 'радовать друг друга' || *gleðia* 'радовать' (Háv. 41, 2); *gætask* 'советоваться' || *gæta* 'сторожить', 'охранять' (Vql. 6); *verðask at bõnom* 'стать убийцами друг друга' || *verða* 'становиться' (Vql. 45, 2).

Для продуктивности этих форм типична конструкция *viðrgefendr... erost lengst vinir* (Háv. 41, 4) 'взаимо дарящие друг другу — друзья дольше всех', где взаимность подчеркивается не только лексическим содержанием субъекта *viðrgefendr*, но и возвратным оформлением сказуемого 'суть друг другу'. К тому же такие формы, как *berjask*, *finnask*, *hoggvask*, *skiljask*, *ráðask* и ряд других, встречаются буквально почти в каждом памятнике по нескольку раз; все это до чрезвычайности увеличивает частотность их употребления.

Вопрос о связи этой группы глаголов с другими группами в рассматриваемой морфологической системе фактически нигде не ставился, поэтому причины использования этих формантов в качестве показателей данного различительного признака оставались вне поля зрения исследователей. Между тем представляется не случайным, что нередко при подобных возвратных глаголах встречается своеобразная инклюзивная форма субъекта (типа *þeir Hrafn*), ср., например: *ok binda þeir Þórer at hittask* (Н. Р. 10, 22) 'и решили они и Т. встретиться'; *skiljaz þeir Þorsteinn ok Egill* (Eg. 64, 3) 'расстались они, Торстейн и Эгиль'; *þeir Hrafn sóttusk meðan ok Þórkell svarto* (Gunnl. XVI, 36) 'сражались они друг с другом, Храфн и Черный Торкель'; *þar fundusk þeir Herjólfur* (L. B. 18, 17) 'Там встретились они и Х'.

Инклюзивный характер своеобразного построения подлежащего этих оборотов отмечал в статье С. Д. Кацнельсон²⁴, но тот же характер инклюзивности обнаруживает и сказуемое; в рассмотренных примерах возвратное оформление категории взаимности является как бы дополнением к своеобразному построению группы подлежащего. Конечно, мы не найдем абсолютной нормы в соотношениях данного типа построения группы подлежащего с интересующей нас конструкцией. Весьма часто при такой группе стоит форма глагола без возвратного местоимения; так, в *Gunnlaugssaga* одно и то же место в разных рукописях дает расхождение: ср., например, XIV, 48, где в рукописи А стоит *tölðusk*, а в рукописи В *tölðu*. С другой стороны, столь же нередко взаимность, оформленная возвратной конструкцией, стоит при обычной форме подлежащего-местоимения: *ok þá bõrðusk þeir tveir* (там же, XVI, 38) 'и так сражались они двое', ср. также II, 40; XVI, 13; ср. еще: *ok sættusk þeir at þúi* (L. B. 20, 6) 'и они договорились'; аналогичные случаи см.: L. I. 296, 16; Н. Р. 3, 24 и т. д. Поскольку при возвратной конструкции с взаимным значением широко употреблялось в качестве подлежащего не только местоимение (инклюзивное же оформление подлежащего выступало лишь в этом случае), совершенно очевидно, что постоянной связи между данной группой подлежащего и возвратным оформлением взаимности или совместности процесса не могло быть. Несомненно, однако, возвратное оформление взаимного действия обусловлено замкнутым, инклюзивным, осмыслением процесса. Взаимность осознавалась как ограниченность процесса пределами деятельности нескольких противостоящих субъектов, как включенность, инклюзивность, характеризуемого действия.

Тем самым от грамматического значения взаимности протягиваются нити к другим функциям возвратных глаголов. Своеобразная субъектная замкнутость действия, протекание его в ограниченной сфере, замыкаемой противостоящими друг другу субъектами, является лишь специальным случаем той общей категории медиальности, которая выступала и в возвратно-непереходном значении рассматриваемых форм, и в разных типах субъектной соотнесенности.

* * *

Переходя, наконец, к семантическому анализу двух сложных синтаксических оборотов, отнесенных нами, наряду с рассмотренными выше случаями употребления возвратных форм, все к тому же первому «семантическому центру» всей системы возвратных форм,

²⁴ С. Д. Кацнельсон. К вопросу о партитивном атрибуте. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», 1941, стр. 383.

необходимо подчеркнуть, что степень их продуктивности далеко не одинакова. Если, как уже упоминалось выше, обороты с *Ass. sum inf.* относятся к категории весьма распространенных случаев употребления возвратной конструкции, особенно в прозаической литературе, то этого нельзя в той же мере утверждать относительно оборотов с *láta*+инфинитив с возвратным местоимением. Функции возвратных глаголов в этом случае обусловлены определенными синтаксическими моделями, причем употребление этих форм было зависимым от лексики управляющего глагола. Структура обоих оборотов в значительной степени была уже освещена выше (см. стр. 224—226). Но с точки зрения рассмотрения всей системы возвратных форм как известного целостного семантико-морфологического явления, связанного единством смысловой структуры, весьма существен вопрос о соотношении обеих моделей с другими случаями употребления возвратных форм.

Структурно обороты *Ass. sum inf.* с возвратной формой определялись как выражение таких субъектно-объектных отношений, когда субъект именной формы, являющийся в то же время объектом главного сказуемого, совпадает с субъектом всего высказывания. Совпадение субъекта инфинитива с подлежащим находит свое выражение в возвратной форме местоимения как показателя близкого объекта, «внутреннего» по отношению ко всему высказыванию. Возвратное местоимение, развившееся затем в возвратный форматив, и здесь выполняет одну из основных своих функций — выражение замкнутого характера синтаксической связи основных элементов предложения, инклюзивного осмысления объектных отношений переходного глагола.

Еще в большей степени эта функция рассматриваемой формы определяет древнеисландскую конструкцию с *láta, biðja*. В этих оборотах имеется гораздо более сложное соотношение между подлежащим и дополнением, оформленным возвратным местоимением; более сложное потому, что оно опосредствуется действием постороннего, хотя и не указанного деятеля (субъекта инфинитива), ср.: *Mic munu æsir argan kalla, ef ec bindaz læt brúðar líni* (Prk. 17, 3) 'Меня назовут асы бабой, если я позволю (велю) повязаться (повязать себе) покрывалом невесты'. Как уже указывалось, возвратное местоимение, оформляя инфинитив, соотносено не с субъектом последнего, а с субъектом всего высказывания, т. е. с подлежащим; в предложении 'велю повязать себе покрывало невесты' оно соотносено не с тем, кто повязывает, а с тем, кто велит. Возвратный показатель хотя и оформляет инфинитив, в действительности характеризует направление всего сложного предикативного целого 'велю повязать'. Через это предикативное целое и осуществляется связь объекта инфинитива с субъектом высказывания, т. е. с подлежащим, устанавливающая их идентичность. Здесь, конечно, отсутствуют те отношения, кото-

рые обычно лежат в основе понятия возвратности; с большой ясностью выступает функция возвратного местоимения служить показателем особого типа объекта при переходном глаголе, объекта, который лимитирует действие переходного глагола, как бы удерживая его в сфере субъекта.

Таким образом, именно на анализе этого типа возвратных конструкций с особенной ясностью выступает та расширенная субъектная соотнесенность, которая определялась нами то как нецентробежность, ограниченность действия сферой субъекта, то как своеобразная инклюзивность.

Рассмотрением сложных синтаксических комплексов мы заканчиваем анализ тех функций возвратных форм, которые группируются вокруг первого семантического центра, определяемого нами как нецентробежность процесса, ограниченность действия сферой субъекта, непереходность в широком смысле этого слова. Все рассмотренные функции образуют как бы единый семантический пучок различительных характеристик, выступающих в оппозиции с невозвратными формами.

4

Обозначение состояния, образующее как бы основу второго семантического пучка возвратных форм, рассматривалось нами частично выше: анализ противопоставления простой глагол || возвратный глагол показал, что в очень многих случаях переходность в то же время являлась характеристикой глагола действия, а непереходность — глагола состояния. Это были не единичные случайные образования, а своеобразная микросистема, обладавшая несомненной общностью в плане содержания с системой готских глаголов на *-nan*. Вместе с тем весьма показательны и то обстоятельство, что значительное число так называемых *Reflexiva tantum*, частично образованных от именных основ, но не имеющих противостоящих им глаголов действия, производных от той же основы, точно так же могут быть отнесены к категории глаголов состояния.

Наконец, особенно четко и ясно выступает связь глаголов состояния с возвратным местоимением в оформлении многочисленных глаголов аффекта, душевных переживаний человека, определяющих состояние не любого субъекта (лицо, предмет), а именно лица. В этом, собственно, и заключается их отличие от любого другого глагола состояния. Случаи употребления этой категории часты во всех древнеисландских памятниках: *hræðask* 'пугаться', 'бояться' || *hræða* 'пугать' (Vql. 47, 5; Rm. 9, 4; Sd. 4, Pr. 11; Am. 14, 8; ср. также Vqls. 5, 19; Gunnl. IX, 59); *siásk* 'бояться', || *siá* 'смотреть' ('смотреть за чем-либо', 'охранять', 'заботиться') (H. N. II, 16, 5; Sg. 33, 3); *óask* 'бояться', 'беспокоиться' (*Refl. tant.*) (Grm. 20, 4; Skm. 16, 4; Am. 13, 4);

gætask 'беспокоиться' (с этим значением в Эдде, в прозе, чаще 'совещаться') || gæta 'следить', 'охранять', 'заботиться' (Am. 21, 3; Am. 64, 1); ýfask 'возбуждаться', 'сердиться' || ýfa 'рвать', 'возбуждать' (Gunnl. II, 39); skamask 'стыдиться' || skama 'стыдить' (Háv. 61, 4); iðrask 'раскаиваться' || iðra 'заставлять раскаиваться' (очень часто); gembask 'гордиться' (Ref. tant.; ср. rembi-liga 'высокомерно') (Gunnl. VIII, 20); hoelask 'хвастаться' || hoela 'хвалить (кому)' (Am. 84, 4; L. B. II, 115); minnask 'вспоминать' || minna 'напоминать' (Vql. 60, 5; Sg. 57, 1); oesask 'безумствовать' || oesa 'возбуждать' (Vqls. 2, 15); undrask 'удивляться' || undra 'удивляться чему-либо' (Am. 12, 1); huggask 'утешаться' || hugga 'утешать' (Vqls. 32, 24); vilnask 'хотеть чего-либо', 'надеяться на что-либо' || vilna 'покровительствовать', 'благоволить' (Vkv. 31, 7) и т. д. Фактически почти все оттенки переживаний субъекта могли быть выражены возвратной формой.

Некоторые из этих глаголов противостоят образованным от того же корня переходным глаголам действия типа hræðask 'пугаться' || hræða 'пугать'; другие не дают в возвратной форме никакого изменения значения: fjásk || fjá 'ненавидеть'; третьи, наконец, подобно óask, относятся к категории так называемых Reflexiva tantum.

Таким образом, глаголы аффекта, или, лучше, глаголы, выражающие содержание психики человека, образуют среди возвратных форм значительную устойчивую группу, продуктивную во всех видах скандинавской литературы. Приходится, следовательно, отметить не случайное сочетание этой семантической категории с возвратной конструкцией глагола, а довольно последовательную тенденцию использовать данные формы в качестве своеобразных показателей рассмотренной группы глаголов. Явление это характерно не только для древнеисландского, оно наблюдается и в готском: ср. opan sis 'бояться', faurhtjan sis 'бояться', idrigon sik 'раскаиваться', skaman sik 'стыдиться' и т. д., а также в древневерхненемецком: forhten sih 'бояться', belgan sih 'сердиться', 'гневаться', skaman sih 'стыдиться' и т. д.; в современном немецком сюда относятся глаголы sich fürchten, sich schämen, sich freuen, sich ärgern и т. д. Глаголы сходного содержания имели тенденцию в древних индоевропейских языках к медиальной форме.

Если среди готских «возвратных» глаголов имелись глаголы аффекта и душевных переживаний, то небезынтересен и тот факт, что в числе готских глаголов IV класса имелся ряд глаголов с аналогичным значением (см. гл. III): gadrobnan 'испугаться', 'обеспокоиться', indrobnan 'огорчаться', infeinan 'сжалиться', usgeisnan 'поражаться', 'удивляться', afslaufnan 'испугаться'. Это лишний раз подтверждает отсутствие случайности в закреплении определенной морфологической системы за данной смысловой категорией.

Поскольку одни и те же закономерности повторяются не только в системе возвратных форм разных германских языков, но и в системе готских глаголов на -nan и дальше в индоевропейском медиуме, т. е. в генетически нетождественных морфологических системах, можно предполагать, что они обусловлены известными особенностями восприятия процессов окружающего мира, получающими оформление в языке.

В большинстве случаев при древнеисландских «возвратных» глаголах состояния, так же как и при готских глаголах на -nan, носитель признака не осознавался как активный его производитель, а выступал лишь как его инактивный субъект. Не случайно указанные морфологические системы так прочно были связаны со сказуемым свойства, состояния, для которого наиболее характерным являлась своеобразная инактивность.

Те же отношения характеризуют и глаголы аффекта. Для последних типичным является пассивное восприятие субъекта душевных переживаний. Последний воспринимается лишь как центр высказывания. По-видимому, этим надо объяснить и тяготение таких глаголов к объектному оформлению носителя признака, иначе — к конструкциям с дательным-винительным лица. В этой связи многие «возвратные» глаголы данной группы с обычным оформлением субъекта имеют своеобразные дублиеты в виде конструкций с дательным-винительным лица и невозвратной формой сказуемого.

Так, глагол 'раскаиваться' имеет в древнеисландском две формы: возвратную — iðrask и простую, но с объектным оформлением субъекта — iðra mik; то же наблюдается в отношении других глаголов аффекта: ср. 'сомневаться' — ifask и ifi es mér; 'желать' — girnask и mik girnir, fýsask и mik fýsir; 'удивляться' — undrask и mik undrar; 'нравиться' — hugnask и mér hugnar; 'вспоминать' — minnask и mik minnir и т. д. Возвратное оформление глагола аффекта в предложении с именительным падежом лица или конструкция с дательным-винительным лица в сочетании с формой простого глагола образуют как бы две параллельные возможности языкового выражения тех значений, которые связываются с аффектом и другими видами психических и физических переживаний человека.

Наряду с этим существует известная группа глаголов, у которых глагол имеет возвратное оформление и одновременно носитель признака имеет форму дательного или винительного падежа. Число этих глаголов ограничено, но они очень употребительны и встречаются в любом поэтическом и прозаическом памятнике: sýna 'показывать', переходный глагол, употребляется в обычной конструкции с именительным падежом || sýnask 'казаться' требует при себе лицо в дательном падеже; если же называется тот предмет или лицо, к которому относится это состояние, то они стоят в именительном падеже: er mér sýndiz

(Vql. 32, 1) 'как мне показалось'; ср. также Gunnl. 111, 9; líta 'смотреть' — lízk mér 'мне кажется', 'думается' (Gunnl. IV, 26). Характерным для этого глагола является возможное употребление при нем предмета или лица, воспринимаемого как объект процесса, в предложной и беспредложной конструкции: Vqls. 7, 16; hyggia 'думать', 'верить' || hyggiask 'думать' ~ hyggsk e-m 'казаться', ср.: hugðesk honum svá (L. B. VIII, 32) 'ему показалось', 'он считал'; finna 'находить' || finnask 'находиться' (со взаимным значением 'встретиться'), употребляется с именительным падежом субъекта, но finnask 'казаться' требует дательного падежа носителя признака и именительного вещи или предложной конструкции: Um þessa heitstrenging fansk mœnum fátt (L. B. III, 19) 'Совершение обета многим мужам мало понравилось'; falla 'падать', в конструкции с дательным падежом лица этот глагол выражает различные оттенки, ср., например: honum fellz þat vel í skap (Vqls. 40, 22) 'ему это понравилось (пало хорошо в ум)'; virða 'ценить', 'уважать' || virðask 'цениться', 'почитаться', часто в конструкции с дательным-винительным лица: ok virðisk öllum mœnum þar vel til hans (Gunnl. V, 37) 'и он почитался всеми мужами', буквально: 'и всем мужам ценилось к нему (до него)'; в последнем случае, как и в ряде примеров с lízk honum, субъект психического состояния стоит в дательном падеже, а объект — в предложной конструкции, что делает предложение бесподлежащим; иначе построено предложение в той же саге: еða mér virðisk eigi skapferði hans (VII, 94) 'мне не нравится его характер (образ мыслей, поведение)', где skapferði стоит в именительном падеже и является поэтому подлежащим; ср. также L. B. 10, 11.

Эта небольшая группа глаголов отличается от глаголов типа ýfask, hræðask и т. п. объектным оформлением носителя признака, а от конструкций с дательным-винительным лица типа lystir mik, þykkir mér — возвратным оформлением. Иными словами, эта группа использует оба способа оформления категории аффекта, душевного состояния — морфологический и синтаксический.

Некоторые из этих образований имели, по-видимому, окказиональный характер, следовательно, сама синтаксическая схема была живой моделью. Тенденция к объектному оформлению носителя признака у глаголов аффекта, чувственного восприятия, психических переживаний присуща не только скандинавским языкам. В пределах индоевропейской семьи совершенно те же модели характеризуют синтаксис русского языка. Давно обращалось также внимание на близость этой структурной модели к дативной конструкции при той же семантической группе глаголов в кавказских языках²⁵. Тем самым данное построение

²⁵ См.: М. М. Гухман. Конструкции с дательным-винительным падежом лица в индоевропейских языках. «Изв. АН», 1945, № 3—4.

может быть определено как одна из типологически общих синтаксических моделей, не ограниченных пределами какой-либо одной языковой группы или семьи.

Использование в скандинавских языках в данных моделях возвратного оформления глагола объясняется, по-видимому, объектным осмыслением суффикса (ср. hétomk 'меня звали', 'я звался'). На это указывает и широкое использование возвратного оформления и в другом варианте модели с дательным-винительным лица.

Структурно этот второй вариант напоминает только что рассмотренные конструкции с глаголами аффекта типа lízk mér, однако значение их иное, и поэтому весь оборот имеет другой характер.

В этих случаях речь идет о некоторых фактах, событиях, которые случаются с человеком помимо его воли, его желания и являются лишь результатом некой внешней ситуации. Сюда относятся такие обороты, как fersk þeim vel 'им ездилось хорошо'. Простые глаголы, от которых обычно образованы эти формы, могут быть как непереходными, так и переходными: так, например, возможно образование этих оборотов от ganga 'ходить', употребляемого, однако, и с факитивным значением 'заставить ходить'; от fara 'двигаться', 'идти', непереходного глагола, используемого, однако, в определенном контексте и с переходным значением, в данной конструкции — 'ездилось'; от глагола bregða, переходного со значением 'двигать' || bregðask конструкция с дательным лица 'удаваться' и т. д., ср., например: goðom es þat þacca, er þér gengz illa (Am. 57, 9) 'богов я благодарю за то, что тебе плохо (тебе идет плохо)'; аналогичен пример: ill gengz þér aldri (Am. 69, 7). Вместе с тем та же возвратная форма употребляется и в обычном подлежащем предложении, однако с другим значением, ср., например, с взаимным значением 'идти друг против друга': vilja í gegn gangask (L. I. 297, 21); с пассивным значением 'обходиться', 'нарушаться': á genguz eiðar (Vql. 26, 5) 'клятвы нарушаются'; с другой стороны, и простая форма ganga, без возвратного показателя, употребляется в конструкции с дательным лица, ср.: ok gekk þeim illa við hann (Gunnl. XIII, 68).

Анализ примеров с данной категорией возвратных конструкций показывает, что основным в содержании всего высказывания в этих случаях было выражение зависимости процесса, которым было охвачено лицо, от посторонней силы, от внешней ситуации, которая нигде не называлась, но подразумевалась в самом построении предложения. Лицо оказывалось поэтому в известной степени аффицированным этим процессом. Характерное объектное оформление лица подчеркивало его пассивность и центростремительность всего построения подобно русским оборотам типа *мне не работалось вчера*. Так же как и в первом варианте конструкции с дательным-винительным лица, и во втором

варианте возвратный суффикс не был генетически связан с собственно-возвратностью, а служил лишь показателем объектного оформления носителя признака.

5

Если первый семантический центр рассматриваемой морфологической системы объединил вокруг себя все оттенки значения, связанные с ограниченностью действия сферой субъекта, инклюзивностью действия, и поэтому его субъектной соотносительностью, то основой второго семантического центра является обозначение состояния во всем многообразии различных его оттенков. Во всех этих случаях возвратная конструкция выступает как форма сказуемого, характеризующая инактивного носителя признака. Инактивность субъекта, выражающаяся прежде всего в независимости сообщаемого о нем признака от его собственной деятельности, приобретает больший или меньший характер аффицированности в зависимости от лексемы глагола и от типа контекста. Этим и определяются те случаи употребления возвратных конструкций, которые связаны с оформлением будущей системы страдательного залога.

От некоторых глаголов состояния легко намечается переход к использованию возвратной формы для выражения той аффицированности субъекта, которая определила и залоговое развитие в германских языках системы причастных конструкций, тоже связанных со сказуемым качества, свойства, состояния.

Типичным для употребления возвратных конструкций как показателей известной аффицированности субъекта в языке Эдды и в сагах является отсутствие наименования деятеля, так же как это наблюдалось в отношении глаголов на *-nan* в готском и в непереводах древнейших текстах древнегерманского и древнеанглийского с причастными конструкциями; определяющим для выделения этой категории из общей группы глаголов состояния является своеобразие ситуации, а также субъект-нелицо, ср.: *á genguz eíðar* (Vql. 26, 5) 'клятвы обходятся'; *enn miqtuðr kyndiz* (Vql. 46, 1—4) 'загорается конец мира'.

Здесь имеются два контекста с инактивным субъектом; уточнение смысловых различительных признаков обеих форм достигается, во-первых, семантикой глагола и, во-вторых, окружением. *Á genguz eíðar* явно предполагает производителя признака, хотя и не называемого в самом высказывании; здесь можно было бы говорить в известной мере о нулевом показателе производителя действия, причем в этих условиях последний рисуется как нечто неопределенное, неназванное, но подразумеваемое. Во втором случае — *enn miqtuðr kyndiz* — речь идет просто о состоянии субъекта, независимо от деятеля и без интереса к последнему. В первой цитате мы имеем пример первого этапа оформления

страдательного залога, во второй — обычный случай сказуемого состояния.

К первому случаю, т. е. к выделению страдательности из состояния, что связано с большей, хотя и чисто смысловой, скорее даже ситуационной ориентировкой на внешний, неназываемый агент, примыкает и пример из *Hávamál*: *Gattir allar, áðr gangi fram, um skoðaz skyli* 'Все выходы и входы должны быть осмотрены'; ср. еще более ясный случай: *funi qveykiz af funa* 'огонь загорается от огня', где второй огонь выступает даже с оттенком производителя действия.

Зыбкость границ обеих категорий, получающих уточнение лишь в рамках конкретного контекста, особенно ясно можно проследить на различных оттенках значения, вкладываемых в один и тот же глагол, ср., например, глагол (*upp*) *foeðask* 'рождаться', 'воспитываться', 'вырастать': *konor oc karlar qvēc-vir foeðaz* 'жены и мужи рождаются для жизни' (Hlg. 14, 4); *þar foeddiz upp Svanhildr, Sigurðar dóttir* (Ghv., проза, 6) 'там росла Сванхильда, дочь Сигурда'; *engi kona hefir þér fegri fóz* (Vqls. 24, 50) 'ни одна женщина не рождалась прекраснее тебя' и, наконец, *ok var þeira dóttir Húngerðr, er (þár) foeddisk upp at Borg með Þorsteini* (Gunnl. I, 26) 'и была их дочь Х., которая воспитывалась в Бorge у Торстейна'.

В то время как в значении 'расти' *foeðask* выступает как чистый глагол состояния, употребление этого же глагола в значении 'рождаться' в зависимости от контекста может иметь больший или меньший оттенок аффицированности. Не случайно при использовании того же глагола с семантикой 'воспитываться' дается дополнительная ссылка на внешний фактор: см. последний пример, где *Торстейн* хотя и не стоит в обычной для агенса конструкции с *af*, выполняет в общей ситуации роль того внешнего фактора, который обычно сообщает высказыванию известный оттенок аффицированности и центростремительности. В *Gunnlaugssaga* этот же глагол, впрочем, встречается и в конструкции с *af*, обычно не свойственной ни древнейшему слою песен Эдды, ни сагам.

Прослеживая различные оттенки значения данного глагола, можно отметить все переходы от категории состояния до использования его в полном трехчленном страдательном высказывании с *af*, где и сама форма глагола получает как бы отпечаток полной страдательности.

Весьма интересен с этой точки зрения и другой глагол, тоже типичный для использования с функцией страдательного залога, относящийся вместе с *foeðask* к тем шести глаголам, которые отмечает Нюгорд и ряд других специалистов: речь идет о глаголе *finnask*. В *Völuspá* глагол этот употреблен как чистый глагол состояния в значении 'быть', 'иметься': *iqrð fannz æva né upphiminn* (3, 5) 'земля не имелась, ни верхнее небо'; *finnaz*

æsir á Íðavelli (60, 61) 'будут асы находиться (пребывать) в И...'; весьма часто finnask употреблялся со значением 'найти друг друга', 'встретиться'; наконец, в ряде случаев та же глагольная единица означала 'быть найденным': engi fannz sá enn um aldr (Vqls. 24. 29) 'никогда не был найден...'; hefir þat gull aldri síðan fundist (S. E. 76, 9) 'это золото никогда после того не было найдено'; часто встречается с этим значением finnask и в литературе ученого стиля: Land þat, es callat es Groenland, fannsk ok byggðesk af Íslande (L. I. VI, 1) 'Страна, которая называется Гренландией, была найдена и заселена из Исландии; Hqnd Auðas fannz í tune (L. I. VI, 63) 'рука А. была найдена...'

В приведенных примерах с finnask из sag отсутствует какое бы то ни было указание на деятеля, тогда как в последних примерах из Истории Исландии наименование места действия может восприниматься как известная ссылка на внешний фактор; в первых двух случаях не дано даже подобной косвенной ссылки и отношение признака четко замыкается сферой субъекта. К тому же в последних примерах центростремительное, а не медиальное осмысление глагольной формы диктуется содержанием контекста и характером носителя признака (не лицо).

Подобная же нечеткость границ категории страдательности и состояния, непереходности может быть прослежена и в других глаголах; особую роль здесь, кроме контекста, играет характер носителя признака, субъекта, о чем в русской лингвистической литературе писал еще А. А. Шахматов, а в зарубежной, в отношении процессов древнешведского языка, — П. Ёлин. В самом деле, в том случае, когда субъектом при рассматриваемых формах оказывалась вещь, а не лицо, страдательное осмысление выступало особенно четко, потому что вещь не осознавалась как активный производитель признака. Поэтому даже в отношении такого глагола, как *ráðask* 'решаться на что-либо' — глагола известного морального состояния, — характер субъекта играет определяющую роль, ср., например: Marger viner hans réðask til ferðar með honum (Eyr. S. 256, 8) 'Многие его друзья решились на поездку...' и ok var ek hjá í sumar á alþingi, er þat réðsk (Gunnl. XIII, 76) 'я был летом на альтинге, когда это решалось', ср. с первым значением Gunnl. VII, 27. В первом случае *ráðask* характеризует лицо, друзей, во втором — некое решение; поэтому в первом случае субъект высказывания является производителем признака, выраженного сказуемым, тогда как во втором случае он является лишь центром высказывания и определяется признаком, произведенным не им. И здесь, как это имеет место в большинстве случаев употребления данных форм с аналогичным значением, отсутствует конкретный деятель, но ситуация, ссылка на альтинг, выводит признак из субъектной замкнутости и дает известную соотне-

сенность с внешним фактором, которая, собственно, и характерна для древнейшей стадии оформления страдательного залога.

Еще более ясно зависимость оттенка значения возвратной формы от характера субъекта выступает на примере такого глагола, как *búask* 'снаряжаться', 'готовиться'. При субъекте-лице глагол этот может быть отнесен к немногочисленной категории глаголов с собственно-возвратным значением, ср., например: um sumarit bjósk Þorsteinn til þings (Gunnl. III, 1; ср. также XIV, 30 и дальше) '... Т. готовился (снаряжался) к тингу'; при субъекте-вещи тот же глагол получает иное осмысление: Nú eru öll skip í brottu, þau er til Íslands bjuggusk (Gunnl. XIII, 9) 'Теперь ушли все корабли, которые снаряжались в Исландию'. Таким образом, не только те возвратные глаголы, которые обозначали состояние инактивного субъекта, качество или свойство субъекта, при определенной ситуации (т. е. при появлении какого-то намека на внешний фактор, вызвавший данный признак) легко развивали центростремительное осмысление процесса, но и глаголы другой группы, обозначающие действие, ограниченное сферой субъекта, направленное на него самого, в свою очередь могли при соответствующих условиях (т. е. в тех случаях, когда они характеризовали предмет, а не лицо) использоваться как своеобразные эквиваленты страдательного залога. Субъект-вещь выполнял здесь ту же функцию дифференциального показателя, что и деятель в других случаях или семантика всего высказывания в третьих, а именно тем или иным путем определялась соотнесенность признака с внешним фактором, хотя бы и неназываемым, подчеркивалась не просто инактивность субъекта, а его аффицированность.

Для развития всей системы в целом весьма показательны то обстоятельство, что внутри смысловой структуры отдельного возвратного глагола аффицированность объединялась не только с обозначением состояния, как это, например, имело место в отношении глагола *foðask*, но и с собственно-возвратностью, что было прослежено на примере *búask* и наблюдалось также в употреблении ряда других глаголов.

Несмотря на текучесть границ между пассивным осмыслением возвратной формы и другими случаями ее употребления, в языке Эдды и прозаических памятников выделяются отнюдь не единичные примеры подобного ее использования. При этом нам представляется весьма неудачной попытка прежних исследователей ограничить случаи употребления возвратной формы с пассивным значением какой-то определенной группой глаголов. Глаголы состояния и даже непереходные глаголы действия при соответствующих условиях, например при соотнесенности с внешним фактором, выражаемой самыми разными способами, или при субъекте-предмете, могли получать дополнительный пассивный

характер; тем самым инактивность субъекта переходила в аффицированность, нецентробежность процесса — в центростремительность, поэтому возвратные формы разных глаголов могли употребляться с этим значением. Так, например, в Эдде, кроме приведенных выше случаев с *gengask á* (Vql.), *um skoðask*, *um scygnask* (Háv.), можно привести: *þar munu eptir undrasamligar gullnar tölflor í grasi finnast* (Vql. 61, 1—4). 'Там будут потом чудесным образом найдены золотые доски', где пассивность возвратной формы, а тем самым и аффицированность субъекта признака, подчеркивается не только самим содержанием контекста, но и тем, что этим субъектом является вещь. Ср. еще: *hvé þau scý heita, er skúrom blandaz* (Alv. 17, 4) 'как называются те облака, которые в буре (буреи) смешиваются (гонятся)' (*blanda* 'смешивать', 'спутывать'); в этом примере внешний фактор не только разумеется, но даже назван, хотя он имеет не более позднюю форму предложной конструкции с *af*, а форму дательного падежа; последняя в данном случае выражает не столько инструментальность, сколько общую адвербиальность, определяющую, как совершается тот процесс, с которым соотношен инактивный субъект — облака; двойное толкование допускает форма *festiz* в *ekki nafn festiz við hann* (Н. Нv. 5, проза, 15) 'никакое имя не прикрепило к нему (не было прикреплено)', хотя речь идет не о субъекте-лице. Возможность двойного толкования определяется текучестью границ между разными функциями возвратного глагола.

Возможность двойного толкования в предложениях без деятеля, которая наблюдалась в отношении сочетаний с причастиями, повторяется, естественно, и здесь и служит наилучшим подтверждением не только вторичности категории страдательности, но и легкости перехода одного значения в другое. В этом смысле говорить о том, когда происходит окончательное переосмысление возвратной формы, не приходится.

Инактивность субъекта возвратной конструкции существует с того момента, когда последняя выступает как форма глагола состояния. Превращение этой инактивности в аффицированность возможна, но не обязательна: на это указывает готский и немецкий материал, где возвратные конструкции остались за пределами системы страдательного залога. Одно несомненно: бесспорность аффицированности инактивного по своей природе субъекта определяется наличием деятеля, так же как и обособление центростремительности процесса от его нецентробежности. Во всех других случаях имеется общая инактивность субъекта с большим или меньшим элементом аффицированности в зависимости от реальных условий контекста, что и показал проделанный выше анализ. Так как, однако, наименование деятеля не свойственно раннему этапу развития страдательного залога, о чем в связи с анализом употребления других форм уже писалось выше, то

число случаев бесспорно пассивного значения возвратных конструкций в непереводных текстах довольно ограничено.

А. М. Александров насчитывает их восемь в *Gunnlaugssaga*: три с *ráðask*, два с *foeðask*, один с *bjósk*, один с *spyrjask*, один с *komask* и один с *skeinask*, причем только с глаголом *foeðask* стоит субъект-лицо; во всех остальных случаях неизменно появляется субъект-предмет.

В Н. Р. к аналогичным случаям использования возвратных форм могут быть отнесены следующие примеры: с глаголом *grøðask* 'увеличиваться': *ok grøddesk honom brátt fé af kaupom sínom* (2, 7) 'и быстро увеличилось его богатство от торговли', где *af kaupom* как бы выполняет роль внешнего фактора; конструкция с *af* хотя и станет в будущем формальным клише для наименования деятеля, в данном контексте скорее выполняет роль обстоятельного определителя; с глаголом *gefask* 'давать друг другу что-либо', 'отдаться', в данном контексте 'представляться': *hví skal honom eige rúm gefask* (9, 19) 'почему ему не будет предоставлено место'; с глаголом *fásk*, обычно употребляемым со значением 'быть занятым', 'стараться', но в данном контексте со значением 'находиться', 'получаться': *en heu fásk lítel* (4, 28) 'и сена получается мало'. В *sage* о Вольсунгах с близким значением употреблена та же форма: *ok munu þá eigi yfvar jafningjar fáz* (26, 34) 'и не будут найдены (получены) подобные вам'; в последнем случае вместо вещи-предмета субъектом оказывается лицо — Сигурд и будущее его родичи; не назван и деятель, так как все высказывание построено в неопределенном плане. Таким образом, здесь отсутствуют обычные сопроводители рассматриваемого значения и более чем где бы то ни было контекст, содержание всего высказывания определяет пассивную характеристику носителя признака.

Следовательно, типичным для языка саг и Эдды является не только редкость употребления возвратных форм для выражения аффицированности носителя признака, но нечеткость самой этой категории, неоформленность ее выражения, не позволяющая в ряде случаев уточнить содержание того или иного высказывания.

Таким образом, и здесь, так же как при анализе развития конструкций с глаголом «быть», ранний этап становления категории страдательного залога характеризуется известной неопределенностью, неоформленностью. Формы, которым предстоит образовать систему этой грамматической категории, как бы находятся еще в недрах иных грамматических отношений, лишь частично и весьма неполно проявляются в отдельных случаях черты, свойственные их будущей функции.

Обычно подчеркивается, что нормы языка литературы «ученого стиля» сильно отличаются в этом отношении от закономерностей, свойственных языку саг и Эдды. Однако эта разница

скорее количественная, чем качественная. В древнейшей Истории Исландии и в Landnama Bók случаи употребления возвратных конструкций в сочетании с наименованием деятеля, в собственном смысле этого слова, — единичны; обычным является развитие новой функции при субъекте-нелице + ссылка на известный внешний фактор, играющий скорее роль обстоятельного определения, ср.: Land þat es callet es Groenland, fannsk ok bygðesk af Íslande (L. I. 6, 1) 'Страна, которая называется Гренландией, была найдена и заселена из Исландии'; af Íslande дает, конечно, указание на внешний фактор, но то обстоятельство, что указаны не обитатели земли, а лишь страна, откуда они пришли, лишает этот фактор той определенности, которая характерна для обозначения деятеля, скорее можно говорить об обстоятельном уточнителе процесса. То же самое имеется и в á þeim tíma er Ísland fannsk ok bygðisk af Norege (L. V. I, 3) 'в то время, когда Исландия была найдена и заселена из Норвегии'; Ísland bygðesk fyrst ór Norvege (L. I. 1, 1) 'Исландия заселилась впервые из Норвегии'. Отсутствует наименование деятеля и в целом ряде других примеров, где возвратная форма использована для выражения нового развивающегося значения: es vísa vqn vas at þær barsmífer goerþesk á mífle manna, es landet eyðdesk af (L. I. 297, 16) '... что междоусобица разразится среди людей и страна опустошится'; at hér monde kristne enn takask (L. I. 295, 11) 'чтобы христианство здесь укрепилось'.

В последних примерах отсутствует какая бы то ни было ссылка на внешний фактор, поэтому характер связи между носителем признака и возвратной конструкцией раскрывается только из контекста.

Подобно тому, как в английском the book sells well независимость признака от субъекта-вещи, более того — аффицированность этого субъекта, раскрывается из содержания высказывания в целом, подобно тому, как в русских предложениях *вода пролилась, платье разорвалось* содержание высказывания, семантическая связь сказуемого с подлежащим выделяют все ту же независимость признака от соотносительного с ним субъекта, так и в приведенных примерах kristne takask... landet eyðdesk af субъекты, стоящие при возвратной форме, не являются производителями признака: христианство не само укрепилось и страна не сама опустошилась. Но вместе с тем, так же как и в английском и русских примерах, отсутствие наименования деятеля и какой бы то ни было ссылки на внешний фактор препятствует четкому осознанию аффицированности носителя признака (можно говорить лишь о его инактивности и независимости от него процесса), так и в приведенных древнеисландских примерах превалирует общий характер инактивности носителя признака над идеей его аффицированности.

Сходные отношения имеются и в употреблении, весьма частом, форм глагола finnask со значением 'быть найденным'.

Таким образом, язык ранних памятников ученого стиля характеризуется теми же закономерностями, что и язык саг и Эдды.

Преимущественная связь пассивного осмысления возвратной формы с субъектом-вещью, тем самым известная ограниченность ее употребления, редкость появления наименования деятеля, а следовательно, нечеткость границ новой функции и других случаев употребления той же формы, свойственна всем видам ранней древнеисландской непереводной литературы и свидетельствует лишний раз о преувеличенности противопоставления языка народного и 'ученого' стилей.

Что касается пассивной функции возвратной формы, то эта эпоха дает весьма раннюю стадию развития данной категории. Перед нами лишь истоки будущей сложной залоговой системы.

6

Анализ пассивного значения возвратной формы явился последним звеном исследования тех функций возвратной конструкции, которые как бы группируются вокруг второго семантического центра — вокруг обозначения состояния.

Противоречивая, казалось бы, полисемия возвратных форм раскрылась как стройная система, пронизанная единством морфологической и синтаксической тенденций. Функциональная целостность этой системы определялась ее связью с медиальным сказуемым, противостоящим «сказуемому активному». В этом плане центристичность процесса и аффицированность субъекта, характеризующие содержание страдательного залога, являлись лишь частным случаем общей нецентробежности и инактивности. Только в дальнейшем эта первоначально весьма второстепенная функция возвратной формы приобретает столь большое значение в связи с теми процессами, которые были охарактеризованы частично в главе об описательных формах и о которых еще придется говорить ниже.

Вместе с тем совокупность значений возвратных форм, их продуктивность, закономерности соотношения возвратной и невозвратной конструкций, образованных от одного и того же корня, указывают на чрезвычайно интенсивную тенденцию формального выделения медиального сказуемого. По-видимому, этим объясняется тот факт, что в ряде случаев непереходный по своему лексическому содержанию глагол получает еще дополнительный формальный показатель, однако иногда с известным изменением значения: ср., например, формы komask, farask, hvílask. Так, komask со значением 'убежать', 'скрыться', 'спасти', 'кончиться', 'пройти' встречается весьма часто.

Как известно, кома без возвратного показателя относился к числу наиболее многозначных глаголов, обозначая, с одной стороны, действие, безотносительное к объекту, типа 'приходить', 'прибывать', с другой — при дательном объекте, выражая разнообразные значения — 'заставить прийти', 'взять', 'принести'; в сочетании с предлогом-наречием этот глагол давал многочисленные варианты двух основных значений — абсолютного и соотношенного с объектом. Возвратная форма в этих условиях служила частично средством ограничить семантику простого глагола, закрепив за собой часть значений. Однако в древнеисландском отношении здесь очень сложные. Круг значений, закрепляемых за возвратной формой, в свою очередь настолько разнообразен, что объяснить появление возвратного местоимения у данного глагола прямолинейной тенденцией, формально выделить категорию непереходности — нельзя.

Не менее показательна в этом отношении семантика такого глагола, как *farask*, в отличие от *fara*. Подобно *кома*, *fara* обозначает 'двигаться', 'передвигаться', 'ехать' и т. д. Вместе с тем, вступая в различные сочетания, он может получать разные значения: *fara þessa ferð* 'делать это путешествие', *fara e—t hqndum* 'касаться чего-либо руками', *fara lífi* 'лишать жизни' и т. д. В связи с этой многозначностью глагола *fara* и производный от него глагол *farask* отнюдь не ограничен одним значением: *farask* 'гибнуть', о судне 'идти ко дну', 'пройти', 'кончиться', *farask í klæði* 'одеть платье' и т. д. Особенно многообразны различные фразеологические единицы, образуемые с этим глаголом.

Таким образом, здесь, как и в отношении глагола *кома*, простая форма отнюдь не связана только с непереходным осмыслением действия подобно, например, гот. *qīman* или *gaggan*, но обладает известной нейтральностью глагольной семантики, позволяющей употреблять ее как с абсолютным, так и с переходным значением. Возвратная форма тем самым в древнеисландском в обоих приведенных случаях вносила известное ограничение, уточнение семантики и не была с этой точки зрения плеонастичной подобно готскому возвратному местоимению при глаголах *qīman*, *gaggan*, *ogan*, *idreigon* и т. д. Соотношение простой и возвратной формы в данном случае может быть сопоставлено с гот. *gawandjan—gawandjan sik*. Вместе с тем представляется весьма сомнительным отнесение *farask* и *komask* к категории изначально медиальных глаголов, по терминологии П. Ёлина, принятой и А. М. Александровым в его работе²⁶. То же самое относится и к глагольной паре *vista—vistask*, поскольку *vista*, в отличие от *vistask*, может обозначать не только 'жить', но и 'поселить'.

²⁶ А. М. Александров. Указ. соч., стр. 71.

Иной, по-видимому, была роль возвратного форманта при некоторых глаголах состояния: *hvíla*, *hvílask* в равной степени обозначают 'пребывать', *undra* и *undrask* — 'удивляться', *þykkja* и *þykkjask* — 'казаться', *hyggja* и *hyggjask* — 'думать'; здесь возвратное местоимение не вносит уточнения или изменения в семантику глагола подобно *sik/sis* при готских глаголах *ogan*, *idreigon*, *anahveilan*, *þagkjan*, *frawaurkjan* и т. д.²⁷

7

«Возвратное» местоимение германских языков, как показывает сравнительный анализ его употребления, представляло собой систему объектных форм местоимения третьего лица, выделявшихся особой соотношенностью с субъектом высказывания. Во всех германских языках выделяются случаи употребления этого местоимения для обозначения внутреннего объекта по отношению к сфере субъекта всего высказывания. Явление это выходит за пределы германских языков. В этом употреблении нашла свое выражение та своеобразная медиальность, которая была связана с употреблением этого местоимения во всех индоевропейских языках.

Никакие факты германских языков не указывают на примат узковозвратного осмысления этого местоимения в его сочетаниях с различными глаголами.

Наиболее древние закономерности употребления этого местоимения, засвидетельствованные готскими материалами, говорят скорее против традиционного предположения.

Отсутствие примата возвратности подтверждается не только материалами поэтических и прозаических памятников древнеисландской литературы. Весьма скупой в этом отношении рунический материал чаще всего дает формы глагола *anþask* 'умирать', *berjask* 'сражаться', *hvílask* 'пребывать', т. е. в основном указывает на применение этих форм для выражения категории состояния и взаимности. Ограниченный характер содержания рунических надписей не позволяет здесь делать окончательных выводов, однако на фоне других фактов отсутствие примата возвратности теряет свой случайный характер.

На то же указывает не только сравнительный материал готского языка, но и значение самого возвратного местоимения. Конечно, употребление *sik/sér* в древнеисландских связных текстах далеко не полно дает представление о его первоначальной семантике; так, например, употребление соотношенных местоимений *hvárr—annan* для выражения взаимности исключало *sik/sér* в самостоятельном употреблении из сферы взаимных оборотов.

²⁷ См.: М. М. Г у х м а н. О происхождении возвратных конструкций (на материале готского), стр. 116—119.

Однако выделение специального взаимного местоименного оборота представляется нам несомненно более поздним явлением. На первоначальную включенность взаимного значения в сферу оборотов, выражающих общую медиальность, в том числе в сферу применения возвратных конструкций, указывают многие факты: 1) единичные случаи употребления *sik/sis* в готском; 2) сохранившееся употребление в современном немецком: *sich verabschieden, sich umarmen*; 3) несомненная архаичность употребления возвратных форм при оборотах *þeir Hrafn*, где *hvárr—annan* не употреблялась и где возвратная форма выражала своеобразную совместность действия; наконец, 4) материал других индоевропейских языков, в частности первоначальное употребление греческого медиума и последующее наложение уточняющих местоименных оборотов.

В этой связи оборот *hvárr—annan*, так же как гот. *sis—misso*, может рассматриваться как более позднее специальное выделение взаимности из общего значения субъектной соотнесенности, ограниченности процесса. Иными словами, взаимное значение «возвратных форм», встречающееся весьма часто и засвидетельствованное уже в рунических надписях IX в., является отнюдь не каким-то вторичным слоем в этой системе, но оказывается связанным все с той же широкой субъектной соотнесенностью, выражать которую было призвано своеобразное объектное местоимение.

Именно эта широкая субъектная соотнесенность местоимения, раскрытая на материалах готского и древнеисландского, и допускала включение в систему значений возвратных форм столь разнообразных оттенков медиального осмысления действия.

Несомненно, что в тех германских языках, где употребление этого местоимения засвидетельствовано письменностью, оно выступает с функциями, весьма близкими индоевропейскому медиуму. Наиболее очевидно это в древнеисландском, где данные образования были особенно продуктивны. Общим, следовательно, для названных германских языков является использование индоевропейских форм особого объектного местоимения для выражения дифференциации тех значений, которые были некогда связаны с индоевропейским медиумом. Противопоставление сочетания глагола с так называемым возвратным местоимением простому глаголу функционально сближалось с противопоставлением индоевропейского медиума активу. Возвратные конструкции частично примыкали к системе старых залоговых противопоставлений. Этому в значительной степени способствовала неустойчивость индоевропейского медиума в германских языках. Отсутствие примата возвратности в значении рассматриваемых нами образований подтверждается и этимологическим анализом основы возвратного местоимения (см. выше).

В структурном отношении глагол+возвратное местоимение составляли первоначально особую синтаксическую группу. Свобода приглагольного употребления этого местоимения сохранялась частично в готском. Закрепление местоимения способствовало лексическому обособлению данной конструкции от простого глагола. Характерно, что в древнеисландском, где стяжение глагола и местоимения привело к созданию синтетической формы, это лексическое обособление получило дальнейшее развитие, что создавало особую сложность соотношения простой и возвратной форм, выступавших в системе как две самостоятельные лексические единицы.

В готском развитие употребления возвратных конструкций было лимитировано продуктивностью глаголов IV класса. Напротив, в древнеисландском, где эти глаголы не существовали уже как функционально ограниченная группа, именно конструкции с так называемым возвратным оформлением унаследовали все многообразие функций индоевропейского медиума вплоть до постепенно выделявшейся и обособлявшейся функции обозначения аффицированности носителя признака. Древнеисландские тексты дают лишь материалы, относящиеся к начальному этапу этого процесса. Готский и, что особенно интересно, древневерхне-немецкий не обнаруживают аналогичных тенденций. Характерно, что в немецком языке процесс образования страдательного залога пошел по линии использования только описательных форм.

При общности развития возвратных конструкций в целях формального выражения различных оттенков медиальности во всех германских языках, где эти конструкции засвидетельствованы, пути становления системы страдательного залога оказались здесь нетождественными. Однако, несмотря на указанные расхождения, типология процесса развития залоговых оппозиций в этих языках оказалась единой (подробнее об этом см. гл. VI).

Глава VI

ТИПОЛОГИЯ ПРОЦЕССОВ, СВЯЗАННЫХ С РАЗВИТИЕМ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЗАЛОГОВЫХ ОППОЗИЦИЙ, И СТАНОВЛЕНИЕ ЗАЛОГОВЫХ СИСТЕМ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

1

Становление специальных форм страдательного залога происходит в германских языках на фоне разрушения старой системы залоговых отношений, сложившейся, по-видимому, в эпоху индоевропейской языковой общности. Процесс исчезновения старых медиальных форм и развитие новых форм страдательного залога переплетаются в истории германских языков. Особенно ясно это выступает на материале готского языка.

Не приходится сомневаться в том, что оппозиция медиопассив || актив являлась одним из компонентов общегерманской глагольной системы. Реконструкция первоначального содержания этой оппозиции, а следовательно, и отличительных признаков самого медиопассива, невозможна без привлечения сравнительного материала других индоевропейских языков. Неясной без этого материала остается и причина неустойчивости медиопассива в германских языках, определившая в значительной степени перестройку всей германской залоговой системы.

Сложность семантической структуры индоевропейского медиума, с которым генетически связан германский медиопассив, отмечалась всеми исследователями (см. гл. I). Среди многих определений и характеристик наиболее адекватными представляются те, в которых выдвигались следующие различительные признаки индоевропейского медиума: субъектная соотносительность, вариантами которой являлись ограниченность действия сферой субъекта, включая и воздействие на объекты, находящиеся, однако, в особой связи с субъектом (ср. греч. λυεῖναι τὸν ἵππον 'отвязать свою лошадь'), заинтересованность субъекта, непереходность, воз-

вратность; в терминах данной работы, семантической доминантой медиума было обозначение нецентробежного процесса. Медиум противопоставлялся по этой линии активу как форме, обозначающей центробежность процесса, воздействие субъекта на мир внешних объектов и т. д. Различная направленность процесса соотносилась в известной степени и с противопоставленностью состояния действию; с этим было связано и медиальное оформление группы глаголов, обозначающих моральное и физическое состояние человека, так называемых *Media tantum*, хотя категория медиальных глаголов шире этой группы и во многих случаях медиальное оформление не оправдано с точки зрения обычного круга значений медиума. Противопоставление медиума активу отнюдь не совпадало с противопоставлением непереходности переходности, так как при медиальных формах возможна была и постановка прямого объекта, хотя в некоторых случаях противопоставление медиальной и активной парадигмы совпадало со смысловой оппозицией переходность || непереходность. Медиальность постольку сближалась с непереходностью, поскольку конечная точка процесса, обозначаемого медиальной формой, — это характеризуемый данным процессом субъект, или все то, что касается его, связано с ним, входит в орбиту его сферы.

Вместе с тем эти различные аспекты рассмотрения процесса (медиум—актив) были связаны и с различиями в субъектно-предикативных связях; в частности, это находило свое выражение и в том, что носитель признака, получавшего медиальное оформление, часто характеризовался меньшей активностью, чем носитель признака, имевшего активное оформление. Это и послужило одним из оснований развития в системе медиума значения собственно-аффицированности. Положение о вторичности этого значения в медиальной системе подтверждается рядом фактов, характеризующих норму употребления этих форм в древнейших памятниках на индоевропейских языках. Как у Гомера, так и в Ригведе медиальные формы с пассивным значением весьма немногочисленны. Несомненно, частично это может быть объяснено стилем этих произведений (ср. приведенные выше наблюдения над языком германских эпических поэм), однако и в хеттских памятниках отмечаются те же закономерности.

В отношении Гомера анализ, проведенный А. Н. Савченко, достаточно убедительно показал преобладающую частотность употребления медиальных форм для обозначения (в терминах данной работы) нецентробежного процесса. А. Н. Савченко выделяет здесь такие значения, как непереходность (по его мнению, наиболее продуктивная группа медиальных форм), «личная заинтересованность субъекта»¹ (по мнению автора, значительно

¹ А. Н. Савченко. Происхождение среднего залога в индоевропейских языках. Ростов, 1960, стр. 10—31.

менее продуктивная группа), совершение действия субъектом в свою пользу², возвратность и взаимность (очень ограниченная группа глаголов)³. Что касается обозначения центростремительности процесса и аффицированности субъекта, то эти различительные признаки залога представлены лишь немногими случаями, хотя обращает на себя внимание тот факт, что при медиальной форме мог стоять даже деятель (ср. Илиада V, 78; XXIV, 125) или инструмент (Илиада XII, 427). Непродуктивность медиальной формы для выражения оппозиции центробежный || центростремительный процесс очевидна. Для характеристики смысловой структуры медиальных форм показательны и значения так называемых *Media tantum*.

Однако сложность семантической структуры медиума заключалась не только в многообразии вариантов основной семантической доминанты, а в многочисленных случаях неясности смысловых различительных признаков данной формы, что приводило к нейтрализации смысловой оппозиции актив || медиум. Не случайно многие языковеды, в том числе К. Бругман⁴, А. Мейе⁵, Г. Хирт⁶, считали, что первоначально активные и медиальные окончания не были выразителями смысловых различительных признаков. П. Шантрэн⁷ же пришел к выводу, что установить первоначальный характер смысловых различий актива и медиума фактически невозможно.

Уже в языке Гомера отмечались случаи, где нельзя установить различия в значениях медиальных и активных форм, производных от одной и той же глагольной основы⁸. Аналогичные факты широко представлены в древнеиндийской прозе и поэзии⁹.

Вместе с тем и в плане выражения медиальная парадигма не представляла собой замкнутой системы, и в разных языках к ней подстраивались разные образования: ср. в греческом аористы на $-\eta$ и $-\eta\eta$, в древнеиндийском презентные образования на $-ya$ и аорист на $-i$ и т. д. Сложность семантической структуры, неод-

² А. Н. Савченко. Указ. соч., стр. 19, 20, 22—25.

³ Там же, стр. 20—22.

⁴ K. Brugmann, B. Delbrück. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Bd II, Tl III. Strassburg, 1916, стр. 590.

⁵ A. Meillet. *Remarques sur les désinences verbales de l'indoeuropéen*. — BSL, vol. 23, 1922.

⁶ H. Hirt. *Indogermanische Grammatik*, Tl V. Heidelberg, 1934, стр. 198.

⁷ П. Шантрэн. *Историческая морфология греческого языка*. М., 1953, стр. 243.

⁸ См., в частности, некоторые примеры, приведенные А. Н. Савченко (указ. соч., стр. 27—31).

⁹ См. примеры, приведенные Б. Дельбрюком («*Syntaktische Forschungen*», Bd V. Halle, 1888, стр. 236—262). См. также: А. Н. Савченко. Указ. соч., стр. 42—44.

нородность парадигмы свидетельствуют и о сложности и противоречивости процессов, создавших оппозицию медиум || актив.

С точки зрения типологических закономерностей несомненный интерес представляет близость смысловой структуры медиума не только к смысловой структуре возвратных форм в индоевропейских же языках, но и к смысловой структуре самых разных образований, служащих для обозначения направленности действия и соотношения признака и его носителя. Так, например, в тюркских языках смысловая структура тех моделей глагольного словообразования, которые служат для обозначения залоговых оппозиций, включает медиальность в широком значении этого слова наряду с возвратностью и аффицированностью. Э. А. Севортян предполагает, что подчиненность страдательности более неопределенной медиопассивности является древней чертой этих языков. В этой связи обращает на себя внимание материальная близость в тюркских языках показателей возвратности, медиальности и аффицированности.

Еще более интересны факты тех языков, в которых обозначение разной направленности действия и разного соотношения процесса с его субъектом получает реализацию в разных построениях предложения¹⁰. Наличие нескольких (от двух до шести) схем построения предложения обусловлено в одних языках лексическим характером глагола, в других — содержанием, вкладываемым в субъектно-предикативно-объектные отношения, так что один и тот же глагол может оказаться, например, предикатом в переходной и непереходной модели предложения. Обращает на себя внимание в этой связи, что в некоторых языках (эскимосском, немепу) при наличии объекта может употребляться непереходная схема, что зависит от положения объекта и его отношения к субъекту. Инклюзивность объекта требует непереходной схемы.

В настоящее время более или менее общепризнанным считается положение о том, что медиальная парадигма в том виде, как она представлена греческим и древнеиндийским материалами, является результатом многих преобразований.

Привлечение хеттских материалов позволило установить генетическую связь личных показателей претеритальных форм хеттского спряжения на $-hi$, с одной стороны, с показателями индоевропейского перфекта, с другой стороны, с медиальными окончаниями. Тем самым оппозиция медиум || актив стала рассматриваться в соотношении с более древним типом оппозиции презент ~ аорист || перфект¹¹.

¹⁰ См.: И. И. Мещанинов. *Структура предложения*. М.—Л., 1963, стр. 57—81.

¹¹ См.: Chr. S. Stang. *Perfektum und Medium*. «*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», bd VI. Oslo, 1932; J. Kurylowicz. *Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite*. — BSL, vol. 32, fasc. 1, Paris, 1932; B. Rosenkranz. *Die hethitische hi Konjugation und das idg. Per-*

Функциональная общность старого перфекта и медиума давно привлекала внимание. Особенно ясно она выступала в соотношении перфекта с другими формами; при этом обращали на себя внимание два типа оппозиций, в которых участвовал старый перфект: 1) оппозиция медиального презенса активному перфекту, где различительным признаком являются видовые характеристики, ср. др.-инд. *mṛśjātē || māmāśā, bhāyatē || bibhāya*; греч. *γίγνομαι || γέγονα, ὀλλυμαι || ὄλωλα, ῥήγνομαι || ῥήρωγα* и 2) оппозиция сильного и слабого перфекта, где различительным признаком является направленность действия, ср. *διέφθора* 'погиб' || *διέφθарха* 'погубил'. Эта функциональная близость получила новое объяснение в свете указанных выше фактов хеттского языка.

В хеттских глаголах на *-hi*, претерит которых оказался генетически связанным с индоевропейским перфектом, некоторые исследователи специально отмечали наличие значительной группы депонентных глаголов, типологических эквивалентов греческим *Media tantum*¹². В этой связи Х. Станг еще в тридцатых годах считал возможным писать о существовании специального перфектного залога¹³. Если на основании сказанного выше попытаться реконструировать содержание оппозиции презенс~аорист || перфект, то основным окажется противопоставление центробежный процесс || процесс нецентробежный, причем различительными признаками перфекта окажется обозначение непереходности в широком значении этого слова и состояния. В какой-то степени смысловая структура этой оппозиции была более однозначной, чем противопоставление актив || медиум, хотя древнейшие функции перфекта оказались очень близкими к медиуму.

2

Описание древнейших типов индоевропейских залоговых оппозиций предполагает, однако, рассмотрение не только медиума, но и индоевропейских форм на *-r*, иными словами, типологическая характеристика процессов развития залоговых оппозиций в индоевропейских языках предполагает и известное рассмотрение данной формы. Исследования, посвященные описанию значения этих форм в отдельных языках (тохарском, латыни, кельтских языках), а также реконструкции их первоначальной

функции довольно многочисленны¹⁴. Вопрос о соотношении форм так называемого *-r* пассива и индоевропейского медиума сам по себе представляет дискуссионную проблему. Повидимому, следует различать в этой связи два разновременных слоя форм: более древние простые формы, где *-r* является единственным грамматическим показателем и присоединяется непосредственно к основе (ср. оформление пассива в бриттской группе кельтских языков, оформление единственного числа пассива в древнеирландском, а также единичные примеры из оскского и умбского языков), и формы более поздние, где *-r* наслаивалось на другие грамматические показатели, по преимуществу характерные для индоевропейского медиума (ср. хеттский и латинский пассив, а также депонентные глаголы в латыни и кельтских языках).

Построение хеттской залоговой парадигмы позволяет здесь установить первоначальную связь этого показателя с третьим лицом и более позднее его распространение на другие личные формы; примечательно также, что в этом языке *-r* характеризует только настоящее время пассива¹⁵. Древность связи показателя *-r* с третьим лицом подтверждается также материалом кельтских языков и упоминавшимися выше фактами из оскского и умбского, т. е. данными тех языков, где господствовали неконтаминированные, а следовательно, более древние формы на *-r*. Весьма характерно вместе с тем, что именно смысловая структура хеттских медиопассивных форм и латинского депоненса максимально сближается со смысловой структурой греческих и древнеиндийских медиальных форм, ср.: 1) группу глаголов, аналогичную *Media tantum*: *ar-* 'стоять', *kiš-* 'становиться', *ki-* 'лежать'; 2) глагольные формы, выражающие особую субъектную соотношенность, безобъектность, возвратность, взаимность: *irhāitta* 'кончается' || *irhāi* 'ограничивать', *unūcaḥḥari* 'я украшаюсь' || *unūcāi* 'украшать', *zinnattari* 'кончается' || *zenna* 'кончать', *ḥan-*

fekt. — KZ, Bd 75, H. 3-4. Göttingen, 1957; J. Kuryłowicz. Le hittite. «Actes du huitième Congrès international des linguistes». Oslo, 1958, стр. 216—243.

¹² На это указывает Б. Розенкранц в упоминавшейся выше статье; см. также: Н. Kronasser. Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen. Heidelberg, 1956, стр. 191, где приводятся такие параллели: хет. *aki* = лат. *moritur*, *ispai* = др.-инд. *sphāyate*, *karpī* = лат. *vescitur*, *paksi* = лат. *tuetur*, *tai* = греч. *δέχεται*, *malai* = греч. *εὐχεται* и т. д.

¹³ Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 34.

¹⁴ Ср., например: A. Ernout. Recherches sur l'emploi du passif latin. «Mémoires de la société de linguistique de Paris», vol. 15, 1909; J. Vendryes. Les formes verbales en *-r* du tocharien et de italo-celtique. «Revue celtique», vol. XXIV, № 2, 1913; J. Charpentier. Die verbalen *-r* Endungen der indogermanischen Sprachen. «Skrifter Utgifna af K. Humanistiska Vetenskapssamfundet i Uppsala», Bd 18. Uppsala, 1917; E. Clafflin. The indo-european middle ending *-r*. «Language», vol. 14, № 1, 1938; e e же. The nature of the latine passive. «American Journal of Philology», vol. 48; ср. также соответствующие разделы в кн.: А. Эрн. Историческая морфология латинского языка. М., 1960, стр. 142—143; Е. Н. Стуртевант, Е. А. Нанн. A comparative grammar of the hittite language. New Haven, 1951, стр. 138, 145—148; И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952, стр. 116—120.

¹⁵ См.: И. Фридрих. Указ. соч., стр. 85 и след.; Е. Н. Стуртевант, Е. А. Нанн. Указ. соч., стр. 145—148; Н. Kronasser. Указ. соч., стр. 203.

dāittari 'получается', 'оказывается' || ḥandai 'устанавливать', 'прилаживать', 'устраивать', zaḥḥiiaaštati 'мы сразимся друг с другом' и т. д.; 3) глагольные формы, выражающие собственно пассивное значение: duḡarnattari 'он разламывается', 'он разламываем', duḡarnattat 'он был разломан' || duḡarna 'разбивать', 'разламывать', ḥuniktari 'он повреждает', 'его повреждают' || ḥunink- 'повреждать' и т. д.¹⁶ Фактически и тохарский медиопассив характеризуется теми же функциями.

Что касается латинской системы форм на -r, то картина здесь более сложная, позволяющая, однако, сделать некоторые выводы относительно происхождения и развития всей системы. В латыни довольно четко обозначаются в этой системе как бы два центра, что было отмечено еще А. Эрну¹⁷. Один центр связан с характеристикой процесса при неопределенном субъекте типа itur 'идут', invidetur mihi 'мне завидуют', другой — с выражением комплекса различительных признаков, очень близких смысловой структуре хеттских и тохарских форм на -r. Первые формы образовывались как от переходных, так и непереходных глаголов, вторые — от глаголов переходных. Вопрос о примате того или иного семантического центра остается дискуссионным и в настоящее время, хотя типологически, несомненно, более вероятным представляется первичность неопределенно-личной конструкции. Особенно интересен в этой связи оскско-умбрский и кельтский материал. Как уже отмечалось, именно в этих языках сохранились «чистые» формы на -r, не контаминированные с медиальными показателями: ср. умбрск. fegar 'пусть принесут', оскск. sakrafir 'пусть принесут в жертву' (из известного культового изречения); при sakrafir стоит объект в винительном падеже. Неконтаминированные формы представлены и кельтскими материалами¹⁸: в древнеирландском, так же как и в новоирландском, парадигма страдательного залога представлена только третьим лицом единственного и множественного числа. В единственном числе, которое является исходной формой, страдательный залог представлен чистой формой на -r: berir, -berar 'он принесен', benir, -benar 'он ударяем', carthir, -carthar 'он любим'. Там, где подлежащим является первое или второе лицо, употребляется инфигированное местоимение: ni-m-thabegar 'меня не приносят', 'я не принесен'; в новоирландском местоимение всегда стоит в винительном падеже, а все сочетание является ана-

логом конструкций с дательным-винительным лица типа лат. me pudet, отличается лишь глагольный форматив. В бриттском языке сохраняются те же закономерности: пассивная конструкция имеет и здесь особый тип построения, при котором центростремительность процесса и аффицированность его носителя оказываются связанными с объектным оформлением лица и безличным оформлением глагола.

Несомненно, этот тип выражения различительных признаков «пассива» очень древен, реликты его имеются и в итальянских языках. Что касается кельтских языков, то наиболее устойчивой эта схема оказалась в бриттской группе, где парадигма страдательного залога представлена одной формой, условно называемой третьим лицом единственного числа. В ирландском, начиная с древних памятников, появляется форма множественного числа, где показателем является -r+t: ср. bertir, -bertar 'они принесены' и т. д. Так же как и в итальянских языках, эти же формы, будучи образованы от непереходных глаголов, являются неопределенно-личными формами типа русск. *говорят*, нем. *man sagt* и т. д.

Оставляя в стороне вопрос о том, являлись ли генетически эти образования чистыми именами, отметим несомненную и к тому же весьма древнюю связь этих форм с особым типом сочетаний, условно называемых нами «конструкции с дательным-винительным лица». Наиболее поразителен тот факт, что в значительно более поздних лексических группировках на -ся в славянских языках и на -sk в скандинавских языках мы встречаемся с типологически близкими, хотя, конечно, не тождественными фактами: в итало-кельтских языках само построение сочетания при архаичных формах на -r требовало особого оформления носителя признака, в славянских и скандинавских языках структурная модель нецентробежной ~ центростремительной формы в тех случаях, когда она была образована от основ с определенным лексическим значением, требовала аналогичного построения: ср. русск. *мне кажется, хочется*, но и *мне не спится* (древнеисландские примеры см. в гл. V).

Каковы бы ни были причины, обусловившие в германских языках появление этих конструкций, центростремительность процесса и аффицированность субъекта оказались здесь связанными с определенным типом предложения. Несомненно, все варианты этой модели сочетания отмечаются скорее как региональные особенности. Можно как бы наметить определенные типологические изоглоссы, связывающие итало-кельтские, германские и славянские языки, в отличие от греческого и древнеиндийского, но не представляют ли эти региональные явления вместе с тем и явления реликтовые и как соотносится структурная модель объектного оформления носителя признака при глаголах чувственного восприятия, аффекта в латыни, германских,

¹⁶ См. материал, приведенный в кн.: И. Фридрих. Указ. соч., стр. 119—120, 142; Н. Клоппер. Указ. соч., стр. 209, 210; ср. особенно материал, собранный А. Н. Савченко (указ. соч., стр. 46—58).

¹⁷ Ср.: E. Clafflin. The hypothesis of the italo-celtic impersonal passive in -r. «Language», vol. 5, 1929, № 4; A. Ernout. Указ. соч.; J. Vendryes. Указ. соч., стр. 130.

¹⁸ См.: Г. Льюис, Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, стр. 363—369.

славянских языках и оформление тех же категорий как медиальных глаголов в греческом и древнеиндийском — эти вопросы нуждаются в специальных исследованиях. Нельзя в этой связи не упомянуть о единичных случаях использования первой модели в хеттском, хотя и за пределами медиопассива: ср. *tukma ir-maliḫattat* 'а ты заболел' = 'тебя заболело'¹⁹; ср. также приводившиеся в гл. III факты построения дативной конструкции при той же лексической группировке в кавказских языках.

В эпоху классической латыни, так же как и в эпоху создания памятников на германских языках, эта модель оформления центростремительности признака и аффицированности его носителя находилась, однако, на периферии грамматической системы данных языков.

Что касается медиопассивных формы на *-r* в латыни, то их связь с индоевропейским медиумом, по-видимому, бесспорна. Характерно, что и в подсистеме депонентных глаголов выделяются семантические группы, тесно связанные с подсистемой греческих *Media tantum*: ср. лат. *sequor*, др.-ирл. *sechitir*, греч. *ἐπομαι*, др.-инд. *saśatē* 'следует'; лат. *mētor*, греч. *μντομαι* 'думаю', 'размышляю', 'придумываю'; лат. *potior* 'bemächtige mich', др.-инд. *pátjate*; лат. *morior*, др.-инд. *mrijátē* 'умирает' и т. д.²⁰

Вместе с тем система депонентных глаголов в значительно большей степени, чем система *Media tantum*, была лишена общего семантического стержня, что было связано с явной неустойчивостью этой системы уже в архаичной, а тем более в классической латыни. Попытки А. Хатчер²¹ вскрыть за каждым депонентным глаголом специфический оттенок субъектной соотнесенности нельзя считать убедительными.

Для закономерностей функционирования форм на *-r* в латыни характерной является (быть может, еще в большей степени, чем в греческом) неясность у многих глаголов смысловых различительных признаков между активной формой и формой на *-r*. Г. Райхенкрон²² отмечает ряд глаголов, которые уже в языке Плавта и Теренция употреблялись с одинаковым значением в активной форме и в форме на *-r*. Впоследствии число этих глаголов растет. Весьма возможно, что в значительной степени это обусловлено и потерей у депонентных глаголов их первоначального медиального значения. В отношении депонентных глаголов сход-

¹⁹ И. Фридрих. Указ. соч., стр. 128.

²⁰ Подробнее об этом см.: E. Clafflin. Voice of indo-european perfect. «Language», vol. 15, № 3, стр. 155 и след.

²¹ A. Hatcher. Reflexive verbs. Latin, old french, modern french. Baltimore, 1942, стр. 17—32; ср. также: C. H. Balmore. Observaciones para el estudio de los verbos deponentes. Madrid, 1934.

²² G. Reichenkron. Passivum, Medium und Reflexivum. Berlin, 1932, стр. 9—11.

ные процессы наблюдались и в древнеирландском²³. Вместе с тем смысловая структура оппозиций актив || форма на *-r* в тех случаях, когда каждая форма характеризовалась своими смысловыми различительными признаками, отнюдь не была однозначной у разных групп глаголов: хотя выражение пассивности, по-видимому, в эпоху классической латыни являлось уже доминирующим, противопоставление типа *delecto* || *delector*, *verto* || *vertor*, *appello* || *appellor* выражает противопоставление процесса центробежного процессу нецентробежному, а не центростремительному. Случаи употребления в языке доклассического периода форм на *-r* для выражения возвратности (см. гл. V, стр. 211), еще реже взаимности, обнаруживают следы той же смысловой структуры, что и медиопассив в хеттском и тохарском. Но история латинского языка позволяет установить тенденцию к специализации этой формы для выражения оппозиции центробежный || центростремительный процесс, хотя реликты более широкого значения сохраняются и в латыни, в особенности в противопоставлении переходности || непереходности.

В какой степени это выделение одного из смысловых вариантов старого медиума в смысловую доминанту форм на *-r* было обусловлено их контаминацией с так называемыми безличными конструкциями — сказать трудно. Однако, как показали еще исследования А. Эрну, древние формы на *-r* в функции показателей инактивного носителя признака употребляются по преимуществу в третьем лице, и при том без агенса, формы на *-r* для первого и второго лица единственного и множественного числа у древних латинских авторов встречаются очень редко и обычно с медиальным значением. Быть может, для путей оформления латинского пассива характерна и смысловая структура ранних сочетаний причастие + формы глагола *esse*, ср. известный пример из письма о вакханалиях: *utei suprad scriptum est*.

Связь страдательного залога с третьим лицом и специально с так называемой безличной конструкцией особенно ясно выступает на материале кельтских языков, где за пределами депонентных глаголов форма на *-r* характеризует именно центростремительность процесса и аффицированность субъекта с той однозначностью, которой не знал медиум. Но в этих языках и сами пассивные формы либо свободны от контаминации с показателями медиума (бриттская группа), либо (ирландский) эта контаминация характеризует более позднюю форму третьего лица множественного числа. В кельтских языках только депонентные глаголы, семантически связанные с медиумом, и в оформлении своей парадигмы дают сочетание медиальных показателей и форм на *-r*.

²³ См.: H. Pedersen. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. Heidelberg, 1913; E. Clafflin. The nature of the latin passive. «American Journal of Philology», vol. 48.

Быть может, не случайно, что в кельтских языках, где системы пассивных форм переходных глаголов и форм депонентных глаголов были формально обособлены, страдательный залог на *-r* оказался весьма устойчивым.

Иное наблюдается в латыни, где многозначность и смысловая нечеткость оппозиции медиум || актив была унаследована оппозицией *-r* || *-o*. Поздняя латынь обнаруживает значительное число глаголов, у которых активные формы и формы на *-r* не выражают никаких смысловых различий; в тех же случаях, когда они оказываются противопоставленными друг другу, оппозиция остается двузначной: переходность || непереходность, центробежность || центростремительность — решает лексический характер основы и контекстуальное окружение. В этой связи у форм на *-r* появляются два конкурента: сочетания глагола с местоимением, так называемые возвратные конструкции, и сочетания причастие на *-to-* + формы глагола *esse*. И те и другие существуют уже в эпоху полного процветания форм на *-r* в латыни: первые — для уточнения определенных вариантов нецентробежности процесса (возвратности, взаимности)²⁴, вторые — для построения парадигмы перфекта пассива, поскольку форма на *-r* была ограничена только системой инфекта. Для процесса преобразования залоговой системы характерным является формальное обособление оппозиции центробежный || центростремительный процесс от оппозиции центробежный || нецентробежный процесс. Как формальное выражение первой оппозиции ведущую роль получают причастные сочетания, в качестве формального выражения второй оппозиции используются сочетания с местоимением. Это означало фактическое вытеснение форм на *-r* из латинского языка, что и произошло в романских языках.

Интересно, однако, что уже в поздней латыни расширяется смысловая емкость возвратной формы и она характеризуется в значительной степени тем пучком различительных признаков, которые были свойственны этой форме в германских языках, специально в древнеисландском, и которые вместе с тем объединялись и смысловой структурой греческого медиума²⁵. Особенно любопытным является и здесь развитие при подлежащем-нелице так называемого квази-пассивного значения, на что особенно обращают внимание Г. Мюллер и Е. Вистранд в указанных выше

²⁴ Авторы обычно прибегают к местоимениям *se, me, te, ipse*, частице *-met* для выражения возвратности и обороту *inter se* для выражения взаимности, которые сначала стоят при форме на *-r* как ее уточнители; но затем смысловая нагрузка закрепляется именно за этими дополнительными показателями, что находит свое выражение в том, что они легко сочетаются с так называемыми активными формами.

²⁵ H. Müller. The passive voice in vulgar Latin. «Romanic Review», vol. 15, 1954; E. Wistrand. Über das Passivum. Göteborg, 1943; ср. также материал докторской диссертации: Е. Реферовская. Развитие категории залога во французском языке, т. II, особенно стр. 363—373.

работах. Явление это наблюдается уже в поздней латыни, а затем характеризует развитие и отдельных романских языков. Тем самым определяются общие черты не только в смысловой структуре возвратных глагольных конструкций разных языков (латынь, романские, германские, славянские, балтийские языки), но и стойкость использования одной и той же формы для выражения разных оттенков нецентробежности, включая состояние инактивного субъекта и даже центростремительность процесса и аффицированность носителя признака. В этой связи обратимся вновь к материалу греческого и древнеиндийского языков.

3

Построение глагольных парадигм во всех индоевропейских языках — процесс сложный и противоречивый. Сравнительный анализ глагольных систем отдельных индоевропейских языков позволяет далеко не всегда определить основные звенья в процессе оформления глагольной парадигмы. Структура личных форм в видо-временных и залоговых системах, их соотношение не дают еще достаточно фактов для реконструкции древнейшего исходного состояния и выделения разновременных напластований. Приходится рассматривать и сложную смысловую структуру индоевропейского медиума как нечто данное, предполагая, однако, и в этом автор данной работы расходится со взглядами таких авторитетов, как К. Бругман, А. Мейе, Г. Хирт и многие другие, что противопоставление центробежного процесса процессу нецентробежному, включая обозначение состояния инактивного субъекта, является весьма древним типом индоевропейской залоговой оппозиции, более древним, чем те индивидуальные системы медиальных форм, которые представлены материалом отдельных индоевропейских языков. Тот факт, что однотипное противопоставление, по-видимому, связано с соотношением систем презенса ~ аориста || перфект, подтверждает глубокую древность этого типа оппозиции. Быть может, тщательное изучение исторического синтаксиса индоевропейских языков позволит установить соотношение этих древних морфологических систем с теми синтаксическими построениями, которые иными средствами реализовали выражение своеобразной центростремительности процесса и аффицированности носителя признака. Вопрос должен ставиться об удельном весе в синтаксисе древнеиндоевропейских языков особого оформления предложения для обозначения направленности действия на субъект, точнее, об историческом месте модели предложения с объектным оформлением носителя признака и соотношении этой модели с словоизменительными и словообразовательными показателями глагола, обозначавшими те же смысловые различительные признаки.

Обращает внимание, однако, что нецентробежность в разных лексико-грамматических системах оказывается связанной с отказом от наименования субъекта процесса, т. е. с так называемой безличностью. Вместе с тем в греческом, а отчасти древнеиндийском функционирование медиальных форм и построение медиально-пассивной парадигмы обнаруживают две тенденции: 1) внести уточнение при помощи контекстуальных детерминативов в многозначную форму и 2) построить медиальную парадигму, эквивалентную оформлявшейся парадигме действительного залога. Первая тенденция наглядно реализуется в греческом путем использования местоименных уточнителей *ἑαυτοῦ* или *ἀλλήλους* для выражения возвратности и взаимности, вследствие чего медиальная форма постепенно освобождалась от выражения этих значений, что способствовало опрощению ее смысловой структуры. Употребление при медиальной форме деятеля, особенно в предложной конструкции с *ὅτι*, в свою очередь вносило уточнение (контекстуальное) в многозначную медиальную форму. Вместе с тем существование как в греческом, так и в древнеиндийском довольно большого числа случаев, где практически отсутствовало грамматически ясное противопоставление актива медиуму, указывает на то, что некоторые более древние различительные признаки этих двух форм были утеряны и здесь, подобно тому как это наблюдалось в латыни, появились аналогические образования в обеих системах. Предположительно эти древние различительные признаки медиума связаны с тем, что определяется как общая субъектная соотнесенность или как динамический медиум и т. д.

С другой стороны, обычно отмечается большая частотность в греческом использования медиальных форм для выражения собственно-центростремительности процесса. Это связано в истории греческого языка с подключением к медиальной парадигме так называемых пассивных аористов на *-ην*, *-θην*. Первый из них довольно широко используется в языке Гомера, однако отнюдь не как однозначная залоговая форма, второй, по-видимому, более поздняя форма, у Гомера еще малоупотребительна. Как показывают примеры из языка Гомера типа *ἐρρόην* 'я потек' к *ῥέω* или формы *ἐχάρην* 'я обрадовался' к *χαίρω*, *ἔδραην* 'я узнал' и т. д., эта форма обозначала первоначально непереходность и состояние, т. е. была близкой по своей смысловой структуре медиуму; это определило ее использование в качестве противопоставленной формы активному аористу, поскольку формы корневого медиального аориста типа *βλήτο* были с древнейших памятников малоупотребительны. Фактически те же значения оказались в греческом связанными и с аористом на *-θην*, конкурирующим с более древним типом основ на *ε* (см. гл. III, стр. 97); у Гомера явно выступает его первоначальное значение: см. *νεμεσσήθη* 'вознегодовал', *ὄρμηθη* 'бросился', *ὑπεθερμάνθη* 'стал теплым', *ἐνο-*

σφίσθη 'ты удалился' и т. д.²⁶ А. Прево полагал, что спецификация функций этого аориста была связана с выработкой весьма продуктивного противопоставления пассивного аориста на *-θην* и активного аориста на *-α* от одного и того же глагола²⁷.

Включаясь в один парадигматический ряд с медиальными формами, эти «пассивные аористы» способствовали в свою очередь опрощению смысловой структуры медиума, обусловили более четкое выделение в его значении различительных признаков собственно непереходности, состояния и центростремительности процесса. Однако для общей характеристики закономерностей развития залоговых значений показательно, что и в так называемых пассивных аористах на *-θην* собственно-пассивное значение было производным по отношению к непереходности и обозначению состояния.

В древнеиндийском развитие залоговых оппозиций связано не столько с переосмыслением медиума, хотя и это имело место, сколько с историей IV класса глаголов (глаголы на *-ya-*), а также причастий на *-to-*, *-no-*²⁸. Не касаясь проблемы генезиса IV класса древнеиндийских глаголов, можно утверждать, в особенности после исследования И. Гонда, что пассив на *-ya-* и презентные основы IV класса характеризуются соотношениями, до известной степени сходными с отношением медиальных глаголов и медиальных форм; но то, что в одном случае связано с личными показателями, оформляющими так называемые *Media tantum* и медиальные формы переходных глаголов, то в другом случае проявляется в основообразующем суффиксе. Выше (гл. III) рассматривалась смысловая структура глаголов IV класса в древнеиндийском, причем указывалось на значительный удельный вес в этой лексической подсистеме глаголов, обозначающих аффект, психическое и физическое состояние или изменение в психическом и физическом состоянии субъекта. Отмечалась и значительная группа интранзитивных глаголов. Перед нами смысловая структура, весьма близкая к лексической системе *Media tantum*; быть может, не случайно некоторые основы на *-ya-*, как, например, *mriyáte*, связаны с этой подгруппой. Как показывает анализ древнеиндийских памятников разных стилей, сделанный И. Гонда, и употребление форм на *-ya-* с пассивным значением не может быть сведено к аффицированности. Не случайно так редок агент при этой форме. Интранзитивность, состояние инактивного субъекта, даже возвратность, характеристика инактивного субъекта включаются в смысловую структуру этих образований. Поскольку И. Гонда считал, что пассив предполагает обязательное наличие агента, он утверждал, что использование с этим значением *-ya-* основ

²⁶ А. P r é v o t. L'aoriste grec en *-θην*. Paris, 1935, стр. 22 и след.

²⁷ Там же, стр. 48.

²⁸ J. G o n d a. Remarks on the sanskrit passive. Leiden, 1951.

занимает относительно незначительное место как в Ведах, так и в других древнеиндийских памятниках (Махабхарата, Сатапатабрахмана и другие брахманы, Калидас и т. д.). «Неполный пассив», характеризующий особым поведением субъекта (субъект охвачен процессом), автор выделяет как особый залог — эвентив. В известной мере этот «залог» совпадает с значением многих морфологизованных лексических группировок индоевропейских языков (ср. гл. III); частично, но только частично, этот термин может быть применен и к индоевропейскому медиуму²⁹, поскольку автор пытается при помощи данной категории объединить сумму различительных признаков, с которыми генетически связан страдательный залог. Быть может, И. Гонда прав, предполагая подобное осмысление определенных процессов как общую исходную основу, как своеобразный смысловой субстрат древнейших залоговых противопоставлений индоевропейских языков; можно было бы с эвентивом связать и древний перфект и, быть может, даже разнотипные конструкции с дательным-винительным лица. В пользу этого говорит, казалось бы, и «пассивное» оформление глаголов, означающих психическое и физическое состояние, но смысловая структура индоевропейского медиума и соотношенных с ним форм уже не укладывается в рамки эвентива.

Однако несомненно общим в древних индоевропейских залоговых формах являются: вторичность оппозиции центробежный || центростремительный процесс; слабая формализация этой оппозиции вследствие того, что один из ее членов обладает весьма емкой смысловой структурой и участвует в разных вариантах оппозиции центробежный процесс || нецентробежный процесс; слабость формализации обусловлена и связью членов этой оппозиции с определенными лексическими группировками (*Media tantum*, глаголы на *-ya-*, депонентные глаголы). Развитие идет по линии выделения и обособления оппозиций центробежный || центростремительный процесс и формализации парадигматических рядов, выражающих данную оппозицию. Формализация происходила путем выработки стандартных парадигм с обобщенным значением, независимым от частных лексических значений индивидуальных глагольных основ. Иными словами, та общая тенденция в развитии индоевропейской парадигматики, которая отмечалась некоторыми авторами³⁰, обусловила и развитие залоговой парадигмы. С этим связана и судьба морфологизованных сочетаний причастие+формы служебных глаголов.

²⁹ См. работу И. Гонда, посвященную этому вопросу: J. Gonda. Reflections on the indo-european medium. «Lingua», vol. IX, 1—2, 1960.

³⁰ См.: М. М. Гухман. Структура древнегерманских глагольных основ и оформление парадигматических рядов. — Сб. «Проблемы морфологического строя германских языков». М., 1963, стр. 77—78.

В истории большинства индоевропейских языков эти сочетания приобретают все большее значение в оформлении страдательного залога. Частично это обусловлено развитием видо-временных форм. Пассив на *-r*, по-видимому, связан первоначально с системой презенса (аориста), то же самое можно предполагать и относительно греческого медиума. В истории латинского языка сочетания причастие на *-to-*+служебный глагол, входившие сначала только в систему перфекта и являвшиеся поэтому одним из компонентов того же парадигматического ряда, что и формы на *-r*, затем вытесняют последние и становятся в романских языках ядром парадигмы страдательного залога; ведущую роль они играют и в реализации залоговых оппозиций славянских, балтийских и германских языков (о германских языках подробнее см. дальше). Интенсивное переклечение на причастные конструкции связано, по-видимому, с той тенденцией к формализации, о которой писалось выше.

Причастия на *-to-*, *-no-*, оказавшиеся в большинстве индоевропейских языков основным компонентом залоговых оппозиций, конечно, не обладали идеальной однозначностью (см. в этой связи анализ смысловой структуры причастия II в германских языках), но, в отличие от лексических группировок, использовавшихся как выразители залоговых оппозиций, их функционирование в минимальной степени зависит от лексического содержания глагольной основы. Вместе с тем и значительно ограниченнее была емкость их смысловой структуры, обобщеннее и определеннее их смысловой инвариант. Те же особенности сочетаний с причастием проявляются и при их сопоставлении с индоевропейским медиумом или формами на *-r*. Именно поэтому они оказались наиболее широко использованными в большинстве индоевропейских языков при оформлении парадигм на новых структурных принципах.

Отмеченные тенденции, естественно, не во всех даже близкородственных языках реализуются совершенно однотипно, с одинаковой интенсивностью и последовательностью, поэтому разная и в близкородственных языках оказалась даже судьба такой поздней лексической группировки, как возвратные глаголы и их соотношение с причастными конструкциями. И здесь германские языки могут служить примером таких расхождений в условиях существования тенденций, общих для всех языков этой группы.

В германских языках развитие залоговых противопоставлений, связанных со становлением страдательного залога, характеризуется в основных своих линиях также тенденцией к значительно большей обобщенности значения, к большей отвлеченности от лексической природы самого глагола, чем это наблюдалось

в индоевропейском медиуме, сохранявшем, как и другие древние глагольные категории, тесные связи с глагольным словообразованием. Но, с другой стороны, развитие структурных единств, вошедших в германских языках в новый оформлявшийся парадигматический ряд, до известной степени типологически и функционально повторяло процессы, установленные в отношении индоевропейского медиума.

Два типа структур оказались продуктивными в германских языках: сочетание причастия II со служебными глаголами и сочетание глагольных форм с возвратным местоимением.

И та и другая структура, рассматриваемая как известный тип образования, не может быть определена как узкогерманское явление. Напротив, обе структуры обладают широкими индоевропейскими связями, причем обращают на себя внимание как общность самой формальной структуры, так и близость выполняемых функций. Однако, хотя морфологически причастные формы, принявшие участие в образовании парадигмы страдательного залога в разных индоевропейских языках, обнаруживают генетическое тождество и как известная морфологическая единица могут быть возведены к эпохе общеиндоевропейской общности, образованные при помощи этих причастий описательные, или аналитические, конструкции, а в равной степени, по-видимому, и использование самих этих причастий вместо личных залоговых форм в древнеиндийском с функцией пассивного перфекта, не могут быть проицированы в эпоху индоевропейской языковой общности. Перед нами явления хотя и «общеиндоевропейские», поскольку все перечисленные категории восходят в конце концов к формам на *-to-* и *-no-*, но получившие данное свое использование только в развитии отдельных групп и языков индоевропейской семьи. Не менее «общеиндоевропейским» является и второй компонент этого сочетания — связка «быть», а также и самый тип предикативного сочетания — причастие + связка, но включение этого и однотипных сочетаний в систему глагольного формообразования на правах элементов оформляющегося нового залогового парадигматического ряда происходит в процессе обособленного развития отдельных групп и языков. Поэтому в истории этих новых элементов глагольной парадигмы по отдельным индоевропейским языкам общие тенденции, унаследованные от эпохи языковой общности, прихотливо переплетались с индивидуальными особенностями каждого языка, обусловленными как спецификой его структуры в целом, так и всей конкретной историей этого языка. Все это относится не только к сравнительному анализу закономерностей развития языков разных групп индоевропейской семьи, но и к сравнительному анализу таких близкородственных языков, как германские.

Подобно конструкциям с причастием II и сочетание глагола с так называемым возвратным местоимением — явление широко

распространенное в индоевропейских языках. Ареал языков, где засвидетельствованы местоименные формы, генетически тождественные основе германского возвратного местоимения, достаточно широк: к нему относятся такие языки, как латынь и романские, славянские, балтийские и германские. Ареал языков, где эти формы отсутствуют, представлен индоиранскими языками, греческим и кельтскими языками. Во всех языках, где данные формы продуктивны, индоевропейский медиум либо отсутствовал уже в древнейшую пору (балтийские и славянские языки), либо обнаруживал преобразование в своей смысловой структуре (латынь, германские языки). Как показывает сопоставление смысловых структур возвратных конструкций разных языков, они обнаруживают почти полное тождество, исключение составляет лишь собственно-пассивное осмысление этих форм, присущее лишь некоторым языкам (скандинавские языки, славянские, отчасти некоторые романские). Вместе с тем во всех этих языках намечается близость смысловой структуры лексической системы так называемых возвратных глаголов и медиума. Но при генетическом тождестве самой местоименной основы, по-видимому, восходящей, как и производное от нее прилагательное, еще к эпохе, предшествующей обособлению отдельных языковых групп, при близости основных линий развития этих конструкций, закономерности их функционирования, характер их связи с другими элементами грамматического строя, их место в языковой системе глубоко индивидуальны и специфичны, даже в том случае, когда речь идет о таких близкородственных языках, как германские.

* * *

Как показывает готский материал, а также единичные факты других германских языков, еще в условиях существования медиопассива намечаются линии развития новых форм, включившихся в дальнейшем в систему глагольного формообразования как элементы системы страдательного залога.

Несомненно, в оформлении категорий, функционально прилегающих к медиопассиву, готский обнаруживает известные черты, не характерные для всей группы германских языков, являвшиеся результатом относительно позднего развития. В качестве такого, по-видимому, готского, а быть может, гото-скандинавского новообразования была определена система противопоставлений готских глаголов на *-nan* и переходных слабых глаголов I класса или переходных сильных глаголов.

Специфической особенностью готского являлось и столь раннее широкое использование сочетания причастия II со служебным глаголом «становиться» (только с формами прошедшего времени), поскольку и древне немецкие глоссы, и древнеанглийские ранние памятники, и древнеисландский материал указывают

на вторичность этого типа сочетаний по сравнению с сочетанием причастия и форм глагола «быть».

Но существование форм настоящего времени медиопассива, сочетаний причастия II с формами служебного глагола «быть», а также широкое использование приглагольного возвратного местоимения для передачи различных оттенков медиальности представляются нам свойственными древнему грамматическому строю всех германских языков, причем весьма вероятно, что все эти категории сосуществовали еще в эпоху германской языковой общности. В пользу этого, наряду с готским материалом, говорит сосуществование отдельных медиопассивных форм, причастных конструкций и приглагольного возвратного местоимения в языке рунических надписей, а также сравнительный материал западногерманских языков.

Медиопассив в готском по своим функциям, по объему выражаемых им значений значительно уже и ограниченнее индоевропейского медиума. Хотя, согласно результатам проведенного анализа, нам представляется, что нельзя все случаи употребления этой формы в готском свести к значению собственно-страдательного залога, к выражению аффицированности субъекта (см. гл. II), несомненно, все многообразие субъектной соотносительности, характерное для медиума, отсутствует в употреблении готских форм. Обозначение известного состояния инактивного носителя признака, произведенного не им самим, легко переходящее в обозначение аффицированности носителя признака, — таковы смысловозначительные характеристики этой формы в готском. Ряд функций, связанных с выражением различных оттенков субъектной соотносительности, ограниченности действия сферой субъекта, включая и собственно возвратность, оказались в готском связанными с «возвратными» конструкциями. Особенно разнообразны оттенки субъектной соотносительности, нецентробежности процесса вплоть до его центристичности в системе значений «возвратных конструкций» в древнеисландском. Данные конструкции в древних германских языках как бы выступают наследниками широкого круга значений индоевропейского медиума³¹ при всем своеобразии каждой из этих категорий³².

Однако в эпоху, когда еще сохранялся медиопассив, эти конструкции, по-видимому, притягивали к себе лишь тот круг зна-

³¹ Ср. в этой связи приведенное греч. *ἀβελαν τὸν ἵππον* 'отвязать свою лошадь', др.-исл. *at aldri bar hann betra sverp sér í hendi* 'что он никогда не держал лучшего меча в своих руках'.

³² В этой связи безынтересно напомнить и факты, отмеченные еще А. Мейе в статье «*Les désinences du parfait indo-européen*» (BSL, vol. 25, 1924), указавшем на своеобразный параллелизм др.-инд. *bháyate* и ст.-сл. *bojati se*, русск. *бояться*, ср. еще лит. *bijótis*, др.-инд. *mānyatē*, греч. *μαίνομαι* и ст.-сл. *тънѣ се*.

чений медиума, который не находил своего выражения в старых медиальных формах. Если судить по материалам готского, то произошел как бы разрыв внутри сложной семантической структуры индоевропейского медиума, причем за формами медиума сохранился тот узкий круг значений, который был связан со все более определенным выражением центристичности процесса и аффицированности субъекта, тогда как другие функции медиума попали в сферу употребления «возвратных конструкций». Иными словами, прежняя словоизменительная форма оказалась связанной с обособившимся значением нового развивающегося залогового противопоставления.

Что касается сочетания глагол+возвратное местоимение, то в условиях готского языка это сочетание имело полусвободный характер; последнее выражалось и в колебаниях постановки местоимения при одном и том же глаголе, и в плеонастичном употреблении этого местоимения.

Можно предполагать, что подобный разрыв единой семантической структуры медиума как бы на две разные системы, в связи с выделением более узкого круга залоговых значений, характеризовал развитие залоговых противопоставлений во всех германских языках в эпоху, когда еще сохранялась форма старого медиопассива. В греческом (см. выше, стр. 276) возвратное и взаимное значение тоже в известной степени отпочковываются от медиума и происходит упрощение смысловой структуры последнего; еще более наглядно эта тенденция прослеживается на латинском пассиве.

Подобные тенденции развития могли привести к уничтожению старого типа залоговых отношений, связанных с наличием противопоставления медиума активу. Старая словоизменительная форма получала более специализированную и ограниченную функцию, связанную с новым типом залоговых противопоставлений. Новые же конструкции (т. е. так называемые возвратные формы), принявшие на себя некоторые функции старого медиума, еще не представляли собой установившейся системы. В одних германских языках (западные) они оказались и в дальнейшем фактически вне системы основных залоговых противопоставлений, в других (северные) они проделали путь, типологически сходный с развитием медиума, и включались в систему оформляющегося страдательного залога.

В готском, в условиях сохранения презентной парадигмы старого медиума преимущественно для выражения оппозиции центристичный || центробежный процесс, пополнение дефектной парадигмы (см. гл. II) осуществляется при участии глаголов IV класса. В отличие от древнеисландского не глагол+возвратное местоимение, а древние основы с носовым показателем подключаются здесь к старому медиуму. Смысловая структура IV класса слабых глаголов была значительно менее слож-

ной, чем смысловая структура древнеисландской лексической группировки, объединяемой возвратным местоимением; противопоставление возвратный глагол || простой глагол могло выражать не только возвратность, взаимность, своеобразные синтаксические отношения типа *hefiz lind fyrir* или *Gunnlaugr kvaðsk at... vilja*, т. е. содержать такие различительные признаки, которые были не свойственны смысловой структуре оппозиции глагол на *-nan* || однокорневой сильный или слабый глагол без данного основообразующего суффикса, но и быть показателем чисто лексических расхождений: ср. *spyrja* 'спрашивать' || *spyrjask* 'становиться известным', *mæla* 'говорить' || *mælask* 'бормотать' (первоначально 'говорить для себя') и т. д. Все это способствовало тому, что оппозиция возвратный глагол || простой глагол была лишена той относительной однозначности и обобщенности, которые были свойственны противопоставлению готский глагол на *-nan* || однокорневой переходный глагол. Группировка глаголов IV класса в готском была значительно более грамматизованной, чем группировка возвратных глаголов в древнеисландском.

Несмотря на эти существенные различия, несомненно, существовали и общие черты, общие смысловые признаки, характеризующие данные группировки, при этом одни из этих признаков характеризуют обе группировки в целом, другие — глаголы на *-nan* и определенную лексическую подсистему возвратных глаголов, наконец, третьи — частные подсистемы, выделяемые в пределах обеих группировок.

К первым относится прежде всего общая отрицательная характеристика обеих групп: обе группы не обозначали центробежный процесс, при этом готские глаголы IV класса могут быть просто определены как непереходные глаголы, тогда как древнеисландские возвратные глаголы, подобно греческому медиуму, выражают гораздо более широко понимаемую нецентробежность, связанную с особой субъектной соотношенностью (см. гл. V).

К разряду вторых общих признаков, объединяющих глаголы на *-nan* и одну из подсистем возвратных глаголов в древнеисландском, относятся: а) сочетание непереходности и обозначения состояния (для глаголов на *-nan* это определяющее грамматическое значение, для возвратных глаголов это второй семантический центр); б) обозначение состояния, свойства, качества, которые приобретаются или приобретены субъектом независимо от его участия в процессе; этим обусловлено использование этих глаголов как показателей особого типа связи между субъектом и признаком (инактивности субъекта).

К разряду третьих общих признаков, характеризующих частные подсистемы в пределах обеих группировок, относятся такие лексические подсистемы, как: а) глаголы, обозначающие смерть,

гибель, уничтожение; б) глаголы, обозначающие психические и физические процессы.

Обе группировки обладали потенциальной возможностью характеризовать центростремительность процесса и аффицированность субъекта признака. Не случайно в готском, где IV класс, сохранив свою формальную обособленность от других слабых глаголов, оказался стойким оформителем оппозиции центростремительность процесса || центробежность процесса, возвратные глаголы не включились в эту оппозицию и закрепили за собой другие различительные признаки так называемой медиальности. Напротив, в древнеисландском, где глаголы на *-nan* формально оказались поглощенными более продуктивными классами, что, по-видимому, свидетельствует и о меньшей смысловой их определенности, намечается тенденция, получившая полное развитие в более поздний период, включить их в залоговую оппозицию. Можно предполагать в период близости готского и скандинавского ареалов существование двух конкурирующих лексических группировок, функционально перекрещивающихся, судьба которых в истории оформления залоговых оппозиций в пределах каждого ареала оказалась различной. Нельзя не упомянуть в этой связи и о случаях своеобразного полного параллелизма в оформлении таких глаголов, как гот. *fullnan*, *mikilnan* и т. д. = др.-исл. *fullask*, *mikilask* и т. д. Типологическая близость смысловой структуры обеих групп, при всех расхождениях, представляется очевидной³³.

Однако в готском наряду с медиопассивом и глаголами на *-nan* представлены и те сочетания, которым во всех германских языках суждено было стать основным компонентом залоговой оппозиции. Ограниченность медиопассива настоящим временем явилась несомненным стимулом развития сочетаний причастия II со служебными глаголами. Их задачей было пополнение весьма бедной в видо-временном отношении парадигмы противопоставления медиопассива активу. Более древнее из этих сочетаний с формами глагола «быть» первоначально, по-видимому, как и в других индоевропейских языках, было ближе к значению индоевропейского перфекта. Но эта специализация данных сочетаний была возможна лишь в условиях существования развитой видо-временной системы. Иными были условия функционирования этого сочетания в германских языках, при этом в разных германских языках в различные периоды их существования объем функций этого сочетания был неодинаковым.

В готском при наличии специальной формы медиопассива, а также системы форм глаголов IV класса сочетание причастия с *ist* относительно однозначно. Иные закономерности выступают

³³ См.: М. М. Гухман. К типологии глагола древнегерманских языков. — Сб. «Вопросы сравнительной филологии». М.—Л., 1964.

в древнеисландских текстах или в ранних памятниках древневерхненемецкого (см. гл. IV).

При наличии одинаковых конструкций и одинаковых тенденций развития этих конструкций в разных германских языках объем функций каждой конструкции зависел от всей совокупности различных образований, близких по закономерностям своего употребления. Наличие медиопассива в готском, например, делало неупотребительным сочетание причастия с формами настоящего времени глагола *waitþan*, хотя причастие II+формы прошедшего времени этого же глагола были достаточно продуктивны в том же языке. Наличие в древнеанглийском особого типа сочетания с формами глагола *bēon* оказывало влияние и на употребление сочетаний с формами глагола *wesan* и на характер употребления конструкций с формами глагола *weorðan*. В этом смысле каждая из названных конструкций взаимодействовала с другой, хотя они и не образовали еще в древнегерманских языках стройной, отработанной системы.

Таким образом, использование причастия II в сочетании со служебным глаголом «быть» (а в готском и с формами прошедшего времени глагола *waitþan*) для обозначения определенных субъектно-предикативных связей, в залоговом отношении близких к функции медиопассива в германских языках, существовало уже в условиях сохранения старой залоговой формы медиума с тем ограниченным кругом значения, о котором писалось выше.

Пестрота и многообразие различных средств выражения залоговых оппозиций в готском указывает на то, что в этом языке еще не был создан парадигматический ряд со строгим соотношением входящих в него элементов; перед нами различные функционально близкие и подобные образования, представляющие как бы параллельные линии развития, а не единую систему формообразования. Иными словами, той системы залоговых форм, которая могла быть связана с индоевропейским медиумом, нет, но новая система еще не сложилась, не оформилась, хотя в языке имеются различные средства выражения развивающихся залоговых отношений.

Если недостаточность парадигмы медиопассива в готском и в других германских языках (т. е. наличие только возможности выражения настоящего-будущего) обусловила интенсивность употребления причастия II в сочетаниях со служебными глаголами, то полное исчезновение форм, связанных с медиумом, не могло не оказать значительного влияния на судьбу залоговых противопоставлений в языках этой группы.

Отличие закономерностей, обнаруженных при анализе западногерманских и древнеисландских материалов, по сравнению с закономерностями, установленными в готском, частично было обусловлено тем, что материалы западногерманских языков и древнеисландского представляют состояние германских языков после

потери медиопассива. Потеря медиопассива, а следовательно, отсутствие формы настоящего времени обусловили многообразие функций сочетания причастия с глаголом «быть», особенно с формами настоящего времени этого глагола, ясно выступавшее не только в древненемецких материалах, но и в исландском. Дальнейшее развитие залоговых противопоставлений после потери медиопассива было в древнегерманских языках обусловлено тенденцией к выделению специальных конструкций для выражения значения аффицированности субъекта признака и связанного с этим обособлением собственно-страдательного залога.

Как уже отмечалось выше, представляется, что возникновение модели сочетаний причастия II+формы глаголов «быть» и «становиться» не может быть отнесено к одной исторической эпохе. Неодинаковая продуктивность сочетаний причастия II с формами глагола «становиться» в разных германских языках, при абсолютной продуктивности, хотя и с разным объемом значения, сочетания *ist*+причастие II является несомненным фактом. Древность этой модели подтверждается широким ее распространением в большинстве индоевропейских языков. Вероятна генетическая связь этого сочетания с именным строем предложения, где сказуемость выражалась именем без всякого глагольного оформителя. Продуктивность этого типа предложения в древнеиндийском хотя и является во многом вторичной, сохраняет, однако, в использовании причастий на *-to-* и *-no-* и архаичные черты. Обязательность связки «быть», не вносившей преобразования в семантическую структуру древнего причастия, рассматривается как проявление тенденции к оглаголиванию сказуемого.

Ареал распространения этого типа сочетаний столь широк, что данная общность, возможно, является не только типологической, но и генетической изоглоссой. Специально в отношении германских языков эта модель, наряду с медиопассивом, является древнейшим и, очевидно, общегерманским компонентом залоговых оппозиций, хотя они и не образуют единой парадигмы и даже явно не объединены одинаковой «залоговой спецификой» (см. гл. IV).

Что касается сочетания с глаголом «становиться», то это специфически германская инновация. Весьма возможно, что еще до обособления отдельных германских языков появлялись эти образования, но их продуктивность в готском как претеритальной пары для медиопассива, по-видимому, явление региональное. Это предположение подтверждается древнеисландскими материалами, а также фактами западногерманских языков.

Если обособление оппозиции центростремительный || центробежный процесс из более широкой и менее определенной оппо-

зиции медиум || актив характеризует уже готский медиопассив, то смысловая структура причастия II+глагол «быть» дает особый аспект нерасчлененности в обозначении состояния и центростремительности процесса. По залоговой специфике поэтому только конструкции с глаголом «становиться» обладали смысловой структурой, подобной готскому, а по-видимому, и германскому медиопассиву. Соотношение причастных конструкций с глаголами «быть» и «становиться» совершенно определенно равнозначно соотношению более широкого и менее определенного статального пассива к пассиву акциональному, семантически более ограниченному, но и более определенному.

Для закономерностей развития родственных языков весьма показательным, что, несмотря на единство отправной точки развития — сосуществование медиопассива, сочетаний причастия с формами служебного глагола «быть» и глагольных конструкций с возвратным местоимением, несмотря на определенную общность тенденций развития, уже в первых памятниках письменности определяется своеобразие каждого германского языка как результат относительно длительного обособленного его развития.

В пределах западной группы германских языков наиболее близки по оформлению общих тенденций древневерхнегерманский и древнесаксонский; здесь развитие почти тождественно, что объясняется, несомненно, особой территориальной, экономической и политической общностью районов, где функционировали эти языки. В древнеанглийском уже в первых же памятниках намечается своеобразие, обусловленное возможностью сочетаний причастия не только с формами глаголов *wesan*, *weorðan*, но и *bēon*. Этот третий тип сочетаний, конкурируя с сочетаниями причастие+формы глагола *weorðan*, лимитировал употребительность последних, что не в малой степени способствовало неустойчивости в истории английского языка как раз того типа сочетаний, которое в немецком легло в основу формирующейся системы страдательного залога.

В скандинавских языках, несмотря на то, что здесь длительно господствует, особенно в древнеисландском, сочетание причастия с глаголом «быть», в дальнейшем намечается тенденция, сходная с закономерностями развития таких западногерманских языков, как немецкий и голландский: обособить систему форм страдательного залога от сочетания, которое было нами определено как медиальное сказуемое, т. е. от сочетания причастия с глаголом «быть». С этим связано и образование форм страдательного залога с вспомогательным глаголом «становиться» (датск. *blive*, швед. *bliva*, норвеж. *bli*) и включение так называемых возвратных форм в эту систему. Развитие в этой системе значения собственно-аффицированности типологически повторяет аналогичный процесс в отношении форм индоевропейского медиума.

* * *

Становление новой системы глагольного формообразования происходит в германских языках путем использования, часто с измененным значением и поэтому измененной функцией, ранее существовавших структурных единиц. Старая форма получает новое содержание и включается в новую систему соотносительных связей, в новый, складывающийся парадигматический ряд. Именно это использование ранее существовавших общих языковых элементов и создает ту общность закономерностей, которая явно выступала в становлении системы форм страдательного залога во всех германских языках. Однако в условиях обособленного развития конкретный отбор форм из имеющихся возможностей оказывался отнюдь не тождественным. Чем длительнее и интенсивнее связи между отдельными близкородственными языками, тем более общим является этот отбор: ср. в этом отношении близость немецкого и голландского при своеобразии английского, универсализовавшего сочетание причастия II с глаголом «быть» и отказавшегося от общей тенденции других германских языков дифференцировать страдательный залог от форм сказуемого качества, состояния. Этим обусловлена и значительно большая близость системы форм страдательного залога в норвежском, шведском, датском по сравнению с исландским: только в исландском отсутствует сочетание причастие+формы глагола *bliva* 'становиться' и господствующее положение, как в древнеисландском, занимает конструкция с *vera*. С другой стороны, в условиях потери медиопассива только в скандинавских языках в системе глагольных конструкций с возвратным местоимением развилось значение аффицированности субъекта признака, т. е. только в них произошло включение этих конструкций в систему страдательного залога. Вопрос о соотношении этих форм и аналитических конструкций в современных языках представляет собой самостоятельную проблему, не входящую в круг вопросов настоящей монографии.

Таким образом, общие тенденции развития выступают в каждом языке в своеобразной конкретной форме. Это относится и к чисто структурным явлениям: оформление, например, причастия в пределах рассматриваемых сочетаний было неодинаковым в разных древних германских языках, поскольку оно подчинялось до известной степени закономерностям оформления предикативного прилагательного.

Становление новой системы глагольного формообразования — страдательного залога — означало вместе с тем выработку в германских языках нового типа залогового противопоставления.

Фактически начало этого процесса для германских языков происходило еще в условиях существования старой медиальной формы, использовавшейся с новой функцией. Можно поэтому

сказать, что новое качество первоначально не уничтожило старой формы, изменилось лишь ее место в системе языка (см. выше).

Однако общая неустойчивость медиума не только в германских языках, о которой писалось выше, изолированное положение медиопассива в системе глагольного формообразования германских языков привели к постепенному его отмиранию. Он был вытеснен развивающимися новыми структурными единицами, представлявшими собой либо особые типы сочетаний, либо особые лексические группировки; лишь постепенно некоторые из них приобрели признаки и качество элементов глагольной парадигмы.

Формирование нового парадигматического ряда осуществлялось вместе с тем и как реализация нового типа залоговой оппозиции: неактивный залог закрепляется как форма выражения центростремительности процесса и аффицированности субъекта признака. С этим связано существование в некоторых германских языках, как, например, в немецком и голландском, двух способов выражения нецентробежности процесса: акционального пассива, образуемого при помощи глагола «становиться», и сочетаний причастие+глагол «быть», получивших в литературе наименование статального пассива. Только первая структура выступает как специальная форма выражения центростремительности процесса, тогда как вторая сохраняет за собой более неопределенную характеристику инактивного субъекта, его состояния, свойства, качества. Однако далеко не во всех германских языках имеются морфологизованные средства выделения центростремительности процесса и аффицированности носителя признака. В современном английском (см. гл. I) отсутствуют формальные различия для выделения этих значений, что связано и с отсутствием формальной дифференциации (как и в современном французском) между именным сказуемым и аналитической формой залога; все определяет контекст или характер глагола.

В развитии залоговых противопоставлений в германских языках реализуются практически те же тенденции, что и в других индоевропейских языках: 1) формализация самих парадигматических рядов и 2) преобразование залоговых оппозиций. Однако тенденция к формализации, к парадигматической однозначности отнюдь не приводит во всех германских языках к тождественным результатам (см. гл. I). Связь единиц, выступающих как члены словоизменительных оппозиций, с синтаксическими сочетаниями и лексическими группировками показывает наличие разных принципов оформления парадигматических рядов даже в близкородственных языках и разное соотношение единиц словоизменительной, словообразовательной и синтаксической системы. Наряду с этим поразительна устойчивость типов смысловых структур, принимавших участие на разных этапах исторического развития индоевропейских языков в оформлении разных

вариантов оппозиции центробежный || нецентробежный ~ центростремительный процесс, и однотипность процессов, связанных с оформлением новых залоговых оппозиций. Генетическая связь с определенными семантическими группировками, с обозначением круга известных процессов (см. смысловую структуру др.-инд. глаголов на *-ya-*, и.-е. *Media tantum*, гот. глаголов на *-nan* и частных подсистем возвратных глаголов) прослеживается в генетически нетождественных структурах. Типы синтаксических моделей, с которыми связаны структуры, обозначающие нецентробежность ~ центростремительность процесса — бессубъектные предикативные словосочетания, — в свою очередь повторяются в разных языках (ср. закономерности древнеиндийского, италокельтских и германских языков). Среди бессубъектных предикативных сочетаний выделяется модель с косвенным падежом носителя признака (дат., вин. п.), в одних языках связанная с определенными лексическими группировками (см. гл. V), в других — базисная модель словосочетания с пассивом (кельтские языки, реликты в итальянских языках). В этих разноплановых связях исследование может обнаружить пережитки весьма древних как смысловых, так и структурных категорий, подвергшихся в процессе исторического развития переосмыслению и многократным преобразованиям. Вряд ли поэтому прав Г. Гартман ³⁴, пытавшийся непосредственно связать структуру пассива в современных кельтских языках не только с верованием древних друидов, но и с мироощущением современных народов. Только крайне упрощенное представление о соотношении языковой структуры и мировоззрения народа могло привести к тому толкованию индоевропейского пассива, которое содержится в данной работе, хотя отдельные наблюдения автора над материалом кельтских языков и представляют известный интерес.

Процессы преобразования старых оппозиций, о которых писалось выше, и оформление новой залоговой оппозиции привело к образованию стандартных моделей обозначения определенного типа субъектно-предикативных связей. Широкая употребительность этих стандартных моделей обусловлена, в частности, их использованием для выражения «коммуникативного задания» в речевом потоке, для «актуального членения» речи ³⁵.

³⁴ Н. Hartmann. Das Passiv. Eine Studie zur Geistesgeschichte der Kelten, Italiker und Arier. Heidelberg, 1954.

³⁵ См.: В. З. Панфилов. Логика и грамматика. М.—Л., 1964.

ИЗДАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ

1. Die gotische Bibel, hrsg. von W. Streitberg. 2. Aufl. Heidelberg, 1919—1928.
2. Die althochdeutschen Glossen, gesammelt und bearbeitet von E. Steiner und E. Sievers, Bd. I—IV. Berlin, 1879—1898.
3. Der althochdeutsche Isidor, hrsg. von G. Hench. Straßburg, 1893.
4. Tatian, hrsg. von Ed. Sievers. 2. Aufl. Paderborn, 1892.
5. Otfrids Evangelienbuch, I—II, hrsg. von P. Piper. Freiburg in Breslau und Tübingen, 1882.
6. Die kleineren althochdeutschen Sprachdenkmäler, hrsg. von E. Steiner. Berlin, 1916.
7. Denkmäler deutscher Poesie und Prosa aus dem VIII—XII Jahrhundert, Bd I—II, hrsg. von K. Müllenhoff und W. Scherer. 3. Aufl. Berlin, 1892.
8. Die Schriften Notkers und seiner Schule, Bd I—III, hrsg. von P. Piper. Freiburg in Breslau und Tübingen, 1882—1883.
9. Notkers des deutschen Werke, Hft. I—IV, hrsg. von E. H. Seht und Taylor Starck. Halle, 1933—1934.
10. Heliand und Genesis, hrsg. von O. Behaghel. 4 Aufl. Halle, 1933.
11. Beowulf, T. I—II, hrsg. von F. Holthausen. 4. Aufl. Heidelberg, 1913—1914.
12. König Alfreds Übersetzung von Bedas Kirchengeschichte. Bibliothek der Angelsächsischen Prosa, hrsg. von J. Schipper. Leipzig, 1897.
13. König Alfred's old english version of Boethius, ed. by W. J. Sedgfield. Oxford, 1922.
14. König Alfreds des Grossen Bearbeitung der Soliloquien, hrsg. von Endter. Hamburg, 1922.
15. Homilies of Aelfric, vol. I—II, ed. by B. Thorpe. London, 1844.
16. Aelfric's Lives of Saints, ed. by W. W. Skeat (E. E. T. S., № 76, 82, 94, 114).
17. Aelfric's Grammatik und Glossar, hrsg. von J. Zupitza. Berlin, 1880.
18. King Alfreds Orosius, ed. by H. Sweet (E. E. T. S., № 79).
19. J. Earle und C. Plumer. Two of the Saxon Chronicles Parallel, vol. I—II. Oxford, 1892.
20. The Gospel of Saint Luke in anglo-saxon by J. W. Bright. Oxford, 1893.
21. The Gospel according to Saint Marc, ed. by W. W. Skeat. Cambridge, 1871.
22. Edda. Die Lieder des Codex Regium, hrsg. von G. Neckel. 4. Aufl. von H. Kuhn. Heidelberg, 1962.
23. Hønsna -Fóres saga. Zwei Isländergeschichten, hrsg. von A. Heusler. Berlin, 1897.
24. Gunnlaugssaga Ormstungu. Ed. by L. M. Small. Leeds, 1935.
25. The Icelandic Physiologus. «Islandica», vol. XXVII. New York, 1938.
26. Die Völsungasaga, hrsg. von Ranisch. Berlin, 1908.
27. Egils saga, hrsg. von F. Jonsson. Halle, 1894.
28. Njala, hrsg. von F. Jonsson. Halle, 1908.
29. Eyrbyggja saga, hrsg. von G. Gering. Halle, 1897.
30. Origines Islandicae. Ed. by G. Vigfusson and York Powell. Oxford, 1905.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Страдательный залог и типология залоговых оппозиций в индоевропейских языках	8
Глава II. Готский медиопассив, его функционирование и проблема его происхождения	38
Глава III. Готские глаголы IV класса и роль данной глагольной группировки в системе залоговых противопоставлений древнегерманских языков	69
Глава IV. Сочетание причастия II со служебными глаголами как основа развивающихся залоговых противопоставлений в древнегерманских языках	103
Глава V. Глагольные конструкции с возвратным местоимением в германских языках и их роль в развитии залоговых противопоставлений	207
Глава VI. Типология процессов, связанных с развитием индоевропейских залоговых оппозиций, и становление залоговых систем в германских языках	264
Издания использованных текстов	292

Гузман Мирра Моисеевна

Развитие залоговых противопоставлений в германских языках

Утверждено к печати Институтом языкознания Академии наук СССР

Редактор Издательства М. С. Кожухова

Технический редактор Г. А. Астафьева. Корректоры А. В. Утина и В. А. Бобров

Сдано в набор 27/I 1964 г. Подписано к печати 11/V 1964 г. Формат 60×90 1/16. Печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 18,9. Тираж 1500 экз. Изд. № 2177. Тип. зак. № 593. Темплан 1964 г. № 373

Цена 1 р. 23 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 лин., 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ВЫПУСКАЕТ В 1964 г.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ:

Основные направления структурализма. 27 а. л. Цена 1 р. 80 к.

Коллективная монография посвящена исследованию исторических основ и развития основных структуральных направлений. Специально рассматриваются вопросы становления пражского лингвистического кружка, глоссематики, американского структурализма и лондонской лингвистической школы. В монографии подвергаются критическому анализу как философские основы каждого направления, так и конкретная лингвистическая методика. В работе делается попытка дать ответ на вопрос о том, существует ли структурализм как единое направление или следует утверждать существование различных направлений с известной общностью проблематики и сходными тенденциями развития.

Вяч. Вс. Иванов. Праславянская, анатолийская и общендоевропейская языковые системы (структурно-типологический очерк). 20 а. л. Цена 1 р. 20 к.

Монография посвящена изложению основных вопросов сравнительно-исторической грамматики славянских и других индоевропейских языков Малой Азии, клинописного хеттского, лувийского и др. с привлечением методов структурного описания языка. В работе проводится сравнение основных особенностей славянских и хетто-лувийских языков с целью выявления путей их развития от древнейшей общендоевропейской языковой системы. Специально изучается значение с точки зрения лингвистической географии тех общих явлений, которые объединяют славянские языки с хетто-лувийскими.

Этимология (принципы реконструкции и методика исследования). 26 а. л. Цена 1 р. 70 к.

В сборнике освещаются разнообразные проблемы современной этимологии на материале разных языков (методология изучения заимствований, вопросы семантики и словообразования, определение дальнего родства языков и др.). Приводится большое количество фактических данных из многих языков и диалектов. Первостепенное внимание уделено наиболее общим и кардинальным вопросам исследования лексики, происхождения слов — русских, славянских, греческих, германских, а также слов ряда неиндоевропейских языков Азии и Америки. В авторский коллектив входят многие советские специалисты, а также известные ученые Польши, Швеции и Америки.

Р. М. Фрумкина. Статистические методы изучения лексики. 8 а. л. Цена 48 коп.

Работа — первая в нашей стране монография, посвященная исследованию словарного состава языка с помощью методов теории вероятностей и математической статистики. Специальный раздел книги посвящен методике составления частотных словарей и вопросам использования их в преподавании неродного языка.

Книга не требует от читателей специальной математической подготовки.